Сибирское отделение РАН Учреждение Российской академии наук Государственная публичная научно-техническая библиотека

Серия «Экология» Издается с 1989 г. Выпуск 96

Ю. Г. Марков

ЭКОЛОГИЯ И ЭТИКА: ОРИЕНТИРЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПЕРЕМЕН

Аналитический обзор

ББК 28.081я46+60.55я46+87.7я46

Марков, Ю. Г. Экология и этика: ориентиры цивилизационных перемен = Ecology and ethics: guidelines for civilizational changes: аналит. обзор / Учреждение Рос. акад. наук Гос. публич. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния РАН. – Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2011. – 255 с. – (Сер. Экология. Вып. 96).

ISBN 978-5-94560-185-7

Данный аналитический обзор посвящен выявлению глубинных связей между экологией и этикой общества. В современной литературе отмечается, что назревает серьезная подвижка общественного сознания в рамках экологической парадигмы с учетом этической системы ценностей. Более того, обнаруживается, что особенности этой системы во многом определяют характер цивилизационных перемен в обществе. Между разумом и нравственностью уже давно образовался опасный провал. Разум скрытым способом пытается установить господство над природой. И не только над природой, но и над самим человеком, что обнаруживается в привычном понятии наемного труда. В аналитическом обзоре прослеживаются новые ориентиры цивилизационных перемен, учитывающих базисный характер законов этики. При этом не только выявляются экологические основания нравственности, но и дается общее описание новой философии хозяйства, сохраняющего как природу, так и само общество.

Обзор рассчитан на широкий круг читателей, интересующихся причинами экологического кризиса, способами преодоления серьезных негативных явлений в современном обществе.

The analytical review is devoted to revealing deep connections between ecology and society ethics. The current literature indicates that serious progress is brewing in social consciousness within the ecological paradigm, taking into account the ethical value system. Moreover, it is found that the characteristics of this system largely determine the nature of civilizational changes in society. Between reason and morality long ago has formed a dangerous failure. Mind in hidden way is trying to dominate nature. And not only over nature but over man himself, that is found in the conventional concept of wage labor. The analytical review shows the new orientation of civilizational changes, taking into account the basic nature of the ethics laws. Not only the environmental foundation of morality are identified, but also a general description of a new philosophy of management, preserving both nature and society itself is given.

Ответственный редактор д-р филос. наук И. В. Исакова

Обзор подготовлен к печати д-ром пед. наук О. Л. Лаврик канд. пед. наук Л. Б. Шевченко О. Н. Альшевской

ISBN 978-5-94560-185-7 © Учреждение Российской академии наук Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения РАН (ГПНТБ СО РАН), 2011

ВВЕДЕНИЕ

В социально-философской литературе уже начинает просматриваться глубокая связь самой сущности нравственных отношений с экологическими основами бытия. Эта связь слишком важна, чтобы пренебрегать ею в исследованиях по экологическим проблемам современности. Более того, она наводит на мысль о путях формирования духовно-нравственной цивилизации, имеющей достаточно оснований называться экологической. Экология и этика связаны друг с другом гораздо более тесно, чем представляется. Как следует из данного обзора, мы выходим за привычные постулаты экологической этики. Перед нами грандиозная проблема - найти духовнонравственные опоры человеческой цивилизации, способной обрести экологическую устойчивость и обеспечить подлинную гармонию между обществом и природой. Поэтому целесообразно в завершении данного обзора описать основные черты новой цивилизации (гл. 6). К преобразованию общества именно в этом направлении ведут неизбежные процессы экологизации социальных отношений, что находит, в частности, отражение в формировании такой дисциплины как социальная экология [см., например, 132].

Экологическая ситуация в современном мире представляется весьма тревожной. Алармистскими настроениями полны все современные публикации по проблемам отношений между обществом и природой. Однако тот факт, что движение общества в экологический тупик тесно связано с общим ухудшением духовно-нравственной ситуации в мире, исследовался крайне недостаточно. Мы даже не подозреваем, что законы этики суть законы гармонизации общества и природы. Ратуя за прогресс, мы слишком привыкли надеяться на человеческий разум. Общественное развитие мы ставим в прямую зависимость от научно-технического прогресса. А между тем в условиях нравственной деградации общества он становится не просто бессильным, но даже опасным во многих отношениях. Это отмечается во множестве публикаций.

Природа – наш дом, в котором мы живем, крайне нуждается в заботе и уходе. Этого требуют даже не столько наш хозяйственный разум, сколько законы нравственной жизни. До недавнего времени мы не затрудняли себя тем, чтобы наводить чистоту и порядок в своем природном окружении. В прочности природного дома мы совсем не сомневались. Вторая половина XX века, однако, была беспокойной. Биологи вдруг заметили, что в

природе происходят неприятные изменения. Исчезают лесные массивы и различные биологические виды. Начинается масштабное загрязнение вод и атмосферы. Давно намечаемая программа господства над природой оказалась несостоятельной. Природа не просто наш дом, принадлежащий человеку на правах собственности. Природа есть нечто большее, чем мы думали. Она дала человеку разум, но оставила за собой право предъявлять жесткие требования к поведению людей относительно друг друга и относительно остального естественного окружения. Осознание этих правил поведения стало главным регулятором жизни, породило феномен нравственности, действующий в форме экологического императива. Если разум оказался своеобразным орудием господства человека над природой, то нравственность стала не менее (если не более) сильным орудием господства природы над человеком. Человек способен угрожать природе, вооружившись знаниями. У природы же свой язык. И она может ответить человеку с помощью опасных для него изменений окружающей среды. В этих изменениях кроется непреодолимая сила экологического императива. Так что сфера разума (ноосфера) становится иллюзией, если она пытается выйти за рамки нравственных принципов и норм.

Мы привыкли смотреть на экологические проблемы через призму сложившихся в обществе технологий. Но если учесть, что все эти технологии - продукт человеческого разума, то отсюда становится видно несовершенство этого разума. Экологические проблемы выражают собой протест природы против Homo Sapiens. Мы не осознаем в полной мере, почему так происходит. А между тем дело доходит до того, что природа готова уничтожить человеческую популяцию на Земле. Так стоит ли чрезмерно восхищаться быстрым развитием науки, подталкивающим общество к тупику благодаря множеству изобретений для комфортной и даже роскошной жизни? Как бы то ни было, факт налицо: развитие общества попирает многие требования природы, что и проявляется в масштабном экологическом кризисе. Поразительно, что в экологии встречается слишком мало исследований, затрагивающих такую фундаментальную сферу как этика. Ее трансцендентный характер побуждает к развитию религиозных мировоззрений, обращенных к божественной ипостаси окружающей нас природы. В этих мировоззрениях наблюдается сущностное объединение разума и природы, которое обозначается термином Бог. Но мы, как правило, не замечаем того, что Бог одновременно осуществляет функцию носителя нравственности, благодаря чему и возникают божественные заповеди.

Вот уже несколько веков быстрыми темпами развивается хозяйственный рационализм, вынуждающий подчинять нравственность разуму. Более того, в обществе набирают силу правовые механизмы, поощряющие возможности безнравственного обогащения и наживы, хотя правоведы (по крайней мере, на словах) всячески пытаются соединить нормы закона и нравственности. Что же на деле? А в реальной жизни частная собственность, как, впрочем, и государственная, ограничивают духовно-нравствен-

ные интересы человека. Мы этого не замечаем. Более того, сам человек превращается в орудие труда, наемного работника, и не более того. Возникает замаскированная форма рабства. И этого мы тоже не видим. Нравственная природа человека практически целиком оказывается в подчинении разума, экономической целесообразности. Все это закрепляется юридическими законами. Неудивительно, что сложившаяся ситуация дает толчок человеческому эгоизму, стремлению господствовать не только над человеком, но и над природой. Господствующий над природой разум являет собой разум, господствующий над нравственностью, что и находит отражение во всех сферах деятельности.

Сказанное наводит на мысль, что экология и этика, действительно, обладают самыми тесными связями, которые остаются вне поля зрения многих исследователей. Наука сторонится нравственного контроля подобно тому, как она сторонится религии. Поэтому возникает трудно преодолеваемая преграда между экологией и этикой, осуществляется попытка с головой уйти в область технологий, забывая о том, что само требование бережного отношения к природе сплошь и рядом не находит глубоких научных обоснований. В этом состоит одна из причин появления экологической этики. Несомненный факт, что природа нуждается в человеческой нравственности, говорит о многом: в частности о том, что нравственные установки в обществе появляются как результат требования самой природы к обществу и человеку.

Нравственность есть самое фундаментальное проявление экологического императива. Несмотря на свою иррациональность, нравственность выступает гарантом устойчивости социальной системы, сохраняя ее целостность. Сохранение общества, а, следовательно, и человека было бы невозможным, если бы человек не подчинил себя силе нравственных законов. Именно в них находит свое выражение экологический императив. Но в таком случае человек обязан создать такую цивилизацию, в которой жизнь будет строиться на духовно-нравственных началах. Это значит, что безнравственный разум категорически запрещается, какими бы тонкостями и логической непогрешимостью он ни обладал. Безнравственный разум есть зло, которое человек издавна чувствует на подсознательном уровне, олицетворяя его в виде дьявола, сатаны, люцифера, демона и т. д. Безнравственный разум всегда эгоистичен, властолюбив, пристрастен, устремлен к неограниченному потребительству. Такое потребительство всегда аморально, ибо возможно лишь за счет других людей и природы. Есть надежда, что убывающие природные материалы будут заменены искусственными, а пресную воду мы научимся получать из вод Мирового океана. Все дело в разработке соответствующих технологий и достаточном количестве энергии. И все же нет никакой уверенности в том, что растущие материальные потребности людей, включая потребности в пище, будут удовлетворены. Доминирование материальных потребностей над духовно-нравственными гарантированно обернется резким сокращением численности

мирового населения. И такое сокращение уже планируется в рамках концепции «золотого миллиарда». Человеческий разум, к сожалению, часто бывает слепым и безнравственным. Противостоять безнравственному разуму возможно, лишь объявив беспощадную войну индивидуализму, противопоставив ему принцип коллективизма и построив в соответствии с этим принципом всю систему жизнеустройства. Современные литературные источники позволяют предполагать, что работа в этом направлении уже ведется. Люди всерьез задумываются о базовом характере законов нравственности.

Духовно-нравственная цивилизация предполагает отказ от всех традиционных видов собственности, при которых интеллектуально-трудовой потенциал человека подлежит отчуждению от самого человека. Именно благодаря такому отчуждению появился в свое время феномен наемного труда. Это понятие стало для нас привычным. А между тем именно здесь находится эпицентр сил, сотрясающих нравственные опоры общества. Создаваемые человеком правовые системы, к сожалению, не могут скомпенсировать возникающие в обществе разломы и трещины в нравственном фундаменте. В итоге появляется реальная опасность социальных потрясений, способных уничтожить национальные государства и человечество в целом. Экологический кризис есть лишь результат духовно-нравственного кризиса в обществе. Технологическое убожество нынешней цивилизации является всего лишь следствием безнравственного разума. Это важно понять как можно быстрее, поскольку времени на исправление положения остается совсем немного.

Строительство принципиально новой цивилизации весьма трудоемкая задача. Сама природа подсказывает пути изменения общественных отношений. Эти изменения исключают не только индивидуализм и эгоизм, но и любые виды собственности, нарушающие фундаментальные права человека на собственный интеллектуально-правовой потенциал. В обществе должны быть искоренены все формы наемного труда. Существует широкое разнообразие хозяйственных систем, основанных на коллективном виде собственности. Речь идет о кооперативных системах, которые человечество ошибочно отбросило в интересах частного предпринимательства (в Западной Европе), либо в интересах государственно-монополистической догмы (в России). Кооперативная (общая долевая) собственность была отброшена и в ходе пресловутой перестройки, когда на фоне либерально-рыночной вакханалии появились разработки принципиально иных хозяйственных структур, включая знаменитую систему М. Чартаева («Союз совладельцев-собственников»).

Заметим, что лишь кооперативная собственность способна исключить наемный труд, а главное — восстановить нарушенный фундамент общества, т. е. восстановить безусловный приоритет духовных ценностей над материальными, иррационального над рациональным, нравственности над разумом. В этих приоритетах обнаруживаются требования самой природы

(экологический императив). Человеческий разум может ставить перед собой множество разнообразных целей, но фундаментальная цель человека — сохранение общества как природной системы (экосистемы), погруженной в естественную среду, — достигается благодаря нравственному императиву. Последний, по сути дела, есть отраженный человеческим сознанием экологический императив в виде должных правил поведения. В многочисленных исследованиях, вплоть до сегодняшнего дня, идеи воплощения в жизнь духовно-нравственной цивилизации просматриваются на фрагментарном уровне. И совсем не просматривается связь этих идей с экологическим императивом. Данный обзор призван восполнить этот пробел. Но сначала посмотрим, как природа восстает против человека разумного (Homo Sapiens). Каким образом она пытается нас образумить?

Глава 1. HOMO SAPIENS ПРОТИВ ПРИРОДЫ

1.1. Дисгармония экологических отношений: глобальные черты

Человеческая история последних веков фактически привела к дисгармонии общества и природы. Более того, эта дисгармония обретает глобальные черты. Можно сказать, что изменениям подвергается вся биосферная оболочка Земли, причем не в лучшую сторону. Этот факт кажется поразительным в условиях все более значительных успехов человеческого разума. Однако пора признать, что прогресс разума, воплощенный в научных и технических достижениях человека, еще не говорит о его безусловной значимости для эволюции биосферы. Разумная деятельность способна вести в экологический тупик, что мы сегодня и наблюдаем. Неспособность беречь природу непосредственно отражает степень нравственной деградации общества. Разум и нравственность не обязательно должны предполагать друг друга. Человечество живет в состоянии конфликта между этими двумя сторонами. Беда только в том, что мы пока не осознаем это в должной мере. И лишь постольку современные экологические проблемы обрели впечатляющую глубину и практическую значимость. Наблюдается рост числа масштабных стихийных бедствий. Например, с 1976 по 2005 г. их число выросло вчетверо. Многие признаки говорят о том, что биосфера утратила свою устойчивость и процесс ухода от состояния равновесия идет по экспоненте. Об этом писал незадолго до своей смерти и акад. Н. Н. Моисеев [134].

Поэтому стоит остановиться, прежде всего, на состоянии климатической системы Земли. Особенно часто в этой связи говорят о парниковом эффекте в результате нарушения баланса углекислоты в атмосфере. И дело заключается не только и не столько в индустриальных выбросах. Становится достаточно ясно, что роль лесных экосистем и Мирового океана в регулировании атмосферной углекислоты (СО₂) чрезвычайно существенна. Учесть этот фактор в климатическом прогнозе, выделив антропогенный вклад, весьма сложно. К тому же океан является основным источником другого парникового газа — водяных паров. Повышение температуры стимулирует испарение, а, следовательно, и дальнейшее усиление парникового эффекта [163]. В докладе Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК), опубликованном в 2007 г., говорится, что наблюдаемый с середины XX в. рост глобальной средней температуры

вызван парниковым эффектом антропогенного происхождения. Тем не менее многие проявления климатического прогноза (таяние льдов, рост уровня Мирового океана, изменение растительности, осадков, облачности, стока рек и т. д.) остаются неопределенными. Сам факт глобального потепления сомнений не вызывает. В результате климатических изменений мы уже потеряли 150 тыс. человеческих жизней. Общая потеря продолжительности этих жизней составляет 5,5 млн лет. Вместе с тем потепление может смениться естественным похолоданием, как это много раз было в прошлом Земли. Если такое произойдет, то борьба с индустриальными выбросами парниковых газов окажется излишней.

Достоверно замечено, что количество водяного пара в тропосфере увеличивается, особенно над океанами. Скорость роста составляет 1,2% за 10 лет (наблюдения с 1988 по 2004 гг.) [85]. Это ведет к увлажнению климата. Современные модели климата, в которых учитывается роль не только атмосферы и океана, но и подстилающей поверхности, позволяют уточнить последствия климатических изменений, включая химический баланс почвы, процессы фотосинтеза и дыхания растений и ряд других явлений. Увеличение концентрации парниковых газов в атмосфере ведет к охлаждению мезосферы со скоростью 5-7° за 10 лет. Это значение дают результаты моделирования климата. Надо сказать, прямое (ракетное) зондирование атмосферы в последнее время осложнилось в связи с прекращением финансирования. В России это началось с 1995 г. и продолжалось более 10 лет. Остановка зондирования произошла также в Болгарии, на территории ГДР и Монголии. Согласно численному моделированию климатические изменения в ближайшие десятилетия будут усиливаться. Причем хорошим индексом этих изменений может служить состояние средней атмосферы (мезосферы).

Глобальное потепление, обусловленное накоплением СО2 в атмосфере, способно приобрести форму самоускоряющегося процесса, если оно само станет причиной высвобождения значительных запасов метана, накопившегося на морском дне и в тундре. Ведь метан значительно (в десятки раз) превосходит углекислый газ по своим способностям создавать парниковый эффект. На такую возможность обратили внимание А. Карнаухов (1994 г.) и позднее Дж. Лавлок (2006 г.). В сентябре 2008 г. уже был зарегистрирован поток пузырьков метана, поднимающийся со дна Северного Ледовитого океана. К тому же следует ожидать роста количества водяных паров в атмосфере, так как потепление вызовет усиление процессов испарения. Водяные пары тоже относятся к парниковым газам. Самое тревожное заключается в том, что нет никакой уверенности в действии каких-либо компенсирующих факторов. Климатическая катастрофа с ростом температуры на Земле на десятки градусов действительно возможна [226]. В связи с глобальным потеплением ожидается перераспределение осадков на Земле. Будет происходить избыточное увлажнение регионов близ океанов и распространение засух на территории, удаленные от морских акваторий. Заметим, что в 2003 г. в Западной Европе и особенно во Франции имела место экстремальная засуха.

Сегодня мы являемся свидетелями того, что площадь ледников Арктики неуклонно сокращается. Один этот факт достаточно ясно говорит нам о потеплении. Тем не менее ученые высказывают мысль о естественных причинах колебания климата. Климатические изменения полицикличны. Периоды основных колебаний климата в пределах века составляют приблизительно 10, 20 и 60 лет. Директор Института географии РАН акад. В. Котляков не без оснований полагает, что любые климатические изменения могут быть неблагоприятны для человека, ибо уклад нашей современной жизни сложился и достаточно сильно укрепился в очень узкий промежуток времени – в последнее столетие [79].

Происходящая перестройка океанических течений может вызывать климатические изменения, способные влиять на состояние целых континентов. Например, в Австралии с начала XXI в. фактически прекратились регулярные дождевые осадки, но наблюдаются кратковременные водяные шквалы. Знаменательный факт: известное течение Гольфстрим в Северной Атлантике в последнее время стал трансформироваться из теплого в холодное, и даже обнаруживает попятное движение [137]. Причина данного явления — интенсивное таяние гренландских и арктических льдов. Европе грозит резкое похолодание, что можно трактовать как климатическую катастрофу западной цивилизации.

Замечено ускоренное движение магнитных полюсов Земли, причины которого остаются неясными. Явление переполюсовки случалось и ранее. Есть мнение, что с ним тесно связаны климатические перестройки. Залежи каменного угля в полярных и приполярных областях — свидетельство некогда бывшего здесь теплого климата. Потепление арктической зоны на 8—10°С прогнозируется уже в первой половине XXI в. Наблюдаемые явления принято связывать с усилением парникового эффекта, хотя нельзя сбрасывать со счета и иные причины изменения климата, обусловленные электромагнитными процессами в теле Земли. В некоторых публикациях дело доходит до утверждения о влиянии на климат коллективной психической энергии людей. Об этом пишет, в частности, Л. Мельников [137]. Подобные факты говорят скорее о том, что наблюдаемые климатические тренды в полной мере еще не изучены, оставляя множество загадок.

Наряду с ростом температуры в тропосфере зафиксировано снижение глобальной температуры в нижней стратосфере на 0,5° за каждые 10 лет. Происходит это в результате накопления парниковых газов и уменьшения содержания стратосферного озона. Достаточно четко зафиксировано усиление меридиональной циркуляции атмосферных масс. Есть надежда, что в ближайшие годы начнутся процессы восстановления озонового слоя благодаря снижению озонразрушающих веществ после Монреальского протокола 1987 г. Тем не менее разрушение «озонового щита» и усиление ультрафиолетовой радиации еще будет давать о себе знать в северных и даже

средних районах России к концу зимне-весеннего периода в связи с арктическим полярным циклоном.

Следует заметить, что человеческая цивилизация слишком инертна для того, чтобы предотвратить начинающиеся экологические катастрофы. Общественное сознание, к сожалению, отстает от нарастания экологических угроз. В отношениях с природой далеко не все, как уже говорилось, зависит от человеческого разума. Гораздо важнее нравственные качества человека, которые, увы, бывают значительно более инертны, чем разум.

В условиях сложившихся институтов собственности произойдет ускоренный рост преступности и безнравственности в обществе, увеличится пропасть между богатством и бедностью. Сегодня дело обстоит таким образом: экономика и материальные ценности большинству людей представляются более важными, чем экологические ценности. Вопросы изменений климата уже не кажутся столь актуальными. Между тем экологические последствия этих изменений и общего ухудшения природной среды могут быть очень существенными, причем в достаточно широких масштабах. Экономистами уже разрабатываются меры по борьбе с глобальным потеплением посредством так называемого «углеродного налога». Эти налоги призваны уменьшить уровень выбросов СО2. В соответствии с принятым в 1997 г. Киотским протоколом по изменению климата европейские страны и страны бывшего социалистического лагеря взяли на себя обязательство сократить выбросы парниковых газов к 2010 г. на 5% (по сравнению с 1990 г.). Протоколом предусматривались положения о торговле правами на выброс между подписавшими его странами, хотя расчет на достижение соответствующего экологического эффекта представляется довольно слабым. Нельзя исключать того, что в условиях нынешнего общественного устройства, явно неблагополучного в нравственном отношении, торговля выбросами используется некоторыми финансовыми кругами как источник экономической выгоды, и не более того.

Несмотря на принятые меры, концентрация CO_2 в атмосфере продолжает расти: в 2001 г. она достигла 369,4 частей на миллион (1/млн), а к концу 2006 г. составила 380 1/млн. Основная причина роста – уничтожение лесных экосистем с целью освобождения земли под сельхозугодья. Во всяком случае этот источник роста не уступает индустриальным выбросам. Как показывают исследования, при деградации экосистем обычно усиливаются процессы выделения углерода в атмосферу [260]. Это связано с увеличением почвенного дыхания. Запасы углерода в почве обычно не принимаются в расчет, а они существенно больше, чем в фитомассе. Ситуация еще более ухудшается после пожаров, лесных рубок, размножения насекомых-вредителей, когда эмиссия углерода стабильно превышает его сток на протяжении ряда лет. Другой опасный момент заключается в следующем: стало «модным» выращивание культур для получения биотоплива для автомобилей, включая биодобавки. Тем более что начиная с 1984 г. фиксируется снижение величины продовольствия на душу населения. Все

эти моменты, к сожалению, остаются за кадром при обсуждении проблемы глобального потепления [163]. Расширение масштабов производства биотоплива, когда в мире насчитывается около 800 млн голодающих, представляется кощунственным.

В числе материальных потребностей особую значимость имеют энергетические потребности. Причем нефть представляется, пожалуй, наиболее предпочтительной. Следом за ней идут газовые источники энергии. Ископаемое топливо дает сегодня примерно 80% производимой энергии. Однако следует осознавать, что речь идет о невоспроизводимых природных ресурсах, которые могут по этой причине истощаться. Особенно это относится к нефти. Переход на иные виды энергоресурсов способен заметно изменить весь лик социосферы. Пора бы обратить пристальное внимание на безуглеродное энергопроизводство, в том числе холодный термояд и сверхединичные теплогенераторы [229]. Чрезмерный ажиотаж вокруг проблем водородной энергетики малооправдан, если учесть слишком высокую энергоемкость процессов получения водорода. Порой энергозатраты превосходят количество полученной энергии. Малооправданной представляется также ядерная энергетика в ее нынешнем виде. Нельзя не обратить внимания на то, что значительная и все более возрастающая часть энергии расходуется человечеством на транспортные нужды. И эту энергию дает нефть, запасы которой тают на глазах.

В связи с истощением традиционных запасов энергии, в частности нефти, многие страны переходят на более дорогие источники энергии. А это значит, что уровень потребления товаров и услуг будет неуклонно снижаться. Проникновение в земные недра тоже не остается безнаказанным. В результате добычи нефти и газа может происходить деформация земной поверхности с вертикальными и горизонтальными подвижками. Казалось бы, целесообразно заполнять образующиеся в глубине Земли пустоты жидкими отходами. Но, как показывает опыт, это чревато увеличением частоты землетрясений, причем в прямой зависимости от объемов захоронения жидких отходов. Так было, в частности, в штате Колорадо (США) [26].

Общемировые потребности в энергии на 40% сегодня покрываются углем, на 10% — нефтью, на 14% — природным газом. На атомную энергию и гидроэнергетику приходится по 17%. Энергия солнца и ветра дает 2%. К 2050 г. прогнозируется удвоение энергопотребления, и пока не ясно за счет каких энергоисточников мы будем удовлетворять эту потребность. Тем более что нефть к этому времени уже закончится, а природный газ будет на подходе к своему исчерпанию. На увеличение гидроэнергии рассчитывать особенно не приходится. Остается еще атомная энергия, расширение которой может натолкнуться на ряд трудностей, связанных с обеспечением радиационной безопасности.

Интерес к экологически чистым технологиям сегодня довольно низок. Например, в области топливной энергетики остается невостребованной технология производства так называемого эковута на основе угля [42]. И это несмотря на несомненные экологические и даже экономические достоинства нового вида топлива, которое могло бы применяться и в дизельных двигателях. Использование эковута могло бы сдержать также малооправданный рост производства биотоплива, которое, хотя и является более дешевым по сравнению с традиционными видами топлива из нефти, требует выращивания сельскохозяйственных растений, и потому далеко не безупречно с экологической точки зрения. К сожалению, использование биотоплив в автомобильном транспорте становится все более популярным в Европе. Это не может не вызывать беспокойства, тем более, что рост числа автомобилей в мире сам по себе уже начинает обретать катастрофический характер. Пора было бы понять, что автомобили резко ухудшают качество городской среды, являясь своего рода экологическим нонсенсом.

Любопытный факт заключается в том, что процент озабоченных экологическими проблемами в России ниже, чем во многих других странах («весьма озабочены» только 20%) [33]. И это при том, что с 1999 по 2006 г., несмотря на общий спад отечественного производства, вредные выбросы со стационарных источников возросли на 10%, а от автотранспорта – более чем на 30%. Итог печален: более 40 млн россиян живут в неблагополучной экологической обстановке, а 56% городского населения проживают в условиях высокого и очень высокого загрязнения. По данным Росгидромета, темпы потепления климата в России выше, чем в среднем для Северного полушария. Рассматривать это как благо особых оснований нет. Тем более что 2/3 территории страны приходится на зону вечной мерзлоты. Это, в частности, означает, что возможны колоссальные выбросы метана, которые могут вызвать общую климатическую катастрофу. Всякая торговля квотами на выбросы станет бессмысленной.

Глобальные черты экологического кризиса проступают даже в рамках некоторых, казалось бы, частных проблем благодаря системному характеру данного кризиса. Такова, в частности, азотная проблема, о которой начинают писать все чаще. Ежегодное поступление активного азота в окружающую среду утроилось благодаря деятельности человека. Две трети этого количества связано с производством удобрений. К сожалению, значительное количество азота не используется растениями, а приводит к загрязнению окружающей среды. Например, в США реальная потребность почвы в азотных удобрениях составляет чуть больше 10% от того количества, которое фермеры вносят на поля. Избыточное удобрение очень скоро уносится дождевыми водами, либо поднимается ветром в атмосферу. Производство животных белков тоже связано с выделением азота в окружающую среду. А между тем потребление мяса в развитых странах явно завышено при низкой эффективности производства этого продукта.

Приблизительно 20% мирового избытка активного азота приходится на энергетику [218]. В связи с производством биотоплива растет спрос на удобрения. В США высокий рост производства этанола из зерна является

одним из факторов обильного размножения водорослей и образования мертвых зон в Мексиканском заливе, в который впадает р. Миссисипи. Производство биотоплива в мировом масштабе не только увеличивает угрозу пищевой безопасности человечества, но и может стать причиной роста числа респираторных заболеваний, не говоря уже об ускоренном глобальном потеплении. Общая беда состоит в том, что будущее общество, скорее всего, не сможет обходиться без производства большого количества активного азота хотя бы потому, что этот азот всегда будет использоваться в искусственных удобрениях.

Истощение запасов природных ресурсов чувствуется также по состоянию океанической ихтиофауны, в частности рыбных ресурсов. В конце 1990-х гг. мировой улов рыбы составлял 92–93 млн т в год. Судя по всему, мы уже достигли предельных возможностей рыболовства, и к середине XXI в. рыбные запасы в значительной степени потеряют свое значение. Это произойдет даже в том случае, если будет усовершенствована технология лова. Воспроизводство рыбных запасов станет попросту невозможным.

«Олимпийское спокойствие» по поводу ухудшения экологической ситуации в России и мире воспринимается как результат нравственной деградации населения, изменяющей психологические характеристики людей. Растет безразличие и равнодушие человека ко всему, что лежит за пределами его эгоистических интересов. То, что удалось сдержать разрушение озонового слоя стратосферы [263], объясняется действием Монреальского протокола (1987 г.), когда общественное мнение находилось под влиянием многочисленных публикаций и конференций по проблемам окружающей среды. Данный факт говорит о том, что согласованные действия людей позволяют решать весьма трудные задачи.

Однако глубинные причины экологического кризиса коренятся в явно устаревшей системе человеческого жизнеустройства, когда человек добровольно превращает себя в трудовой ресурс, пасуя перед рыночной стихией, мы вынуждены признать, что в современном обществе присутствует определенная степень угнетенности личности. Социальная среда делается дискомфортной. В такой среде даже богатство и власть, популярность и вседозволенность не способны быть источниками душевного равновесия. Счастье человека делается иллюзорным. Это касается всех без исключения. Нарушение моральных норм и преступность становятся чуть ли не обычным способом достижения материального благополучия. Естественно, что в подобной ситуации практически никому нет дела до экологии. Более того, повышенное внимание к экологическим вопросам представляется странным и даже несерьезным. За все это природа строго спросит.

Состояние окружающей среды на Земле следует признать неблагополучным. Об этом говорят такие цифры, полученные ЮНЕСКО: по экологическим причинам в мире происходит 44% заболеваний и 60% смертей [70]. Причем основными факторами являются грязная вода и отравленный воздух. Вместе с тем в странах ЕС содержание выхлопных газов в воздухе

городов стараются держать в строгом контроле, ужесточая экостандарты. В определенной мере этому способствует перевод автомобилей на биотопливо. В Японии и Бразилии, например, связанное с этим сокращение выбросов достигло 45%. Что же касается российских экостандартов, то они находятся на недопустимо опасном уровне. Поэтому об очистке воздуха и воды можно особенно не беспокоиться. Плотность застройки в городах фактически вышла из-под контроля. Более того, строительство без особых препятствий проникает даже в заповедные зоны и заказники. Общая беда России в том, что страна любой ценой хочет достичь экономического успеха, всячески сокращая затраты на защиту природы и здоровье людей. Аналогичная ситуация имеет место во многих развивающихся странах, где функционирует рыночная экономика. Можно сказать, что данная система хозяйства является мощным фактором глобального экологического кризиса. Это хорошо видно на примере России.

Гармония общества с природой возможна только при наличии такой базовой ценности как нравственность. Как показывает весь опыт последних столетий, возникшие в обществе хозяйственные структуры существенно отягощают экологические проблемы. Рынок сделал производство эгоистичным, нацеленным на прибыль любой ценой. Общество обрело потребительский характер, оторвавшись от духовно-нравственной жизни и природы. Такое общество экологически несостоятельно, а возникающие перед ним проблемы становятся все тяжелее. Беспомощность человека хорошо видна на примере уничтожения лесов. Вырубка амазонских лесов ускорена для освоения площадей под сахарный тростник, который стал особенно необходим в связи с производством биотоплива. Исчезают последние массивы африканских тропических лесов. Быстро сокращаются лесные площади в Индонезии, а в Эфиопии их вообще не осталось. Остановить начавшееся самоуничтожение человечества очень трудно, если вообще возможно. Разум оказался склонен к сущиду, оторвавшись от этических оснований жизни

Сохранение природы в развивающихся странах ежегодно требует дополнительно 150 млрд дол., которых у них нет. Помощь извне не может быть бескорыстной в силу сложившихся особенностей мировой экономической системы. И поэтому создаются различного рода механизмы уничтожения избыточного населения под покровом секретов и тайн. Экологи не без основания полагают, что в негативном воздействии на окружающую среду особенно преуспели США и Китай, на долю которых приходится около 40% указанного воздействия [265]. Нынешнее глобальное изменение климата выражается не только в режиме выпадения осадков, неустойчивости погодных явлений, но и в образовании засушливых зон. Особенно это касается стран Африки, расположенных южнее Сахары. Сама пустыня Сахара растет на юг со скоростью 3—10 км в год. Рост пустынь имеет место и в других регионах Земли, например в Китае (пустыня Гоби и Такла-Макан). Прогрессирующее исчерпание ресурсов Земли возможно остановить лишь изменив всю организационную структуру хозяйственной деятельности.

В рамках данного аналитического обзора важно подчеркнуть, что уничтожение природы следует понимать как безнравственный акт. Человек делает негодной среду обитания большого числа живых существ, включая себя самого. Человечество осуществляет самоубийство, т. е. совершает действо, не одобряемое многими религиями, в частности христианством. Самоубийство рассматривается как грех, а, следовательно, является нарушением моральных заповедей. Заповедь «не убий» распространяется и на самого себя. Убийство биосферы (сферы жизни) является гораздо более тяжким грехом, с которым не сравнится никакой другой.

Антиэкологичность и аморальность настолько тесно связаны, что масштабный экологический кризис на Земле можно понимать как проявление безнравственности той социальной организации, которая сложилась на Земле. С этой точки зрения развитие человеческого общества, несмотря на усложнение социальной организации, не удовлетворяет канонам нормальной эволюции, является тупиковым. Данный вывод представляется несомненным хотя бы потому, что присутствие человека на Земле приводит к неуклонному снижению видового разнообразия. Человеческий разум преступил законы нравственности. Ното Sapiens (человек разумный), в сущности, выступает против природы. Социальная организация и сопутствующие ей социальные институты не удовлетворяют требованиям справедливости. Почему так получилось, мы увидим в последующих главах.

1.2. Угрожающее состояние почвенных ресурсов

Мы слишком отделили себя от природы, не пощадив даже землюкормилицу. В настоящее время потеря сельскохозяйственных земель в мире по разным причинам идет ускоренными темпами, составляя в спокойные годы 5–10 млн га/год, а в некоторые периоды даже 20 млн. В среднем деградация почвы происходит с интенсивностью 13 млн га в год. И в этом повинен человек с его технологиями. Бережливое отношение к земле утрачено. Эрозионные процессы опережают естественное образование почв на 1–2 порядка, что говорит об очевидной неспособности человеческого разума контролировать экологическую ситуацию. Мы доросли лишь до внесения удобрений. Однако не научились защищать экосистемы от загрязнений, которые, в частности, несут с собой эти удобрения. Например, потоки азота и фосфора в наземных экосистемах увеличились в 2–3 раза по сравнению с естественным обменом.

Сегодня можно с основанием утверждать о начавшемся продовольственном кризисе, глубина и масштаб которого особенно четко обозначились в 2007–2008 гг. [102]. Одно из его проявлений – значительное увели-

чение цен на продовольствие. И это при том, что в 2007 г. был получен рекордный урожай зерновых в условиях глобального изменения климата. Последнее обстоятельство явственно дает о себе знать, в частности, в Африке и Австралии. Повышенный спрос на продовольствие в США и странах ЕС тесно связан с производством биотоплива. Тем не менее это людей не беспокоит. Известно, что в США на производство биотоплива уходит около трети урожая кукурузы. Болезненный ажиотаж вокруг этого вида топлива наблюдается и в Европе. Известна информация, что новое топливо дается ценой усиления эрозии почв и истощения водных ресурсов. Более того, выработка этанола из биомассы требует затрат нефти, порой сравнимых по объему с полученным этанолом. Но чего не сделаешь ради благ автомобилизации! Обладание автомобилем на деле представляется важнее почвенных и водных ресурсов. Между тем физическое снижение уровня продовольственного обеспечения не за горами. Именно производство биотоплива явилось одной из причин повышения цен на продовольствие [247]. По оценке Международного валютного фонда (МВФ), это повышение составило 30%.

Прямой ущерб мировому сельскому хозяйству приносят также участившиеся случаи стихийных бедствий: 20 случаев – в 1950-х гг., 47 – в 1970-х г., 86 - в 1990-х гг. Цифры роста числа бедствий впечатляют. Агроценозы занимают около 40% территории суши и являются существенным фактором, определяющим состояние биосферы. В XXI в. в распоряжении человечества осталось 1,5 млрд га сельхозугодий, 2 млрд га уже можно считать потерянными в процессе становления и развития человеческой цивилизации. При таких темпах 2/3 из имеющихся земель деградируют уже через 50 лет. К 2025 г. сельское хозяйство Африки сможет прокормить лишь четверть своего населения. В силу негативных климатических изменений в районах Африки и Азии (западная часть, включая Ближний Восток) ожидается снижение урожайности на 15–35%. Жестокие засухи и дефицит пресной воды – дело ближайшего будущего. Усложняется ситуация даже в развитых странах, где наблюдается снижение государственных дотаций в сельское хозяйство и соответствующее падение производства продовольствия. Ожидается, что к 2020 г. валовой продукт мирового сельского хозяйства снизится на 16%, а число голодающих в развивающихся странах составит 772 млн человек. Тем не менее развитие событий идет своим чередом. Ю. Шишков, который приводит все эти цифры в своей работе, признается, что не видит выхода из положения [247]. Человечеству остается лишь приспосабливаться к кризисной ситуации. Это значит, что мы готовы смириться с особенностями мировой рыночной экономики, принимая ее античеловечный характер.

Существует много причин деградации сельскохозяйственных земель. Но если говорить о сугубо антропогенных факторах, то основная причина — традиционные аграрные технологии с присущими им экологическими недостатками. Например, рыхление почвы стимулирует вынос из почвенного

слоя элементов минерального питания (ЭМП) растений сточными водами. Как показывают исследования, высаженные культуры усваивают не более 20% почвенных ЭМП. Тем не менее должных выводов хозяйственники из этого не делают.

Состояние почвенной органики заслуживает отдельного внимания. В сельском хозяйстве применяется около 30 видов органических удобрений, в которых помимо органики имеются и другие компоненты (азот, фосфор, калий, микроэлементы) в различных сочетаниях. Существуют также зеленые удобрения (сидераты) в виде таких культур как бобовые, злаковые и крестоцветные. Однако какие бы удобрения не вносились в почву, необходимо предварительно создавать благоприятные условия для развития в ней микроорганизмов. Стоит подчеркнуть, что использование зеленых удобрений не требует больших капитальных затрат, к тому же отличается эффективностью. Эффективность сидерации при умелой технологии земледелия может быть весьма значительной, улучшая при этом плодородие почвы, увеличивая урожайность и качество выращиваемой культуры [66]. К тому же почва становится более устойчивой по отношению к эрозионным процессам, что оказывает положительное влияние на состояние окружающей среды в целом. Значение сидерации в современном земледелии при больших возможностях и широком спектре воздействия на антропогенные экосистемы может быть весьма значительным. Тем не менее этому факту не уделяется должного внимания.

Сегодня многие исследователи согласны с тем, что глубокая пахота противопоказана сельскохозяйственным землям. Тем более что имеется опыт применения экологически безопасных систем земледелия. Уже давно известно, что почва вообще не нуждается в пахотной обработке. Еще в 70-х гг. XIX в. русским агрономом И. Е. Овсинским были впервые в мире разработаны и применены методы беспахотного земледелия [98]. Бесплужная, поверхностная обработка почвы на глубину 5–6 см была внедрена вначале в южных районах России. По этому поводу И. Е. Овсинский написал книгу «Новая система земледелия», изданную с начала на польском языке (1898 г.), а в следующем году — на русском. К сожалению, тогда на это никто не обратил серьезного внимания. Книги о схожих технологиях земледелия появились позднее во Франции (1913 г.), затем в Германии (1921 г.), и только в 1943 г. в Америке.

Во второй половине XX в. новая технология начала применяться в некоторых хозяйствах России (в Ростовской и Полтавской областях) после того, как она была освоена в США. К сожалению, распространение новой технологии происходит с большим трудом. В Советской России (СССР) ярым пропагандистом этой системы выступал Ф. Т. Моргун – агроном, политический деятель Полтавской области, автор более 20 книг, включая монографию «Почвозащитное бесплужное земледелие». В 1988 г. он был даже назначен председателем Госкомитета СССР по охране природы, откуда вынужден был уйти в 1989 г., поскольку слишком резко выступал

против бюрократии и мошенников от науки. Начиная с 1995 г. работал советником губернатора Белгородской области Е. С. Савченко. И не удивительно, что 70% пашни этой области ныне обрабатывают бесплужно. В 2008 г. Ф. Т. Моргун погиб в автокатастрофе [22]. Как писал Моргун, высокая эффективность безотвальной пахоты могла бы привести к резкому повышению уровня зернопроизводства [147].

Представляется довольно странным то, что, хотя бесплужное земледелие делало несомненные успехи, средства массовой информации старались не замечать этот факт. Газеты хранили молчание, а за публикации на эту тему можно было получить строгий выговор по партийной линии или лишиться карьерного роста. Новая система земледелия (НСЗ) всячески удерживалась в рамках исследовательских программ, с большим трудом выходя на поля. Например, начиная с 1970-х гг. кафедра земледелия Новосибирского аграрного университета многократно проверяла в опытах и на практике все основные положения НСЗ. И лишь в 2002 г. новая технология вышла на поля Новосибирской, Кемеровской и Ростовской областей, в Ставропольском, Краснодарском и Алтайском краях. Итог был таков: урожайность пшеницы вырастает на 50–100% с уменьшением сроков вегетации на 7-14 дней. Общая площадь засеянных зерновых культур по новому методу составила около 3500 га. В 2004 г. в Новосибирске была переиздана вышеупомянутая книга И. Е. Овсинского. К сожалению, все усилия в этом направлении имеют частный характер.

В современном земледелии специалисты уповают на методы поверхностной обработки почвы, в частности на фрезу, благодаря которой растительные остатки можно перемешивать с верхним слоем почвы [40]. Тем самым создаются благоприятные условия для эффективной деятельности и размножения почвенных микроорганизмов. При этом отмирающие микроорганизмы являются чуть ли не основным продуктом питания растений. При отвальной пахоте растительные остатки перемещаются на значительную глубину, лишая питания аэробные микроорганизмы. Анаэробы же при попадании в верхний слой почвы не могут выполнять всех необходимых функций для обеспечения качества почвы, например: фиксировать азот из воздуха, накапливать экотолы – вещества, предохраняющие растения от болезней. Земледелие должно учитывать, что почва содержит сложную микробиологическую систему, с которой надо уметь обращаться. Поверхностная обработка почвы сулит удвоение урожая, что подтверждается рядом хозяйств Белгородской, Курской и Орловской областей, Краснодарского края. К тому же существенно снижаются расходы на проведение сельхозработ. К поверхностной вспашке целесообразно переходить при предварительном унавоживании верхнего слоя почвы, либо после многолетних трав. Отказ от отвальной пахоты позволяет повысить качество почвы, построить новую технологию биологического земледелия, существенно улучшить ситуацию в сельском хозяйстве.

С точки зрения экологизации сельского хозяйства представляется значимым также отказ от монокультур и переход к так называемым полидо-

минантным посевам. Основное препятствие на этом пути — отсутствие методов раздельной уборки урожая смешанных культур. В этом случае имеет смысл попытаться осуществить комплексную уборку всех культур, используя прежние методы, разработать новые виды пищевых продуктов на основе смешанной фитомассы [98]. Выработать у человека привычку к новым видам пищи кажется легче, чем отказаться от привычки расточительного потребления. Это касается всех природных ресурсов, включая почву.

Изъятие урожая чревато обеднением почвы, ухудшением плодородия в будущем. Компенсация утраченных почвой веществ предполагает использование разнообразных искусственных удобрений и добавок. Эффективное решение этой задачи — тоже большое искусство. Чтобы обеспечить геохимический баланс почвы, традиционных удобрений (азота, фосфора, калия) будет недостаточно. За свою долгую историю человек так и не научился искусству воспроизводства нарушенных им экосистем. Использованные человеком природные ресурсы в подавляющей своей части (до 90%) идут в отходы, в то время как экосистемы деградируют. Расточительное потребление общества — путь в экологический тупик. Об этом широко пишут в литературе, причем не только в научной. В случае почвенных ресурсов экологическая катастрофа будет особенно тяжелой по своим последствиям.

Начавшаяся катастрофа мирового сельского хозяйства связана не только с исчерпанием производственных возможностей данной отрасли, но и с особенностями экономической и политической систем современного жизнеустройства, стимулирующего рост цен на продовольствие. Исчерпание почвенных ресурсов делает необходимым замещение экстенсивного пути развития интенсивным, в то время как политические интересы развитых стран отвечают стратегии глобализации и расширению ареала либерально-рыночных ценностей. Поэтому нет ничего удивительного, что прирост объемов сельхозпроизводства на душу населения в последние десятилетия постоянно сокращается. Возможности «зеленой революции» подошли к концу на фоне ухудшения качества почвенных ресурсов, снижении эффективности использования химических удобрений, засоления почв и истощения грунтовых вод в поливном земледелии. Число голодающих в мире растет даже в условиях «зеленой революции». Каждый год в результате эрозии теряется 25 млрд т почвы [103]. Это результат использования современных сельскохозяйственных технологий, в частности пахотного земледелия. Деградированы уже около 40% мировых сельско-хозяйственных площадей (данные ООН). Ситуация осложнилась также в связи со снижением государственной поддержки сельского хозяйства, что в полной мере отвечало политике таких международных структур как Всемирный банк и МВФ.

В конечном итоге потеря почвенного плодородия охватила многие регионы планеты, особенно в развивающихся странах, где «зеленая революция» длительное время имела многочисленных сторонников (как, например, в Индии). Дефицит почв вызвал волну купли-продажи земли на миро-

вом рынке. К любителям скупать земельные участки за рубежом относятся такие страны как Китай, Саудовская Аравия, а также Япония, Индия, Южная Корея, Египет и т. д. Земля как рыночная ценность мирового масштаба — это тоже одно из проявлений продовольственного кризиса, связанное с исчерпанием почвенных ресурсов. Вода, около 70% которой используется для нужд земледелия, подобным же образом становится фактором рыночной экономики, а почвенные и водные ресурсы в силу своего дефицита — средством обогащения корпораций.

Отметим и такой момент. Современное сельскохозяйственное производство становится все более опасным в результате неконтролируемо разрастающихся масштабов биотехнологических модификаций продукции. Соответственно расширяется ареал распространения канцерогенных, мутагенных и других страшных заболеваний. Ныне посевы генно-модифицированных культур занимают 52% площадей пашни в США и 90% – в Латинской Америке [52]. Для обеспечения экологической и продовольственной безопасности России необходимо не только и не столько развитие некоторых сложных производств, сколько развитие механизмов ответственности (правовой и моральной), общее улучшение духовно-нравственного климата, проявление подлинной заботы о человеке и обществе. При этом необходимо понимать, что закрепление капиталистических отношений в промышленной и аграрной сферах на российской земле только ухудшит положение.

Современная Россия напрямую сталкивается с кризисными явлениями в области землепользования. Земля рассматривается как всякая иная недвижимость, и потому она становится объектом рыночных отношений, подлежащим соответствующей рыночной оценке. Данная оценка становится основанием для начисления налога на землю. Оценочная процедура и налог будут касаться всех, кто захочет оформить землю в собственность. Крестьяне, которые имеют земельные паи, попадают в трудное положение, особенно в том случае, когда земельный пай не выделялся в натуре. А это было часто. В сложившейся ситуации определенное преимущество получают финансовые дельцы и различные мошенники [106]. К тому же появляется возможность коррупционной деятельности оценщиков земельных участков. И хотя рыночные цены приведут к росту земельного налога, рост ВВП не сможет окупить потери в области сельскохозяйственного земле-пользования, оправдать нравственную деградацию общества. О подъеме села в этих условиях не может быть и речи. Похоже, что правительство и не ставит перед собой такой задачи, а создает условия для рыночной вакханалии и перераспределения земельных участков в интересах состоятельных граждан, в том числе иностранных. Показательно, что широкая дискуссия в литературе о правах на землю и формах землепользования не представляет никакого интереса для правительственной элиты. Нынешний депутатский корпус тоже утратил связь со своим электоратом. Угрожающее состояние почвенных ресурсов – закономерный итог либеральнорыночной экономики и близорукой политики, не желающей считаться с интересами населения и экологической ситуацией.

1.3. Сумеем ли сохранить леса?

Исчезновение лесов на Земле тесно связано с человеческой деятельностью. К настоящему времени исчезло 2/3 лесного покрова планеты. Причем, если смотреть на это с исторической точки зрения, факт исчезновения лесов является чуть ли не мгновенным. Современный экологический кризис есть результат истощения экологического потенциала биосферы под натиском сложившейся на Запале потребительской цивилизации. В этой связи состояние лесов на планете вызывает особую тревогу. В европейских странах, культивирующих стремление к эгоизму, наживе и власти любой ценой, утрата площади лесов имеет катастрофический характер. Резкое увеличение антропогенного пресса на природу, особенно в XIX-XX столетиях, привело к потере лесных территорий: в Финляндии и Швеции более половины, Швейцарии – 75%, Испании и Франции – более 80–90%, в Великобритании – 95%. В прошлом лесные территории в США (без Аляски) составляли 265 млн га. В середине XX в. лес сохранился лишь на площади 18 млн га [121]. Приведенные цифры свидетельствуют о хищническом освоении территории Нового Света. Попутно заметим, что есть и другие цифры, которые демонстрируют к тому же жесткий характер обращения с аборигенами Америки: их число сократилось с 75–100 млн до 250 тыс. человек. Тяжелой оказалась участь растительных ресурсов тропической зоны. За 30 лет (с 1960 по 1990 г.) было уничтожено около 20% всех тропических лесов. Такой темп означает, что к 2090 г. этих лесов вообще не останется на Земле. Тропики будут заняты пустынями.

Биосфера, как сфера жизни, представляет собой целостное образование, напоминающее живой организм. Входящие в биосферу экосистемы теснейшим образом связаны друг с другом. Например, регулирующие функции тропических лесов Южной Америки, Африки и таежных лесов России определенным образом отражаются на экологическом состоянии биосферы Земли, оказывая стабилизирующее действие. В частности, они являются регионами стока углерода, удерживая общий углеродный баланс на Земле. Компенсируется довольно мощная эмиссия углерода в процессе осушения болотных и заболоченных почв Юго-Восточной Азии и других регионов.

Связь между лесами и водным режимом тоже хорошо известна. Например, сведение амазонских лесов ведет ко многим негативным последствиям: уменьшение речного стока, сокращение суммы атмосферных осадков, потепление регионального климата. При этом происходит необратимое преобразование экосистем, смена ландшафтов. Аналогичные процессы происходят в современном Китае. Эти процессы отражаются не только на экономике, но и на состоянии средообразующих функций об-

ширных территорий, оказывая определенное воздействие на глобальную климатическую систему.

Лес стал дефицитен повсюду. В современной литературе отмечается такой тревожный факт, как снижение продуктивности биоценозов. Причем размер площадей, на которых фиксируется снижение биопродуктивности, растет довольно быстро: если в 1991 г. снижение продуктивности отмечалось на 15% территорий суши, то в начале 2000-х гг. – уже на 24% [168]. Сохранились пока лишь две резервные зоны (Россия и Бразилия), где нашим детям и внукам еще можно будет спастись от опустынивания в ходе глобального коллапса. Россия с ее мощным поясом бореальных лесов (таковых у нас имеется около 64% от мировых запасов), обилием пресных вод (особенно в Байкале) – это настоящий биосферный резерват в северном полушарии.

Лес исчезает, хотя сам по себе мировой углеродный баланс не вызывает особого беспокойства. Баланс нетто-углерода в экосистеме измеряют показателем NEP (net ecosystem production), выражающим разницу в поглощении и выделении углерода. Чем более зрелой является экосистема, тем больше ее NEP приближается к нулю. Лес в стадии восстановления, а также лес до рубки всегда имеют положительные значения NEP. И этот показатель в течение сотен лет может оставаться таковым. Экосистемы Земли в среднем связывают столько же углерода, сколько и отдают, т. е. углеродный баланс биосферы приблизительно уравновешен и NEP \rightarrow 0 [25]. Разумеется, нас это успокаивать не может. В современной России полным ходом идет вырубка лесов, в том числе заповедных, защитных, водоохранных. Лесные массивы, лишенные должного ухода, подвергаются нашествию насекомых-вредителей, различным грибковым заболеваниям. Заражение лесов становится поводом для вырубки здоровой древесины. Более того, имеют место факты умышленного заражения, особенно в случаях, когда леса мешают строительству. Причем под топор попадают даже городские леса.

Историческая Россия была по преимуществу лесной территорией. Заметим, кстати, что лес является мощнейшим фактором формирования ментальности русского человека. Нужно ли удивляться тому, что в России уже в начале XIX в. обнаружилась особая забота о лесе, выразившаяся в росте объемов лесоразведения, особенно кедра. В связи с этим в 1803 г. в Царском селе возникло первое в мире лесное училище. Со временем оно превратилось в государственную лесотехническую академию и в 1811 г. было переведено в Санкт-Петербург. Примечательный факт — это был второй вуз страны после МГУ (1755 г.). Еще до октябрьской революции 1917 г. в России был создан Союз лесоводов. На первом же Всероссийском съезде этого Союза (апрель 1917 г.) было заявлено, что лес не может быть частной собственностью. Он может быть использован лишь в интересах общества государством, которое обязано отражать эти интересы в своих решениях. В специальной «Декларации», принятой на III съезде Советов На-

родных Комиссаров (25 января 1918 г.), леса объявляются национальным достоянием.

В годы перестройки на фоне ряда реорганизаций службы лесного хозяйства истребление лесов достигло значительных масштабов в связи с ослаблением контроля за лесопользованием. По словам тогдашнего главы Правительства М. Касьянова, «Россия может стать одним из крупнейших поставщиков леса на внешний рынок, переплюнув даже основной источник дохода — экспорт нефти» [172, с. 29]. Иными словами, в ходе перестройки властные структуры России были нацелены на закрепление ресурсно-сырьевого статуса российской экономики в интересах мирового (прежде всего, западного) рынка. В последние годы XX в. площадь лесного фонда в России сокращалась темпами почти по 1 млн га в год. Причем вырубка лесов нередко носила криминальный характер. Случалось, что доля «нелегальной» древесины доходила до 50% российского экспорта.

Поразительно, что в современной России, где сохранилась 1/3 лесов Северного полушария, а лесоустройство последние 150 лет рассматривалось как особая государственная служба, контроль лесных территорий удержался фактически лишь на площади 20 млн га (данные 2003 г.). Это примерно 1/60 части лесного фонда [170].

В 2009 г. только зафиксированный ущерб от незаконных рубок леса составил 14,5 млрд руб. Причем этот ущерб имеет очевидную тенденцию к росту. В ряде регионов например, в Забайкальском крае, запасов лесных ресурсов осталось на 3—4 года. Древесина поступает из России в зарубежные страны (Китай, Финляндию и т. д.) фактически за бесценок, минуя предприятия лесной промышленности, которые становятся ненужными [56]. Зато Китай построил для переработки импортируемого из России леса 12 предприятий. Одновременно в КНР был принят закон о запрете на вырубку своих лесов. В Финляндии, перерабатывающей русский кругляк, объем продукции лесоперерабатывающих предприятий достиг 16% ВВП.

Лесные массивы резко дешевеют после пожаров, и потому крупные пожары происходят все чаще, а их количество исчисляется тысячами. В то же время лесничества в силу несовершенства организационно-правовой формы своей деятельности не могут осуществлять эффективный лесной контроль и надзор. Отсутствует закон о запрете экспорта круглого леса, без которого сохранить наше лесное богатство попросту не удастся. Существующее лесное законодательство имеет разрушительный характер. Оно не выполняет многих своих экологических функций, рассматривая лес, прежде всего, как товар.

Зарубежным странам выгодно, чтобы в России не было деревообрабатывающих предприятий, а лес продавался бы на корню. И российское правительство идет на это, разрешая торговать лесом по сильно заниженным ценам. В интересах сиюминутного обогащения группы корыстолюбцев наши властители идут на уничтожение лесов России. Аналогичным образом складывается ситуация с другими природными ресурсами России.

Происходит крупномасштабный захват этих ресурсов в частные руки для наживы узкого олигархического клана. Поэтому любые модели справедливого, высоконравственного жизнеустройства России будут отвергаться с порога, как это произошло с нашумевшей в свое время Концепцией перехода Российской Федерации к устойчивому развитию (1996 г.). Не помогла даже подпись Президента РФ под этим документом. По оценке экспертов ООН, вклад нашей страны в устойчивость биосферы составляет около 10% от общего планетарного баланса, Бразилии — 7%, других стран и того меньше [172]. Между тем темпы уничтожения биосферы впечатляющие. За 25 лет (с 1970 по 1995 г.) человечество уничтожило треть имеющихся природных ресурсов. Главная причина — потребительский характер нынешней цивилизации, культивирующей всюду, где возможно, либеральнорыночные ценности.

Данные ценностные установки в России обернулись стремлением к приватизации всего и вся, в том числе таких природных ресурсов, как земля и лес. Цель – быстрая нажива от вовлечения в рыночный оборот земельных и лесных участков, извлечение прибыли от экспорта древесины. Современное экологическое законодательство перестало чинить препятствия самовольному захвату земельных участков в водоохранных зонах. В лесах первой группы перевод лесных земель в нелесные для размещения социальных и культурных объектов отныне разрешен. Интересы частных собственников оказались важнее интересов всего российского общества, судьбы общепризнанного биосферного резервата и хранителя экологических ценностей, каким (пока) является Россия. И хотя экология была объявлена «как важнейшая сфера деятельности» в известном «Прогнозе научно-технического развития страны до 2030 г.», озвученного на совещании в Дубне Д. А. Медведевым (7 мая 2008 г.), реальная практика свидетельствует о практически полном пренебрежении статусом социально-экологического потенциала России. Внимание к экологическим проблемам сегодня явно ослабло. На охрану окружающей среды расходуется 0,13% федерального бюджета (данные на 2005 г.). Даже в СССР, где не уделялось должного внимания проблемам охраны окружающей среды, эта цифра была 2% (данные 1987 г.).

В стране сформировалась уникальная система единения государства и частного бизнеса, какой, пожалуй, еще не было в мировой истории. Одним из проявлений этого единения может служить эффективный механизм захвата лесных территорий Московской области. За последние годы, когда появилась данная новым Лесным кодексом РФ возможность брать участки лесфондов в аренду с правом перевода арендованных земель в другой вид пользования, Московская область потеряла 166 тыс. га лесных угодий. Для «особо заслуженных людей» существует упрощенная схема обзавестись по крайне низкой цене участком земли, чтобы построить на нем коттедж, а затем продать его с прибылью, измеряемой сотнями тысяч процентов [178].

Возникла тенденция передачи функций лесопользования и контроля в частные руки. И это несмотря на то, что лес всегда был и будет впредь оставаться общественным благом. Надежда на то, что частное лицо будет заботиться об общем благе, является не просто утопичной, а свидетельствует о безнравственной политике властей. Установка на удаление спелого древостоя выглядит довольно абсурдной. Она говорит о непонимании экологической роли леса, доминировании технического взгляда на лесные экосистемы, характерного для частных лесопользователей.

Хотя со времен язычества к лесу было благоговейное отношение, а лесные ландшафты до сих пор вызывают в человеке восхищение, хозяйственная жизнь устроена так, что ценность древесины сплошь и рядом перекрывает эстетическую ценность леса. И даже понимание экологической значимости леса не останавливает хищнические наклонности нуворишей. Жажда наживы оказывается сильнее требований экологической этики. Нравственные мотивы здесь явно ослаблены. В области лесопользования Ното Sapiens с техническими возможностями действует как потребитель природных ценностей, уничтожая при этом саму природу. Лесные экосистемы – главная ценность биосферы, с которой человеческий разум приходит в столкновение, подчинив себя диктату, прежде всего, материальных пенностей.

1.4. Истощение водных ресурсов

О крайнем обострении проблемы водного дефицита говорит тот факт, что 80-е г. прошлого века были объявлены ООН десятилетием пресной воды. Тем не менее намеченная программа не была выполнена в силу чрезмерной сложности проблемы. Число маловодных районов на Земле возросло, и человеческий разум ничего не смог с этим поделать. Зато, например, в создании новых видов смертоносного оружия человек явно преуспел. Проблемы вооружения оказываются проще, а главное выгоднее с точки зрения экономики и политики. Для преодоления дефицита пресной воды требуется не столько разум, сколько нравственно совершенное общество. Такового, увы, пока нет.

Объем водозабора из пресных водоемов (рек, озер) за вторую половину XX в. вырос в 2 раза. Зато водные запасы в искусственных водохранилищах увеличились в 4 раза. Количество этих водохранилищ в мире приближается к 50 тыс. В 1950 г. число плотинных водохранилищ составляло всего 5 тыс. И все же во многих районах мира ресурсы пресных вод близки к своему исчерпанию. О водном дефиците можно говорить применительно к одной трети стран мира. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 г. утверждается об увеличении этого дефицита уже в ближайшем будущем. Особенно это коснется регионов с высокой плотностью населения. В австралийских городах, например, при-

родных запасов пресной воды осталось лишь 37% от требуемой нормы. В связи с этим в Австралии разрастается новый вид индустрии: стоятся крупнотоннажные опреснительные установки. И все же жители городов вынуждены перейти на режим экономии. В 2003 г. постоянный дефицит пресной воды зафиксирован в регионах, где проживает 1,2 млрд человек. Сезонный дефицит пресной воды наблюдается у более чем 2 млрд человек. Видимо, по этой причине в современном мире возникло новое явление – экологические беженцы, число которых неумолимо растет.

Недостаток пресной воды объясняется не только и даже не столько ростом водопотребления, сколько ухудшением водорегулирующих свойств экосистем. Регулирование водостока с помощью плотин, в конечном счете, показало себя не с лучшей стороны. Основным фактором, влияющим на снижение речного водостока, является сведение лесов, площадь которых сокращается со скоростью 7,3 млн га в год. Изменяется состояние самих лесных территорий. Малоизмененные насаждения составляют лишь 36% лесных площадей в мире.

Проблема водопользования в России становится особенно актуальной на фоне растущего загрязнения вод. В среднем по РФ количество проб воды, не отвечающих санитарно-химическим нормам, составляет 28%. Причем речь идет об источниках питьевого водоснабжения (объекты I категории). Немало есть объектов, где положение существенно хуже: Республика Саха (Якутия) – 42,7%, Тверская область – 42,2, Вологодская область – 46,8, Самарская область – 51, Новгородская область – 62,2, Астраханская область - 71.5% [253]. Что касается источников для рекреации (объекты II категории), то положение с вышеуказанными показателями выглядит таким образом: Ставропольский край – 39.8%. Вологодская область – 51,25, Кировская область – 44,9, Московская область – 41,7, г. Москва – 64,3%. Все эти показатели относятся к 2005 г. В предыдущие годы они были ниже. Поступление загрязненных сточных вод в водные объекты неумолимо растет. Об этом можно судить по состоянию многих рек, включая Волгу, Неву, Оку, Обь, Иртыш, Томь и т. д. Основные загрязнители: фенол, соединения азота, органика, соединения различных металлов, нефтепродукты, формальдегид, лигнин и т. д. Источники загрязнения: жилищно-коммунальное хозяйство – примерно 53%, промышленность – 33, сельское хозяйство – 14%. Рост загрязнения водных объектов, свидетельствует не столько о низком уровне российской науки, сколько о низком уровне руководства, не проявляющего должной заботы о людях. Это касается не только России.

Низкокачественная питьевая вода вызывает множество нарушений в человеческом организме. Например, длительное потребление слабоминерализованной воды приводит к нарушению водно-солевого обмена, при котором возникает дисбаланс межклеточной и внутриклеточной жидкости, происходит повышение натрия в крови. Присутствие хозяйственнобытовых сточных вод в водоемах представляет собой токсикологическую

опасность, в том числе из-за наличия нитратов. Последние стимулируют специфические изменения гемоглобина в организме, что приводит к одной из форм гипоксии (кислородное голодание). Если в воде имеется высокое содержание кальция и магния, то возникает феномен жесткой воды, что приводит к мочекаменной болезни, от которой страдают некоторые районы Индии, Китая, Средней Азии, Закавказья и т. д.

Вода обычно является причиной многих инфекционных заболеваний, поскольку в ней присутствуют кишечные палочки, вибрионы, энтеровирусы, сальмонеллы и множество других микроорганизмов. Присутствие всех этих микроорганизмов в воде может быть весьма длительным в зависимости от количества биологического субстрата, способности к спорообразованию, температуры воды, степени инсоляции и т. д. Например, кишечная палочка может жить в речной воде до 183 дней. Так же долго может жить возбудитель брюшного тифа. Холерный вибрион способен выживать до 92 дней, как и возбудитель туляремии и дизентерии [78]. Основным источником патогенных микроорганизмов в воде являются хозяйственнобытовые стоки, в каждом кубическом сантиметре которых может содержаться до 7 вирусов.

Загрязненная вода – причина инфекционных заболеваний в 80% случаев (данные ВОЗ). Примерно треть населения Земного шара лишена возможности потреблять чистую пресную воду. Особенно это касается сельского населения развивающихся стран, значительная часть которого (61%) вынуждена пользоваться недоброкачественной в эпидемиологическом отношении водой. Городское население повсеместно вынуждено употреблять плохо очищенную водопроводную воду. Кстати говоря, даже атмосферные осадки городов можно считать сточными водами. Это свидетельствует о катастрофическом состоянии природной среды, которой человек перестал уделять должное внимание.

Россия располагает большим количеством водных ресурсов, используя всего лишь 2% имеющихся запасов. Поразительно, что даже в этом случае мы ухитряемся загрязнять почти 90% природных вод на своей территории. Существующие технологии очистки явно злоупотребляют внесением в воду хлора. Это ведет к образованию в ней хлорсодержащих соединений, в частности хлороформа. Если норматив содержания хлороформа в очищенной воде, принятой в странах ЕС, составляет 10–60 мкг/л, то в России нам не удается довести его концентрацию до 150 мкг/л (таковы очистные технологии). Соответствующий экологический стандарт мы вынуждены узаконить на уровне 200 мкг/л. Данный стандарт выглядит явно необоснованным. Питьевая вода должна быть столь же безопасной при употреблении, как и всякий пищевой продукт. Требование это представляется естественным и должно иметь силу правовой нормы, т. е. должно быть достаточно жестким.

Мы вынуждены констатировать, что современное экологическое законодательство, к сожалению, не всегда действует в национальных интере-

сах России. Это видно на примере водного законодательства. Специалисты утверждают, что Водный кодекс РФ нуждается в концептуальном пересмотре с учетом того несомненного обстоятельства, что вода России является нашим национальным богатством, ее историческим наследием [38]. В нынешнем виде кодекс работает в интересах Всемирной торговой организации (ВТО) и транснациональных корпораций, открывая возможности приватизации в водном секторе. Сам Запад в лице Евросоюза бережно обращается со своими водными ресурсами как основным продуктом жизни, всячески защищая их от любого посягательства. Вода полностью исключается из рыночной сферы. Это кажется удивительным. Но жизнь, похоже, настойчиво требует ограничения рыночной стихии, прежде всего, в странах с высоким уровнем развития. И только в самых отсталых странах вода отдается в распоряжение частного сектора. Эта аморальная акция осуществляется под давлением транснациональных корпораций, Всемирного банка и прочих международных структур, подчиняющих себе волю национальных правительств, включая их законодательные органы. Аналогично было и с Водным кодексом РФ.

Механизм очень простой. Всемирный банк предоставляет кредиты для развития частного сектора в водном хозяйстве, так что услуги приватизированных предприятий в этой сфере оказываются под влиянием интересов иностранных компаний. Эти компании могут заявить свои права на водопользование, организовать водоотведение и водоснабжение на своих условиях. При этом проведение национальной природоохранной политики окажется под вопросом. Сопротивляться переброске рек, строительству плотин и прочих сооружений будет исключительно трудно.

За примерами далеко ходить не надо. Известно, что Водному кодексу РФ предшествовал проект «Реформирование водного законодательства РФ», выполненный Правительством Дании, представившей от имени Евросоюза финансовые средства на реализацию проекта. Не менее любопытный факт заключается в том, что данный проект был инициирован Администрацией Президента РФ [38]. Заметим, что вариант Водного кодекса, подготовленный в Минприроды России, был отклонен. Бельгийская фирма «Milieu Ltd» подготовила материалы технических регламентов «О водоснабжении», «О водоотведении», «О питьевой воде и питьевом водоснабжении» в рамках вышеупомянутого проекта и приняла участие в обсуждении проекта нового Водного кодекса РФ. Естественно, что такую организацию законодательной деятельности нельзя признать нормальной.

Ухудшение состояния водоемов происходит и при наличии всякого рода законодательных запретов. Например, установленный российским законодательством режим водоохранных зон постоянно нарушается. Береговые полосы в городах и пригородных зонах застраиваются и огораживаются несмотря на запреты. Зато свободный доступ горожан к берегам нередко бывает ограничен, что является незаконным. Ограничение доступа было бы целесообразно делать для автомобилей, для тех, кто склонен ос-

тавлять мусор на пляжах. Уместно будет напомнить, что движение и стоянка транспортных средств в водоохранных зонах запрещается Водным кодексом (2006 г.). Запрещается устанавливать любые сооружения (включая изгороди) в пределах береговой полосы, ширина которой определяется 20 м для большинства внутренних водоемов. Что касается водоохранных зон, то строительство здесь происходит в исключительных случаях по разрешению компетентных органов. Всякие иные строительные объекты подлежат сносу либо за счет государства (когда разрешения имели противоправный характер), либо за счет лиц, которые осуществили самозахват земель. Чиновники, выдавшие незаконные разрешения на строительство (а это случается не так уж редко), наказываются в судебном порядке.

В целом охрана водных ресурсов в современной России явно недостаточна. Более того, мы сплошь и рядом являемся свидетелями нарушений водохранного законодательства. Приходится признать, что дефицит пресной воды возможен даже в условиях значительного количества водоисточников. Нет поэтому ничего удивительного в том, что развивается индустрия «производства» чистой воды, с каждым годом все более поступающей на полки магазинов. Бизнес на чистой воде становится тем более выгодным, чем грязнее делается обычная водопроводная вода. Рынок зачитересован в дефиците чистой пресной воды. Тот факт, что при этом нарушаются каноны нравственности, предпринимателей (как, впрочем, чиновников и городские власти) особенно не волнует.

1.5. Деградация городской среды

Общее состояние городской среды сегодня вызывает большую тревогу. Уровень загрязнения атмосферного воздуха городов России превышает гигиенические нормы в 75% случаев, т. е. для 3/4 численности горожан. Источники загрязнения сконцентрированы, прежде всего, в городах, где размещаются тепловые электростанции и промышленные предприятия. Весомый вклад в это загрязнение делают автомобили, составляющие особую ценность и предмет престижа для современных граждан. Сегодня в ряде городов России на долю автотранспорта приходится до 75% и выше всего объема выбросов, загрязняющих воздух. Суммарное количество оксида углерода в автомобильных выхлопах более чем в 10 раз превышает выбросы этого газа стационарными источниками, а количество углеводородов и других органических веществ – более чем в 1,6 раза. Если бы топливо для автомобильных двигателей сгорало полностью, то в выхлопах мы находили бы только углекислый газ и водяные пары. Однако такого сгорания нет, и отработанные газы автомобилей содержат более 200 веществ, как правило, токсичных. Среди этих веществ мы находим оксиды азота, углерода и серы, углеводороды и альдегиды, сажу и бензапирен. Причем дизельные двигатели держат первенство по выбросам оксида азота и сажи, а карбюраторные – по выбросам оксида углерода и углеводородов. Оксиды азота и окисленных органических соединений дают о себе знать неприятным запахом. Автомобильные пробки, ставшие обычным явлением на улицах больших городов, являются источником интенсивных выбросов углеводородов и оксида углерода. Бензапирен известен своими канцерогенными свойствами. Количество канцерогенных веществ в дизельных двигателях, как правило, больше, чем в карбюраторных. Выхлопные газы концентрируются в приземном слое воздуха, что делает их более опасными, чем выбросы стационарных источников, происходящих, как правило, через высокие трубы.

Ситуация существенно осложняется, если в бензин добавляется тетраэтилсвинец в качестве антидетонатора. Благодаря этому в приземном слое воздуха оказывается довольно значительное количество свинца. С ростом числа автомобилей эффект свинцового загрязнения среды резко возрастает. Расчеты показывают, что при плотности движения 1000 автомашин в час и содержании свинца в бензине 5 г/л на каждый километр дороги с выхлопами поступает 30-40 г свинца ежечасно [49]. Воздух некоторых городов содержит свинца в 2000 раз больше, чем в местах, удаленных от человеческих поселений. Осаждение свинцового аэрозоля на земную поверхность из атмосферы происходит в течение 1–4 недель. К тому же, свинец плохо выводится из человеческого организма, что способствует накоплению этого яда в органах и тканях человека. Растительный покров вдоль магистралей тоже содержит значительное количество свинца, примерно в 17 раз больше, чем вдали от дорог. В городском воздухе содержится кон-центрация свинца около 5мкг/м³, а в крупных городах, насыщенных автомобильным транспортом, – в 2 раза больше. Заметим, что свинец, содержащийся в бензине, ухудшает работу каталитических преобразователей (нейтрализаторов), т. е. ухудшает дожигание углеводородов и оксида углерода в выхлопных газах. Все это является причиной запрещения использования этилированного бензина в ряде крупных городов и даже стран (например, в Японии). Тем более что существуют относительно доступные технологии получения антидетонационного горючего без свинцовых добавок. В России неэтилированный бензин, т. е. не содержащий тетраэтилсвинца, применяется не только в Москве, но даже в областях, имеющих большой автомобильный парк, например в Белгородской области.

Однако в целом это ситуацию не спасает. Город есть результат научнотехнических достижений, составляющих предмет особой гордости человека и пагубно воздействующих на окружающую среду. С этими достижениями тесно связаны предприятия, строительные организации, средства транспорта и т. д. Загазованность городской среды в результате автомобильных выбросов — это еще не все. Добавим к этому шумовое загрязнение, психологически напряженную ситуацию на дорогах и проездах, во дворах домов, и станет ясно, что массовая автомобилизация противоречит требованиям экологической этики. Городской шум, связанный прежде всего

с автомобильным движением, имеет одну неприятную особенность: человеческий организм не умеет к нему адаптироваться. В результате происходят различные функциональные нарушения в щитовидной железе, коре надпочечников, центральной нервной системе. Увеличивается риск гипертонии, изменяется активность мозга. Нервные заболевания обнаруживаются у 25% мужчин и 33% городских жителей Великобритании [100]. Уже отсюда напрашивается вывод: допущение к массовой эксплуатации такого достижения человеческого разума как автомобиль противоречит канонам экологической этики. Здесь можно найти аналогию с такими изобретениями как орудия убийства, отравляющие вещества типа диоксина и т. д., которые являются признаками нравственного несовершенства общества. Автомобилизация городов, утратившая сколько-нибудь разумные пределы и заключающая в себе орудие медленного убийства горожан, есть тоже признак нравственного несовершенства современного общества. Ценностные ориентации современного человека оставляют желать лучшего.

Но самое поразительное заключается в том, что наши политические и экономические деятели в упор не видят создающегося в городах нравственного и экологического дискомфорта. Уже в середине прошлого века известный американский эколог Б. Коммонер воспринимал автомобиль и самолет как трагический просчет цивилизации в отношениях с природой. Легко видеть, что до сих пор никто так и не принял всерьез этого мнения, и ныне автомобиль становится настоящим бедствием многих городов. Все что власти готовы делать — это расширять дороги и увеличивать число парковочных мест, устраивать мостовые и подземные переходы, укреплять контингент патрульно-постовой службы. На более серьезные меры государство идти не рискует. Для этого необходим более высокий уровень культуры и этики.

Французский теоретик и архитектор М. Рагон еще в 60-х гг. прошлого века в своей книге «Города будущего» называл автомобиль «неизбежным злом нашего столетия». А ведь это изобретение появилось на свет в 80-х гг. XIX в. Ныне городской ландшафт практически целиком подстраивается под автомобильное «население», в то время как пешеходы становятся скорее помехой, вызывающей раздражение водителей. Человек без колебаний идет на строительство магистралей и трасс, гаражей и автомобильных стоянок, даже если для этого приходится жертвовать привлекательным пейзажем, лесными насаждениями, внутридворовыми территориями для отдыха и детских построек. Города теряют человеческий облик, наполняясь шумом и газами, нескончаемыми потоками механических монстров с множеством привилегий. Город стремительно утрачивает функции здоровой среды обитания для человека. Возможно ли найти решение данной проблемы? Общественная элита и СМИ упорно хранят молчание на этот счет. Между тем совершенно очевидно, что неограниченный рост автомобилизации является порочным элементом техногенеза. Самое большее, на что сейчас многие начинают рассчитывать в связи с расширением рынка

биотоплива — некоторое снижение вредных выбросов в городскую атмосферу. Никого особенно не настораживает, что производство биодизельного топлива осуществляется в процессе переработки рапса, конопли, сои, бобовых культур, требующих довольно больших посевных площадей, не говоря уже об их пищевой ценности. Об иных отрицательных сторонах автомобилизации при этом вообще не думают. Экономическая выгода биотоплива по сравнению с нефтью решает все дело.

Пространство городов, предназначенное для концентрации человеческой культуры, становится чуждым и даже враждебным человеку. Замечено, что люди больших городов теряют интерес друг к другу, ограничиваясь исключительно деловыми отношениями, обретая в техногенной среде городов черты механических устройств. Состояние этой среды с ее неудержимо растущей автомобилизацией становится явно неудовлетворительным. Рост числа личного автотранспорта, иных технических и технологических «достижений» представляется катастрофическим, поскольку не сопровождается соответствующим духовно-нравственным совершенствованием человека. И мириться с этим фактом никак нельзя. Современный мегаполис — очевидное свидетельство ограниченности человеческого разума в сфере этических отношений.

Напомним далее, что город является потребителем огромного количества сельскохозяйственных продуктов, ухудшая состояние почв на огромных территориях и сбрасывая грязные отходы в водоемы и на городские свалки. Города стали источниками большого количества мусора. Например, г. Тольятти окружен 30-километровой зоной, в которой находится более 60 хранилищ отходов общей площадью 523 га. Городской мусор чаще всего не перерабатывается. Между тем бытовые отходы можно было бы перерабатывать в горючий газ. Соответствующие технологии для этого имеются. Город как основной элемент в системе расселения делает экологически неудовлетворительной всю эту систему. Особенности ее диктуются не экологическими требованиями, а исключительно экономическими интересами и соображениями.

Существует надежда, что область экологических отношений и технологий можно всецело подчинить интересам рынка. Например, в условиях жесткого экологического контроля экономически выгодным делом становится сооружение систем очистки сточных вод и отходящих газов. Рынок, вообще говоря, можно отрегулировать так, что производство с использованием экологически чистых технологий станет выгодным делом. В действительности, ситуация выглядит несколько иначе. Ныне существующие технологии даже в области пищевой промышленности нельзя считать экологичными, поскольку в условиях рыночной экономики основным критерием всякого производства становится чистая прибыль. Мало кто знает, что порошковое молоко приносит вред здоровью, и с середины 90-х гг. прошлого века оно было официально запрещено в странах Европы. Малоизвестен также факт выбросов в воздух такого опасного вещества как ди-

оксин при выпечке хлеба современными способами, когда в тесто замешиваются различного рода добавки (ароматизаторы, разрыхлители, средства против очерствления и т. д.). При этом сам хлеб может быть вреден для здоровья, как, например, хлеб «Рижский». Число подобных примеров легко можно было бы увеличить.

Наблюдается общий рост химического загрязнения организма городских жителей. Ухудшается состояние межклеточной жидкости, влияющее на гормональную среду организма. Такой организм становится менее жизнеспособным. Снижается вероятность появления здорового потомства и числа зачатий. Приходится признать, что химическая среда, в которой вынужден жить современный человек, изучена еще крайне недостаточно в экологическом контексте.

Современные города представляют собой язвенные образования на теле биосферы, нарушая принципы экологической этики и человеческой морали. Рост городов сопровождается ухудшением нравственного климата в межчеловеческих отношениях. Подобная зависимость указывает на то, что урбанизация в целом не может считаться положительным явлением с духовно-нравственной точки зрения. Урбанизация и этическое совершенствование общества оказываются несовместимыми. Современная система расселения в целом и особенности ее развития носят антиэкологический характер. Нравственная деградация общества выглядит вполне закономерным результатом. И, пожалуй, совсем не случайно высказывается мысль о том, что сельский образ жизни является своеобразным хранителем культуры межличностных отношений, этических ценностей. Город же превращается в средоточие зла и источник загрязнения природной среды. Связь загрязнения среды обитания человека с состоянием его генетического аппарата давно известна [68]. Не исключено, что урбанизация и рост онкологических заболеваний довольно тесно связаны.

Многомиллионные города являются показателем антиэкологичности выбранного пути социального развития. Сама возможность возникновения таких городов свидетельствует о несовершенстве человеческой цивилизации, сложившейся в течение последних веков. Экономический кризис, о котором так много говорят в последнее время, не столь страшен как экологический кризис, в который втягивается система расселения с ее мегаполисами, заключающими в себе множество разнообразных пороков. Характерным примером может служить московский мегаполис. Еще в 1930-е гг. было принято решение о создании лесопаркового пояса вокруг Москвы, площадь которого составляла 72 тыс. га. Этот рекреационный защитный пояс столицы сегодня практически уничтожен жилой застройкой [136]. Когда-то по территории Москвы протекало 800 малых рек и ручьев, сейчас их осталось только 140. Городская среда, которой стараются придать ухоженный вид, многое теряет в своих экологических качествах. Существенный момент — неудовлетворительное состояние почвенного слоя, даже в городских парках и скверах. Замечено, что почва городов стремительно

теряет свою биологическую активность. Исчезают почвенные насекомые, в частности дождевые черви. Искусственность городской среды становится источником многих опасностей.

У крупных современных городов нет будущего. Многие из них становятся городами для автомобилей, а не для людей. Чтобы такая судьба не постигла многие города в XXI в., необходимо, как минимум, всемерно развивать систему общественного транспорта. Это касается, в частности, и Москвы, где в начале 2010 г. обсуждался новый Генеральный план развития столицы до 2025 г., который, к сожалению, не отвечает многим требованиям высокого качества городской жизни [251]. И дело не только в том, что Москва не желает походить на Большой Токио или Большой Лондон. Главная проблема заключается в том, что урбанизация в условиях либерально-рыночных критериев развития перестает быть управляемой. Раньше всего это проявляется в нарушении баланса развития транспортной сети и плотности застройки. И происходит это не столько благодаря росту городского населения, сколько благодаря неуправляемым процессам роста автомобилизации. Напомним: личный автомобиль превращается в предмет престижа и материального благополучия, призванного демонстрировать масштаб и значимость личности.

С экологической же точки зрения обладание личным автомобилем нельзя признать целесообразным, поскольку это наносит слишком заметный ущерб городской среде. Тот факт, что в Европе на 1000 человек приходится 500-650 автомобилей, нельзя признать нормальным. К тому же автомобилизация со временем будет нарастать, если в обществе будут попрежнему господствовать потребительские запросы и ценности. В будущих городах улично-дорожная сеть должна все более уступать место городским паркам и скверам. А в американских городах площадь этой сети составляет 35%, в Париже и Лондоне – 20–25%, и это свидетельствует скорее о деградации городской среды, чем о ее благополучии, как полагает автор вышеупомянутой статьи [251]. Необходимая связность городских районов должна достигаться за счет развитой инфраструктуры общественного транспорта, а не за счет укрупнения автомобильных потоков. Застройка свободных территорий требует жесткого контроля. Ее надлежит решительно приостанавливать, расширяя площадь озеленения. Транспортная политика в современных городах явно не адекватна экологическим требованиям и стандартам. Будущее за экогородами, в которых автомобильная суета станет излишней. И нам не придется превращать места отдыха в систему автодорог и парковок. К тому же, экогорода будущей духовно-нравственной цивилизации теряют потребность в неограниченном росте. Чрезмерная концентрация людей в мегаполисах представляется противоестественной. В условиях духовно-нравственного развития общества многомиллионные города попросту исчезнут с лика Земли.

Глава 2 ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ НРАВСТВЕННОСТИ

2.1. Развитие как вселенский процесс

Прежде всего заметим, что нравственность есть естественноисторический феномен. Он появляется на уровне человеческого сознания, но для этого необходимы определенные исторические предпосылки. Эволюция в природе несомненна, как несомненно и то, что определенная направленность изменений в природе заключает в себе загадку, аналогичную загадке времени. Можно сказать, что эволюция представляет собой материализацию времени, а, следовательно, она обязана присутствовать во Вселенной, которую можно считать материализацией пространства. Ниже мы увидим, что для подобных суждений есть определенные основания. Ход естественной истории — инструмент для выявления основополагающих факторов общественного развития. И самое главное — оно оказывается закономерным элементом эволюции Вселенной. А, значит, человеческое сознание и разум можно считать продуктами вселенского эволюционного процесса.

Обычный взгляд на эволюцию предполагает изменчивость организмов на фоне стабильного природного окружения. Для организма важно наилучшим образом приспособиться к среде своего обитания. При этом упускается из вида, что в реальной действительности отношения «организм среда» вносят в понятие среды специфику, определяемую особенностями организма. Иными словами, природные среды различных живых организмов тоже различны. Природная среда насекомых и природная среда птиц совершенно неодинаковы по своим характеристикам. Специфические особенности живых организмов как бы «вырезают» из окружающей действительности определенный фрагмент, который мы, собственно, и называем средой обитания данных организмов. Окружающая природная среда человека и живущнго рядом с ним животного далеко не одно и то же, поскольку существует принципиально различная ориентация на потребляемые природные ресурсы. Человек и муравей видят окружающую действительность по-разному, и это объясняется объективным различием их среды обитания. А если учесть, что отношения «организм – среда» содержат в себе саму возможность существования различных объектов действительности, то эти отношения заключают в себе сущностную сторону бытия. Мы забываем о том, что нет бытия вне отношений, составляющих причинную основу бытия. Поэтому изменение объектов целесообразно рассматривать как результат изменения отношений. Как это происходит, вопрос особый.

Отношения «объект – среда» всегда значимы, но далеко не каждый раз поддаются рациональному описанию. Формализацию описания природных явлений с использованием специальных языков отнюдь нельзя считать признаком научной строгости, так как отношения «объект – среда» приходится насильственно разрывать, абстрагируясь от единства объекта с протекающими в окружающей среде процессами. А между тем сам факт существования любого объекта с большой степенью вероятности определяется этим единством.

В науке существует давняя тенденция объяснять целое на основании знания частей. Физики стремятся все понять, изучая элементарные частицы и атомы, биологи — изучая молекулярные процессы в организме. При исследовании общества наука, как правило, отталкивается от особенностей человеческих индивидов, совокупность которых образует общество. В частности, социология всю свою информацию черпает из индивидуальных опросов. Таким образом, методология редукционизма пронизывает самые различные отрасли знания, являясь источником многих заблуждений человека.

С подобных позиций окружающий нас мир выглядит аналогом искусственных конструкций, которые человек собирает из различных деталей. Но в таком случае мы обречены на непонимание происходящих в мире эволюционных изменений, отличий живого от неживого. Само вселенское бытие предстает перед нами в виде скопища материальных объектов, погруженных в пустоту. Понятие окружающей среды, которое органически входит в сущностные характеристики всякого объекта, отходит на второй план, становится некой помехой в наших усилиях познать вещи. Иными словами, мы готовы воспринимать мир, и все что в нем есть, искусственными конструкциями, подчиняющимися правилам формальной логики. Но в таком случае мир обязан быть статичным, в котором отсутствует время, превращенное нашим сознанием в аналог движения часовой стрелки. Нужно ли удивляться тому, что смертность в мире живого выглядит для нас неким недоразумением, которое мы готовы и даже, как нам кажется, обязаны исправить, используя методы генной инженерии и технологии клонирования. Мы не принимаем в расчет то обстоятельство, что жизнь осуществляется в соответствии с законом самовоспроизведения, которым предусматривается и феномен смертности.

Таким образом, управление жизненными процессами происходит со стороны системной целостности, и в конечном счете, со стороны Вселенной. Существенное значение целостности в организации и функционировании живого позволяет думать, что биологическое разнообразие и условия его существования обеспечиваются кооперацией живых организмов, отодвигая конкуренцию на второй план [74]. Именно в этом случае обретает реальный смысл понятие времени.

Как известно, в физике удается с успехом использовать язык математики. Формализуемость физики, по всей вероятности, объясняется тем, что эта наука определяет мир неживой природы в виде замкнутых систем, существование которых, как нам кажется, никоим образом не зависит от внешнего окружения. От этого окружения можно с успехом абстрагироваться, не теряя возможности предсказывать события. Физические объекты мы привыкли погружать в пустоту, которая выполняет функцию вместилища (пространства). С этой картиной, по-видимому, хорошо согласуются формализованные языки описания, подчиняющиеся строгим логическим законам. Отсюда появляется возможность математизации физических явлений, что знаменует торжество разума и сомнительные основания для восхищения наукой.

Нет ничего удивительного, что в мире живой природы возможность математизации оказывается резко ограниченной. Язык математического описания является попросту неадекватным многим особенностям биологических явлений. Он не может уловить сущностную природу этих явлений. Что касается математизации физических явлений, то в этом, возможно, заключена некая ограниченность видения физического мира, который может оказаться гораздо более сложным, чем представляется. В физике мы сталкиваемся с неоднозначностью интерпретации формализованных моделей, уравнений и формул. Это способно завести науку в тупик, что мы и наблюдаем в истолковании формул теории относительности. Слабость релятивистской идеологии — источник кризиса современной науки. Более подробно об этом говорится в книге «Экология и информация: новые идеи» [133].

Живые системы являются не просто открытыми, но существующими за счет накопления внешней энергии. Это становится возможным благодаря использованию информации. Поглощаемое вместе с энергией вещество приобретает упорядоченные формы. По мере эволюции живых систем антиэнтропийные процессы становятся все более интенсивными. Растет упорядоченность живой материи, которая является все более эффективным накопителем информации. Появление все более сложных организационных форм жизни приводит к их перестройке. В этих условиях становится целесообразной смертность отдельных живых организмов. Организационная перестройка не может быть непрерывной. Она возможна лишь путем смены поколений. А это значит, что воспроизводство живых организмов должно быть запрограммировано. В этой связи говорят о генетической запрограммированности. А если предусмотрен процесс воспроизводства поколений, то должен быть предусмотрен и процесс отбраковки старых поколений. Иными словами, в генетических программах обязан присутствовать «ген смерти». Так в ходе эволюции земной жизни произошла смена прокариотов, не способных к организационным перестройкам и усложнению, эукариотами, обеспечившими дальнейшую эволюцию живой материи путем смены поколений. Обязательность смерти открыла новые возможности для развития жизни.

Необходимость смены поколений потребовала от живой природы изобрести генетический код, выполняющий функцию передачи программ воспроизводства поколений. Об этом обычно говорят, как о передаче наследственной информации. Конечность бытия отдельного живого организма становится своеобразной гарантией того, что эволюция не зайдет в тупик и что будут усовершенствованы способы взаимодействия с окружающей природной средой. При этом возможности окружающей среды по отношению к организму тоже изменяются. Становятся ресурсами те элементы среды, которые раньше таковыми (т. е. ресурсами) не являлись. В этом смысле мы обязаны говорить также об изменчивости окружающей среды в ходе эволюции живых систем. Поэтому эволюцию надлежит понимать как процесс изменения отношений «организм - среда». Эти отношения существуют в виде прямых и обратных связей, как отрицательных (ответственных за гомеостазис), так и положительных (ответственных за эволюционные скачки). Если абстрагироваться от изменений окружающей природной среды, то эволюция живых организмов становится загадочной и лаже мистической.

Заметим, что изменение параметров окружающей среды тоже является дискретным процессом, поскольку связано с переработкой информации и принятием решений. Частным примером такой ситуации является решение искупаться в реке. Человек, который принял такое решение, входит в реку и тем изменяет параметры окружающей среды. Это изменение может быть только дискретным. Дискретным оно является и в ходе эволюционных изменений окружающей среды.

Интересно отметить, что отрицательные обратные связи существуют в естественной природе лишь у живых организмов. Без этих связей были бы невозможны гомеостатическое равновесие и целеполагание. Впервые это подметил П. К. Анохин, академик Академии медицинских наук РАН, крупный специалист в области медицинской биологии. Вместе с тем, эволюция жизни нуждается и в положительных обратных связях с природной средой. Благодаря этим связям возможны качественные перемены в жизни, рост разнообразия и сложности. Организация живой материи предполагает оба типа обратных связей. В противном случае была бы невозможна эволюция. Само появление обратных связей в природе представляется неразрешимой загадкой.

В любой экосистеме внутренние связи значительно сильнее внешних. Однако физическая (силовая) связность элементов экосистемы, определяющая ее целостность, не столь важна с точки зрения поддержания гомеостатического равновесия с окружающей средой, как внешние связи. Жизнь — это результат, прежде всего, внешних связей. Вместе с тем любая организация живой материи всегда неустойчива, что необходимо для смены поколений, т. е. для эволюции. При этом наследственность и естественный отбор объясняют далеко не все, в частности эволюционную тенденцию кооперирования живой материи. В качестве кооперативных ком-

плексов выступают практически все сообщества живых организмов, каковыми являются любые экосистемы, а также стада копытных, муравейники, термитники и, наконец, человеческое общество. Причем кооперация выступает как способ сохранения живых организмов и, одновременно, как адаптация живого мира к внешним условиям.

Стадный образ жизни, с которым мы сталкиваемся в живой природе, вырабатывает как индивидуальное, так и коллективное поведение. Правила коллективного поведения некоторым образом зависят от правил индивидуального поведения, но не сводятся к ним. Стадо и отдельные животные – это разные живые объекты. И если у отдельного животного поведение может регулироваться на генетическом уровне, то для регулирования коллективного поведения используется механизм информационного обмена между особями. Однако в обоих случаях поведенческие характеристики определяются петлями обратной связи живого объекта (особи или стада) с окружающей средой. А поскольку в этих случаях окружающая среда будет разной, то будут различными и способы гомеостатического равновесия живых объектов с окружающей их средой. Несводимость целого к частям связана с открытостью систем. Это относится как к физическим, так и к биологическим системам. Дело может доходить до того, что попытки сохранения индивидуального (собственного) гомеостазиса могут приводить к разрушению общего (коллективного) гомеостазиса, или наоборот. Например, сохранение живой системы в эволюционном процессе достигается благодаря смертности отдельных особей. Это общее правило. Эволюция всегда предполагает рождение и смерть элементов живой системы.

Направленность эволюции связана с увеличением масштабов кооперации и находит отражение в законе роста информации [131]. Благодаря этому мы можем говорить об объективном смысле категории времени во Вселенной наряду с категорией пространства. Вероятно, мы будем не так далеки от истины, если начнем рассматривать жизнь как продукт Вселенной (и этому вопросу уделим отдельное внимание), а не только как специфический процесс на планете Земля, обусловленный исключительно планетарными ресурсами и солнечной энергетикой. С этой точки зрения генная структура живых организмов может рассматриваться как закономерный результат эволюции. Значит, случайные мутации в этой структуре тоже не могут объяснять сущность эволюционных процессов.

тоже не могут объяснять сущность эволюционных процессов.

Существует вполне обоснованное мнение, что идеология дарвинизма не справляется с объяснением эволюции [153]. Эволюция не может касаться исключительно живой материи. В этом случае она была бы вообще невозможна. Жизнь есть одна из эволюционных стадий материального мира. Процессы усложнения структур и функций универсальны. Происхождение жизни — это всего лишь эволюционный переход неживой материи в живую. Что касается земной эволюции, то ее особенности теснейшим образом связаны с взаимодействием между горными магматическими породами и водой [244]. Понимание этого обстоятельства началось с открытия

специфических особенностей системы «вода – порода», которая в течение геологического времени может необратимо усложняться в силу своего равновесно-неравновесного состояния. Для этого система должна быть открытой, получая энергию из внешней среды и в ней может нарастать упорядоченность, т. е. происходить самоорганизация. Можно думать, что одни и те же механизмы эволюции имеют место как в живых, так и неживых системах, т. е. эти механизмы едины в своей сущности.

Благодаря своим удивительным свойствам вода связывает в единый эволюционный процесс живое и неживое. Поэтому жизнь не может возникнуть случайно, как иногда думают биологи, выделяющие живое в особое (даже божественное) проявление материального мира. Чем продолжительнее взаимодействие в системе «вода – порода», тем сложнее становится в химическом отношении водный раствор. При этом изменяется геохимический тип воды, увеличиваются масштабы эволюционных возможностей [244]. Являясь открытой неравновесной системой, «вода – порода» благодаря эволюционным изменениям придает новый смысл самому понятию времени, который прежде связывался с ростом энтропии. Необратимым становится упорядочение системы, а не хаотизация. В предисловии к английскому изданию книги «Порядок из хаоса» И. Пригожин писал, что «наука вновь открывает для себя время» [184]. Несмотря на то, что система «вода – порода» является абиогенной по своей сущности, она обладает механизмами эволюционных изменений, многие черты которых удивительным образом повторяются в живых системах [244]. Именно это обстоятельство дает право считать, что грань между живой и неживой материей носит условный характер.

По своему смыслу эволюционный процесс необратим. Именно это обстоятельство наводит на мысль, что эволюция дает нам право говорить о течении времени. Если бы мы не сталкивались с явлением необратимости, то суждения о времени не имели бы под собой должных оснований. Обратимость во времени есть логический нонсенс, хотя и допускается уравнениями физики. Само понятие о времени в этом случае исчезает. А поскольку время обладает свойством всеобщности, обретая статус философской категории, то мы вправе распространить данное понятие на Вселенную. Но тогда мы можем говорить об эволюции Вселенной. И, значит, эволюционный процесс, где бы он ни проходил, выступает как элемент эволюции Вселенной. Причем само существование Вселенной является неким выражением пространственной всеобщности, заключая в себе совокупность пространственно определенных вещей.

Направленная изменчивость вещей есть результат изменчивости Вселенной. И если бы это было не так, то изменчивость вещей тоже была бы невозможной. В частности, была бы невозможной эволюция на Земле, появление жизни и мыслящей материи вообще. Более того, человеческий разум и все, что происходит на планете Земля в процессе биологической эволюции, можно понимать как продукт эволюции Вселенной. На интуи-

тивном уровне это воспринимается как некая таинственная связь человека со вселенским «Разумом», давая основание говорить о Боге. Идущая от Бога нравственность с ее заповедями лишний раз подтверждает мысль о том, что нравственность выражает собой свойство отношения общества и человека с природой, благодаря которому становится возможным сохранение общества как части природы.

В религии закрепился тезис о том, что вначале было Слово. Это является элементом картины божественного происхождения Мира. Вместе с тем внимательный анализ квантово-механической картины Мира наводит на мысль, что наблюдаемый в мире Порядок возникает из Хаоса, окружающего Вселенную и представляющего собой предельную степень вырождения пространства и времени [257]. В широком смысле слова, возникновение Порядка из Хаоса, т. е. происхождение Вселенной, можно понимать как результат того, что в мире присутствует Информация, благодаря которой только и может возникнуть Порядок. Информация – это и есть эквивалент Слова, благодаря которому неопределенность (Хаос) переходит в определенность (Порядок).

Заметим, что Хаос в рамках новой интерпретации квантовой механики может пониматься как Ничто (небытие), и потому реализация представления о мире из Ничего с помощью Слова имеет оправдание, хотя и не может выводиться из логики. Разум запрещает миропонимание, если оно не согласуется в полной мере с законами логики. Заметим, однако, что в современной науке, имеющей дело с информацией, до сих пор нет удовлетворительной дефиниции информации. Существует, тем не менее, негласный запрет на вынос этого понятия за границы живой материи.

В свое время Декарт осознал, что сам факт мышления может выступать как доказательство нашего существования. Даже любое сомнение невозможно без мышления, и, значит, сомнение в существовании лишь подтверждает это существование. Но ведь человеческое мышление не вечно, а значит, оно не может быть причиной существования. Причиной существования должно быть нечто более фундаментальное. Мышления (разума) для этого недостаточно. Однако, если предположить, что Порядок во Вселенной, а следовательно, и сама Вселенная возникают из Хаоса, то данный переход является аналогом информационного процесса. Так что можно сказать, что причиной существования Вселенной является трансформация Хаоса в Порядок, т. е. некий информационный процесс.

Возникающее в природе многообразие структур предполагает однообразие «строительного» материала. Подобным образом мы строим множество разнообразных типов зданий из одного и того же материала – кирпичей, блоков. Однообразие микромира всегда дополняется разнообразием макромира. Эта особенность носит общий характер. Такова же особенность Информации: она растет на макроуровне, оставляя на микроуровне квантово-механический хаос. Иными словами, при переходе от микроуровня к макроуровню хаос сменяется порядком. Если принять, что хаос

предполагает отсутствие пространственной и временной определенности, то наличие порядка означает возникновение пространства и времени, а следовательно понятийную ограниченность последних. Возникать во времени могут лишь пространственно ограниченные вещи. Возникновение Вселенной из мирового Хаоса, впрочем, уже не может быть свидетельством пространственно ограниченной Вселенной, ибо применять понятие пространства к Хаосу мы не можем. И уж совсем нелепо звучит, что Вселенная появилась из некой «точки». Порядок всегда означает протяженность. Как уже говорилось, рост информации (точнее, структурной информации) по своему смыслу является макропроцессом, ибо обнаруживается только на макроуровне. Возникновение Вселенной, строго говоря, вовсе не означает начало временного отсчета, ибо применять понятие времени к Хаосу мы тоже не можем. Понятия информации, пространства и времени пригодны лишь на уровне Порядка. Человеческий разум не умеет отобразить должным образом этот феномен.

Сама возможность человеческого разума, как можно думать, связана с информационным механизмом творения Порядка. Можно сказать и так: человеческое мышление было бы невозможно в принципе, если бы отсутствовал такой механизм. Порядок, а вместе с ним и Вселенная были бы вечны. Иными словами, идея вечности не совместима с фактом существования мышления.

Если мы не сомневаемся в мышлении, следуя Декарту, то нельзя сомневаться и в том, что Мир существует. В свою очередь Мир существует как Порядок, рожденный из Хаоса и заключающий в себе Информацию в виде структурной упорядоченности. Эта Информация первична, тогда как информация, заключенная в человеческом мышлении, вторична. Отражение в человеческом мышлении первичной Информации обнаруживается в виде Божественного Разума. Нужно ли удивляться религиозному мировоззрению, провозглашающему акт божественного творения природы?

Итак, нельзя исключать того, что в появлении живых организмов и дальнейшем их развитии некоторым образом принимает участие вся Вселенная с ее глобальными законами творения Порядка из Хаоса. Если вспомнить, что появление обратных связей в технических системах стало возможным благодаря человеческому разуму, то можно думать, что творение Порядка из Хаоса происходит благодаря информационным процессам во Вселенной, о которых мы пока не имеем представления. Во всяком случае, сама Вселенная, окруженная Хаосом, дающим о себе знать в квантовомеханических явлениях, представляет собой олицетворение Порядка. Значит, информация является гораздо более фундаментальным явлением, чем те процессы движения и переработки информации, с которыми мы имеем дело в человеческом обществе и биологических системах.

Квантово-механическая картина мира органически включает в себя синтез Хаоса и Порядка. Вероятно, что именно такова Вселенная. Ее нельзя себе представить как очень большую систему, т. е. как объединение

множества объектов. Такое объединение предполагает определенность пространственных и временных характеристик. В условиях квантовомеханического Хаоса такой определенности просто нет. Понятия пространства и времени теряют смысл. Данные феномены исчезают, как исчезает локализация объектов. В этом состоит неопределенность Хаоса, который мы не имеем права понимать как хаотическое движение локализованных частиц, т. е. как аналог идеального газа. Хаос во Вселенной – это когда исчезают пространство и время. И только возникающий Порядок, таинственным образом связанный со свойством гравитации, обнаруживает себя в пространстве и времени. Сама определенность становится возможной благодаря гравитации. Заметим в этой связи, что гравитационное поле не поддается классической процедуре квантования, сопротивляясь распространению на гравитацию волновых представлений. Квантово-механический Хаос не может трактоваться как бытие чего бы то ни было. Мы бессильны задать какой-либо конкретный вид Хаосу. Представление о сложной перепутанности здесь не вполне подходит. Это небытие в подлинном смысле этого слова.

Картина разворачивания жизни действительно представляется загадочной. Можно думать, что земная эволюция является всего лишь элементом общего процесса развития во Вселенной, тесно связанного с так называемыми нелокальными взаимодействиями. Этот тип взаимодействий вытекает из квантово-механической картины мира, предполагающей фундаментальное отношение Вселенная — Хаос. Именно развитие во Вселенной дает нам право говорить о времени как универсальной категории. Причем универсальность этой категории как раз и наталкивает на мысль об универсальности вселенского процесса развития.

Мы вынуждены признать факт нелокального характера квантовых систем, что означает существование мгновенных действий на расстоянии и неразрывную связь любого элемента системы со всей системой. Поведение и свойства этого элемента определяются системой в целом. Дальнодействие свидетельствует о том, что связи внутри квантовой системы не носят привычного нам «силового» характера. Цельность этой системы совершенно особая вещь, выходящая за рамки классического мировоззрения. Система принципиально неразделима, как неразделима элементарная частица, например электрон, хотя существует пространственное разделение различных «частей» системы. Сами электроны могут быть представлены множеством пространственно расплывающихся «волновых пакетов», описываемых одной у-функцией. Связность квантовой системы позволяет говорить о едином квантовом состоянии, когда любая элементарная частица системы (электрон, протон и т. д.) не имеет локализованного положения, т. е. не находится в какой-либо точке пространства. Она должна рассматриваться как нелокализованная принадлежность всей системы. Например, электрон в проводнике является нелокализованной принадлежностью всего проводника. Усложнение органической системы, сопровождаемое пространственным разделением вещественных ее компонент с сохранением единого квантового состояния всей системы, дает новое представление об эволюции и единстве жизни [256]. Таким образом, современная физика идет навстречу новым эволюционным моделям, в рамках которых происходящие во Вселенной изменения тесно связаны друг с другом. Так что эволюция жизни на Земле выглядит как элемент общего процесса роста структурной информации во Вселенной.

Ко всему вышесказанному хотелось бы добавить обязательность нравственного совершенствования человека и общества, без чего разум переходит в свою противоположность, превращаясь в орудие суицида человечества. Нынешний эгоизм и стремление к обогащению и власти никоим образом не вписывается в каноны нравственности. Индивидуальное могущество призрачно, ведет к грехопадению и опустошению личности. Нравственное совершенствование есть цель всякого общественного развития, ибо ведет к духовному обогащению личности, ее гармонизации с обществом и природой, при которой достигается прочность и жизнеспособность социальной системы. Подлинное могущество личности является результатом кооперации (объединения) личностей, благодаря открывающейся возможности проявлять свои качества с помощью этой кооперации. Успешность дальнейшего хода развития цивилизации целиком и полностью зависит от того, удастся ли нам реализовать идеалы добра и справедливости в условиях усложняющегося общества с его инновациями и прорывными технологиями. Соблюдение нравственности в усложняющемся мире тоже усложняется.

Н. Моисеев считает: «Все, что связано в организме с процессами регистрации, переработкой информации и с последующей затем процедурой выработки его поведения (т. е. принятия решения), можно назвать его нервной системой» [142]. Определение это звучит несколько обще, что наводит на мысль об «организме» Вселенной, в котором существуют процессы регистрации и переработки информации, т. е. некий аналог нервной системы. Четкого представления об этой «нервной системе» у нас, к сожалению, нет. И все же хочется думать, что жизнь на Земле возникла и развивалась, скорее всего, не изолированно, а в контексте общих процессов самоорганизации во Вселенной. И если бы дело ограничивалось только обработкой простых рефлексов, то жизнь очень скоро оказалась бы в эволюционном тупике.

В истории человечества фундаментальную роль играет система нравственных категорий, эволюционирующая в связи с накоплением в обществе информации и модификации видов и способов разумной деятельности. Первоначальные регуляторы поведения, определяемые нравственными требованиями, не могут не совершенствоваться, ибо накопление рациональных знаний изменяет общество. И чтобы сохранить изменяющееся общество, приходится совершенствовать систему нравственных категорий, что и понимается как эволюция этики. При этом фундаментальная роль

этики остается, воплощаясь в духовно-нравственной картине мира, которая составляет сущностную сторону мировоззрения. На связь мировой истории с развитием мировоззрения указывается в известном трехтомнике «Проект Россия» [187]. К сожалению, рациональная компонента мировоззрения может усиливаться, подавляя его этический смысл. В этом случае возникает так называемое материалистическое мировоззрение. В рамках этого мировоззрения Вселенная понимается как мертвое скопление материи и энергии, заполняющее бесконечную пустоту. Жизнь на Земле — случайность. Значит, случайностью является и информация. Случайным придется трактовать и всякий переход от Хаоса к Порядку во Вселенной, которая изначально была и вечно останется воплощением Порядка мертвой материи.

Мы все являемся свидетелями того, что разум бессилен объяснить и выразить некоторой формальной схемой любой процесс развития. Это одна из причин, что мы не умеем рационально объяснить процесс формирования биосферы и происхождения жизни на Земле. В этой связи ряд ученых высказывает гипотезу о космическом (внеземном) происхождении жизни. Но даже если жизнь была занесена на Землю из космоса, эволюционные процессы во Вселенной продолжают оставаться за границами разума. И неудивительно, что в современной биологии некоторые исследователи готовы обратиться к креационизму, противопоставляя его любым моделям эволюционизма [83].

2.2. Факторы устойчивости экосистем

Устойчивость экосистем изучена пока не столь хорошо, как устойчивость популяций. Первое, что приходит в голову, это связать с понятием устойчивости сохранение видового состава по отношению к внешним воздействиям. Однако для многих экологов-практиков такой подход кажется упрощением, и они ставят устойчивость экосистем в зависимость от числа видов и сложности межвидовых связей. Как бы то ни было, ответить на вопрос, почему большинство экологических сообществ устойчиво, не так просто. Сообщество, в котором имеются сложные пищевые связи и существует множество возможностей для переноса энергии, обычно менее чувствительно к изменению численности одного из видов. Прочие популяции слабо реагируют на такие изменения. Известно, что высокая степень устойчивости присуща экосистемам тропического леса, обладающим большим разнообразием. Леса с относительно небольшой степенью разнообразия (например, бореальные леса) характеризуются резкими колебаниями численности отдельных популяций млекопитающих и насекомых [214]. Замечено, что сообщества с большим числом видов обладают более высокой степенью устойчивости. Однако при увеличении размеров этого сообщества (общего числа особей) устойчивость снижается. Случается, что и разнообразие не помогает. В устойчивых сообществах рост разнообразия обычно сопровождается снижением связности между видами. Увеличение взаимосвязности не всегда желательно с точки зрения устойчивости, хотя восстановление сложноорганизованных сообществ обычно происходит быстрее.

При нестабильных внешних условиях существует тенденция упрощения сообществ. Однако независимо от стабильности внешней среды закон обратной зависимости между числом видов в сообществе и связанностью сообщества сохраняется во многих случаях. В целом более сложные сообщества легче поддаются разрушению. Это значит, что при изменении глобального климата на Земле произойдет разрушение многих земных экосистем. Сохранятся лишь те многовидовые сообщества, у которых интенсивность взаимодействий между видами незначительна. Иными словами, более устойчивыми являются сообщества с разделенными и слабо взаимодействующими видами. Но в таком случае в природе весьма существенными становятся кооперативные и комменсалистские (форма симбиоза) взаимодействия, при которых возникает эффект интеграции отдельных видов. Появляющиеся таким путем «сверхвиды» приводят к уменьшению видового разнообразия сообщества и повышению его устойчивости в силу эффекта разделения видов. Кооперацию и комменсализм можно рассматривать как важный фактор эволюции живых систем на Земле.

В литературе высказываются соображения, что земные экосистемы можно рассматривать как иерархическую совокупность нескольких уровней (продуцентов, консументов и сапрофитов), обретающую устойчивость при соответствующем соотношении биомасс различных трофических уровней [214]. В этом случае сообщества представлены не видами, а некоторыми функциональными подсистемами. При необходимости в иерархической структуре можно выделять первичные, вторичные и третичные консументы.

Ситуация осложняется благодаря преобразующей деятельности человека. Замена естественных экосистем искусственными ныне составляет уже порядка 63% [77]. К тому же нужно иметь в виду, что поддержание искусственных экосистем в надлежащем порядке требует определенных человеческих усилий. Самостоятельное существование этих сообществ невозможно. Замещение биосферы техносферой уничтожает механизм саморегулирования живой природы Земли. Взять на себя функцию регулирования жизненных процессов на Земле было бы чересчур самонадеянно для человеческого разума. И сейчас есть основания думать, что мы перешли порог дозволенного, а биосфера Земли находится в состоянии деградации. Например, в земледелии мы имеем факт стремительного падения качества и плодородия земель. К настоящему времени количество используемых земель меньше количества потерянных [65]. Об этом уже говорилось выше.

Проблема определения пределов устойчивости экосистем слишком сложна, чтобы говорить с полной определенностью о масштабах угрозы,

нависшей над человечеством. Но это означает только, что современная наука и производство не имеют нравственных оснований для прогресса вслепую. Сложный характер строения и функционирования экосистем порой наводит на мысль об ограниченности существующих представлений в сфере научной методологии. В частности, мы слишком доверяем классическим методам линейной динамики, в рамках которых окружающий нас мир видится в упрощенной форме. В реальной действительности это далеко не так.

Определенная надежда воздагается на синергетический подход к исследованию развития в экосистемах [230]. Нелинейный мир представляется более интересным и богатым [16]. Появляется возможность объяснить многие скачкообразные явления в живой природе. Известно, например, что растительные экосистемы скачкообразно реагируют на плавные изменения параметров абиотической среды. Это наводит на мысль, что аналогичные вещи могут происходить в биосфере при незначительных изменениях температуры или атмосферной циркуляции. Устойчивость экосистем может оказаться простой видимостью. Если посмотреть с этой точки зрения на техногенные изменения биосферы, то создается впечатление, что человеческий разум действует вслепую. Человек преобразует природу лишь постольку, поскольку он может это делать. Последствия своих действий разум далеко не всегда способен оценить, а еще чаще – вообще не интересуется этим. Тенденция преобразования природы чрезмерно затянулась и должна уступить место различным способам восстановления природных систем. Опорой человеческой деятельности должен быть не столько разум, сколько нравственность. Разум, который нельзя назвать нравственным. обретает демонические черты, становится слишком опасным как для общества, так и для природы.

Существует представление, что усложнение комплекса связей в экосистеме может вести к повышению степени ее устойчивости [145]. Однако это будет происходить лишь при наличии эффективной «управляющей» подсистемы на верхнем иерархическом уровне. А это случается далеко не всегда. Если взять человеческое общество, то усложнение связей в социуме (например, информационных) может привести к снижению степени устойчивости, особенно при разрушении базовых ценностей.

Когда речь идет о социальных системах, то их устойчивость обычно оценивается по способности противостоять различным негативным изменениям. Такого рода изменением считается, в частности, ухудшение экологической ситуации. Если общество допускает растущее загрязнение природной среды, то можно говорить о его деградации. Общество становится неблагополучным, теряя способность удовлетворять жизненные потребности людей. В таком обществе наблюдается рост конфликтности в межчеловеческих отношениях. Поэтому деградация обнаруживает себя не только в расширении ареалов бедности, но и в разрушении системы духовнонравственных ценностей. У нас еще будет возможность в этом убедиться.

Вернемся в мир биологических систем. Напомним: устойчивость систем часто связывают с ростом разнообразия. Разнообразие в природе обнаруживается в процессах структуризации материи. Биологическое разнообразие важно для поддержания системы жизнеобеспечения на планете и устойчивого функционирования биологических сообществ. Экосистемы в климаксном состоянии достигают максимальной степени своих регулятивных способностей и устойчивости существования. Что же касается биопродуктивности, то более высока она бывает на ранних и средних стадиях сукцессии. Снижение биоразнообразия вследствие эксплуатации экосистем человеком ведет к ослаблению регуляторных функций биологического сообщества в целом. При этом нарушается замкнутость трофических циклов, ухудшается среда обитания для различных живых организмов, происходит потеря устойчивости экосистем. Эксплуатация климаксных сообществ нецелесообразна.

Существует и еще один важный момент. Степень устойчивости экосистем во многом зависит от поведенческих характеристик входящих в экосистему представителей животного мира. Состояние движения включает многие компоненты экосистем. И если бы законы поведения перестали работать, то экосистема была бы разрушена. Эта исключительно важная сторона дела нередко выпадает из сферы внимания исследователей. Законы поведения биологических объектов сродни законам движения физических объектов. И если бы эти физические законы перестали вдруг работать, то существование системных объектов стало бы невозможным. Аналогичная ситуация имеет место в экосистемах, популяциях и в любых коллективных системах (стадах животных, стаях птиц, муравейниках и т. д.). В биологических системах тот или иной тип поведения закрепляется на генетическом уровне, что собственно и позволяет говорить о законах поведения. В случае высших животных возможно также закрепление правил поведения через обучение, т. е. с помощью условных рефлексов. Нарушение законов и правил поведения в биологическом мире происходит достаточно редко, что позволяет говорить об усложнении и эволюции биологических систем. Причем усложнение может выражаться в росте видового разнообразия. Устойчивость самих поведенческих характеристик тоже не абсолютна и со временем они могут изменяться и усложняться.

Подчеркнем значимость другого аспекта, которому уделялось внимание в связи с проблемами эволюции. Формирование новых структур в природе можно понимать как результат роста информации, фиксирующей себя в этих структурах. Возникновение разнообразия в обществе, ведущее к различным культурным образованиям, есть тоже результат роста информации в обществе. При разрушении нравственности это неизбежно приводит к потере устойчивости социальной системы, что способствует тенденции роста силового контроля. Этот контроль стремятся упростить внедрением тонких технологий в управлении интеллектуально-психическими процессами. Такая борьба с растущим разнообразием в социуме представ-

ляет собой попытку искусственного торможения естественного развития при явном дефиците внимания к нравственным законам.

Безнравственность является, пожалуй, основным признаком общественной деградации. Из истории мы знаем, что распаду государств и империй всегда предшествовало разрушение систем ценностей. В этих условиях какая-либо внешняя агрессия всегда была смертельной. Таким образом, устойчивость общества во многом зависит от прочности ценностных систем или, если говорить более точно, от нравственного состояния общества. Привычная мысль о том, что общество есть часть природы, означает взгляд на общество как на экосистему, устойчивость которой зависит от сложившихся нравственных отношений. Поэтому-то экологический кризис есть признак нравственного кризиса в обществе. Связь между экологией и этикой, на которую приходится натыкаться сплошь и рядом, слишком важна. На этом вопросе стоит остановиться подробнее.

2.3. Экология и нравственность

В эволюции мира живой природы громадное значение имеют формы поведения живых организмов, которые во многих случаях являются генетически обусловленными. Изучением всех этих форм поведения занимается этология (раздел биологии). И хотя эта наука сформировалась еще в 30-е гг. XX в. благодаря работам австрийца К. Лоренца и голландца Н. Тинбергена, роль законов и правил поведения в развитии живых систем не нашла пока должного отражения в эволюционной картине мира. Несомненно одно: особенности поведения таковы, чтобы обеспечить устойчивость живых систем в эволюционно сложившейся среде обитания. Для нас важен тот факт, что поведенческие (этологические) характеристики живых систем имеют экологическое основание. Иными словами, законы поведения диктуются экологическим императивом. Более того, в случае необходимости они закрепляются на генетическом уровне и, тем самым, обретают фундаментальную значимость в отношениях «организм – среда». На более высоком уровне закрепление поведенческих стереотипов происходит на рефлекторном уровне. Механизмы наследственности и рефлекторные механизмы находятся в тесном сотрудничестве друг с другом. Благодаря этому становится возможным усложнение поведения.

Простейший механизм передачи поведенческой информации, повидимому, закрепленной в генетике животных, сводится к императиву «делай, как я!», который осуществляется с помощью безусловного подражательного рефлекса. В последующем на этой основе вырабатывается поведенческий «язык» (вспомним в этой связи «танцы» пчел). В ходе социального развития, когда появляется человеческое общество, язык достигает совершенства. И ныне трудно себе представить, что его первичный смысл связан с задачей передачи поведенческой информации (в рамках

общества обретающей смысл нравственных правил). Заключенные в нравственных правилах стереотипы поведения, в сущности, несут в себе функциональные элементы праязыка. Безусловный подражательный рефлекс, имеющий генетические корни, позволяет догадываться о том, почему праязык может быть понятным только что родившимся животным.

При возникновении условных рефлексов происходит усложнение языка, ибо возникают стереотипы поведения, которые не наследуются генетически, а передаются лишь с помощью обучения. С возникновением разума происходит осознание стереотипов поведения и появляется понятие нравственности. При этом на смену генотипа человека приходит «социальный генотип», в котором закреплены нравственные основания общества. Становится понятной фундаментальная роль этических отношений в социальной системе. В этих отношениях оказываются спрятанными глубинные связи общества с окружающей природной средой. Этика и экология попадают в близкие родственные отношения. А понятие памяти, с которым мы связываем феномен передачи информации, становится причиной появления в нашем сознании понятия времени. Это лишний раз подчеркивает вселенский характер процессов развития, таинственную связь всего того, что происходит на Земле, с тем, что происходит во Вселенной.

Условный рефлекс можно понимать как закрепленное в памяти информационное воздействие. Поэтому организм однообразно отвечает на определенные сигналы. В этих ответах как бы фиксируется смысл тех или иных символов. Можно сказать, что условный рефлекс есть механизм, при помощи которого организм «читает» поступающую информацию. При эволюционном усложнении этого механизма расширяются возможности усвоения более сложной информации. В целом поглощение информации способствует росту упорядоченности биологических систем и их сохранению.

Аналогично в физическом мире рождение Порядка из Хаоса возможно трактовать как результат усвоения некой информации. Причем сохраняющийся порядок есть своеобразная память об информационном воздействии. Говорить об условных рефлексах в этой ситуации вряд ли возможно. Однако появляются основания заявить об эволюции Вселенной, заключающейся в переходе от Хаоса к Порядку. Последний, собственно, и обнаруживается как Вселенная. Циркулирующая в природе информация, лежащая за пределами сознания, по своей сути не может угрожать разрушению порядка и быть ложной. И лишь человеческому сознанию становится присущим феномен ложной информации. Именно разум способен творить ложь, в то время как нравственные регуляторы поведения органически несовместимы с ложной информацией. Нравственность всегда несет с собой истинность, тогда как разум способен подталкивать к нравственным извращениям.

Передача эстафеты генетической памяти к «памяти общества» в ходе развития позволяет понять, почему 30–40 тыс. лет тому назад практически остановилось формирование человека как биологического вида. Анало-

гичная стабилизация общества может произойти при передаче эстафеты «социальной памяти» к «памяти Вселенной». Однако представить себе, как это может произойти, пока что нам не под силу. Сегодня мы можем с большой степенью уверенности констатировать, что морфологическое совершенствование человека закончилось. Более того, прекратилась, надо полагать, биологическая эволюция на планете. Генетический фактор живых организмов, похоже, сделал все возможное. Благодаря этому фактору был сотворен Homo sapiens. Ничего более сложного на основе генетической памяти сделать уже нельзя. Что касается социальной эволюции, то она имеет под собой определенные этические основания. Однако глубинные элементы этого основания соприкасаются со сферой безусловных рефлексов, закрепленных генетической памятью. На заре человеческого общества таким элементом, охраняющим форму коллективной жизни, был принцип «не убий!». Н. Моисеев говорит, что этот принцип «занимает исключительное место в становлении человеческого общества» [142]. Но в таком случае придется признать, что и развитие человеческого общества базируется на нравственных принципах. И если жизнедеятельность общества (экономический и научно-технический прогресс) не предполагает доминирования этих принципов, то изменения теряют прогрессивный характер, как это и произошло в эпоху Реформации, породившей культ богатства и становление капиталистических отношений.

Всякий живой объект можно описывать, используя законы физики и химии, но это вовсе не означает, что такое описание будет исчерпывающим. Наоборот, наиболее существенные особенности живого объекта останутся необъяснимыми в силу принципиальной открытости такого явления, как жизнь. Если принять во внимание высказывание Н. Моисеева о том, что «функционирование обратных связей, сохраняющих гомеостазис, – это и есть жизнь» [142, с. 94], то можно думать, что такой тип связей является характеристикой отношений живого объекта с окружающей средой. Последняя, строго говоря, не является пространственно ограниченной. Редукционизм, т. е. сведение жизнеописания к использованию законов физики и химии, вряд ли можно считать допустимым. Знания этих законов недостаточно, чтобы отобразить существо отношений «объект – среда», в которых замешана информация. Понятие информации и понятие обратных связей в живых системах обходиться друг без друга, вообще говоря, не могут. Именно описание обратных связей, заключающих в себе движение и преобразование информации, приводит нас к понятию функций поведения. Именно постольку в живых системах порождается стремление и возможность сохранить гомеостазис. На это и нацелены функции поведения. Поведенческие характеристики живых систем уже нельзя объяснить с точки зрения физики и химии. В нашем распоряжении остаются лишь методы опытного изучения. С помощью этих методов и выявляются правила поведения.

Нервная система высших животных уже способна к обработке информации и предвидению событий, т. е. к прогнозам. Появляется способность к кооперативному поведению, обладающему чертами совместного бытия, т. е. к объединению живых организмов в коллективные системы. Более того, многоклеточные организмы можно тоже рассматривать как результат кооперации. Кооперация увеличивает жизнеспособность входящих в нее организмов за счет эффекта кооперативного поведения. Правила кооперативного поведения у животных являются аналогом норм нравственности в человеческом обществе. Поведение животных происходит неосознанно, и постольку мы говорим не о нравственности, а о стереотипах поведения. В самих живых организмах есть кооперативные связи (между клетками или отдельными органами), но нет кооперативного поведения. Стоит привести слова К. Мазера о единстве сотрудничества и конку-

Стоит привести слова К. Мазера о единстве сотрудничества и конкуренции в биологическом мире: «...Конкуренция на любом уровне организации живого, происходит ли она между целыми клетками или между частями клетки, всегда, хотя бы в потенции, сопровождается сотрудничеством, а сотрудничество таит в себе, хотя бы в потенции, конкуренцию. Взаимосвязь сотрудничества и конкуренции пронизывает все уровни организации живого, усложняясь в процессе эволюции органического мира» [171]. Конкуренция обычно происходит в условиях ограниченных ресурсов (территория, пища и т. д.). И все же данное противостояние выступает, скорее, как своеобразная плата за преимущества, которые дает кооперация. Кооперация ведет к усложнению поведенческих функций элементов биологической системы. И если этологическая структура оказывается недостаточно совершенной, то возникают различные эффекты дезорганизации системы и снижение ее репродуктивного потенциала.

Итак, кооперативное поведение — это согласованное поведение отдельных живых элементов внутри некоторого множества, которое благодаря такому поведению становится системой, т. е. устойчиво функционирующим сообществом. Примерами живых систем являются косяки рыб, термитники, муравейники, стада копытных животных и т. д. Соответствующие правила поведения во многих случаях имеют генетическую обусловленность либо закрепляются в виде условных рефлексов. И только в человеческом обществе они обнаруживаются на уровне сознательной деятельности в виде нравственных правил поведения.

Человеческое общество является примером высшего кооперативного объединения, в котором кооперативное поведение осознанно регулируется законами этики. Подчеркнем: нравственность появляется в результате осознания правил кооперативного поведения. Однако и в этом случае они остаются иррациональными, лежащими за пределами логического объяснения. Отметим только следующее важное обстоятельство. По мере усложнения общества в процессе развития человеческого разума усложняется и поведение людей, что сопровождается увеличением разнообразия нравственных правил поведения и определенной модификацией этих пра-

вил. Лишь в этом случае они могут выполнять свое природное (экологическое) назначение — обеспечивать сохранение живой системы. Изменчивость нравственных отношений, обусловленная трудовой деятельностью, является специфической особенностью социальных систем, которую мы не наблюдаем в обычных биологических системах. Этим общество отличается, например, от муравейника, в котором мы наблюдаем стабильность кооперативных отношений. Сложность кооперативного объединения здесь зафиксирована.

Впрочем, даже у животных, ведущих стадный образ жизни, правила кооперативного поведения могут удивлять этологов. Так, известны примеры альтруистического поведения животных, когда они жертвуют собой ради сохранения самок и потомства или даже ради самого стада. Включение в стадо сопровождается частичной утратой свободы поведения. Животное как бы жертвует частью своих «интересов» ради общего блага, но зато увеличивает собственные шансы на выживание. Правила кооперативного поведения, ограничивая индивидуальную свободу, в то же время устанавливают гармоничные отношения между животными внутри стада и стада в целом с окружающей средой. Аналогичным образом нравственные правила устанавливают гармоничные отношения между людьми внутри общества и общества с природой. Эти правила являются, следовательно, не только внутренней качественной характеристикой коллективной системы, но и характеристикой связи этой системы с окружающей природной средой, т. е. выступают характеристикой экологических связей. Нравственность является, таким образом, своеобразной мерой уровня организованности человеческого общества и, в то же время, мерой приспособленности общества к окружающей природной среде. Правила нравственности должны некоторым образом передаваться из поколения в поколение, и нельзя исключать того, что некоторые из них хранятся в закодированном состоянии в генотипе человека. Прочие же правила кодируются в «генотипе общества». В последнем случае мы говорим о механизмах обучения и о «памяти общества». В отличие от генетической памяти «память общества» необходима для передачи поведенческой информации, заключающей в себе нормы нравственности, которая способна некоторым образом моди-

фицироваться по мере усложнения общества.

П. Кропоткин не без оснований полагал, что наибольшие шансы выживания имеются у тех видов, которые, повинуясь инстинкту, более последовательно соблюдают требования взаимной поддержки, тогда как те виды, которые этого не делают, вымирают [109]. В свое время даже Ф. Бэкон (1561–1626) ценил более высоко инстинкты общественной (коллективной) значимости, чем инстинкты индивидуальной. Тот факт, что группы животных часто действуют как одно целое благодаря взаимной поддержке в ходе столкновения с неблагоприятными условиями жизни, отмечали многие биологи. Более того, они вынуждены были признать, что именно взаимная помощь на внутривидовом уровне является главным

фактором так называемого прогрессивного развития. Общественный инстинкт у человека становится источником всех этических понятий и всего последующего развития нравственности. «Природа может поэтому быть названа первым учителем этики, нравственного начала для человека», – писал П. Кропоткин [109, с. 55].

Французский философ О. Конт (1798–1857), изучая значение общественного и индивидуального инстинктов, без колебаний отдает предпочтение первому. На этом предпочтении можно строить философию нравственности, оторвавшись от сверхчувственных принципов и начал бытия (как это делает метафизика) и порвав с теологией. Удивительно, но английский биолог Х. Гексли (1825–1895) не сумел разглядеть в нравственных принципах природное начало, склоняясь к мысли о божественном внушении привычек морали. Это было тем более поразительно, что Х. Гексли знали как атеиста, т. е. неверующего. Зато сам Дарвин, учение которого пропагандировал Гексли, больше склонялся к О. Конту, полагая, что в стадной жизни животных общественные инстинкты способны превалировать над инстинктом самосохранения: настолько они сильны. Отсюда нетрудно сделать вывод о том, что нравственное начало в человеке является продолжением инстинкта общительности в жизни животных, обретшее форму вербальных предписаний благодаря разуму и языку.

Сила нравственных законов столь велика, что И. Кант (1724–1804) провозгласил их в качестве формального внутреннего повеления – категорического императива. Найти этому императиву естественное объяснение он так и не сумел. Между тем широко распространенная в природе общественная жизнь не могла не привести к жестким правилам поведения, осознание и развитие которых на более высоком уровне (когда появился разум) обернулось появлением этических требований. Общее из этих требований: не делай другим того, чего не желаешь, чтобы другие делали тебе. В этом можно видеть стремление к равноправию, которое составляло самую основу еще родового быта [109]. Категорический императив, в сущности, содержит в себе требование равноправия, в котором издавна зародилось представление о справедливости. Ограничение равноправия началось, видимо, с появлением в обществе таких вещей как частная собственность и власть, с которыми возникает понятие о привилегированном положении в обществе.

В свое время И. Шмальгаузен стремился связать процесс эволюции с усложнением организации [248]. Однако при этом важно учитывать состояние поведенческих характеристик живых организмов и систем, входящих в организацию. Поведение живых объектов в рамках организации должно быть адекватным общей задаче сохранения организации. В обществе, где правила поведения становятся осознанными, обнаруживая себя в нравственных требованиях, процессы усложнения организации могут быть роковыми при нарушении этих требований. К сожалению, интуитивный характер нравственных предписаний в обществе, в котором нарастают

мотивы рациональности, способен ослаблять силу нравственных требований. Ситуация может резко осложняться в условиях культа разума, когда критерии экономической целесообразности и научно-технического прогресса берут верх, отодвигая на второй план стремление к добру, честности, чувству долга, отзывчивости и порядочности.

Важнейшая организующая роль социального поведения для процессов эволюции подчеркивается в работе Е. Панова со ссылкой на позицию Ч. Дарвина, который считал внешние условия вторичным фактором эволюционных изменений [171]. Вместе с тем подобная автономизация поведенческих механизмов способна привести биологическую систему в тупиковое состояние, чреватое вымиранием популяций. Отрыв законов поведения от экологических условий, который порой происходит в природе, не остается безнаказанным для эволюции биологической системы. К сожалению, в человеческом обществе так именно и произошло, поскольку организационные трансформации совершались без какого-либо учета экологических последствий. Поведенческая организация, всецело подчиненная эгоистическим интересам в условиях частной собственности и рынка, теряет свои глубинные связи с природой. Поведенческие модели такого рода не могут не привести цивилизацию в экологический тупик.

2.4. Необходимость экологической этики

В современном неспокойном мире, погружающемся в пучину экологического кризиса, надлежит побеспокоиться о восстановлении утраченных ценностных ориентиров в отношении общества к природе, вместо того чтобы создавать новую систему ценностей. Идея обновления этической системы, о которой иногда пишут [60], не так актуальна, как идея восстановления разрушенного института нравственности в результате Реформации 16–17 вв., подтолкнувшей к протестантской этике. Ныне кажется парадоксальным, что члены общества поодиночке, как индивиды, не совершают в отношении природы ничего особенно предосудительного, но общество в целом ускоренными темпами разрушает среду своего обитания. Между тем ситуация довольно простая: аморальные поступки людей, особенно тех, кто занимает высокое положение в обществе, складываясь, приводят к ослаблению экологических интересов. Экологические установки становятся нецелесообразными хотя бы потому, что они экономически (особенно с позиции максимально быстрой окупаемости) не выгодны. То, что сама эта позиция в своей основе аморальна, нравственно ущербна, никого особенно не волнует, поскольку люди теряют нравственное чутье. Кажется, что слуги бизнеса не совершают в отношении природы ничего особенно предосудительного, но общий результат их деятельности оказывается плачевным. Это особенно хорошо видно на примере России. Ныне мы являемся свидетелями малообоснованных перестроек в системе управления экологической деятельностью. Работники природоохранительных органов безответственно относятся к своим обязанностям. И это мало кого волнует. Есть все основания говорить о низкой экологической культуре нашей руководящей элиты, государственных служащих [89].

Обосновать необходимость морали мы, как правило, не умеем, и поэтому обращаемся к Богу, ссылаясь на его заповеди. Столь же непросто доказательство экологических заповедей, с той только разницей, что в этом случае даже религиозные системы бессильны. Приходится ссылаться на опасность загрязнения, ухудшения природной среды, говорить о необходимости экологического воспитания и образования, внушать чувство долга перед будущими поколениями людей, напоминать об обязанности сделать все возможное для сохранения рода человеческого. В безнравственном обществе проповедь на экологические темы редко достигает нужного результата. Говорить о том, что нам требуется новая система ценностей, как это делает В. Данилов-Данильян, далеко недостаточно. Более того, система ценностей не может быть результатом искусственного конструирования, как это уже было с протестантской этикой. Рациональный подход к конструированию ценностных установок уже достаточно хорошо показал свою несостоятельность (в том числе с экологической точки зрения). Рациональное общество оказалось самоубийственным, о чем и свидетельствует усугубляющийся экологический кризис.

Вся беда в том, что нравственный климат в обществе резко ухудшился вследствие попыток навязать людям искусственную систему ценностей. Искусственные моральные нормы создают эффект нравственного «загрязнения» общественных отношений. В результате состояние культурной среды, в которой живут люди, ухудшается. Иными словами, имеет место ухудшение «экологии культуры». Нет никакой необходимости призывать к экологизации системы ценностей. Эта система является экологизированной с самого начала в силу того, что нравственность, сохраняя общество, сама может рассматриваться как фундаментальный экологический фактор. Если общество нравственно, то мы можем говорить о благоприятной «экологии культуры». Экологическая этика не дает нам права рассуждать о рождении новой морали. Этика экологична по самой своей сути. Пришло время осознать это.

Существует представление, что нравственное отношение к людям нуждается в обосновании этих отношений для тех, кому они адресованы. Иными словами, люди обязаны понимать смысл и важность нравственных отношений и желать, чтобы с ними поступали нравственно. Но почему же тогда отношение к природе должно быть подчинено требованиям экологической этики? Все дело в том, что природные ценности жизненно необходимы для самого человека. Беречь природу — значит беречь человека. К сожалению, увидеть это может далеко не каждый. Можно говорить о любви к природе, но это вовсе не означает, что мы обязаны найти этой любви рациональные объяснения. Подобным образом не требует объясне-

ний наше отношение к пище, хотя без пищи человек погибает. Аналогично мы оцениваем законы нравственности. Нравственные действия необходимы как для субъекта этих действий, так и для того, кому они адресованы. Рационального объяснения это не требует. Важно лишь осознанно воспринимать эти действия.

Нравственные устремления не имеют смысла целевой установки. Подобные установки характерны для разума, тогда как нравственные устремления родственны чувственным ощущениям. Сфера нравственности лежит за пределами разума, но крайне необходима для жизни людей независимо от того, понимают ли они императивный характер нравственных действий. Этические моменты в охране природы часто переплетаются с эстетическими. Бережное отношение ко всему живому нередко связано с тем, что сама жизнь воспринимается как ценность. Возникает представление о естественном праве на существование живых организмов, а значит, и всего того, благодаря чему эти организмы поддерживают свою жизнь. Таким способом происходит перенос ценностного восприятия на среду обитания и даже на всю природу, которая нас окружает. Нравственность становится инструментом самосохранения разумной жизни. Дефицит экологической этики в обществе является важнейшим фактором возникновения и углубления экологического кризиса.

Мы нередко призываем к гуманному отношению к животным, перенося этические требования на животный мир. В этом усматривается одно из проявлений экологической этики. Жестокое обращение с животными считается безнравственным и наказывается в соответствии со статьей 245 Уголовного кодекса РФ. В целом можно сказать, что экологическая этика стала необходимым компонентом человеческой культуры лишь в XX столетии. Нравственное отношение к жизни и природе возникает в ходе эволюции социума, усложнение которого делает более трудной задачу его сохранения. Сохранение усложняющейся системы можно было обеспечить только адекватным нравственным совершенствованием.

У животных моральные чувства не могут возникнуть по причине отсутствия рефлексирующего разума, позволяющего осознавать эти чувства. Тем не менее у животных, выполняющих свои функции на подсознательном уровне имеются, определенные правила и нормы поведения. Известный этолог, лауреат Нобелевской премии, К. Лоренц говорил в этой связи о «поведенческих аналогах морали». По мнению ученого, данные «аналоги» были необходимы, в первую очередь, для сдерживания внутривидовой агрессии [45]. Функции человеческой морали оказываются более широкими, распространяясь на сферу межвидовых отношений, т. е. на отношение человека к иным видам биологического мира. Бережное отношение человека к другим объектам природы во многих случаях опирается на эстетические чувства. Этика и эстетика настолько тесно связаны, что апелляция к красоте тех или иных объектов природы нередко используется для воспитания моральных качеств личности.

Другой источник бережного отношения к природе и животным - несомненные признаки полезности. Так обстоит дело в земледелии и скотоводстве. Живущие в искусственной среде горожане менее готовы руководствоваться нормами экологической этики. Этику иногда называют наукой о должном в отличие от других наук, являющихся источником знаний о сущем. Тем не менее нравственные нормы выражают собой сущностную характеристику поведения человека в обществе. С этой точки зрения этику тоже можно понимать как науку о сущем, т. е. о законах жизнедеятельности и сохранения социальной системы. В рамках же экологической этики устанавливаются важнейшие параметры отношений общества и природы, обеспечивающих гармонию в системе «общество – природа». Эти параметры не заменит никакая технология, базирующаяся исключительно на разуме. В безнравственном обществе Красные книги вряд ли бы стали возможны. Соображения о выгоде того или иного биологического вида обычно не работают. Более того, такие соображения могли бы рассматриваться как неэтические. В этике можно без особого труда найти универсальные нормы (общенациональные ценности), по отношению к которым все люди являются равноправными. Нормы экологической этики как раз и являются таковыми. Задачи охраны природы касаются всех без исключения, поскольку речь идет о сохранении мирового сообщества перед лицом наступающего экологического кризиса.

В среде современных философов существует представление, что принципы этики установлены лишь в отношениях между людьми. Поэтому (если следовать такому представлению) экологическую этику можно рассматривать как характеристику отношений между людьми по поводу природы или, говоря точнее, по поводу ее охраны, и не более того. Данная точка зрения фигурирует и в концептуальных основах экологического права. Однако если вспомнить, что этика сама имеет экологические основания (поскольку опирается на определенные правила поведения, обеспечивающие сохранение коллективных систем и постольку индивидов), то взгляд на экологическую этику несколько изменяется. Например, бережное (или даже благоговейное) отношение к природе как живому организму, являясь элементом экологической этики, характеризует каждого человека в отдельности. Если бы люди на Земле предпочитали вести отшельнический образ жизни, как некоторые представители животного мира, то и в этом случае принципы экологической этики сохранили бы свою силу. Человек сам есть природное существо, часть природы, и постольку этические отношения к другим людям можно трактовать в терминах экологической этики. Именно природа требует от нас быть добрыми, честными, благородными, бескорыстными, отзывчивыми, готовыми прийти на помощь слабым и пожилым людям.

Идея «природа знает лучше», высказанная в свое время Б. Коммонером (1971 г.), призывает человеческий разум к осторожности. Можно было бы сказать несколько иначе: нравственные критерии, в конечном счете,

более важны, чем критерии разума. И причина этого заключается в том, что первые критерии имеют силу экологического императива. У разума же есть гораздо больше шансов ошибаться. Более того, человеческие изобретения способны работать против природы, и даже против самого человека. Опора на разум могла бы использоваться лишь для того, чтобы ускорять естественные процессы. Однако на примере городской среды мы видим, что искусственное может делать вызов естественному, осложняя и ухудшая жизнь человека главным образом благодаря ухудшению нравственнопсихологического климата. Причем борьба за улучшение экологической чистоты составляет лишь часть проблемы.

Борьба за чистоту человеческой души имеет гораздо более глубокий экологический смысл. И вести эту борьбу значительно труднее, поскольку она выходит далеко за рамки химии и физики, с которыми приходится иметь дело при принятии технологических решений. Законы об охране окружающей природной среды могут призывать к экологической экспертизе принимаемых проектов, но пока бессильны против безнравственного разума, – возможно, самой главной угрозы природе, экологическому благополучию человека. Этика, затрагивая сферу межчеловеческих отношений, остается экологической в своих основаниях, и в этом смысле она может трактоваться как «родственница» экологической этики. Это особенно заметно в общественных отношениях, регулирующих сельское хозяйство, животноводство, рыболовство, лесное хозяйство.

Потребительское общество, в котором экономические и имущественные ценности по каким-либо причинам занимают привилегированное положение, теряет свои нравственные качества, включая ценности экологической этики. В этих условиях экологический контроль обычно ослабевает. Более того, люди могут даже возмущаться, если, например, при дефиците рабочих мест мы вздумаем закрывать какие-то вредные предприятия или пожелаем накладывать какие-то ограничения на пользование личным автомобилем ради снижения транспортной нагрузки на городскую среду.

Потеря обществом своих нравственных качеств вообще является врагом природы. Желание получить прибыль любой ценой, конечно же, безнравственно. Общество, в котором такое желание является господствующим, не будет жалеть природу и защищать ее, точно так же, как оно не жалеет простых людей и не особенно заботится о их защите. С экономической точки зрения этические действия нередко бывают убыточными. Но именно такие действия позволяют сохранять общество и природу. Этический подход к реальной действительности имеет силу системного подхода, позволяет выйти за пределы экономики и политики, учесть огромное количество факторов, о которых человек может и не подозревать. Человеческий способ восприятия и управления окружающей средой представляет собой, несомненно, культурный феномен [253], за которым скрывается, прежде всего, нравственный императив. Для того чтобы перейти к такому

способу управления, потребуется, скорее всего, коренная перестройка воспитания и образования.

Могут показаться загадочными слова известного русского философа и психолога Л. М. Лопатина (1855–1920), который писал: «Человек, даже если он находится на необитаемом острове и для него навсегда потухла надежда вернуться в общество, может все-таки жить нравственно хорошо или дурно» [254]. Между тем правила этики в реальной человеческой жизни, действительно, выходят за границы межличностных отношений. Дело в том, что наше отношение к природе тоже может быть нравственным или безнравственным. И в этом случае мы говорим об экологической этике, предполагающей уважительное и бережное обращение не только с живыми существами в природе (включая растения), но и с экосистемами, окружающими нас и делающими возможной саму жизнь, в том числе и человеческую. Этика межчеловеческих отношений и экологическая этика теснейшим образом связаны друг с другом. Будучи регулятором общественных отношений, нравственность выступает охранителем социальной системы как целостного образования в окружающей природной среде. Социальный организм должен вести себя так, чтобы сохранять гармонию с природой. В этом задача этики.

Об экологической этике пишут довольно много. Однако часто дело сводится к призыву, что природа должна рассматриваться как нравственная ценность. В действительности, как мы видели, соотношение экологии и нравственности является гораздо более глубоким. Законы нравственности суть законы поведения живых организмов в природной среде на уровне возникновения сознания. Иными словами, нравственность появляется тогда, когда поведение становится осознанным. При коллективной форме жизни законы поведения включают правила отношений в рамках социальной системы. Если эти правила проходят через сознание, то они обретают вид нравственных установок, которые способны усложняться вместе с усложнением социальной организации. В человеческом обществе так именно и происходит. Но при этом не следует забывать, что регуляция поведения выполняет экологические функции. Соблюдение нравственности гарантирует экологически грамотное поведение, которое сохраняет социальную систему, т. е. позволяет ей устойчиво существовать в рамках природной среды. Таким образом, природа – не просто нравственная ценность, а фундаментальный фактор образования нравственных регуляторов в форме соответствующих правил. Иными словами, нравственность имеет экологические основания. Вне этих оснований общество невозможно. Этика – результат жизни в природной среде, и лишь постольку возникает словосочетание «экологическая этика». В сущности, иной этика и не может быть. Подобным же образом возникает словосочетание «экология культуры», хотя экологическая значимость культурных ценностей выглядит еще более скрытой.

2.5. Нравственное загрязнение социальной среды

Продукты жизнедеятельности человека в совокупности образуют феномен культуры. Значимость этих продуктов для человека различна, и постольку культура одновременно выступает как система ценностей. Данная система образует социальную среду, в которой нравственные ценности занимают особое место. Когда говорят об экологии культуры, то обычно имеют в виду взаимодействие человека с созданной им социальной средой. А так как сама культура функционирует в природном окружении, то мы говорим о социальной экологии (экологии общества). Когда общество оказывается дискомфортным в силу разрушения нравственных ценностей, можно говорить о «загрязнении» социальной среды и ухудшении экологии культуры. Иными словами, можно говорить о нравственном загрязнении общества. Неблагополучная этика свидетельствует об ухудшении отношений между обществом и природой. Происходит столь необычная на первый взгляд ситуация оттого, что экология культуры и социальная экология теснейшим образом друг с другом связаны. Нравственное загрязнение природной среды сродни загрязнению природной среды. Более того, ухудшение этических характеристик общества прямо указывает на ухудшение отношений общества с природой. Этот момент важно иметь в виду.

Нравственное загрязнение общества в значительной степени обусловлено распространением в нем ложной информации, которая проникает даже в систему ценностных ориентиров. Например, общественные идеалы часто связывают с демократизмом. Однако подлинный демократизм в обществе определяется не парламентаризмом и выборной системой, а уважением к человеческой личности, которой предоставляется право открыто выражать свое мнение, говорить правду, не боясь санкций со стороны властей или закона. Общество должно найти в себе внутренние силы бороться с ложной информацией, опасными идеологическими «болезнями». Социальный организм, лишенный возможности вырабатывать иммунитет против таких болезней, не имеет шансов к выживанию. Внешнее лечение с помощью правового насилия в подобной ситуации не может быть эффективным, поскольку пытается заменить духовно-нравственные механизмы самоконтроля волей государства, пытающегося поднять себя над обществом в роли полновластного господина. Жизнеспособность и легитимность государственной политики существенно зависит от моральных достоинств самих политиков, поскольку «именно этика есть сердце демократии» [164]. Моральное возрождение российского общества – определяющее условие дальнейшего развития. Постоянные разговоры на экономические темы в средствах массовой информации (СМИ) являются отголоском недавней идеологической доктрины об экономическом базисе и всем остальном, образующим всего лишь надстройку над экономикой. Между тем этика, будучи общественным институтом, регулирующим человеческое поведение, есть способ, «придуманный» самой природой, сохранения социального организма.

Это исключительно важная сторона дела, которая до сих пор пребывает в тени. Очевидная неэтичность ложной информации (особенно если она масштабна) делает последнюю источником угрозы для общества, лишая его способности к развитию. Ложь может быть масштабной благодаря СМИ, различным многотиражным изданиям, произведениям литературы и искусства. Люди, виновные в ложной информации, несут как внутреннюю (моральную), так и внешнюю (правовую) ответственность перед обществом и государством. Можно привести примеры правдивой информации, позволяющей осуществлять аморальные действия. Одним из них может быть ставшая популярной книга Р. Грина «48 законов власти», представляющая собой свод правил и технологий манипулирования людьми, подчинения их своей воле [57]. Сама публикация этой книги является аморальным действием. Нравственная (моральная) ответственность перед людьми и обществом – гораздо более фундаментальная вещь, чем правовая ответственность перед государством. В религии она приравнивается к ответственности перед Богом. В атеистическом обществе нравственная ответственность может понизить свой статус, делая необходимым административно-правовое принуждение и наказание. Тем самым создается предпосылка для создания тоталитарного государства, как это было в СССР. Сегодня мы снова говорим о правовом государстве, хотя последнее вряд ли может скомпенсировать дефицит моральной ответственности. Право не может предотвратить нравственной катастрофы.

В современной России благодаря деятельности СМИ ценностные ориентации молодого поколения сместились в сторону таких вещей, как деньги и известность [81]. Это говорит о духовно-психологическом неблагополучии этих людей. Пора бы задуматься о том, что сами СМИ превратились в источник «грязи», что сам этот факт заслуживает тщательного исследования. Ныне в России благодаря СМИ у детей складывается представление о том, что разнузданная агрессия является нормальным человеческим состоянием, заслуживающим не столько осуждения, сколько уважения. Противостоять этим действиям СМИ обязана, прежде всего, школа, прививающая детям духовные ценности. Причем сама духовность должна пониматься как следование нравственным ценностям. Это следование должно быть искренним и естественным. Циркулирующая в обществе информация погружает молодых людей в состояние, когда они перестают понимать «что такое хорошо и что такое плохо». Школа обязана заменить скучные формы морализаторства чтением курсов этики, чтобы научить детей заглядывать в глубины человеческой души, находить пути решения проблем поведения. Законы этого поведения столь же важны, как и законы движения физических тел. К сожалению, современная школа об этом часто забывает. Сейчас идет тотальная прагматизация школьного образования. В этом направлении действует Министерство образования и науки, ограничивающее число и объем гуманитарных дисциплин в школе и вузе. Цель образования, по мнению чиновников, заключается в том, чтобы научить делать деньги. Подобная установка ведет к моральной деградации общества, в котором все, что похуже, всплывает на поверхность.

Социальная активность обретает враждебные человеку формы. Нормально функционирующее общество опирается, прежде всего, на силы нравственные. В безнравственном обществе механизмы управления замещаются механизмами власти. Власть (принуждение) нужна там, где трудно управлять, где формируется нравственно ущербная верхушка общества. Безнравственность всегда тянулась к власти. И совсем не случайно основным девизом тайных (масонских) обществ было и есть: «Власть! Ничего, кроме власти!» [189]. Власть агрессивна сама по себе. Она трудно сохраняема в локальных сообществах и поэтому стремится к мировым масштабам. Отсюда тяга к мировому господству и всемерному поддержанию процессов глобализации. Важно понять: власть противоестественна и является причиной многих негативных явлений в современном обществе. Попытка СМИ сделать общество жестким и развращенным исходит из ложных представлений, что безнравственным обществом будет легче манипулировать, принуждать его к покорности. В действительности, общество может жить и развиваться лишь при условии психологического и ценностного здоровья своих членов. Мировая власть и господство – гибель для всех, включая носителей этой власти.

В целом создается впечатление, что моральные нормы и правила представляют собой глубинный регуляторный механизм общественного бытия. Нравственные ценности несут с собой некую правду жизни. Эта правда является аналогом истины в области рационального знания. Вместе с тем сама сущность морали и моральных отношений составляет проблему до сих пор не имеющую решения. Можно сказать поэтому, что этика, как научная дисциплина, не определилась пока с сущностью своего предмета [122]. Иногда на этическое регулирование смотрят как на систему запретов. Тогда ставят задачу преодоления этих запретов, например, в интересах свободы научного творчества. Однако подобного рода взгляд на этическое регулирование основан на предположении, что запреты далеко не всегда могут быть обоснованы, и что они могут носить искусственный характер. Но в таком случае они не могут выступать и в качестве норм морали. Создается, таким образом, впечатление, что взгляд на мораль, как на запретительную меру, абсурден в самой своей основе.

Ныне пришла пора понять фундаментальную роль этических аспектов (духовно-нравственной культуры) жизни в обществе. Духовно-нравственная культура того или иного народа (нации, этноса), являясь продуктом истории, формируется как механизм самосохранения социального организма, как источник жизнеспособности этого организма. Духовный и нравственный потенциал народа, обеспечивая социальный гомеостаз, в то же время является условием прогрессивных изменений в обществе. Это значит, что такое общество устанавливает гармоничные отношения с природной средой, с биосферой. Прогресс в обществе становится своеобразным

движителем биосферной эволюции. Если рассматривать прогресс как результат функционирования человеческого разума, то в духовно-нравственной культуре мы видим условие должного функционирования этого разума. Последний проявляет себя в комплексе наук и технологий, тогда как духовно-нравственная культура задает поведенческие характеристики социальной системы, т. е. определяет отношения людей друг к другу и к природной среде. Любопытная деталь: аббревиатура словосочетания «духовно-нравственная культура» (ДНК) подчеркивает фундаментальную значимость этой культуры в рамках социального организма [252]. Столь же важную роль играет дезоксирибонуклеиновая кислота (ДНК) в человеческом организме.

Качество социальной среды, окружающей каждого из нас, в существенной степени определяется духовным богатством и нравственной чистотой людей – носителей культурных ценностей. Нравственное загрязнение социальной среды ухудшает существование общества во всех его ипостасях, деформирует его отношения с природой, вызывая экологическую напряженность. Основная задача экологии культуры как раз и заключается в поддержании высокого качества социальной среды, духовно-нравственного состояния общества. Известно, что крупный эколог академик А. Л. Яншин придавал этой задаче особое значение. Не случайно его считают одним из основателей экологии культуры [3]. В самом деле, экологический кризис всех нас очень беспокоит. А между тем в его основе лежит духовно-нравственный кризис человека, кризис разума, потерявшего нравственные основы. Homo sapiens (человек разумный) посчитал себя господином всего и вся, включая природу. Тем самым он превратил себя в алчного потребителя, не желающего знать никаких ограничений. Богатство и власть становятся главными ценностями безнравственного разума. Время бьет тревогу, подталкивая к давно назревшему переходу от Homo sapiens к Homo moralis (человек нравственный). Пора понять, что нравственное очищение прокладывает путь к гармонизации человека с окружающей средой, упрочняя социальную систему, делая ее жизнеспособной. И тот факт, что природа не безразлична к морали людей, уже давно зафиксирован в понятии экологической этики, которая является неотъемлемой частью этики человека. Человек, который устремлен к богатству и власти (в том числе к власти над природой), безнравственен и не может рассчитывать на снисхождение. Природа наказывает современное общество при помощи экологического кризиса, которому нет дела до таких изобретений разума, как общественно-экономическая формация, но есть дело до духовно-нравственного климата в обществе. Общество может развиваться лишь в сторону улучшения этого климата либо погружать себя в технократический мир, обрекая на самоубийство.

Задумывались ли мы над тем, почему природа часто дает нам чувство эстетического наслаждения? И почему мы склонны видеть красоту межчеловеческих отношений, если эти отношения удовлетворяют критериям

нравственности? Это потому, что между этикой и эстетикой есть много родственного. Нравственность красива, ибо свидетельствует о совершенстве. Аналогичным образом благополучие в природе вызывает эстетические чувства. Экологическая этика — это стремление к сохранению красоты в природе, свидетельствующее о нравственных устремлениях личности. Нравственность обязана быть неотъемлемой чертой науки и научнотехнического прогресса, встраивающего техносферу в биосферу. Безнравственный разум являет собой зло в полном своем обличии. Причем масштабы этого зла разрастаются по мере развития разума и накопления знаний. Безнравственный гений – подлинное воплощение дьявола (не так ли появляется в человеческой культуре это понятие?). Развитие науки и техники в безнравственном обществе становится предельно опасным. Привычное списание вины на общественный строй, использующий научные достижения не лучшим способом, не может оправдывать ученых, сознательно работающих на безнравственное общество. Тем более что эти ученые сами нередко являются (прямо или косвенно) членами преступных сообществ. Подлинная задача интеллигенции – взять на себя тяжелую ношу духовно-нравственного возрождения общества. Это ее долг и обязанность.

Происходящая на наших глазах информационная (компьютерная) революция делает еще более актуальной эту задачу, поскольку рост информационного взаимодействия в обществе многократно расширяет возможности преступных деяний. Современное мышление технократично. А для такого мышления не существует категорий совести и доброжелательности. К тому же современная педагогика по большей части технократична. Это значит, что человек рассматривается всего лишь как обучаемый, программируемый элемент социальной системы. Искусство формировать личность все еще отстает от требований XXI в. В то же время разрушительная мощь безнравственного интеллекта оценивается ныне планетарными масштабами. Идет дегуманизация научно-технического прогресса. Наука отдаляется от человеческих нужд, превращаясь в асоциальный фактор. Человек становится элементом техносферы, теряя свою главную, центральную роль. Из движущей силы истории он превращается в ее жертву. Человек, утративший чувство справедливости и честности, добросердечности и отзывчивости, порядочности и ответственности, не сможет выбрать наилучший путь развития. Он просто перестает понимать, что хорошо и что плохо.

Социальный прогресс может иметь только духовно-нравственную направленность, в то время как материально-техническая сторона дела имеет сугубо прикладное значение. Инновационная экономика сама по себе слепа и глуха, выполняет функции политического фактора в загнивающем обществе, и не более того. Инновации еще не предполагают гуманизм и нравственность. В то же время любая инновация теряет всякий смысл вне этих характеристик общества. Моральный климат в обществе — главное условие подлинного успеха любого конкретного дела, включая научные исследования. Если общество бессильно в борьбе со своими недугами, то

это значит, что оно теряет свой потенциал развития. Например, алкоголизм и наркомания в России есть несомненный признак ее слабости, тяжелых нарушений в системе жизнеустройства. Эти нарушения касаются, прежде всего, духовно-нравственной сферы, которая методично разрушалась последние десятилетия. И пока здесь царит разруха, призывы к инновационной экономике выглядят несерьезно. Другой пример человеческой слабости — неспособность бороться с экологическими проблемами. Это тоже свидетельствует об утрате потенциала развития, теперь уже в мировом масштабе. При этом важно понять, что человеческий разум, несмотря на свои достижения в области науки и техники, бессилен перед экологическими проблемами. Более того, он может лишь усугубить ситуацию. Интеллект важен только в той мере, в какой он может оценить важность духовно-нравственного совершенствования общества и найти механизмы, позволяющие это сделать.

Глава 3. ЭТИКА И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ

3.1. Этические ценности в обществе

Отношение человека к окружающей его реальности всегда сопровождается оценкой значимости тех вещей и людей, с которыми приходится иметь дело. Так появляется понятие ценности, с которым связано целое философское направление – аксиология. Ценностное отношение к людям проявляется в форме нравственности, которая представляющей собой важнейший мотивационный фактор поведения. В рамках аксиологии явление нравственных (моральных) правил и установок занимает особое место. Термин «аксиология» (теория ценностей) появляется в работах французского философа П. Лапи в 1902 г. Вскоре этим термином стали называть, как уже говорилось, новое направление в рамках философских дисциплин. Сущностная характеристика ценностей, в том числе нравственных, не происходит ни из вещей (или реальных ценностей), ни из субъекта [43]. Нравственность характеризует отношение между субъектом и объектом, т. е. окружающей средой. Такой средой может быть социальное (люди, общество) либо природное окружение. В последнем случае говорят об экологической (биосферной) этике. Желания, стремления, любовь существуют априорно, обладая чертами исходных принципов и установок. С этой точки зрения ценности имеют характер подлинных сущностей, заключающих в себе абсолютный смысл. Человек живет в мире ценностей. Например, любая целевая установка представляет собой ценность. Цель, которая не представляет ценности, немедленно отвергается за ненадобностью.

Есть мнение, что специфика нравственных ценностей заключается в их соотнесенности с принципом свободы [43]. В самом деле, человек способен на добро и зло лишь потому, что существует такой принцип. В случае правового предписания у него, по сути дела, нет такой свободы. Зато выбор нравственных поступков не носит принудительного характера. Если законопослушный человек формируется в ходе правового обучения, то нравственный человек есть продукт воспитания. При ослаблении процессов воспитания общество становится безнравственным.

Именно ценности лежат в основании всякой культуры, объединяя людей в устойчивую социальную общность. Под воздействием духовно-нравственных ценностей происходит социализация личности. Жизнь в коллективе при разрушении этих ценностей становится трудной или даже невозможной. Нравственность заложена в самые глубины человеческого сознания. В своих наиболее фундаментальных чертах она характеризует врожденные правила поведения. Заметим, однако, что такой феномен в мире ценностей, как нравственность, уже давно был под прицелом философской мысли. У Канта нравственное предписание имеет общезначимый характер, дающий повод говорить о категорическом императиве, т. е. о безусловном принципе поведения. Врожденность моральных чувств делает их неотъемлемой сущностью человеческого бытия. В этой связи И. Кант говорил о моральной природе человека. Если физический закон описывает связь между причиной и следствием, то нравственный закон – между текущим состоянием и целями поведения. Иными словами, если в бездушной природе движение детерминируется причинами, т. е. прошлым, то в человеческом мире поведение детерминируется целями, т. е. будущим. Лишь постольку мы говорим о принципе причинности в природе и принципе свободы в обществе. По крайней мере, именно так поступал Кант. Вне общественных отношений существование категории нравственности теряет смысл. Отношения между людьми по поводу вещей (природы) тоже могут характеризоваться категорией нравственности. В этом случае мы говорим об экологической этике. Объекты природы обретают статус ценностных объектов.

В силу своего иррационального характера нормы и правила нравственности не выводимы из знаний о физическом мире. Это понимали уже Б. Спиноза, Дж. Локк и Д. Юм. На противоположности между должным и сущим особенно резко настаивал И. Кант. Он подчеркивал, что критерий нравственности человеческого поведения (категорический императив) можно найти лишь в мире моральных ценностей, который находится за границами сущего. Иррациональность нравственных принципов проистекает из отношений субъекта с окружающей средой, благодаря которым становится возможным само существование субъекта. Поэтому традиционный вопрос о первичности духовного или материального лишается смысла. Связи и отношения, обуславливающие само существование вещей, столь же важны, как и сами вещи. Не удивительно, что история философии изобилует материалистами и идеалистами, возникающими благодаря попыткам остаться на почве рационализма. Подобным образом логика вводит различение между «да» и «нет».

Как мы увидим, для человека понятия духовности и нравственности, в которых заключена жизненно важная связь с окружающей средой, имеют базовый характер. Это столь же важно, как сам факт существования телесного человека и остального мира вещей. Отсюда невозможность доминирования частных интересов в обществе независимо от того, кто является носителем этих интересов – индивид или государство. Никакая смесь из этих носителей не уничтожает доминирование частного интереса, а значит, не исключает факта принижения духовно-нравственных начал в человеке.

Либеральная доктрина, предполагающая государственную защиту прав человека, лишь усиливает принцип доминирования частных интересов в обществе, разрушая духовно-нравственный базис.

Система категорий этики чрезвычайно богата. Среди этих категорий мы чаще встречаемся с такими как: добро и зло, справедливость, благо, долг, совесть, ответственность, достоинство и честь. Жизнь в соответствии с нравственными принципами и установками наполняет ее смыслом, поскольку обеспечивает целостность и существование общества, делает возможным социальное развитие. Поразительна глубокая взаимосвязь между самими категориями, некоторым образом «поглощающими» друг друга. Так, например, справедливость может рассматриваться как долг каждого человека, особенно если на него накладывается ответственность защищать честь и достоинство людей. Понятие чести неразрывно связано с понятием репутации (мнением окружающих о нравственном облике человека). Делом чести является поддержание репутации. Причем нередко понятие чести употребляется в связи с профессиональной или групповой принадлежностью человека. Вспомним, например, о чести офицера, которую в свое время защищали с помощью дуэли. В 1993 г. в России был принят Кодекс чести судьи РФ, предписывающий судьям сохранять свой нравственный облик и достоинство в ходе ведения судебного заседания. поддерживать репутацию российского правосудия.

Добродетель в обществе, основанном на любви и сострадании, не может быть абсолютной, поскольку она попустительствует злонамеренному поведению отдельных лиц. Добро перестают понимать те, кто не испытал зла. Окруженный постоянной лаской и заботой ребенок нередко вырастает эгоистом и себялюбивым. Подобным образом движение тел невозможно без свойства инерции. Добрые дела возникают как результат преодоления несправедливости, жестокости, обмана и т. д. С другой стороны, добрые дела способны обернуться злом, породить негативные последствия. Так называемые блага цивилизации – автомобили, телевидение, Интернет и т. д. – могут быть источниками зла в обществе. Научные и технические ценности порождают порой дисгармонию в социальных системах, ведут к уничтожению природных ценностей. Православная традиция, основанная на миролюбии, терпимости, веры в загробную жизнь, существенно ослабила внимание человека к земным делам и ценностям, привела к социальной пассивности русского народа и даже к примирению с несправедливостью в жизни, с безответственностью наших руководителей и чиновников. Не потому ли на фоне растущих противоречий государства и общества произошло сближение между государством и Православной Церковью, в которой нынешние либералы нашли своего союзника?

Само соблюдение нравственных принципов и норм может рассматриваться как добро, выступая делом совести каждого человека и являясь источником общественного блага. Благом может выступать также честность и мужество, бескорыстие и верность, проявляемые в тех или иных кон-

кретных ситуациях. Попытка отделения друг от друга категорий этики какими-то строгими логическими барьерами, как в математике, бессмысленна и безнадежна. Вместе с тем понятие блага, например, чаще всего связывают с удовлетворением материальных и духовных потребностей людей, тогда как добро рассматривают в качестве разновидности духовного блага. Различение категорий этики тоже не составляет особого труда.

Категория справедливости является доминирующей в юриспруденции. Кстати, само слово «юстиция» в переводе с латинского означает «справедливость». Справедливое решение представляет собой результат беспристрастного взвешивания всех «за» и «против». Вся юридическая деятельность происходит таким образом, чтобы сделать синонимичными понятия законности и справедливости. Узаконенную несправедливость (такие вещи случаются) стараются смягчить судом присяжных, который приближает принимаемые решения к проявлениям народной мудрости и человеческой совести. Справедливое решение представляет собой первейшую нравственную обязанность всякого, кто берет на себя смелость решать судьбу других. При этом важно осознавать свой долг и ответственность перед другими людьми и перед обществом. Степень этого осознания как раз и называют совестью [203]. Ответственность в этике предполагает чувство обязанности отвечать за свои действия и поступки, способность к самоотчету и самоосуждению. Человек ответственен за принимаемые решения и потому добивается справедливости этих решений. Справедливый человек имеет достаточные основания для самоуважения и уважения со стороны других людей. У такого человека появляется чувство собственного достоинства. В обществе же нравственные достоинства человека дают основание говорить о ценности личности. Жизнь такого человека есть высшая пенность.

Проблема справедливости возникает при распределении каких-либо дефицитных ресурсов, но не только. Несправедливым будет всякое действие или решение, нарушающее интересы тех или иных лиц и не имеющее должных оснований. Справедливость во всех случаях является обязательным, непреложным требованием, в то время как сочувствие, доброжелательность, милосердие и другие моральные установки носят рекомендательный характер. Они всего лишь желательны, но не обязательны. Справедливость призвана устранять жизненно важные противоречия между людьми. Поэтому всякая теория справедливости нацелена на установление стабильности социальной системы. И в этом состоит ее фундаментальное значение. Справедливость можно рассматривать как универсальную ценность, оспаривать которую никому не приходит в голову [245]. Главный вопрос заключается обычно в установлении факта ее нарушения. Нарушать справедливость всегда запрещено. Действие по справедливости во всех случаях считается императивной нормой. Следуя требованию справедливости, мы стремимся обеспечить равное распределение бремени гражданских обязанностей в обществе, равенство граждан перед законом (который

сам обязан быть справедливым). Мы ратуем о справедливом суде, равенстве прав граждан в государстве, членами которого они являются [181].

В системе ценностей справедливость имеет фундаментальный характер. В несправедливом обществе прочие ценности могут потерять свою социальную значимость. Справедливым в своих действиях и поступках должен быть не только отдельный человек, но и любой социальный институт, включая государство. Благодаря требованию справедливости принцип коллективизма, характерный для российских традиций, не противоречит личной свободе отдельных индивидов и не ограничивает их интеллектуально-творческий потенциал. Справедливо ограничивать зло, и несправедливо ограничивать добро. Поэтому предполагается, что человеческое творчество направлено на полезное и доброе для общества дело.

Многие моральные обязательства формулируются в виде запрета на те или иные деяния («не убий», «не кради» и т. д.). Обязательство быть справедливым могло бы означать — не нарушай права и интересы других лиц. Это требование фактически покрывает совокупность моральных обязательств и с этой точки зрения является основополагающим. Среди моральных обязательств не так то просто найти выражения в повелительной форме (делай то-то и то-то). Но мы часто призываем жить по справедливости, что еще раз говорит о высоком статусе принципа справедливости. Универсальность этой ценности проявляется также в том, что она в большинстве случаев коррелирует с честностью, т. е. с недопустимостью лжи, что мы всегда приветствуем. Не случайно Дж. Ролз предпочитает определять справедливость как честность [194].

По мере развития человеческого общества, предполагающего нравственное совершенствование, стратегия борьбы и военного решения конфликтов будет все более замещаться стратегией кооперации во всех сферах деятельности, начиная с хозяйственной и заканчивая политической. Причем справедливость в межчеловеческих отношениях будет занимать центральное положение, станет неотъемлемой частью и основой законодательства. П. Ж. Прудон писал: «...Закон всегда есть провозглашение и применение справедливости во всех обстоятельствах, при которых люди могут находиться в сношениях между собой» [188]. Если это не так, то законодательство приходит в негодность, а в обществе наступает беспорядок и социальное бедствие. Справедливость – это всегда баланс интересов, при котором наступает состояние устойчивости социальной системы. Интересы людей как бы уравниваются в своих претензиях. Данный момент важен при рассмотрении справедливости в контексте принципа равенства. Или, если говорить более широко, люди равны перед законами нравственности. Все несут равные моральные обязанности, и лишь постольку в обществе может торжествовать справедливость. Реализацию идеи морального равенства можно рассматривать как определенную концепцию справедливости. Во многих случаях говорят о равенстве перед законами права, но при этом сами законы должны удовлетворять принципу справедливости. Говоря о связи равенства со справедливостью, П. Кропоткин писал: «Чтобы чувство справедливости по отношению ко всем вошло в нравы и в привычки общества, надо, чтобы равенство существовало на деле. Только в обществе равных мы найдем справедливость» [108]. Разумеется, здесь не может быть речи о равенстве людей в интеллектуальном, творческом или физическом смыслах. Различие людей по состоянию здоровья не может означать нарушения их равенства по части предоставления медицинских услуг. Нынешняя Россия, с этой точки зрения, есть пример вопиющей несправедливости, поскольку предоставляет медицинские услуги нуждающимся людям в зависимости от толщины их кошелька.

С другой стороны, как верно отметил русский философ И. Ильин, «справедливость есть искусство неравенства» [87]. В самом деле, мы видим, что в основе справедливости «лежит внимание к человеческой индивидуальности и к жизненным различиям». Например, ребенку предоставляется целый ряд справедливых привилегий. Его надо охранять и беречь. Безвольный требует больше строгости. Честному и искреннему нужно оказывать больше доверия. Герою подобают почести. С одаренного человека справедливо больше требовать. Иными словами, с разными людьми надо вести себя по-разному. И это будет справедливо.

Связь идей справедливости и равенства не столь проста, как это может показаться на первый взгляд. Неравенство людей в обществе всегда допустимо, но оно должно быть чем-то обосновано и оправдано, чтобы не нарушалась справедливость. К сожалению, общество, допускающее частную собственность, приводит к экономическому неравенству людей, причем такому, которое не имеет разумных оправданий. В таком обществе теряется справедливость.

Попытки осмысления нравственных требований предпринимались на протяжении всей человеческой истории. Предполагалось, что это – требования разумной жизни, однако логическому выводу по аналогии с геометрическими теоремами или физическими законами они не подлежали. Иррациональный характер нравственности хотя и будоражил мысль, вынуждал апеллировать к божественной воле и божественным заповедям. Без Бога становились возможными любые действия, включая лживость, жестокость, несправедливость. Подобная, т. е. божественная, трактовка нравственных установлений важна уже потому, что эти установления обретали смысл фундаментальных положений в обществе.

Источники существования этических законов и правил, в отличие от физических законов, остаются скрытыми, что нашло отражение, например, в понятии категорического императива у Канта. Ф. Брентано отмечает, что на протяжении тысячелетий люди пользовались логическими средствами, не осознавая причин справедливости своих выводов [28]. Платон апеллировал, как известно, к миру идей, существовавших до человека и отражаемых нашим сознанием в готовом виде. С сущностью этического познания дело оказалось еще более сложным, поскольку «объекты» этого вида по-

знания не хотели жить самостоятельной жизнью до человека. Не удивительно, что удовольствие могло перепутываться с благом (как у эпикурейцев). В настоящее время научное познание мы готовы трактовать как высшее благо, хотя загрязнение природы без научных достижений вряд ли бы стало возможным.

Безусловный, «данный свыше», характер нравственных принципов резко осложняет поиск естественных причин этих принципов. Люди нуждаются в нравственности, которая «возвышается над самой жизнью», диктуя ей свои правила и оставаясь трансцендентной. Человек, стремясь найти нормы нравственности, прислушивается скорее к своим чувствам и интуиции, чем к голосу разума. Мы убеждаемся, что нравственность необходима не столько для сохранения данной конкретной жизни, отдельного организма, сколько для сохранения системы живых организмов, взаимодействующих друг с другом и образующих эту систему. Подобно тому, как целостность доминирует над частями и не сводится к ним, так нравственность возвышается над каждым живым организмом, а следовательно, и над каждой отдельной жизнью. Человеческий разум способен отслеживать переходы от вещи к вещи посредством формальной логики, которая, увы, перестает работать, когда мы стремимся причинно объяснить целостные эффекты, отправляясь от отдельных частей. Нравственность, которая управляет отдельными людьми, не есть продукт индивидуального сознания, а является интегративным (эмерджентным) продуктом общественной системы, усваиваемым каждым индивидом как нечто уже готовое и данное свыше.

Практически все исследования в области этики, подтверждая высокий статус нравственных законов, игнорировали связь общества с природой, благодаря которой становилось возможным существование общества и человека. Никто не видел регуляторный смысл нравственных предписаний, позволяющих человеку выживать в социальной и природной среде. Благодаря нравственным регуляторам человеческого поведения сохранялось само общество как системное образование. А это значит, что нравственное общество гарантировало сохранение должных отношений с природным окружением. Самое поразительное в этом деле то, что нравственность обнаруживает черты экологических требований к любым проявлениям человеческого поведения, включая деятельность разума.

Нравственное совершенствование общества гарантирует его сохранение благодаря правильному, экологически целесообразному поведению людей. И наоборот, безнравственное общество теряет шансы на выживание. В этом случае действия людей мы считаем неправильными. Иными словами, нравственное совершенствование является основанием для постижения истины бытия. Подобное рассуждение отвечает восточной культурной традиции, где нравственность и истинность поведенческих стереотипов теснейшим образом связаны. В западной культурной традиции этике пытались найти разумное обоснование, полагая рациональными те действия, которые приводят к личному деловому успеху. Если нравственное

действие не находит рационального обоснования, то оно считается нецелесообразным. От такого действия можно отказаться, и никто за это не осудит.

Либерально-рыночная идеология попыталась перечеркнуть особую значимость этических ценностей. Однако ныне известно, что даже в странах Западной Европы идеология либерализма переживает кризис, поскольку насаждает в обществе индивидуализм и эгоизм, идеалы личного обогащения любой ценой. Еще Г. Спенсер (1829–1903) полагал, что в будущем обществе эгоизм индивида будет автоматически содействовать удовлетворению нужд всех других членов общества. Однако способ соединения интересов индивида и общества остается «за кадром». При этом Спенсер считал утопичной и вредной программу замены частной собственности общественной. Он был против всякого вмешательства государства в экономику [167]. Между тем, как показывает история, рыночная экономика, стимулируя научно-технический прогресс, отбрасывает нравственные ценности, никоим образом не содействуя межчеловеческой солидарности и гармонии внутри общества. Как бы то ни было, Спенсеру можно поставить в заслугу борьбу с утилитаристским подходом в этике и его попытку выводить принципы нравственного поведения «из законов жизни и условий существования» [209].

Этические аспекты бытия представляются непостижимыми для человеческого разума. Например, всякая этическая теория стремится ответить на вопрос о природе блага. Удивляет тот факт, что, выступая в качестве абсолютного идеала, благо лишено какой-либо примеси утилитарности и прагматизма [151]. В рамках обыденного сознания благо обычно выступает как добро или полезность. Причем оба эти понятия выглядят синонимично: хорошее и полезное — это одно и то же. Сущностная же сторона нравственности состоит как раз в том, что добро надлежит осуществлять вопреки пользе. Мы даже не должны задумываться о пользе. Нравственность не допускает награды, избегая корысть, и не предполагает наказания, избегая сходства с правовой нормой. В то же время она остается приоритетной в жизни человека, имея силу категорического императива. Само исполнение нравственных требований может пониматься как добро, заключающее в себе безусловное благо. Понятие полезности при этом исчезает.

Стоит подчеркнуть социальную природу должного (нравственного) поведения. Исследования причинно-следственных связей между поступками и их результатами в индивидуальном поведении явно недостаточно, чтобы получить представление о должном в жизни людей. И уж тем более мы не можем выводить нравственность из фактов удовольствия или страдания. Удовольствия часто бывают результатом аморальных поступков, тогда как страдания, наоборот, могут быть результатом определенных нравственных установок, например, когда человек жертвует собой ради здоровья и жизни близких, ради решения каких-то общественно значимых задач. Спенсер считал, что совершенное поведение мы будем иметь тогда,

когда сможем исключить вражду между обществом и отдельными личностями, а конкретные отношения между личностями сменятся их кооперацией, опирающейся на «окончательный, постоянный и неизменный кодекс» поведения [209].

Есть основание полагать, что этика со всей ее «расплывчатостью» была бы невозможна, если бы человек не обладал таким свойством как свобода воли. Моральный выбор между добром и злом, справедливым и несправедливым был бы невозможен, если бы человек действовал по четким алгоритмам, подобно автоматическому устройству. Нравственность не терпит бездушного формализма, и только поэтому достигаются устойчивость и сохранение социальной системы. Сохранение этики и знания обуславливает познавательные способности человека. Без такого соединения знания редуцируются до уровня рефлексов, характерных для поведения животных, не обладающих сознанием. Как известно, животные не руководствуются в своем поведении этическими установками и оценками.

Один из главных этических постулатов гласит: всякая жизнь заслуживает уважения, если она не является источником зла. Жизнь, поддерживаемая при помощи лжи, жестокости, насилия, несправедливости, не заслуживает никакого уважения. Безнравственный человек опасен для общества, являясь источником зла. С другой стороны, злом мы готовы называть все, что уничтожает жизнь, либо препятствует ей (так думал, например, известный гуманист Альберт Швейцер). Однако было бы точнее считать злом безнравственный разум. Заметим, что к животным это не относится, поскольку разумом обладает только человек. Общество обязано чинить препятствия безнравственному разуму или даже уничтожить его с помощью соответствующих правовых норм. Однако этого далеко не достаточно. Безнравственный разум находит множество возможностей обходить законы. Гораздо более важно с самого раннего возраста и на протяжении всей человеческой жизни кропотливо и настойчиво формировать нравственный облик человека. А поскольку это невозможно вне общения с другими людьми, то в обществе должен господствовать принцип коллективизма. Индивидуализм социальной системе противопоказан, так как противоречит всей ее сущности.

Природа страдает именно от безнравственного разума. Охрана природы является, прежде всего, нравственной проблемой. Постольку говорят об экологической этике. Если экономика стремится найти в природе полезные и вредные виды, то позиция экологической этики принципиально другая: в природе нет полезных и вредных видов. Например, хищники столь же важны, как и травоядные. Сохранение разнообразия в природе есть не только экологическая, но и этическая задача. В обществе мы говорим о сохранении культурного разнообразия. И это тоже важная этическая задача. Культурное разнообразие отнюдь не мешает объединению людей для охраны природы, которая выступает экологической и этической задачей всего человечества. Экологическая этика универсальна.

Поведенческие характеристики в природе не имеют этической окраски. Даже у животных нет этики, т. е. способности осознания своего поведения. Зато человеческое поведение в природе становится этичным, поскольку оно осознано. Это поведение органически включает в себя отношение к природе, породившей человечество. Благоговейное и бережное отношение к природе с этической точки зрения напоминает отношение человека к своей матери. И совсем не случайно в народном эпосе мы встречаем словосочетание «мать-природа». А. Швейцер говорил: «...этика – есть безграничная ответственность за все, что живет» [45, с. 28]. Однако правильнее было бы сказать несколько иначе: этика – есть безграничная ответственность за все, что дает и сохраняет жизнь.

Сохранением гомеостатического равновесия социальная система обязана именно своим этическим основаниям, в то время как общественные изменения оказываются «разумными» (целесообразными) лишь в той мере, в какой они учитывают законы нравственности и подчиняются этим законам. Нравственные отношения, сохраняющие общество, делают нецелесообразным морфологическое совершенствование человеческого организма. Эволюционным фактором становится разум. В усложняющемся обществе нравственные отношения сами могут совершенствоваться как в количественном, так и качественном аспектах. Трудовая деятельность людей станет более эффективна, если будут найдены такие организационные формы этой деятельности, которые подчинены принципам добра и справедливости.

В отличие от разума нравственность иррациональна. И потому ее закрепление в обществе изначально нуждалось в вере и принимала форму религиозных предписаний. Поразительно, что и разрушение нравственных устоев в обществе тоже осуществляется благодаря соответствующим религиозным предписаниям. Так было с протестантизмом (иудео-христианским течением в эпоху Реформации), закрепившим в Европе частную собственность в качестве основной ценности. Примат материальных ценностей над духовно-нравственными привел к возвышению зла над добром, эгоизма над коллективизмом и справедливостью. В обществе произошел перекос в сторону рациональности, усилившей ход научно-технического прогресса. При этом духовно-нравственные ценности не только отошли на второй план, но и потеряли свою прочность вместе с религиозной верой.

Под духовностью мы разумеем информацию, несущую нравственное знание, т. е. знание о законах и нормах поведения в обществе. Духовность вовсе не обязательно связывать со знанием о Боге. Божественной (с точки зрения значимости) является сама Природа, заключающая в себе весь жизненный потенциал. Она содержит абсолютно все, что необходимо для жизни. Беречь Природу — значит беречь жизнь. Бог всего лишь результат очеловечивания Природы, в чем она, вообще говоря, не нуждается. Именно Природа дает нам правила поведения и корректирует их по мере развития разума, усложняющего общество и общественные отношения.

«Нравственно здоровым или больным человека делает только духовная пища» [187, с. 64]. В этом авторы указанной работы, безусловно, правы. Однако маловероятно, что упомянутая духовность может объясняться философско-мифологической частью религиозных учений. Все дело заключается в том, что эти учения обретают свою основную значимость и ценность благодаря нравственным заповедям, хранящимся в религиозных книгах. Религиозность сильна именно своими нравственными установлениями, воспринять которые должным образом человек пока что не умеет, так как опирается исключительно на разум и логику. Разум, пытающийся возвышать себя над природой, бессилен вместе со своей логикой и не умеет подчинить себя законам нравственности.

Культивирование атеизма освободило научно-технический прогресс от нравственных оков, утвердило господство рационального мышления. Опасность такого господства усиливается по мере усложнения общества, роста объемов и разнообразия поведенческой информации. Именно в таком обществе значимость духовно-нравственных отношений должна не просто возрасти, но занять подобающее место, стать основой социального развития.

К сожалению, этого не произошло. Человеческий разум творил техносферу, удовлетворяя свои растущие потребности. При этом человек все глубже погружался в искусственную среду. Началась погоня за материальными ценностями и удобствами, осложнившая нравственную жизнь в обществе. Рациональное мышление не обязано адекватно отражать отношения общества с природой, поскольку игнорирует иррациональные законы нравственности. В свое время И. Кант неслучайно формулировал требования нравственности в каких-либо рациональных моделях объяснения. Разум умеет предсказывать явления, и в этом его ценность. Вместе с тем интерпретация теоретических моделей лежит за рамками рационального мышления. Это можно видеть на примере специальной и общей теории относительности, загнавшей в тупик нынешнюю физическую парадигму.

В развитии заключена необратимость. Это проявляется в росте упорядоченности, а в мире живых систем – в росте самоорганизации. Организованность от упорядоченности отличается тем, что только в первом случае мы можем говорить об актах целеполагания. Организм – это система, способная иметь цели поведения и возможности для достижения этих целей [142]. Свойствами организма обладают не только отдельные живые системы, но и сообщества (например, стада копытных) или даже популяции. Свойствами организма обладает, разумеется, и человеческое общество, а не только отдельные индивиды. Организованные системы не мыслимы без обратных связей, которые ответственны за механизмы достижения целей. В человеческих коллективах (сообществах) обратные связи дают себя знать как результат установившихся правил коллективного поведения. В частности, это могут быть нравственные правила или юридические законы. Нравственные регуляторы поддерживают существование коллект

тивной системы (общества), правовые регуляторы — существование государственных образований. В отдельном живом организме функционирование обратных связей обеспечивается нервной системой, в сообществах — информационными взаимосвязями. Результат информационного взаимодействия превращается в акт поведения, которому предшествует принятие решения. В случае производственных организаций целью становится создание в обществе искусственных вещей при наличии соответствующих возможностей достижения этой цели. Важно отметить, что появление искусственных вещей так или иначе связано с разумом, тогда как межчеловеческие отношения и существование самого общества связаны с нравственностью. Благодаря разуму возникает искусственная среда (техносфера) и усложняются формы поведения. Разум создает науку, может ухудшать или улучшать состояние нравственности в обществе, но вряд ли способен изобретать сами законы и принципы нравственности, благодаря которым осуществляется сохранение общества.

Разум может разрушить общество, если не подчиняется этим законам. Это значит, что можно влиять на психику человека в нужном для разума направлении, ослабляя при этом нравственные скрепы общества. Однако, ухудшая состояние общества, разум превращается в самоубийцу. Известно, что при подготовке революций в обществе главный удар обычно наносится по нравственным ценностям. В этой ситуации люди обычно теряют уважение к власти и готовы участвовать в различного рода смутах, вплоть до гражданской войны. И когда приходит время смены власти, ее берут обычно те, кто готовил революционную перестройку в обществе. Воистину, все разумное действительно, но не все действительное разумно. Например, разум может диктовать различные формы собственности в обществе, игнорируя их этические основания, и порождать нежизнеспособные модели общества, что явно неразумно. Безнравственное ни при каких условиях нельзя считать разумным, хотя и творится оно при помощи разума.

Нормы поведения у разных народов (наций) могут быть не во всем одинаковы. Но эти нормы всегда направлены на сохранение этих народов или этнических общностей. Если действия разума безнравственны, то имеет место нарастание противоречий между разумом и природой, возникает опасность для будущего человеческой цивилизации. Безнравственность рождает военные конфликты и противостояния между различными национально-государственными образованиями. Разум создает техносферу, противопоставляя себя нравственности. Подобным образом наука противопоставляет себя религии, жизнеспособность которой в значительной степени обусловлена утверждением нравственных законов бытия.

Согласование эволюционных тенденций человека и биосферы, которое не совсем удачно обозначают термином «коэволюция» [142], невозможно под диктовку разума, не подчиняющегося нравственным регуляторам. Право диктовки остается за нравственностью. И в этом все дело. Рациональное осмысление правил поведения людей не только неизмеримо

сложно, но, скорее всего, невозможно, ибо всякое знание базируется, в конечном счете, на вере (о чем писал в свое время И. Кант). Причем нравственное верование объясняет глубинные связи религии и нравственности. Человек со всеми его потребностями обязан приспосабливаться к требованиям сохранения общества и биосферы, т. е., иными словами, к требованиям нравственности.

Если нравственные скрепы сохраняют общество, то это значит, что между обществом и окружающей средой складываются благоприятные отношения. Иными словами, законы нравственности, устанавливающие поведение людей в обществе, одновременно определяют экологическое благополучие самой социальной системы. И только человеческий разум, способный идти против нравственности, может погубить природу, а следовательно, и общество. Чтобы этого не произошло, человек должен видеть мир через нравственные очки. Законы нравственности требуют безусловного подчинения себе человека во всех сферах деятельности, о чем бы ни шла речь. Нравственной обязана быть деятельность в сфере экономики и политики, науки и техники, искусства и быта. С этой точки зрения нравственные отношения являются основополагающими. К сожалению, рыночная экономика не может считаться нравственной. Благодаря ей стала возможной в свое время мировая колониальная система. А после того, как силовое принуждение стало малоэффективным, его заменили финансовоэкономическим диктатом бывших метрополий над бывшими колониями. Либерально-рыночная экспансия под видом глобализации стала подлинной угрозой для всех стран и народов. Нравственная деградация обрела глобальные черты. И нет ничего удивительного в том, что человечество в целом стало погружаться в пучину экологического кризиса.

Устойчивость социальной системы обеспечивается антиэнтропийным механизмом ее внутренних и внешних отношений. Причем внешние (с природой) отношения носят базовый характер, задавая специфику внутренних (прежде всего, нравственных) отношений. Поэтому-то совершенствование духовно-нравственных связей в обществе находит непосредственное отражение в связях общества с природной средой. И наоборот, ухудшение духовно-нравственного климата в обществе приводит к наращиванию энтропии в окружающей природной среде, усиливая процессы разложения и распада в самом обществе. Рост информации в обществе стимулирует рост многообразия в нем, что, в частности, проявляется в разнообразии национальных культур. Глобализация, нацеленная на снижение разнообразия, равносильна росту энтропии и является губительной для мирового сообщества. Представление о законе техно-гуманитарного баланса [152], когда производственная и военная агрессия объявляются необходимыми в качестве стимуляторов сдерживания этой агрессии, а следовательно, для сохранения социальной системы, выглядит ошибочным. Получается, что зло необходимо для того, чтобы его преодолевать, делая добро. Добро само по себе не нужно. Например, любовь возникает

как некая реакция на вражду и ненависть между людьми, и не более того. Рассуждения этого рода могут нас далеко завести.

Сложившаяся хозяйственная система в масштабах планеты выглядит порочной. Она постоянно рождает и усиливает неравенство, поддержание которого требует силы. Необходимость в существовании насилия свидетельствует о том, что вышеупомянутая хозяйственная система не просто далека от совершенства, но усугубляет (чем дальше, тем больше) многочисленные дефекты духовно-нравственной ситуации на Земле. Неравенство, угнетение, эксплуатация, жестокость, вездесущая угроза насилия, уничтожение окружающей природной среды говорят о безнравственности хозяйственных отношений между людьми и между государствами. Само понятие «национальная безопасность» является далеко не случайным и относится ко всем странам Земли. Существование такого понятия уже говорит о многом. И, в частности, о том, что жить на планете Земля небезопасно.

Легко видеть, что общественное развитие существенным образом отличается от биологической эволюции. Однако стоит обратить внимание на то, что развитие общества, которое можно считать прогрессивным, поконится на этических основаниях. Безнравственность является признаком развала. Более того, искусственно внедряемая в общество свобода от нравственных требований способна вызвать неустойчивость социальной системы, беззащитность против внешней агрессии и даже самораспад в силу внутренних противоречий. Безнравственное общество — это общество, не способное к самосохранению.

Самое же интересное заключается в том, что этический фундамент социальной системы имеет природное происхождение, поскольку самосохранение и в этом случае надлежит понимать в экологическом смысле. Так как общество является частью природы, то сам факт его самосохранения говорит о допустимости сложившихся отношений между обществом и природой. Иными словами, экология диктует надлежащее поведение людей в обществе, что в сознании человека обнаруживается в форме нравственного императива. Принуждение этого рода поддерживает чувство коллективизма, которое является столь же естественным, как и прочие нравственные требования на самых различных уровнях, включая отношения между разными государственными образованиями. Уже давно замечено. что нравственное поведение людей исключает причины конфликтов в обществе. Такое общество не может быть агрессивным также в своей внешней политике. В мировом сообществе не было бы войн, если бы оно состояло из этически безупречных обществ. Г. Спенсер считал, что «все причины международной вражды прекращаются одновременно с причинами вражды между отдельными личностями» [208]. Более того, мирное сосуществование есть признак достижения пределов в нравственном совершенствовании и развитии. Это относится и к межличностным, и к межгосударственным отношениям. Духовно-нравственная человеческая цивилизация возникает тогда, когда составляющие ее национально-государственные образования достигают духовно-нравственного совершенства. Происходящие на Земле военные конфликты свидетельствуют о том, что мы пока далеки от идеала общественного устройства. Этот идеал определяется не уровнем экономического развития и научно-технических достижений, а степенью совершенствования нравственных отношений. Именно этими отношениями задается ход прогрессивных изменений в обществе. В условиях моральной деградации общества наука и производство становятся опасными, поскольку стимулируют рост возможностей причинять вред человеку, усиливают объем различного рода загрязнений в среде обитания, совершенствуют военную технику, усложняют межчеловеческие отношения и связи, переживания. В обществе, где человеческому сознанию внушается индивидуализм, жить становится трудно. Такое общество обречено.

Упрощенная трактовка принципов нравственности имела место в Англии в период становления крупного промышленного капитала. Здесь тоже действовала концепция утилитаризма, подчиняющая мораль интересам человеческих потребностей. Юрист И. Бентам (1748–1832) положил в основу мотивов поведения человека понятие полезности [18]. Польза – это то, что приносит удовлетворение и выгоду, добро и счастье. Пользе противостоит вред и несчастье. Таким образом, во главу угла ставится личный интерес, эгоизм в чистом виде, все то, что позволяет наслаждаться жизнью и избегать страдания. Интересы общества отодвигаются на второй план. Более того, в рамках утилитаризма нравственные отношения в обществе подменяются чувствами и поступками, нацеленными на извлечение пользы. Для Бентама общество - это механическое скопление индивидов, преследующих жизненные удовольствия и блага. Подобно Адаму Смиту, Бентам, в сущности, создает идеологическую защиту свободы экономического предпринимательства в условиях конкуренции и устремленности людей к личной выгоде. Порок и добродетель превращены в фикцию, и лишь удовольствия и страдания можно считать реально существующими «измерителями» человеческого поведения. Ученик И. Бентама Джемс Милль (1773–1836) оказался вполне достойным своего учителя, поставив на первое место богатство, власть и достоинство. Эгоизм объявляется им основой поведения и нравственных характеристик всякого поступка.

Между сложившимися системами ценностей имеются трудно устранимые региональные различия и особенности. Например, в литературе часто обсуждаются геополитические и культурологические вопросы соотношения между Западом и Востоком и, в этой связи, проблема особого положения России. Хорошо известно, что восточные и западные ценностные традиции существенно различаются. Если восточная традиция характеризуется утверждением единства человека и общества, особой значимостью нравственных принципов, то западная традиция строится на противопоставлении личности обществу, приоритетной значимости материальных благ и прав индивида. Ценности русской культуры вырабатыва-

лись на стыке этих традиций. Обостренное чувство коллективизма в крестьянской жизни дополнялось откровенным западничеством в дворянском сословии, среди части интеллигенции. Промышленное развитие России в большинстве случаев использовало европейский опыт. Вместе с тем Россия в целом являлась аграрной страной. Рост городов подчинялся идеологии власти над природой, проявляющейся в неконтролируемом замещении естественной среды искусственной. Сельская жизнь, напротив, строилась в условиях зависимости от природно-климатических условий, предполагая психологический настрой на существование единства с природой. России пришлось взять на себя функции «культурного буфера» между восточным и западным мирами, образовав евразийскую цивилизацию. Ее слияние с Европой так же невозможно, как и с Азией. А это значит, что слепое подражание Западу для России столь же опасно, как и подражание Востоку. И нам придется смириться с судьбой самобытной цивилизации, поддерживающей равновесное сосуществование двух социокультурных миров.

У нравственности есть одно существенное свойство: в рыночном обществе она не выгодна. И тогда возникает сомнение, нужна ли она. Вряд ли стоит удивляться тому, что на некоторых «круглых столах» обсуждается вопрос: не является ли совесть бесполезным свойством души [206]? В самом деле, в рыночном обществе целесообразно быть бессовестным человеком. Такому человеку оказывается легче стать бизнесменом, предпринимателем, добиться более высокого положения в фирме. Если доля ваших акций высока, то появляется реальный шанс стать директором или, в крайнем случае, заместителем директора какой-нибудь фирмы, компании. Моральная ситуация в обществе еще более осложняется тем, что активный, многословный и изворотливый человек имеет больше шансов проникать во властные структуры. Мы живем в обществе, в котором ложь становится постоянным спутником политики [182]. Как видим, об этом говорят в открытую. И тем не менее реальных подвижек в решении социальных и нравственных вопросов не происходит. Деньги по-прежнему царят везде и во всем. Эгоизм и корысть пронизывают все этажи общества.

Нередко эгоистические чувства подсказывают оказывать услуги другим. Однако происходит это, главным образом, ради извлечения личной выгоды. Получение дохода немыслимо без каких-либо предварительных затрат. И эгоистические чувства, допускающие оказание услуг в этих условиях, носят явно рациональную окраску. Они (эти чувства) всегда практичны, поскольку услуги оказываются, прежде всего, полезным людям. Эгоизм тесно связан с подчинением слабого, который превращается в добровольного слугу. Указанная рациональность эгоизма выглядит безнравственной, как безнравственна рыночная экономика, ориентированная на прибыль. Разумный эгоизм все же остается эгоизмом, даже если способствует определенному экономическому успеху. Подобным образом может процветать экономика, губящая природу и рождающая пропасть между богатыми и бедными. Не теряя своих основных черт, в частности потреби-

тельских установок, разумный эгоизм может быть бессознательным как голод и жажда. Поэтому он благополучно совмещается с ценностями потребительского общества.

Все вышесказанное наводит на мысль, что особенности общественного развития в существенной степени определяются состоянием этических ценностей в обществе. От этого состояния во многом зависит возможность стратегии устойчивого развития, о которой уже много написано. Концепция устойчивого (сбалансированного) развития стала особенно популярной в конце XX в. после публикации коллективного труда «Наше общее будущее» [156]. К сожалению, главные вопросы развития общества были тесно связаны с темпами расходования природных ресурсов на удовлетворение потребностей. Это значит, что понимание природы было сведено к вместилищу потребляемых человеком ресурсов. Глубинная связь между экологией и этикой, олицетворяющая единство человека с природой и определяющая сущностную характеристику общественного бытия человеческой личности, была при этом утеряна.

Подлинный смысл устойчивого развития заключается в совершенствовании этических ценностей в обществе, при котором не только достигается баланс потребностей и ресурсов, но (что самое существенное) устанавливается гармония разума и нравственности в самом человеке. Постольку мы можем говорить о духовно-нравственной (экологической) цивилизации. Однако прежде чем начать этот разговор, важно понять подлинную роль этических ценностей в обществе. Приходится признать, что исследование в области этики традиционно сводилось к изучению особенностей человеческой психики (души), в совокупности определяющих одну из форм общественного сознания. То, что этика отвечает за сам факт сохранения общества как части природы, обычно упускалось из виду. Последствия будут рассмотрены ниже.

3.2. Опасности социальной инженерии

Человеческий разум имеет широкие возможности по части изобретения различных искусственных конструкций, образующих в конечном итоге то, что мы называем техносферой. Мы сталкиваемся с совокупностью вещей, заполняющих бытовую сферу: жилье, предметы обихода, транспортные средства, мосты и дороги, средства производства, различные технические изобретения по передаче информации и т. д. Потенциальные возможности разума довольно высоки. Дело доходит до конструирования социальных систем. И не случайно в социологии появилось целое направление, именуемое социальной инженерией. Концепция социальной инженерии противопоставляется историзму. Это значит, что создаваемые модели общественного устройства могут противоречить естественному ходу вещей. Разум способен так изменять общество, что оно теряет способность к эво-

люционному процессу и входит в тупиковое состояние. Разум может привести общество к катастрофе, вместо того чтобы уловить исторические тенденции и разработать способы их поддержки, сформировав модель устойчивого развития. Возможно, именно по этой причине в человеческом сознании (точнее говоря, в подсознании) ныне все чаще появляется идея апокалипсиса, что подтверждается многочисленными признаками глобального экологического кризиса. Сам факт возникновения этого кризиса свидетельствует о явно неудачном опыте конструирования социальных систем.

Действительно, попытки теоретического описания общественного развития, предпринимаемые отдельными социологами и философами, включая К. Маркса и Ф. Энгельса, нельзя признать удачными. Тем более что это подталкивает людей к практическому воплощению весьма несовершенных (подчас даже фантастических) идей и построению искусственных социальных конструкций по аналогии с научно-техническими изобретениями и сооружениями. Например, весьма искусственной конструкцией представляется капиталистическая система. Переход к обществу, основанному на частной собственности, приводит к резкому нарушению этических оснований общественного бытия и не может восприниматься как прогрессивное изменение общества. Уже по этой причине формационная теория общественного развития, включающая в себя капитализм как закономерный этап истории, не может считаться удовлетворительной. Скорее всего, наоборот. Начиная с капитализма, Европа перешла к строительству искусственных моделей социального устройства, изобретению социальных технологий по аналогии с естественнонаучными и революционному (насильственному) внедрению этих моделей и технологий. Совсем неслучайно в общую схему формационной теории не удалось включить так называемый азиатский способ производства. Восточные цивилизации оказались выпавшими из этой схемы. Европейскому капитализму предшествовала Реформация, открывшая путь для превращения торгового и ростовщического капитала в промышленный капитал, закрепленный частнособственническими и товарно-денежными отношениями. Продажа оказалась основной целью производства. Отсюда навязывание потребительских интересов, давших повод говорить о возникновении общества потребления. В этих условиях хищническое отношение к природе становится неизбежным, как и связанное с этим обстоятельством расширение и обострение экологического кризиса.

Хотя в Западной Европе только еще шли процессы становления капитализма, ориентированного на частную собственность, эгоизм и потребительство, в обществе уже ощущалась волна нравственной деградации и нарастало противодействие этим процессам. И совсем удивительно, что отдельные исследователи того времени усматривали истоки нравственной жизни людей в природе, ее законах. Например, П. Шаррон (1541–1603) полагал, что пагубные воздействия человека на природу определяются

отказом считать себя частью природы. Такой отказ не может не вызвать нравственные пороки в обществе. Капитализм ведет к деформации моральных ценностей, и постольку противостоит законам природы. Нравственность старее любой религии и не может быть сведена к религиозным догмам. П. Шаррон полагал, что нравственный порядок в обществе наводит не религия, а сама природа.

Искусственный характер общества потребления предполагает нравственный распад, который проявляется в стремлении увеличить свой доход любой ценой. Природные ценности обретают в этом случае всего лишь статус средств достижения максимальной прибыли. Современное общество потребления не может не превратить деньги в элемент биржевой игры. Возникновение обширного рынка ценных бумаг – естественный результат виртуальной экономики, выходящей за пределы реального производства. Механизм обогащения, функционирующий вне сферы живого труда, превращается в способ скрытого паразитирования и грабежа широких слоев населения. Любопытный момент: данный вид грабежа имеет должное закрепление в действующем законодательстве. Перед нами феномен скрытой формы рабства, о которой уже пишут отдельные исследователи [169]. Ситуация, когда 1% семей концентрирует 40% национального богатства (как это имеет место в США), является очевидным свидетельством безнравственного общества. Такое общество органически неспособно ликвидировать нищету и бедность, которые растут повсюду, включая даже развитые страны. Здесь, в этих странах, уровень бедности достигает как минимум 20%. Причем безработица идет бок о бок с обеднением населения. Правительства развитых стран не могут избавиться от грязного производства, а лишь перемещают это производство в слаборазвитые страны.

Человеческий разум, как показывает история, способен обеспечить технический и экономический рост общества. Однако это не обязательно должно свидетельствовать о духовно-нравственном прогрессе. Наоборот, в сфере общественных отношений возможно ухудшение ситуации, которое выражается в моральной деградации социальной системы. Одна из сторон этой деградации – пренебрежение требованиями экологической этики во имя материальных ценностей. При этом само общество делается потребительским. Межчеловеческие отношения в нем становятся недоброжелательными, основанными на критериях пользы и выгоды, а эгоизм и преступность – обычным делом. Именно такова либерально-рыночная модель общества, нарушающая естественный ход истории. Нравственная деградация, органически включающая в себя экологический кризис, свидетельствует о нарушении устойчивости общественного развития. Общество обретает искусственные черты. Либерально-рыночная конструкция социальной системы представляет собой неудачный результат социальной инженерии. Подобным образом возникают современные мегаполисы, исключительно выгодные с точки зрения рыночных критериев, но весьма сомнительные с точки зрения экологических и нравственных требований естественной истории. В искусственной социальной системе сам человек обретает черты технологического фактора. По своим функциям он становится похожим на ломашних животных.

Любая рационально-материалистическая цивилизация подобная капитализму с его доминирующими экономическими ценностями (материальным богатством, деньгами, прибылью), остается уродливой и обреченной на гибель, если человек с его духовно-нравственным миром играет роль простого средства производства, и не более того. Интеллектуально-трудовой потенциал человека нередко называют человеческим капиталом, видимо считая это понятие более звучным в современном рыночном обществе. В структуру человеческого капитала включают: способности (природные и приобретенные), навыки и опыт, совокупность знаний (общих и специальных), культурные ценности, умение все это применять в практической жизни. Указанные характеристики в современном обществе обретают товарную форму, и, как считает Р. Нуреев, не без успеха [163].

Детально изучая структурные и динамические характеристики человеческого капитала, экономисты не придают никакого значения обстоятельству, что этот капитал имеет товарную форму. А, значит, человек фигурирует как рыночный товар. Цивилизация, выстроенная на наемном труде (это касается и так называемого социализма), представляет собой искусственное сооружение, подобное техносфере, и может поддерживать свое существование лишь силовыми средствами (административный аппарат, правовое насилие, различного рода мифологемы и идеологемы в форме своеобразной информационной блокады). И как всякое техническое сооружение, искусственная социосистема нуждается в постоянном уходе и надлежащей заботе по поддержанию изобретенного порядка. Нравственные саморегуляторы здесь замещаются рациональными механизмами. Ни о какой самоорганизации и естественном развитии не может быть и речи.

Более того, искусственный социум нуждается в организации тайных рычагов контроля и управления, каковыми последние столетия являются тайные (масонские) организации. Без таких организаций вышеупомянутый социум попросту не может существовать. Искусственная социальная система вынуждена вырабатывать особые социальные технологии, чтобы скрыть свое аморальное нутро, оставив на поверхности некий минимум нравственности или даже ее суррогаты, для осуществления контроля над вероятными стихийными возмущениями и волнениями. Между тем биологическая природа человека не желает отказываться от естественных нравственных требований. Возникает довольно непростая ситуация, когда человек вынужден жить в условиях искусственной социальной конструкции, находясь в своеобразном идеологическом капкане и теряя свои сущностные черты. Утрачиваются связи с предысторией, порой намеренно. Так было, в частности, в России в эпоху искусственного социализма. В этом случае неизбежно происходит упрощение социальной системы. В этой связи полезно вспомнить, например, такое высказывание:

«...Понятие сложности относится к таким системам, в которых наблюдаемое поведение в значительной степени связано с их эволюцией, т. е. с предысторией» [183].

Духовно-нравственное содержание человеческой жизни определяет ее смысл, в то время как материальная (потребительская) сторона выступает в качестве условий существования. Однако это не значит, что в обществе складывается именно такая ситуация. Опасность заключается в том, что человеческий разум способен перевернуть пирамиду жизни. В результате условия бытия могут доминировать над смыслом бытия.

Право потребления выходит на первый план, отодвигая в тень обязанности человека перед другими людьми и обществом в целом. А так как право потребления дают, прежде всего, деньги, то они и становятся главной ценностью в обществе. Соответственно, производство денег становится по значимости важнее других видов производств. А когда появляется возможность придать деньгам смысл мировой валюты, право потребления расширяет свои масштабы. Производство мировых денег позволяет использовать это право для покупки товаров и услуг за пределами конкретной страны. Именно так поступают США с помощью Федеральной резервной системы (ФРС), печатающей доллары в количестве не знающем практически никакого контроля. Поэтому не удивительно, что США является мировым лидером по финансово-экономическим показателям. Таким путем производитель мировых денег становится центром концентрации мировой власти.

Беда только в том, что неконтролируемое производство денег ведет к виртуальной экономике и утрате устойчивости. Вся финансово-экономическая система может рухнуть, как рушатся, в конечном счете, финансовые пирамиды. Начавшийся кризис в экономике является, скорее всего, симптомом упомянутого разрушения. Удастся ли странам, посаженным на «долларовую иглу», уйти от катастрофы, покажет время. Постоянный рост потребления, лежащий в основе рыночной экономики, не может продолжаться бесконечно. Любые искусственные меры, вроде печатания денег при насильственном поддержании курса доллара, рано или поздно теряют эффективность и обречены на провал. Основная проблема в том, что существующая четыре века потребительская цивилизация сама является искусственным сооружением, навязывающим человеку доминанту материальных ценностей. Эти ценности мы пытаемся закрепить в качестве смысла человеческой жизни, игнорируя ее духовно-нравственную основу. Но в таком случае интеллектуально-творческие способности человека превращаются в товарный продукт. Возможность отчуждения этих способностей в пользу иных лиц (работодателей) тоже представляется противоестественной, поскольку делает человека похожим на рабочий скот. Теряется человеческая сущность, что обнаруживается в общем падении общественной нравственности, росте преступлений, жестокости и несправедливости, возможности военных столкновений.

Альтернативу капитализму многие видят в социализме. Между тем социализм является лишь частным случаем капитализма, неким искусственным сооружением. В обоих случаях мы имеем дело с наемным трудом, отчуждением прав человека на свой творческий потенциал, результаты своего труда, природные ресурсы и ценности. Упорно замалчиваются возможности хозяйств, основанных на принципах кооперации, включая естественное право общей долевой собственности и адекватную систему этических отношений. Между тем идеалы социализма (и коммунизма) не так уж далеко ушли от идеалов потребления. Вспомним хотя бы известный коммунистический лозунг — жить по потребности.

Тот факт, что искусственно созданное общественное устройство в России в форме дикого капитализма, обладающего чертами исторической уникальности, никак не вяжется с социокультурными традициями страны и менталитетом проживающего в ней коренного населения, в первую очередь русского народа, полностью игнорируется.

Капитализм в России не уместен. Частный бизнес даже в современной России не дает сколько-нибудь заметных результатов. Более того, он чреват вымиранием населения и экономическим крахом даже в сырьевых отраслях. Хотя приватизированные месторождения истощаются, приватизаторы сворачивают объемы разведывательного бурения. Им нет никакого дела до проблем национальной безопасности. Забота о будущем слишком обременительна, в том числе и экономически. Фантастические темпы приватизации в России (к концу 1995 г. приватизировали 91% основных фондов) свидетельствуют лишь о том, что в стране был искусственно создан ажиотаж расхищения ее национальных ценностей. В развитии отечественного производства и проведении соответствующей протекционной политики правящий режим не заинтересован, поскольку это противоречит догмам неолиберализма. Иностранный капитал также не вкладывается в развитие высокотехнологичных производств в нашей стране, которой уготовано войти в список слаборазвитых стран с ограниченной численностью населения. Российский капитализм как раз и призван решить эту задачу, попирая всякие этические принципы.

Некоторые современные крупные ученые, например проф. М. В. Гусев, призывают осознать глубинные этико-философские причины современного кризиса отношений между обществом и природой, перейдя на позиции экоцентризма в противовес господствующему антропоцентризму [95]. Ставить в центр внимания права человека, как это мы ныне готовы делать, опасно в условиях разрастающегося экологического кризиса. Тем более что общество пока далеко от идеалов духовно-нравственной цивилизации. Говорить о правах человека допустимо, если имеются в виду права нравственного человека. До этого еще надо дорасти.

Реальная человеческая жизнь на Земле складывается не на основании рациональных суждений и расчетов, а под давлением нравственных установок и правил, диктуемых инстинктом во имя сохранения коллективных

образований (племени, рода, общества). Нет ничего опаснее умозрительных схем общественного прогресса, построенных на разумных началах [24]. История творит человеческую культуру, а человеческая культура в свою очередь определяет особенности дальнейшей истории. И хотя разум человека является творением истории, культура не сводится к накопленным знаниям и материальным ценностям. Рациональные продукты оказываются спаянными воедино с нравственными ценностями, регулирующими человеческое поведение и общую прочность социальных связей. Нравственный закон существует как результат осознания правил поведения в целях сохранения коллективного образования, ибо человек — существо коллективное. В животном мире такого осознания нет, так что сохранение биологических сообществ обуславливается исключительно благодаря поведенческим инстинктам, закрепленным на генетическом уровне.

Нельзя исключать возможности того, что в современном обществе происходит своего рода политическая игра. В рамках искусственных социальных конструкций политика вынуждена брать на себя весьма специфические функции. Не удивительно, что политику нередко считают грязным делом, иными словами, аморальной. Политика, как правило, была связана с борьбой за власть, за доминирующее положение в обществе. В ходе человеческой истории государство всегда возвышалось над обществом. Это происходит и в условиях современной демократии. Беда в том, что вхождение во властные структуры освобождает людей от ответственности за принимаемые решения. Такая ситуация говорит о том, что существующие способы формирования и функционирования подсистемы управления в обществе не отвечают пока критериям нравственности. Происходит автономизация управленческого труда, который превращается в своеобразную форму господства политической элиты в обществе. Господство всегда будет аморальным по своей сути и являться признаком искусственности в социальном жизнеустройстве. Политическое господство как раз и обнаруживается в возвышении государства над обществом, которого не может быть при естественном ходе вещей. Оно будет иметь место до тех пор, пока в обществе существуют «подданные» и определяющий такой статус людей наемный труд. Развращающая природа власти связана с тем обстоятельством, что власть и ее управленческие решения в той или иной степени освобождаются от ответственности. Тем самым открывается дорога злу, несправедливости, бесчестности, лживости. Даже в условиях современной демократии политическая активность нацелена на обретение властных полномочий и возможности обогащения.

Социальная инженерия включает в себя совокупность методов целенаправленного изменения социальной системы. Изменения эти далеко не всегда оказываются целесообразными, порождая искусственные конструкции, которые входят в конфликт с природой и не обладают должным качеством и устойчивостью. Известно, что разработанная на Конференции в Рио-де-Жанейро (1992 г.) «Концепция устойчивого развития», в сущности,

так и не смогла перерасти в стратегическую программу действий по изменению общества с учетом экологического императива. Этому мешали интересы транснациональных корпораций (ТНК), частного капитала. В сохранении ситуации заинтересованы правительства развитых государств, обеспечивающих свой высокий уровень жизни за счет прочих стран мирового сообщества и их природных ресурсов. Запад является потребителем природной ренты в планетарных масштабах. Даже перевод этой ренты от частных лиц в распоряжение государства (как это было, например, с Японией) не помогает сохранять природные ресурсы планеты, ибо хищнический характер ТНК остается. Социальная несправедливость не устраняется и тогда, когда природная рента переходит в бюджет государства, поскольку он может расходоваться весьма нерационально. Справедливое перераспределение рентных доходов еще надо уметь осуществить. Необходим соответствующий механизм, которым Россия, например, не обладает. В этом можно убедиться по судьбе Указа Президента РФ № 440 (1 апреля 1996 г.), утвердившего Концепцию перехода РФ к устойчивому развитию. Комиссия по проблемам устойчивого развития при Государственной Думе РФ занималась доработкой проекта Государственной стратегии устойчивого развития РФ с октября 2000 г. Однако эта работа была прекращена в связи с упразднением упомянутой комиссии в 2004 г., и впоследствии уже не возобновлялась. Есть основания думать, что одна из причин создавшейся ситуации состоит в отсутствии должных правовых оснований для обеспечения перехода на модель устойчивого развития, и не только в России. Дело в том, что устойчивое развитие предполагает отказ от общества потребления, на которое ориентирована современная либеральнорыночная экономика. Между тем именно данный тип экономики внедряется во всех регионах мира.

На этом держится вся идеология глобализации, в соответствии с которой предполагается Новый мировой порядок, поддерживаемый Мировым правительством при соответствующем сокращении мирового населения. Одной из основных целей Нового мирового порядка является космополитизация человечества. Об этом, в частности, писал Ж. Аттали [198]. В обществе установится дух кочевничества, предполагающий отсутствие чувства Ролины.

Фундаментальные ценности человеческой культуры, такие как истина, добро, красота, будут подвергнуты деформации. Их заменит культ силы и успеха, базирующийся на философии прагматизма. В результате образуется «коктейль» из истины и лжи, добра и зла, красоты и уродства. В сущности, будет установлен «режим нового тоталитаризма» [144], который обеспечит благополучие мирового клана олигархов за счет остального населения. Речь идет об образовании мировой империи, включающей в себя безусловную власть «центра» над обслуживающей его «периферией». Процесс формирования этой империи именуют термином глобализация, подчеркивая его «естественный» характер.

Движение в этом направлении предполагает беспрецедентные меры насильственного характера, входит в противоречие с понятием прогрессивной эволюции. Таким способом предотвратить экологическую катастрофу невозможно, а предполагаемые изменения никоим образом не дадут нам надежды на устойчивое развитие. Рыночная вакханалия в мировом масштабе означает закат мировой цивилизации. На практике модель устойчивого развития остается невостребованной, поскольку пути реализации этой модели совершенно неясны. Нельзя исключать, что в данном случае мы снова имеем дело с искусственной конструкцией, полученной в результате недостаточно хорошо продуманных социально-инженерных изысканий. Всеобщей катастрофы на этом пути избежать не удастся.

Вспомним, одна из основных регуляторных функций экосистем Земли —

Вспомним, одна из основных регуляторных функций экосистем Земли — стабилизация климатических показателей, при которых минимизируется число наводнений и засух, ураганов и тайфунов, погодных катаклизмов и т. д. Есть основания думать, что существующее на Земле природное биологическое разнообразие заключает в себе важное условие регуляторных возможностей биосферы. Утрата этих возможностей в силу паразитической сущности придуманной и используемой человеком экономической модели чревата потерей устойчивого развития, свидетелями чего мы сейчас и являемся. Рост ВВП представляется обманчивым. Он свидетельствует лишь об увеличении объемов потребления и ускоренном разрушении биосферы. Причем скорость этого разрушения опережает рост экологических знаний. Достаточно сказать, например, что с видовым разнообразием биосферы мы знакомы в пределах 10–15%. Поэтому в своих действиях человек должен быть предельно осторожным, минимизируя риски при отсутствии достаточного количества знаний. Природопользование должно по возможности вписываться в комплекс регуляторных функций биосферы, сохраняя ее потенциал поддержания жизни. На это необходимо нацельто экономические процессы, выходя за узкие рамки материальных потребностей и человеческого эгоизма. Создание искусственной глобальной социальной системы, всецело подчиненной интересам мировой олигархии, разрушает нравственный базис человеческого общества, делая его нежизнеспособным. Глобализация в духе конструирования Нового мирового порядка (концепция «золотого миллиарда») станет губительной для всех без исключения. О базовом характере нравственных отношений стоит поговорить отдельно.

3.3. Базовый характер нравственных отношений

Как известно, нравственные отношения пронизывают практически все сферы жизнедеятельности в обществе, включая экономику, политику, право, науку, искусство. Данное явление указывает на универсальный характер моральных ценностей. Нравственные установления не просто прони-

зывают все общество, но играют существенную роль во всех человеческих деяниях. Всякий раз мы убеждаемся в том, что социальное благополучие напрямую зависит от того, насколько последовательно общество следует этическим требованиям и соблюдает каноны справедливости. Поэтому социальный прогресс – это прежде всего духовно-нравственный прогресс. Многое наводит нас на мысль, что нравственные установления имеют базовый характер. Они формируются в процессе социального развития. Представления о нравственном и безнравственном не являются чертой только индивидуального сознания. Система моральных норм – это черта общественного сознания, которая становится продуктом исторического опыта и передается из поколения в поколение. Эти нормы могут входить в политическую идеологию, во многом определяя ее жизнеспособность, закрепляться в тех или иных положениях законодательства, программах деятельности органов управления и т. д. Нравственность, являясь неотъемлемой принадлежностью индивидуального и общественного сознания. выступает средством легитимации существующих общественных отношений. Происходящие в обществе изменения, если они нарушают нравственные принципы, будут неизменно отторгаться людьми. Массовое привыкание к безнравственности практически невозможно. Причем это отторжение происходит даже в том случае, когда нововведения поддерживаются государством и законодательством, как это имеет место в современной России.

Мораль (происходит от латинского слова moralis – нравственный) характеризует поведенческую информацию в обществе, обуславливающую сохранение и целостность общества, благополучное сосуществование людей. Постольку мораль и нравственность можно рассматривать как эквивалентные понятия, как синонимы. Мораль заключает в себе представление о целесообразном (правильном) поведении, выраженном в категориях добра и зла, справедливости и несправедливости, достойного и недостойного и т. д. Соблюдение требований морали вызывает у человека чувство внутреннего убеждения в правильности своего поведения и чувство удовлетворенности, подтверждаемые общественным мнением и отношением к нему других людей. А поскольку взаимодействия между людьми имеют место при самых различных обстоятельствах – на работе, в быту, в семье и т. д., то мораль (нравственность) является универсальной характеристикой социальных отношений. Столь же универсальной должна быть, следовательно, и деятельность по привитию навыков правильного поведения, т. е. воспитание человека. Через взаимодействие и контакты с другими людьми человек может оценить собственный моральный облик, стремясь адаптироваться к окружающей социальной среде. Моральные нормы являются, таким образом, средством адаптивного поведения человека. Усвоение людьми этих норм в процессе воспитания улучшает также качество самой социальной среды, делает ее более комфортной и благоприятной для жизни.

Нормы нравственности прекрасно обходятся без каких-либо рациональных объяснений. Они не нуждаются в логике. И тем не менее оказы-

ваются действенными в масштабах исторической социокультурной среды того или иного общества. В этом явлении обнаруживается их универсальность. Аналогичным образом правила поведения муравьев в муравейнике справедливы для любого муравейника. Важно только то, что речь идет об определенном виде насекомых. Несколько иначе обстоит дело с поведением другого вида — термитов. Однако для всех термитников это одни и те же правила, хотя никакой договоренности между ними не существует.

Нравственность возникает как осознанные правила поведения. Однако теперь ясно, что о нормах нравственности «беспокоится» сама природа в интересах должного поведения в человеческом коллективе (обществе). Причем само понятие должного возникает благодаря необходимости сохранения коллектива (общества) в соответствующем природном окружении. Благодаря жестко заданным правилам поведения становится возможным существование в природе муравейников и термитников, а с ними — и самих муравьев и термитов. Универсальный характер моральных отношений есть следствие экологического императива, действующего в масштабах всей социальной системы. Насильственное, принудительное искажение моральных правил и норм в обществе неизбежно ведет к снижению жизненного потенциала этого обшества.

Моральные отношения допускают выбор между большим благом для себя и меньшим благом для другого в пользу блага другого. Асимметрию этого рода отмечал еще Аристотель, пытаясь объяснить феномен щедрого человека [13]. Смысл этой асимметрии в том, что за понятием «другой» фактически стоит понятие «общество», сохранение которого является условием сохранения индивида. Подобная асимметрия заключена и в других видах морального выбора. Например, добродетель предполагает делать добро другим, не претендуя на ответное добро как на некий способ оплаты. Помощь другому считается морально обязательной, даже если приходится жертвовать личной безопасностью. В праве нередко предусматриваются санкции за неоказание помощи человеку, находящемуся в опасной ситуации.

Во Всеобщей декларации прав человека (статья 25) говорится: «Каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи...» [245, с. 155]. Отсюда следуют соответствующие политические обязательства со стороны государства, имеющие моральный смысл для этого государства в отношении своих граждан.

Иногда полагают, что моральные суждения и действия идут лишь от лица индивида. Однако мораль, проявляющаяся в нормах права, включает в себя такой субъект, как государство. Правовые действия, предписанные государством, могут быть моральными, даже если идут от лица злонамеренного государственного чиновника, исполняющего закон. Беспристрастность и равенство, выражаемое политическими институтами, обязаны преодолеть личные интересы чиновника, если претендуют на легитимность закона.

Духовно-нравственная цивилизация предполагает гармонизацию общественных отношений, благоприятный социально-психологический климат в обществе. Происходящие в нашей стране либерально-рыночные реформы существенно затрагивают исторически сложившуюся систему ценностей, и по этой причине они не могут быть закреплены в структуре общественных отношений России.

Любопытный факт заключается в том, что любая знаковая система, основанная на законах логики, содержит утверждения, которые нельзя доказать или опровергнуть (знаменитая теорема Геделя). Такова, например, арифметика. Обобщенно говоря, любая рациональность не может быть полной. Она не может существовать без иррациональных (не подчиняющихся логике) положений. Нравственные законы, как известно, лежат за пределами логики и не поддаются рациональному объяснению. Иными словами, правила поведения лежат за пределами человеческого разума и, строго говоря, не нуждаются в нем. В противном случае правила поведения не могли бы существовать в стаде животных или муравейнике. В обществе правила поведения (законы нравственности) являются предметом веры, подобно аксиомам в геометрии. Более того, отраженные в человеческом разуме окружающие нас вещи не несут на себе печать рецепторного аппарата и способов расшифровки поступающей информации. Возникающие в мозгу образы мы отождествляем с существующими вне нас вещами, а само это отождествление тоже есть предмет веры. Естественно поэтому, что те же муравьи видят окружающий их мир совершенно по иному. Причем правила поведения уходят у них на уровень безусловных рефлексов. Когда правила поведения трансформируются в законы нравственности благодаря сознанию, они не нуждаются в рациональном обосновании.

Известно, что в любой системе часть подчинена целому. Это значит, что ее функции или поведение способствуют сохранению целого. В этом секрет существования самой системы. С этой точки зрения, системность — это некоторый аналог божества, которому подчиняются отдельные элементы. Если данная подчиненность отсутствует, то Бог исчезает. Но тогда должна исчезнуть и система. Таким образом, в религии мы видим некий инструмент сохранения общества. Человеческое поведение, способствующее сохранению общества, мы определяем как нравственное поведение. Религия и нравственность настолько сильно связаны, что любовь к Богу и любовь к человеку взаимно предполагают друг друга. В сущности, мы имеем дело с единством человека и общества, отображаемое человеческим сознанием. При этом нравственность выступает в роли той силы, которая удерживает общество от самораспада. Отсюда видно также, что возникающие в обществе правовые отношения и соответствующие законы и нормы обязаны учитывать нравственные требования. Это, впрочем, относится и к экономическим отношениям.

Скажем прямо: нравственные отношения имеют базовый характер. Они не могут навязываться какими-либо политическими идеями переуст-

ройства общества. И обязаны оказывать глубокое влияние как на хозяйственные, так и на правовые системы общества. В частности, поскольку правовая система неотрывно связана с социокультурными особенностями страны, являясь своеобразным ее продолжением, то перенесение правовых институтов из одной страны в другую должно происходить с величайшей осторожностью. С «импортом» правовых установлений не раз сталкивалась Россия. Переваривание чужих правовых норм почти всегда было связано с реакцией отторжения и отрицательными последствиями. Известны также катастрофические последствия российской правовой системы в Эфиопии в 1970-х гг. Культурно-нравственные основы права настолько важны, что общество в лице его населения или отдельных социальных групп вправе обращаться к акции гражданского неповиновения, если законодательство принуждает граждан к нарушению правил этики. Аналогичная ситуация имеет место и в случае хозяйственных систем. Игнорирование требований морали в экономической и юридической практике чревато общественными катаклизмами.

Заметим, кстати, что такого рода попрание требований морали со стороны правовых норм воспринимается нашей церковью как явный грех. «Основы социальной концепции Русской Православной церкви», принятые Архиерейским собором в 2000 г., считают допустимым даже церковный призыв к гражданскому неповиновению в подобных случаях. Например, церковь может решительно выступать против принудительных абортов или изъятия честно нажитого имущества. Возможности присвоения значительных материальных благ в размерах, которые не могут быть объяснены трудовыми усилиями человека, тоже могли бы рассматриваться Православной церковью как грех. Однако мы вынуждены признать, что церковь обнаруживает удивительное равнодушие к введению института частной собственности в России, благодаря которому такое присвоение становится реальным фактом. Получается, что христианская мораль почему-то не считает грехом обогащение за счет других людей, а также стремление к такому обогащению, закрепленное конституционным правом России.

Приходится признать, что современные христианские конфессии в целом не намерены объявлять войну либеральным ценностям, чтобы утвердить в обществе надлежащие этические основания. Речь идет в основном о том, что, когда либеральная идея закладывается в основу государственных институтов и отношений, долг церкви уравновесить этот принцип утверждением религиозных ценностей в сфере воспитания, образования и формирования межличностных отношений в диалоге с другими христианскими конфессиями [139]. В лучшем случае это можно рассматривать всего лишь как попытку разделить сферы влияния между традиционными и либеральными ценностями.

Христианство, которое проповедует всеобщее смирение и любовь ко всем, даже к своим врагам и ненавидящим тебя, целесообразно лишь в узкогрупповом либо национальном смысле. Заповеди такого рода допус-

тимы, если они нацелены в адрес представителей выделенной социальной группы, нации, этноса, клана. Эти заповеди говорят о том, что интересы нации (группы, клана) стоят над интересами отдельных личностей, что выживание выделенного сообщества важнее, чем выживание того или иного его представителя. Поэтому было бы точнее сказать так: «Люби свою нацию (клан) как самого себя», «Люби своих личных врагов и молись за них, если они той же социальной принадлежности (национальности), что и ты». Соблюдение этих правил способствует сплочению и сохранению социальной группы и, в конечном счете, каждого, кто к ней принадлежит. Поразительное дело: в рамках любого многонационального государства христианство сохраняет лишь тех, кто понимает точный, глубинный (и, возможно, тайный) смысл его проповедей, и одновременно держит в подчинении тех, кто понимает их упрощенно и буквально. Эпоха Реформации 16–17 вв. еще более усугубила ситуацию, порицая бедность и провозгласив прибыль и доходность благородным делом. Стремление к обогащению поощряется и освящается. Смирение с бедностью и отказ от потребительских устремлений не может теперь рассматриваться как добродетель. Сплоченная нация (или даже клан) в этих условиях может стать господствующей и богоугодной, если в ее руках концентрируется богатство. От прочих наций Бог отворачивается.

Можно согласиться с общим положением, что гуманистические, нравственные элементы были включены в христианство, чтобы сделать его привлекательным и массовым [116]. Но верно и то, что христианство представляет собой сосуд с двойным дном, благодаря чему и само общество распадается на два уровня. На одном уровне мы получаем господствующую нацию (клан), на другом – всю прочую людскую массу, которую характеризует пассивность и покорность.

Таким образом, нравственные элементы можно встроить в религиозную идеологему, которая оправдывает безнравственные установки на обогащение любой ценой. Более того, такая идеологема становится инструментом для установления власти аморальных личностей. Внерелигиозное обоснование морали, к сожалению, всегда было трудным делом. Будучи продуктом человеческого общества, естественным свойством поведения людей в обществе, мораль не нуждается в ссылке на чью-либо заповедь. Осознание этого обстоятельства представляется важным. Кроме того, надо понять: если «священная» частная собственность нуждается в охране и насилии, то она не такая уж священная. Смирение перед частной собственностью, которого хотят достичь при помощи ссылок на моральные заповеди от лица Бога, не имеет оправдания. В нравственных ценностях заключена сущность межчеловеческого общения. Эти ценности поддерживают существование самого общества и, следовательно, являются свидетельством гармоничных отношений общественного организма с природными условиями бытия. Мораль – результат воспитания, а не божественных откровений.

Нравственные нормы появляются не как итог принуждения, а как результат выбора поступков, который запоминается и передается из поколения в поколение, если оказывается удачным с точки зрения сохранения социальной системы. Эти нормы не нуждаются в юридической поддержке, а сами становятся ориентирами формирования права. В процессе развития общества и усложнения общественных отношений появляются факторы, которые выводят эти отношения за рамки непосредственных этических оценок и норм, затрудняя нравственное поведение. Это и приводит к усложнению механизма регулирования общественных отношений посредством искусственного (правового) принуждения. Можно сказать, таким образом, что возникающий правопорядок в обществе ориентирован на соблюдение нравственных требований в условиях усложняющейся социальной системы. Подобным образом создание искусственной среды (техносферы) должно быть ориентированом на соблюдение экологических (естественных) требований. Если бы право могло хорошо справляться со своими задачами, то оно могло бы изначально корректировать формы хозяйственной и иной деятельности, а не подчиняться слепо экономическому или политическому диктату.

Если в экономическом сообществе на первый план выступают отношения обмена, то в самом обществе – это отношения соучастия, сотрудничества, сопереживания. И постольку мы говорим об этических приоритетах перед экономическими ценностями. В этике находят отражение цивилизационные характеристики общества, вырабатываемые в ходе истории и не терпящие насилия тех или иных экономических моделей по политическим мотивам, как это было в российских революциях 1917 и 1993 гг. Вряд ли здесь целесообразно сожалеть об отсутствии стабилизирующих цивилизационных (в том числе государственных и правовых) механизмов [212]. Например, как показывает практика, государственные и правовые механизмы сами способны перестраиваться под натиском экономических интересов. Так было в ходе обеих революций. Нынешние попытки конституционного закрепления в России социального государства (статья 7 Конституции РФ) скорее маскируют отсутствие свободы и справедливости в системе новых экономических отношений, чем ставят перед собой задачу возродить силу этических ценностей.

Идея социального государства выглядит как мираж. Мы не можем реализовать эту идею, хотя в России находятся примерно 10% мировой пашни, 20% пресной воды, 25% древесины, 1/3 мировых запасов энергоносителей, включая 8% нефти и 35% разведанных запасов газа. Природный потенциал России в 2 раза выше, чем в США. При этих условиях мы не имеем права быть хуже других по уровню благосостояния. Неустанная пропаганда в средствах массовой информации (СМИ) того, что деньги – основное мерило ценности человека в нынешней жизни, представляется слишком примитивной. Достойное благосостояние базируется не на деньгах, а на духовно-нравственных ценностях при наличии достаточного при-

родного потенциала. Моральное оздоровление России сегодня настолько важно, что уход в сторону от этих проблем может оцениваться как преступление против долга и совести. И одна из задач заключается в том, чтобы поставить СМИ под контроль общества, не допуская культурного одичания людей, нравственной деградации, пропаганды чуждых нам ценностей, дурного вкуса и различного рода пошлости. Свобода духовного и морального разложения людей должна быть запрещена, поскольку это равносильно убийству человеческой личности. И надо хорошо понимать, что сложившиеся в России формы хозяйственной деятельности и защищающие их правовые институты пришли в противоречие с духовно-нравственными основами общества. Это противоречие мы просто обязаны устранить.

Экономика и политика сами должны подчиняться нравственным требованиям, а значит, и правовым установкам, выступающим своеобразным продолжением нравственных отношений в обществе. И если бы все было так, как должно, то возникновение нравственно ущербных форм собственности (таких, как частная и государственная) стало бы невозможным. В ходе усложнения общество двинулось по ошибочному пути разрушения этических оснований жизнедеятельности, подчинив ее целям насильственного захвата материальных благ посредством обмана и войн, объявив свои особые права на эти блага в качестве неприкосновенных и даже священных.

В современных условиях геополитические ориентиры насильственных действий Запада несколько трансформируются. Лорд Чалфонт пишет в этой связи: «По мере того, как мы вступаем в XXI век, жизненно важно, чтобы все европейские и атлантические державы признали, что «холодная война» окончена. Угрозы нашей безопасности изменились, и мы должны встретить их вместе. Беспрецедентный акт международного терроризма 11 сентября подтверждает это с новой силой» [118]. Принцип невмешательства, заложенный в свое время в Устав ООН в ходе формирования Стратегической доктрины Запада (НАТО), фактически заменен «правом на вмешательство». Считается, что в случае актов терроризма или такой «внутренней политики государства, следствием которой является крупномасштабное притеснение населения», допустима «гуманитарная» интервенция. «Право на вмешательство» уже было реализовано в Афганистане [118, с. 6]. Нельзя исключать того, что американские небоскребы разрушались в свое время во имя новой Стратегической доктрины Запада. И теперь Россия должна поддерживать Запад перед угрозой государств-изгоев (террористов). Вряд ли можно считать случайным, что США выделяют на оборону вдвое больше средств, чем все европейские члены НАТО вместе взятые [118, с. 13]. Эпоха неприязни и противостояния между Западом и Востоком, похоже, вступает в свои права. Это ли не признак духовнонравственного кризиса мирового сообщества?

Мы привыкли считать, что, изменяя экономические отношения в обществе, мы затрагиваем его глубинные основы. Особенно нам представляются важными производственные отношения, заключающие в себе сущ-

ность той или иной общественно-экономической формации. При этом нравственные отношения переносятся на уровень надстроечных элементов. Как показывает опыт, изменяя отношения собственности, мы можем производить запланированные формационные перемены в нужном направлении. В ряде случаев приходится идти на жертвы, уничтожая и изолируя от общества недовольных людей. Для этого достаточно захватить власть. Подобные трансформации, имеющие характер нравственных преступлений, особенно не беспокоят организаторов социальной смуты. Данные преступления обычно оправдываются благородными целями, рассматриваются как неизбежная плата во имя светлого будущего. Однако если учесть базовый характер нравственных отношений, становится очевидным, что производимые в течение последних столетий социальные трансформации представляют собой нарушение эволюционных законов. Разум, опираясь на технические достижения, обретает достаточно большую силу, чтобы творить искусственные социальные конструкции. Не удивительно, что в обществе происходит крупномасштабное ухудшение нравственного климата, назревает экологическая катастрофа.

Базовый характер нравственных отношений – характерная черта любых социальных организаций. Современная наука постепенно подходит к детальному исследованию аксиологических основ общества, представленного совокупностью социальных институтов. В обществе мы находим множество различных организаций, в которых имеет место объединение людей ради осуществления тех или иных социально значимых целей. Когда такой целью является производство, мы говорим о производственных организациях. Одновременно можно говорить и об организационной культуре, заключающей в себе нравственную основу организации. Наблюдаемая трансформация современной российской организационной культуры предполагает отказ от национальных традиционных ценностей. Более того, нас порой хотят убедить в том, что такая трансформация неизбежна в связи с феноменом глобализации. Однако система ценностей в обществе обладает достаточно большой инерцией. Так что многие организационные перестройки (в том числе в России) представляются искусственными, и по этой причине нежизнеспособными. Навязываемая организационная культура может быть взрывоопасной. К сожалению, аксиологический аспект социальных организационных структур исследован явно недостаточно [126]. А между тем именно ценности занимают в организационной культуре центральное место. Ценности, и прежде всего нравственные, гарантируют сохранение организации и общества в целом, являясь регулятором поведения людей. Этика – важнейший фактор социальной экологии.

Глава 4. КОЛЛИЗИЯ МАТЕРИАЛЬНЫХ И ЭТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

4.1. Приоритет материальных ценностей

Хозяйство — это, пожалуй, наиболее чувствительный стык научнотехнического знания и этики. Однако нельзя не заметить, что классическая политэкономия, начиная с А. Смита, претендовала на полную свободу от каких-либо нравственных принципов и ограничений. Социальные и экономические законы считались аналогичными законам механики и физики. Пренебрежение значимостью моральных установок в хозяйственной деятельности характерно было и для марксизма. Это осуждалось русскими философами и экономистами, в частности, Вл. Соловьевым и С. Н. Булгаковым. Тем не менее еще сейчас мы слышим утверждение о всемогуществе, совершенстве и «мудрости» рыночной экономики, которая все умеет отрегулировать. Человек с его нравственными требованиями не может и не должен вставать на пути экономического закона.

Н. Луман полагает ограниченной точку зрения, согласно которой мораль выполняет функцию связующего средства, удерживающего людей в обществе [124]. Общественная интеграция вытекает не только из этих функций морали. Существует необходимость в совместной деятельности, в том числе экономической. И все же не вызывает сомнения, что поведение людей регламентируется нравственными законами, без которых общество становится неустойчивым и обречено на саморазрушение. Моральный человек, безусловно, заслуживает уважения, но это не значит, что мораль, в конечном счете, можно свести к уважению, описывая соответствующую совокупность условий, от которых зависит решение дилеммы – уважать или не уважать [124]. Хотя социальное неопределимо в терминах морали, общество не может существовать иначе как в нравственных измерениях, при помощи которых определяется пространство общественного бытия, совместное существование разумных существ. Вне «нравственного пространства» невозможна дружба людей.

Нельзя не признать, что описание экономической теории может исключить нравственные отношения. Это означает, что в движении товаров и услуг есть множество специфических свойств и особенностей объективного характера. Подобным образом строятся физические и биологические

теории. И все же экономические модели могут быть нравственными или безнравственными в зависимости от того, как закладываются межчеловеческие отношения. Например, отношения частной собственности предполагают стремление людей к наживе и эгоизму, доминированию материальных интересов над духовными, богатству и власти любой ценой. В таких условиях начинает разрастаться механизм позитивного права, его значимость и автономизация по отношению к естественному праву. Общая теория социальных систем Н. Лумана в большинстве случаев недооценивает роль нравственности в жизни общества, в том числе экономической. Эта теория, к тому же, страдает весьма замысловатыми словесными конструкциями, являясь образцом вербального мышления, при котором слова вытесняют мысли.

Надо отдать должное известному английскому экономисту и философу Дж. Кейнсу, который отказался рассматривать экономику по аналогии с естественной наукой. Он писал: «Экономика, которую правильнее было бы называть политической экономией, составляет часть этики» [93, с. 50]. Зато воспитанная на марксизме интеллектуальная российская элита (например, акад. Н. Амосов) продолжала считать, что точные науки поглотят на только психологию и теорию познания, но также социологию и этику [7].

Все, что произрастает на социальной почве, обуславливается ценностями культуры и прежде всего духовно-нравственной культуры, представляющей собой «гумус» социальной почвы. Принцип свободы, о котором в последнее время много говорят и пишут, не должен сводиться к свободе делать деньги и получать удовольствие, попирая требования морали, теряя человеческое достоинство. Денежные средства ни при каких обстоятельствах не должны быть самовозрастающими, идет ли речь о банковском проценте или манипуляциях с акциями, облигациями, закладными и т. д. Деньги могут наращиваться лишь через их вложение в производство в ходе реализации товара 1. Однако крупные государственные и мировые банки решительно этому препятствуют, как это было, например, в Австрии, где попытка использования теории С. Гезеля в начале 1930-х гг. была прекращена Национальным банком страны [31].

Любые механизмы самовозрастания денег закономерно ведут к инфляции, к необоснованному обогащению и моральному разложению общества. Сегодня мы это воочию наблюдаем. Хранение денег банком может рассматриваться лишь в качестве услуги, которая выражается в виде должностных окладов служащих банка, но не более того. Процентные деньги уже давно являются своеобразной удавкой для общества. Опасность ростовщичества уже понимали Платон и Аристотель. Однако и сегодня кредитование под проценты остается распространенной и обыденной акцией, которую никто не собирается отменять. Денежная система превратилась в механизм бесчестного обогащения и эксплуатации. Селевой поток

¹ Подобные идеи высказывались еще в конце XIX в., в частности, экономистом С. Гезелем.

всякого рода безнравственности, сметающий все со своего пути ради обретения материальных ценностей и максимальной прибыли, способен погубить современную цивилизацию за считанные десятилетия. Таковы стали сегодня возможности экономической науки.

Возможности экономики во многом зависят от сложившейся структуры собственности. Заметим, что государственная собственность на средства производства, как показали специальные экономические исследования (Л. Мизес, Ф. Хайек, О. Ланге) и сама практика, не способствует заинтересованности работников в повышении производительности труда. В условиях тотального наемного труда это становится особенно заметно. Поэтому не случайно в СССР были на полную мощность использованы идеологические средства при подготовке различного рода специалистов. Труд во имя светлого будущего обретал характер едва ли не основной жизненной установки.

Важной предпосылкой производственной деятельности являются надежно защищенные права собственности на результаты производства. Такие права называют исключительными, поскольку они исключают доступ к объектам собственности иных лиц без соответствующей санкции обладателей этих прав. Причем исключительность права носит базовый характер, тогда как вопрос о субъекте такого права имеет подчиненное значение [216]. Исследование эффективности той или иной системы прав собствен-

Исследование эффективности той или иной системы прав собственности будет приводить к различным результатам, если степень исключительности этих прав изменяется. Размывание прав собственности в современных условиях нередко диктуется экологическими обстоятельствами. Источником насилия в этом случае обычно выступает государство, предъявляющее собственникам соответствующие экологические требования. Кроме того, размытые права собственности часто оказываются выгодными для государственных чиновников, использующих данную ситуацию для осуществления коррумпированной деятельности.

Исторический опыт последних столетий показывает, что так называемая рыночная (частнособственническая) экономика закрепляется в странах с соответствующим социокультурным базисом. Этические аспекты собственности в рыночных отношениях становятся предметом специальных исследований (М. Вебер, А. Риан, Д. Холлуэл). Институт частной собственности в ходе своего становления базировался на принципе вседозволенности, давшем начало идеологии либерализма. Экономист А. Смит (XVIII в.), объявив частную собственность условием процветания государства, ратовал за последовательное проведение в жизнь лозунга «laissez faire» («не мешайте действовать»). Это означало невмешательство государства в экономику и отсутствие каких-либо препятствий для развития личной инициативы. Свою теорию нравственных переживаний он строил исключительно на эмоциональных свойствах отдельной личности, а саму способность людей к нравственным переживаниям связывал с божественным проявлением. Социолог М. Вебер (ХХ в.), проводя идею экономиче-

ской рациональности, пытался связать ее с религиозным сознанием. Экономический успех трактовался Вебером как признак божьей благодати. Развивая экономическую этику вслед за Смитом, он фактически обосновывал известный тезис протестантизма «более богатый более угоден Богу». Богоизбранность и богатство оказались тесно связанными понятиями. Более поздние исследования взаимоотношения экономики и нравственности, проведенные, в частности, М. Бюшером [224], позволяют подойти к более фундаментальным выводам. Смысл их заключается в следующем: принципы и ценности культуры играют определяющую роль в процессе становления структур собственности и основ хозяйственной деятельности. Конституция Российской Федерации 1993 г. в значительной степени

Конституция Российской Федерации 1993 г. в значительной степени согласована с установками либеральной идеологии. Причем духовность и нравственность человека остаются в стороне. Забыты моральные ценности, определяющие межчеловеческие отношения, от которых зависит благополучие самой социальной среды. Либеральная идеология игнорирует качество социума. Она разлагает социальную систему на атомы – отдельные индивиды, сосредотачивая на них всю свою заботу. Данный аналитический подход к управлению социальной системой в полной мере реализуется и по отношению к природной среде, которая никогда не рассматривалась в аксиологическом контексте. В лице либерализма социологическая теория являет собой некий аналог аналитического подхода, характерного для естественных наук, в частности для физики.

Реальный социальный прогресс тесно связан с духовно-нравственным совершенствованием общества, в котором истина, добро и красота обретают силу доминирующих факторов жизнеустройства. Для коренных народов России, и прежде всего, русского народа, характерно стремление к достижению общего, коллективного блага, даже если при этом приходится жертвовать своим здоровьем и жизнью [177]. Причем, коллективистские устремления не знают границ, расширяясь до мировых масштабов. Ф. Достоевский видел в этой особенности потенциальные возможности всемирного человеческого единения, которое готов был трактовать в качестве русской национальной идеи [67]. И хотя в современной России материальные блага и деньги у многих превратились в главный мотив поведения, подчиняющий себе даже семейные отношения, не следует думать, что искусственное насаждение бездуховного существования людей может разрушить веками складывающийся социокультурный базис России.

Этические основания экономики заслуживают особого внимания. Если в обществе материальное благополучие достигается, главным образом, ценой отказа от моральных принципов, такое общество обречено. Доминирование материальных интересов характерно для тех социальных систем, которые основаны на аморальных формах собственности. Такими формами являются частная и государственная собственность. Во времена перестройки людям внушалась мысль об изначальной справедливости рыночных отношений. Можно подумать, что механизм рынка способен от-

слеживать выполнение нравственных требований. Но ведь рынок имеет дело с платежеспособным спросом. Между тем распределение платежных средств (денег) между людьми отнюдь не обязано удовлетворять принципу справедливости. Поэтому рыночная модель экономики не гарантирует прогрессивного развития общества, как нам пытались внушить в свое время политические лидеры перестройки. Рыночная организация хозяйства формирует среду, в которой выживает сильнейший. Удовлетворение потребительского спроса слабыми предприятиями рынок не допускает в точном соответствии с идеологией дарвинизма. Такие предприятия становятся банкротами.

Тесная связь социальной эволюции с возрастанием роли рынка, о чем пишет С. Хайтун [235], представляется весьма сомнительной. Фактически мы сталкиваемся с попыткой увековечить концепцию либеральнорыночной экономики, возвести ее в ранг универсальной идеологии. Даже ссылки на Дж. Кейнса не могут существенно помочь делу, поскольку касаются только экономической стороны вопроса. Общество нельзя уложить в прокрустово ложе экономики, и проблемы его развития не сводятся к рассмотрению рыночных сил и рыночной стихии. Отношения между работодателями и наемными работниками, определяющие рыночное сообщество, не дают нам право судить об обществе в целом, тем более в сфере нравственных и духовных ценностей. Жесткая конкуренция, характеризующая рыночный мир, привела к моральной деградации общества и его значительной поляризации на богатых и бедных.

Невмешательство государства в бизнес (принцип «Laissez-Faire») способно существенно усугубить эту ситуацию. Государственное регулирование рынка, ставящее задачу увеличения зарплаты работников и повышения потребительского спроса, позволяет стимулировать экономический рост, что и составляет основную идею «кейнсовой» экономики. Об увеличении покупательной способности населения до Кейнса беспокоился президент США Ф. Рузвельт. Вывод о том, что предложение автоматически рождает спрос (так называемый закон Сэя), показал свою практическую несостоятельность. Именно роль спроса оказалась определяющей, что и было установлено Кейнсом. Вместе с тем он знал, что бережливость населения способна тормозить рост экономики, а рост зарплаты чреват кризисом конкретного производства. Поэтому в условиях кризиса целесообразно уменьшать заработную плату. Но не путем уменьшения денежных выплат работникам, а посредством повышения цен. Изъятие же накоплений можно осуществлять с помощью государственных займов и выпуска новых денег. Государственная собственность как форма вмешательства государства в бизнес Кейнсом исключалась. С внедрением кейнсианской экономики С. Хайтун связывает феномен резкого повышения уровня нравственности в обществе [235]. По его мнению, это подтверждает известный тезис марксизма об определении сознания (нравственные нормы) бытием (экономикой). В реальной действительности дело обстоит сложнее. Естественная стихия нравственных норм может понуждать к определенной экономической конструкции. С другой стороны, насильственное насаждение какой-либо экономической модели (как это произошло с Россией) способно вносить нравственную деградацию в общество. Государственная система, побуждающая работодателя платить достойную зарплату наемному работнику, действует, прежде всего, в интересах бизнеса. Она обеспечивает рост экономики ради нее самой, не считаясь с экологическими проблемами и устойчивостью социокультурного базиса. Кейнсианство не смогло исключить монетаризм, полагающий находящуюся в обращении денежную массу в качестве определяющего фактора экономики. А это значит, что введение каких-либо ограничений на предпринимательскую деятельность будет натыкаться на различного рода затруднения. Примером монетаристского курса может служить «рейганомика» — экономическая политика Рейгана. Более того, монетаризм можно рассматривать как неизбежное дополнение кейнсианства или даже как его элемент.

Монетарная экономика напоминает глобальную игровую площадку, где идет азартная игра на деньги с высокими и сверхвысокими ставками [157]. В сущности, это уже не экономика. Здесь нет производства и товарного обмена. Остается лишь процесс движения ценных бумаг, подчиненный игровым правилам. Эта игра, хотя и покидает пределы нравственности, обслуживается надлежащей правовой системой. В результате происходит перемешивание реальных жизненных процессов с искусственными игровыми конструкциями, открывающими путь к богатству или разорению, никак не связанными с действительными заслугами. Так называемые кризисы в экономике возникают как продукт искусственных конструкций в сфере финансового обращения, зависящий от деятельности банков и механизма печатания денег. Знание игровых правил заменяет знание реальной жизни.

Фондовый рынок представляет собой конкретный пример игровой ситуации, когда можно обрести состояние, не затрачивая никакого труда. Покупка и продажа акций — это все, что нужно уметь делать, отслеживая необходимую информацию. Таким образом, общество предоставляет возможность приобретать ничем не заслуженное материальное благополучие либо терять свои деньги, заработанные нелегким трудом. Общество, которое дает такую возможность, не может считаться нравственным, поскольку допускается нарушение принципа справедливости. Здесь осведомленность заменяет умение, интеллектуальные и профессиональные навыки. С помощью фондового рынка можно контролировать состояние мировой экономики, обрушая последнюю тогда и там, когда и где это будет необходимо. Особенно широкие возможности имеются у тех, кто может печатать деньги, играющие роль мировой валюты. Контроль достигается благодаря манипулированию ценами на особо значимые ресурсы (например, нефть) или золото [185]. Существенную роль выполняют СМИ, которые надлежит подчинить основным организаторам биржевой игры. Создатели

фондового рынка фактически совершили нравственное преступление, хотя не несут за это никакой ответственности.

Современная рыночная экономика «сведена до уровня финансовоспекулятивных махинаций с "ценными" бумагами и манипуляциями с курсами валют» [215]. Движение денег становится важнее, чем движение товаров. Управляя денежными потоками, можно вызывать кризис как средство целенаправленного перераспределения богатств. Вся экономика обретает спекулятивный характер, становится некой ареной аморальной деятельности. Ситуация, когда печатание денег в США и других развитых странах воспринимается прочими странами как выпуск «твердой валюты», способной обмениваться на любые товары, кажется более чем странной. Приравнивание товаров к разрисованным бумажкам не только ведет к мировой инфляции, но свидетельствует о глубокой деградации экономических отношений в современном обществе. Совершенно очевидно, что это пример нарушения социальной справедливости, причем в мировом масштабе, благодаря разрастанию либерально-рыночной системы.

Главной причиной нынешнего кризиса мировой экономики является перепроизводство денежной массы – долларов. Напомним: отказ от золотого обеспечения доллара произошел в США в 1971 г., что позволило печатать долларовые бумажки в неограниченном количестве. Начиная с этого момента и до 2008 г., объем долларовой массы в мире вырос в десятки раз и превзошел во много раз реальную товарную массу на мировом рынке [185]. Тем самым США утвердили свою паразитическую сущность. Будучи удерживаемыми в качестве мировой валюты доллары позволили американцам существенно улучшить свое положение за счет остального мира. Устроен финансовый насос по перекачке мировых богатств в пользу США. Он оказался даже более эффективным, чем торговля оружием и наркотиками. Чтобы сотворить такой насос, потребовались огромные усилия в сфере политики, целенаправленная работа влиятельных, хорошо законспирированных организаций, функционирующих в качестве тайного мирового правительства. Создание мировой и не обеспечиваемой товаром валюты (виртуальные деньги) требует сложной системы тайных организаций, действующих повсеместно во многих государствах. В современном мире паразитизм осуществляется методом утонченных, скрытых от глаз людей приемов, поскольку требования к росту нравственности становятся все более настойчивыми, а сокрытие информации – все более трудным делом.

Работа современной финансово-экономической системы организована таким образом, что ни одно крупное предприятие, ни один банк не могут работать без кредитов. Разразившийся ныне кризис привел к резкому снижению размеров и общего числа выданных кредитов, к росту требований об их досрочном возврате. Сложившаяся ситуация напоминает 1929 г., когда началась «Великая депрессия». Падение цен на фондовых рынках России происходит в разы. В мире начались процессы перераспределения собственности, которые являются основной целью

«управляемого кризиса». Это перераспределение происходит с помощью российского государства, которое берет под свою опеку разваливающиеся компании, чтобы затем передать их в распоряжение мировых олигархов [185]. Сценарий, по которому разворачивается кризис, использует уже обкатанные в эпоху «Великой депрессии» приемы. Разница только в том, что теперь в числе игроков на мировой арене виртуальной экономики присутствует Россия.

Впечатляющим примером очевидной несправедливости является совершенно изуродованная оценка человеческого труда, приводящая к скоплению денежной массы в руках узкой группы людей, в то время как в мире происходит расширение зоны бедности. Считается нормальным, когда зарплата представителей корпоративной верхушки, начиная с директоров, настолько огромна, что не идет ни в какое сравнение с ценностью их труда. В этом явлении просвечиваются «прелести» наемного труда, от которого уже давно пора отказаться в силу того, что он не отвечает нравственным критериям. Речь должна идти не просто о контроле за ресурсами, технологиями и капиталами транснациональных корпораций, а об отмене частной собственности, которая стимулирует феномен монетарной экономики и патологическую устремленность к наживе и богатству.

Возможность роста заработной платы в развитых странах на практике оказалась обусловленной скрытой эксплуатацией развивающихся и слаборазвитых стран. В результате возникает глобальная экономическая система, закрепляющая за развитыми странами статус принадлежности к «золотому миллиарду». Признание подобной глобализации означало бы «законную» неизбежность несправедливых межгосударственных отношений и аморальность соответствующих экономических связей. Кейнсианская экономика, в сущности, закрепляет сложившуюся ситуацию.

Рост валового внутреннего продукта (ВВП) существенно обгоняет рост населения Земли. Например, если с 1960 по 2000 г. население мира удвоилось, то ВВП вырос почти в 6 раз. Более скромно производство первичной энергии – в 2,9 раза. Ныне становится заметным, что развитие цивилизации находится в полной зависимости от скорости исчерпания природных ресурсов, и во многих развитых странах они уже практически исчерпаны. Поэтому свои растущие потребности эти страны могут удовлетворять лишь за счет развивающихся стран и России. Причем Россия является мировым лидером по количеству сосредоточенных на ее территории экологических ресурсов. Нужно ли удивляться, что Россия, по мнению Запада, должна была стать рыночной державой и полностью открытой для развитых стран. Широкое распространение идеологии глобализации тоже тесно связано с этим обстоятельством. Однако страны Запада не спешат со своими технологиями, научными достижениями и финансовыми ресурсами помочь улучшению экологической ситуации в тех регионах, откуда они черпают природные ресурсы. Международные банки предпочитают оказывать кредитную помощь развивающимся странам, делая их должниками

и закрепляя в них тенденцию хищнической эксплуатации природных ресурсов в интересах экспорта. Между тем настало время ставить перед мировым сообществом вопрос о глобальной экологической ренте [76]. Любопытная деталь: на Всемирном саммите по устойчивому развитию в Йоханнесбурге 2–11 сентября 2002 г. договориться о механизме решения мировых экологических проблем развитым и развивающимся странам так и не удалось. Причем особенно негативной выглядела позиция США.

Нынешний перенос грязных производств из развитых стран в менее развитые можно считать очевидным нарушением правил экологической этики. Между тем к этому нарушению многие правительства относятся весьма легко, даже приветствуют его. Это говорит о том, что в сфере экологических отношений нравственный контроль резко ослаблен. Общество не научилось пока улавливать требования этики в вопросах охраны природы. Политика стран «золотого миллиарда» направлена на содействие экспансионистским устремлениям транснациональных корпораций, обеспокоенным исключительно рынками сбыта и прибылью. При этом по возможности тормозится экспорт передовых, экологически чистых технологий из развитых стран, а рост их благополучия достигается, таким образом, за счет деградации мировой природной среды. К тому же устаревшая методология исчисления стоимости не позволяет в должной мере оценить значимость изымаемых природных ресурсов. В результате хозяйственная деятельность обретает антиэкологический характер. Поэтому нет ничего удивительного в том, что интенсивность потребления возобновимых ресурсов ныне повсеместно превышает их естественные темпы восстановления. Это особенно опасно в области почвенных ресурсов, воспроизводство которых происходит крайне медленно, а их экологическая значимость является, пожалуй, наиболее высокой.

Общество, в котором материальные ценности доминируют над этическими, не может развиваться в гармонии с природой. Антиэкологичный характер такого общества проявляется, в частности, в сырьевой ориентации экономики, пренебрежении проблемами охраны природы, присвоении природной ренты отдельными лицами, идеологии неограниченного потребительства. В таком обществе поощряется стремление к роскоши и богатству, а, значит, безнравственность способна превратиться в нем в норму жизни. Этика межчеловеческих отношений и отношений с природой (экологическая этика) тесно связаны друг с другом. Этика и экологическая этика в обществе ухудшаются и улучшаются вместе, одновременно. Это возможно потому, что нравственные отношения в обществе имеют экологические основания. Иными словами, природа предъявляет нам требование быть нравственным, т. е. нравственность становится экологическим императивом. В случае неподчинения данному требованию общество становится нежизнеспособным. А значит, в обществе всегда и во всем этические ценности должны доминировать над материальными. И чем более развитым в научно-техническом отношении является общество, тем жестче становится это требование. Нарушение нравственных законов и правил было терпимо в прошлые века, но оно становится совершенно нетерпимым в настоящее время.

Нынешняя эпоха характеризуется замещением «горячих» войн «холодными». Правительства постепенно утрачивают контроль за новейшими информационными технологиями, что сопровождается расширением доступа к информации. В эту область и перемещаются «военные» действия, которые можно рассматривать как переход за границы дозволенного, т. е. за границы нравственного поведения со стороны отдельных социальных групп и государств. Аморальность правительств особенно опасна. Предел технологического развития общества, чреватого саморазрушением, по всей видимости, задается именно информационными технологиями, используемыми на верхнем иерархическом уровне социальных систем. В условиях разгула безнравственности, проникающей на государственный уровень, глобализация становится не просто опасной, а делается признаком самоуничтожения мировой цивилизации. Оправдание и даже приветствие глобализации в научной литературе представляется преступным. Появляются призывы к освобождению от «макрогрупповых идентификаций» (читай: национального самосознания), которые трактуются как дрейф к «шовинистическому» полюсу, угрожающему вызвать глобальную катастрофу [152].

Смешение людей разных национальностей не означает, что понятие национальности условно, как пишут некоторые авторы [2]. Существует феномен национальной культуры, которая усваивается людьми в процессе жизни. Благодаря этому люди обретают определенные духовно-нравственные и психологические черты, создающие тип личности. Это вовсе не значит, что между людьми разных национальностей должна быть вражда и насильственные действия. Культурный тип личности не дает права на чувство превосходства. Это чувство выглядит столь же неуместным и даже безнравственным, как и чувство господства над природой. Е. Абрамян прав, когда пишет, что «мы должны быть терпимыми к культурным различиям, за исключением случаев, когда сами эти культуры проявляют нетерпимость и жестокость. Настало время подняться над узкой клановостью, чтобы найти общую для всех моральную почву» [2, с. 462].

Идеология глобализации предполагает объединение не только государств с утратой национальной специфики, но и конфессий. Причем более активно за объединение всех церквей выступают протестанты (экуменическое движение). На этом фоне кажется естественным приоритет общечеловеческих ценностей. Однако необходимо отметить, что межкультурное взаимодействие не вправе принижать национальные ценности, в которых находят свое отражение этические системы различных государств и народов. Можно осуждать эгоистическую направленность и соответствующую ей мораль каждого отдельного человека, но неразумно расширять масштаб этого осуждения до размеров социальных систем и цивилизаций. При этом, безусловно, общей должна быть ответственность всех людей за раз-

витие планетарного человечества и биосферы. В современном мире не должно быть никаких скрытых действий и организаций типа масонских. В рамках международной этической системы должна иметь место прозрачность человеческой деятельности.

Основная установка либерально-рыночного общества («частное благо превыше всего») изначально противоречит нормальной этической системе. Такая установка аморальна. Тем более, она не может быть общечеловеческой ценностью. Дело даже не в том, чтобы вырабатывать новую глобальную этику, как предлагал в свое время О. Хайек [2, с. 459], а в том, чтобы признать факт разрушения общечеловеческих нравственных ценностей при формировании капиталистической модели хозяйства в рамках протестантской культуры. Человек должен быть ответственен за общее благо и общественное развитие, а не только за рост экономики. Идея самоорганизации, которая является «мотором» развития, характеризует коллективные интересы и действия. Значит, строить модель устойчивого развития на сохранении человеческого эгоизма и частной собственности невозможно. Разум, воплощенный в современной науке, разросся невероятно, но он не может заменить собой основу общества – нравственность. Необходимо понять, что нравственность для каждого человека и государства является охранной грамотой общества. Этим не исключается диалог цивилизаций, так же как не исключается диалог между людьми. Но отсюда вовсе не следует слияние национальных государств и культур под флагом единого мирового правительства.

Экономическая система имеет дело лишь с вещами, имеющими денежное выражение. Духовно-нравственная среда, в том числе вся система связей человека с окружающей природной средой, становится своеобразной жертвой экономической системы, которая пытается распространить на эту сферу свое влияние. Необходимость в природных ресурсах подталкивает государства к безнравственным поступкам, как это было, например, со стороны США по отношению к Ираку в связи с нефтяными богатствами Персидского залива. Развитие «либеральной демократии» сопровождалось широчайшей эксплуатацией в форме экономического колониализма стран третьего мира [130].

Известно, что хищническая рубка лесов на Юго-Востоке Азии теснейшим образом связана с японским импортом лесоматериалов. Благодаря этому стал возможен быстрый производственно-экономический рост Малайзии, Индонезии, Филиппин. Без разрушительных явлений в экосистеме мировых тропических лесов, включая бразильские, так называемое японское «экономическое чудо» вряд ли бы стало возможным. Вырубка лесов в Центральной Америке существенным образом связана также с устройством пастбищ и экспортом мяса в США. Утрата плодородных земель в Африке в значительной мере объясняется экспортом в развитые страны меди, урана и другого сырья в результате его бесконтрольной добычи и переработки.

Весьма непростой момент с этической точки зрения заключается в том, что защитники природы могут оказаться заинтересованными в ухудшении состояния природной среды, если от этого будет расти личный доход. Иными словами, защита природы может оказаться экономически выгодным делом для тех, кто этим занимается. Именно так устроена либерально-рыночная модель современного общества. Обратим внимание: грязная водопроводная вода выгодна фирмам, занимающимся торговлей «чистой» водой. При этом секрет приготовления «чистой» воды может быть скрыт. Зато реклама сделает свое дело, если удастся должным образом припугнуть потребителя воды. Чтобы сделать экономически выгодным сбор мусора на территории городов, надо, чтобы этого мусора было достаточно много, и он появлялся постоянно. Трудно не согласиться с тем, что «уборка и переработка мусора, как и всякая индустрия, дает людям рабочие места, стимулирует изобретательство, оживляет экономику» [192]. Вывод простой: рыночная экономика заинтересована во всеобщем загрязнении, чтобы на этом можно было делать прибыль. И не удивительно, что о росте экономики политики нередко говорят с восторгом, не интересуясь реальным состоянием окружающей природной среды.

Хотя общий объем международного рынка экологических товаров и услуг с начала XXI в. испытывает значительный рост, нельзя поручиться, что рыночный спрос способен работать в интересах сохранения природной среды. Например, нет никаких гарантий, что в этом случае мы можем сохранить леса или повысить в обществе роль экологической этики. Известная концепция устойчивого развития предполагает сочетать экономический рост с охраной окружающей среды. Однако, как показывает практика, привлечь для этой цели механизм рынка далеко не просто. Как считает президент Центра экологической политики России В. Захаров, в качестве надежных показателей устойчивого развития можно взять такие показатели как энергоемкость и природоемкость [70]. К сожалению, экономная трата энергии еще не означает, что столь же экономно будут расходоваться энергетические природные ресурсы и сохранятся ценности природы. Гармоничное соединение экономики и экологии остается проблемой, решать которую мы так и не научились.

В современной экономике растет доля расходов на преодоление различного рода трудностей, ликвидацию последствий аварий и катастроф, что отражается на увеличении внутреннего национального продукта (ВНП) и, соответственно, ВВП. Благодаря этому создается впечатление растущего экономического благополучия. На самом деле общая ситуация ухудшается. Производство товаров и услуг становится все дороже. Говорить о росте общественного богатства по показателям ВНП (или ВВП) мы уже не можем. В связи с этим ООН в рамках специально разработанной Программы развития (ПРООН) предложила руководствоваться так называемым Индексом развития человеческого потенциала (ИРЧП), в котором помимо дохода фигурируют показатели уровня образования и продолжи-

тельности жизни. Предпринимались попытки создания и иных комплексных показателей развития.

Что касается либерально-рыночной России, то стремление говорить об успехах экономики в терминах ВВП без учета экологических потерь обрело силу традиции, от которой правительство никак не хочет отказаться. Между тем ухудшение состояния окружающей природной среды, сопровождающее экономический рост, настолько значительно, что этот рост уже не кажется благом для общества. Реальное благосостояние людей сокращается темпами, существенно превосходящими темпы экономического роста. Таков, в частности, был главный вывод доклада «Энергетика и устойчивое развитие», представленного ПРООН 19 апреля 2010 г. в Москве [243]. Ситуация усугубляется ресурсно-сырьевой направленностью развития России. Будущее России не может не вызывать обоснованную тревогу.

Пора осознать всем, что вклад роста ВВП в увеличение благосостояния общества очень мал. Это было показано, например, экономистом департамента окружающей среды Всемирного банка Г. Дэйли еще в 1989 г. Недавно этот же департамент указал, что с 1981 по 2005 г. при росте мирового ВВП более чем в 2 раза 60% флоры и фауны планеты пришло в упадок. При таких темпах развития к 2050 г. (в сравнении с началом XXI в.) мир лишится двух третей флоры и фауны и на 7,5 млн км² территорий произойдут необратимые изменения.

Не менее поразительным является то, что разработчики проекта «Зеленая экономика» ПРООН в лице П. Сухдева (главный консультант проекта) стремятся найти выход из трудного положения путем совершенствования рыночных отношений, способных втянуть любые природные объекты в сферу купли-продажи. Если как считает П. Сухдев, удастся общественную собственность, какой является природа, превратить в частные активы и пассивы, то идеалы «зеленой экономики» будут достигнуты, а кризисы исчезнут [243, с. 48]. Между тем даже в такой экономически успешной стране, как Китай с его эффективным рынком, экологические потери выглядят довольно внушительно. Стоимость деградации окружающей среды КНР составляет от 8 до 12% ВВП (по оценке Всемирного банка), несмотря на стремление правительства контролировать экологическую ситуацию. Аналогичное положение складывается практически во всех развитых странах, включая США. Внедрение экологически чистых технологий, включая производство энергии, оказывается нецелесообразным с точки зрения рыночной экономики. Попытка некоторых европейских стран информировать население с помощью соответствующих маркировок на упаковках вряд ли исправит положение. Как бы то ни было, рынок экологически чистых товаров и услуг имеет тенденцию к расширению. Политики надеются, что экотовары войдут в моду. К сожалению, маловероятно, что рыночные ценности удастся согласовать с требованиями экологической этики.

Различные виды производства тем или иным способом воздействуют на природу, ухудшая ее экологические качества. Между тем производимые

продукты реализуются по цене, не учитывающей ущерб, наносимый природе и здоровью людей. Все это органически заложено в деятельность транснациональных компаний (ТНК), благодаря которым обеспечиваются экспансивный характер либерально-рыночной экономики, существование феномена экономического колониализма. С ТНК теснейшим образом связана мировая банковская система. Допускается решительно все, что приносит прибыль, а она выступает главным стимулом и критерием хозяйственной деятельности. Еще со времен Адама Смита существует прочное представление что частная собственность и частная прибыль являются причиной общего благосостояния. В противном случае последнее якобы невозможно. Именно таким образом оправдывается аморальный характер накопления личных богатств, превышающих всякие разумные пределы. Однако в этих условиях рост общего благосостояния как раз и становится невозможным. А тем более невозможно сохранить природу. Причем государство и власть оказываются на стороне частных компаний и всех тех, кто поражен вирусом корыстолюбия и накопительства. Трудовые и природные ресурсы становятся эквивалентными понятиями. Сами носители этих ресурсов (человек и природа) оказываются за пределами интересов властных структур. Безнравственная экономика порождает безнравственную власть, делая невозможным социальный прогресс.

Частная собственность рождает и поддерживает частный интерес. И на фоне вседозволенности (так называемой свободы) он приобретает гипертрофированные черты, угрожающие существованию цивилизации. Таков он, например, в США, где объемы потребления в десятки раз больше, чем в развивающихся странах. Экологическая деградация сопутствует неумеренному потреблению. В условиях доминирования частного интереса уменьшение численности населения Земли кажется единственным выходом из экологического кризиса. Сохранение зоны частного интереса за развитыми странами предполагает его ограничение в развивающихся странах, что хорошо понимают строители Нового мирового порядка – Э. Ласло, Дж. Сорос и др. Прогрессивная стоимость потребления и прогрессивная рентная плата за использование ресурсов биосферы не решают дело, как, впрочем, благотворительность и филантропия в богатых странах, призывы к снижению чрезмерного потребления. Все эти меры представляются напрасными в условиях поддержания частной собственности и частного интереса.

Современное общество одурманено различными материальными благами. Человеческая психология подчинена неограниченному потребительству, стремлением к наживе и роскоши, что свидетельствует о ее болезненном состоянии сродни наркомании. Требования экологической этики пришли в хронический конфликт с правами человека, игнорирующего права будущих поколений на благоприятную окружающую среду. Языческое прошлое человечества выглядит более нравственным по отношению к природе. Люди жили в согласии с ней, а стало быть, и между собой. Се-

годня природа трансформировалась в природные ресурсы, ставшие собственностью человека, с которой он волен поступать как хочет. «О постепенной замене материальных приводных ремней цивилизации нравственными, о необходимости материального самоограничения говорят лишь единицы, на которых смотрят с непониманием и подозрением», — писал В. Распутин [190, с. 5]. Зато на достижения разума многие смотрят с благоговением.

Важнейшие требования качества жизни определяются экологическими характеристиками, с которыми теснейшим образом связаны этические ценности. Причем речь идет не только об экологической этике, но об этике межчеловеческих отношений, без которой общество теряет свою жизнеспособность. Ориентация на экономический рост, происходящая в силу потребительского характера общества и стремления к прибыли, будет себя изживать уже в скором времени по мере духовно-нравственного совершенствования общества. Американские стандарты потребления в новом обществе уже не будут вызывать прежнего восторга, став предметом осуждения большинства стран и народов.

Общественный прогресс напрямую определяется состоянием нравственности в обществе. Что же касается экономики, то она может строиться как с соблюдением нравственных принципов, так и с их нарушением. Последнее как раз и происходит в рамках либерально-рыночной модели экономики. Причем противопоставление этой модели так называемой плановой экономике здесь было бы не вполне уместным. Плановая экономика с ее жестким режимом и универсальным характером государственной собственности тоже не обязана была соблюдать принципы справедливости и нравственности. Ведь государственная собственность предполагает отчуждение общественных благ от человека. Человеку лишь предоставлялась возможность пользоваться этими благами.

Есть работы, в которых идея «планирования рынка» объявляется провальной затеей [23], но это не значит, что рынок следует освободить от всякого вмешательства государства. Достаточно сказать, что рыночная стихия не признает каких-либо моральных запретов. Во многих случаях эта сила направлена против человека, преследуя исключительно коммерческую выгоду. Человек со всеми его нравственными установками – прежде всего средство достижения этой выгоды. Рынок не может выполнять функцию фундаментального регламента отношений в обществе (как это было у Ф. Хайека). В этом случае общество превращается в аналог термодинамической системы, накапливающей энтропию, тогда как в действительности общественное развитие предполагает накопление информации [131]. Именно закон роста информации в обществе заключает в себе опору на интеллектуальный и инновационный потенциал человека, который ныне модно стало называть «человеческим капиталом».

По мнению ряда специалистов, рыночная организация хозяйства является архаичной и примитивной, которую никак нельзя назвать эффектив-

ной системой регулирования отношений между производителями и потребителями [215]. Эти отношения чреваты экономическим кризисом, неся в себе антигуманную, социал-дарвинистскую сущность. Рыночное совершенствование происходит, как правило, в интересах производителя. Основной критерий совершенствования — рост продаж и извлечение прибыли. Переход к информационному обществу в значительной степени подчинен данному критерию посредством СМИ, нацеленных на управление потребительскими запросами. Обогащение достигается любой ценой, включая мошенничество, обман, потерю чести и совести. Таким образом, рынок является, по сути дела, ведущим фактором нравственного разрушения общества, вырождения человечества, отодвигая на задний план этические ценности и способствуя деградации окружающей природной среды. Причем экономические кризисы выступают как инструмент концентрации богатства в руках отдельных социальных групп, которых именуют олигархами.

Потребительское общество, которое возникает в условиях частной собственности, фактически превращается в социальный организм, начиненный паразитами, т. е. некой группой (кастой) лиц, живущих фактически за счет остального населения. Нравственность в таком обществе резко падает. Как видим, явление паразитизма отнюдь не ограничивается только биологическим миром, оно может наблюдаться также в социальных системах. Характеризуя явление паразитизма в природе, российский зоолог В. А. Догель пишет: «Паразиты — это такие организмы, которые эксплуатируют другие живые организмы в качестве среды обитания и источника пищи и т. д. Словом, это — одно из самых отвратительнейших созданий мира» [197, с. 1]. Уместно будет далее привести слова М. Я. Рядовой, которая использовала вышеупомянутую цитату в своей статье о паразитизме в обществе: «Человеку нужно много хорошего леса, чистых рек, хрустальных ручейков, чистых морей, синего неба! Человеку нужна вся планета! Ему нужно жить на ней по-человечески, а не потребителем и тем более не паразитом. Жить, учиться, лечиться — бесплатно. Работать от души, наслаждаться природой, беречь ее, рожать детей, дожить до внуков и правнуков и быть всегда человеком!» [197, с. 2].

Возникновение права ничем не ограниченной частной собственности связано не столько с возможностями производства и науки, сколько с падением нравственности в обществе и возможностями юридически закрепленного паразитизма. Страсть к присвоению материальных излишков трудно чем-либо объяснить, кроме психологических дефектов личности, погрязшей в эгоизме и самолюбовании. Такая личность выпадает из социального организма, который теряет свой жизненный потенциал. Аморальное общество будет противостоять природе, станет орудием по ее уничтожению. Право частной собственности есть, в сущности, право на роскошь и разврат, на присвоение нетрудовых излишков. Формально такое право предоставляется каждому, на деле превращаясь в механизм формирования

общественно-политической элиты, закрепляющей свое положение с помощью государственной власти. На страже социальной несправедливости стоят тайны банковских операций, формирование цен, заработной платы, биржевая игра и т. д.; за внешней пристойностью «скрываются излишки, роскошь одних и нищета остальных, амбиции, алчность, грязь мыслей и действий, то есть все те качества, которые оказывают решающее влияние на истощение природы» [160]. Пожалуй, лишь коллективная (кооперативная) собственность исключает паразитизм в обществе, позволяет избежать многочисленных трудностей и кризисов.

Экономисты ищут пути антикризисного управления вместо того, чтобы отказаться от сложившейся системы собственности, нарушающей этические основания общества. Без такой перестройки борьба с кризисом выглядит бессмысленной и даже вредной, порождая ложные надежды у людей. События минувших веков подводят нас к фундаментальному выводу. Частнособственническая и государственная модели экономики, очевидно, не в состоянии обеспечить длительное существование человеческой цивилизации в XXI в. в силу своей духовно-нравственной деградации, принимающей все более значительные масштабы. Нравственные принципы обеспечивают сосуществование людей и саму возможность общественной системы. Между тем экономический интерес часто стремится подавить нравственные ценности. Почему так происходит? Дело в том, что в обществе сложилась дисгармония между экономикой и нравственностью. Если субъектами нравственных отношений в обществе являются все люди, то субъектами экономических отношений, в частности отношений собственности, выступают обычно частные лица либо государство. Согласование экономических и нравственных отношений в обществе возможно лишь при замещении частной и государственной собственности совместной (кооперативной, общей долевой). Отказ от либерально-рыночной модели хозяйства и переход к разнообразным формам сотрудничества и кооперации – вот главная проблема.

Обществ, основанных на кооперативной форме собственности, пока не существовало в человеческой истории. Обретение материальных благ обычно достигалось при условии нарушения морали. Более того, аморальность способна проявлять себя в формах поклонения дьяволу, культа зла, стремления к мировому господству. В этом случае в обществе будут возникать скрытые силы, например масонские движения, в которых культ богатства и власти будто бы естественным образом дополняется аморальной идеологией и психологией. В обществе, в котором культ духовнонравственных ценностей преграждает дорогу злу и устремленности к богатству и власти, масонство становится невозможным. К тому же, в таком обществе неизбежным будет отказ от частной и государственной форм собственности в пользу коллективных (кооперативных).

4.2. Агрессия разума

В настоящее время все чаще говорят об инновационной экономике, включающей разнообразные научные достижения. Однако нам придется признать, что противоречия между наукой, экономическими интересами и нравственными принципами происходят довольно часто. Игнорирование этих принципов нередко порождает сложные ситуации в обществе, в частности, при использовании тех или иных научных открытий и технических изобретений. В подобных случаях не мешает сделать остановку и поразмышлять над возможными последствиями. К сожалению, размышления такого рода происходят не так часто. Заниматься наукой испокон веков представлялось нравственным занятием. С этим спорить трудно. Определенная связь науки с нравственностью не вызывает сомнений. Например, стремление ученого найти истину предполагает определенную нравственную установку, поскольку истинное знание уже является благом. Но это не значит, что наука сама по себе может рассматриваться как некий нравственный институт, регулирующий социальные отношения. Особенно, если в этих отношениях мы видим, прежде всего, феномен социального обмена или, как предпочитают иногда говорить, социального рынка. Определение науки как этики социального рынка [23] кажется весьма загадочным. Оно останется таковым, даже если социальный рынок представить в виде многосубъектного социального пространства. Здесь вряд ли может помочь ссылка на Л. Косареву, увидевшую в науке Нового времени социально эффективное воплощение протестантской этики [107], и даже на американского исследователя Дж. Вайнбергера, сделавшего попытку представить науку некой социально-этической моделью [23].

Наука и этика — слишком различные вещи хотя бы потому, что научное знание рационально, а нормы этики находят себе нишу в подсознании. Нравственный закон иррационален, в то время как законы науки являются характеристикой реально существующих вещей и процессов, отражаемых человеческим сознанием. В свое время Ф. Бэкон видел в науке инструмент господства над природой, что вполне соответствовало учению иллюминатов в Англии. Напомним, что Ф. Бэкон был главой Ордена Розенкрейцеров в Англии (наиболее значимая ветвь Иллюминатов). Сейчас мы понимаем, что власть над природой противоречит требованиям экологической этики. Видеть в науке этическую систему противоестественно, даже если она дает человеку чувство господина природы. Будучи социальным институтом жизнеобеспечения, наука не становится от этого социально-этической моделью. В силу своего рационального характера она разрушает этнокультурные барьеры, не заботясь, впрочем, о мирном сосуществовании людей. Эту заботу берет на себя этика.

Тем не менее в научном сообществе В. Борисенко видит почти идеальную модель общественной самоорганизации, в которой каждый индивид является «гражданином мира» (иначе говоря, космополитом) [23]. Причем

сама наука становится одним из основных факторов глобализации. Более того, можно думать, что сама общественная модель капитализма вызвана к жизни «рациональными индивидуалистами» в историческом процессе повышения уровня человеческого сознания. На этом пути происходит становление и утверждение общечеловеческих ценностей, и в этом усматривается даже сам смысл всемирной истории [12]. В рамках такой идиллической картины наука берет на себя функцию быть главным вектором развития современной общественно-институциональной модели. Наука становится организационным началом справедливого общества, моделирует общественную коммуникацию на принципах рынка, благодаря которому возникают конкуренция и «естественный отбор» идей [23]. Конкуренция, в ходе которой происходит отсеивание (опровержение) менее жизнеспособных идей, соответствует представлению К. Поппера об эволюции научного знания. Подтверждение теории фактами не делает ее вечной. И тем не менее институт науки не может представлять модель будущего общества, так же как рациональное мышление не может исчерпать всю глубину человеческого сознания. Идея социального рынка слишком примитивна, чтобы претендовать на роль фундаментальной основы общества. Далее поверхностной аналогии с экономическим рынком мы вряд ли здесь сможем продвинуться.

Науку можно понимать как инструмент накопления информации об окружающей среде – природной и социальной. Вместе с тем далеко не вся информация может служить задачам жизнеутверждения и социального прогресса. Так называемые научные «достижения» могут быть экологически и социально опасными, ухудшать качество жизни людей в условиях безнравственного общества. Рост научной информации целесообразен лишь при соблюдении этического императива, когда есть гарантия использования научных достижений на благо человека и общества. Формирование мировоззрения XXI в. немыслимо без учета духовно-нравственных приоритетов жизнеустройства.

Бытует мнение, что наука всегда полезна в своих поисках истины и что получение истины при всех обстоятельствах будет полезно для общества. Это, к сожалению, не совсем так. Истина может лечь в основу новых технологий, реальное использование которых осуществляется не во благо, а во зло человеку и обществу. С помощью экономически эффективных технологий социальная система может быть разрушена, если повреждены ее нравственные скрепы. Поэтому речь должна идти не только и не столько о научных истинах, сколько о продуктах научного творчества в их отношении к целям и задачам реально существующих экономических и политических интенций в обществе. Например, мы не имеем пока морального права позволить клонирование человека. Полученные таким путем человекообразные организмы могут составлять угрозу для общества, возникшего в ходе естественной истории как высший продукт самоорганизации природных систем.

Напомним в этой связи, что в настоящее время на проведение ряда исследований в области генной инженерии наложен мораторий по причине опасности этих исследований для общества. Увы, мораторий этот далеко не всегда выдерживается, поскольку в самом обществе существуют влиятельные силы, которым нарушение этических требований оказывается просто-напросто выгодно с точки зрения экономических и политических соображений.

Йными словами, нынешняя цивилизация устроена так, что интересы обогащения и власти для определенных слоев и представителей общества становится важнее, чем, например, соблюдение принципа справедливости. В современном жизнеустройстве слишком часто ложь способна обеспечить прибыльный бизнес. К тому же, ложь и подлог можно легко замаскировать, сделать невидимыми для людей и правосудия. В частности, фальсификация в фармацевтическом производстве облегчается множеством различного рода сложностей по части контроля за изготовлением лекарственных препаратов и их реализацией в торговой сети.

К сожалению, нарушение медицинской этики становится обычным делом. Люди, которые обращаются в медицинские учреждения, ныне рассматриваются там не только и не столько как пациенты, сколько как покупатели медицинских услуг. Чем дороже оказываются эти услуги, тем важнее становится функция человека «быть покупателем» по отношению к функции «быть пациентом». Приходится признать, что финансово-экономические аспекты современной медицины вступают в конфликт с требованиями этики. Причем этот конфликт по своей глубине и масштабу приобретает угрожающий характер. Аналогичная ситуация складывается в области фармацевтики по мере удорожания лекарственных средств. Обилие всевозможных препаратов, включая импортные лекарства, делает необходимой рекламу, столь же обильную и порой весьма изощренную, доходящую до психологического давления на людей. Причем, испытание новых препаратов на человеке обретает трудно контролируемый характер. Факты незаконного экспериментирования на людях в области медицины и фармакологии все чаще становятся достоянием гласности и требуют надлежащего реагирования со стороны государства [112]. Как показывает практика, добровольное согласие на проведение экспериментов получить не так уж трудно, особенно в условиях все большей недоступности лекарств для малообеспеченных людей.

Известны факты проведения научных исследований на человеческих эмбрионах. Более того, эти эмбрионы стали своеобразным сырьем в косметической промышленности. Например, французские духи, в которых используются некоторые компоненты человеческих эмбрионов, обладают специфическим запахом, воздействующим на сексуальную сферу человека [39]. Производство духов оправдывается соображениями экономической выгоды, хотя и кажется более чем сомнительным с точки зрения принципов нравственности.

Существует довольно большой список пищевых добавок, полученных с использованием методов генной инженерии. Примером таких добавок является аспартам E951, входящий, в частности, почти во все напитки (отечественные и импортные), жвачки и другие продукты в качестве подсластителя. Известно, что аспартам вреден для здоровья. Эта пищевая добавка может вызывать невротические расстройства, ослабление памяти и зрения, головные боли и депрессию.

О генетически измененных продуктах отдельный разговор. Например, генетически модифицированная соя (ГМ-соя) широко используется, как минимум, в 30% продуктов, включая мясные и колбасные изделия, детское питание, где ее содержание доходит до 70%. Причем соответствующая маркировка этих продуктов нередко отсутствует, несмотря на формальный запрет продажи немаркированной продукции с 1 июля 2002 г. Правда, запрет этот касается только продукции, содержащей ГМ-добавки более 5%. При меньшем содержании маркировка не требуется.

Контроль за использованием ГМ-добавок в России существенно ослаблен. Возможно, это происходит потому, что торговля генетически модифицированными продуктами приносит высокую прибыль, сравнимую с прибылью от торговли наркотиками. Продукты, импортируемые в Россию, в большинстве случаев (60–75%), содержат ГМ-добавки. Среди этих продуктов — картофель и соя, разрешенный ввоз которых неограничен. Помимо этого существует множество каналов для нелегального ввоза других ГМ-продуктов.

В настоящее время многие виды пищевых растений уже подверглись генетическому изменению. Те, кто этим занимался, не видят в подобных трансформациях ничего плохого. Между тем в научных учреждениях Японии, Франции, Мексики четко выявлена связь между количеством потребляемых генетически модифицированных продуктов питания и риском серьезных заболеваний нервной системы, крови, желудочно-кишечного тракта [42]. Генетически модифицированные растения, проявляя эффективность в сфере коммерческой деятельности, могут вызывать разнообразные негативные экологические последствия. Прогноз этих последствий обычно не принимается в расчет.

Любопытный факт: при широком распространении ГМ-продуктов в Америке существует множество стран, где эти продукты запрещены (например, в скандинавских странах). Именно в Америке расстройством пищеварительной системы страдают 60–70% населения, в Скандинавии таких жителей только 7%. Известно, что использование генно-модифицированных пищевых добавок в корме домашних животных (птиц, свиней) экономически выгодно. Цена такого корма уменьшается в разы. ГМ-картофель оказывается совершенно неприемлемым для колорадского жука и потому лучше сохраняется на полях. Надо заметить, что сельхозпроизводство, применяющее ГМ-технологии, становится экономически эффективным. Оно особенно широко распространено в США, Канаде, Бразилии,

Аргентине. Другая сфера применения ГМ-технологий – пищевая промышленность. Поэтому избежать ГМ-продуктов становится практически невозможно. Это касается и России. Страны Азии и Африки практически полностью отказались от импорта ГМ-продуктов, несмотря на остроту продовольственной проблемы.

Долгосрочные последствия ГМ-продуктов могут быть катастрофическими. Достаточно сказать, что при малейшем изменении аминокислотного состава белка он может превратиться из полезного в болезнетворный. Ряд наблюдений показывает, что живущие на ГМ-растениях насекомые (пчелы, божьи коровки, златоглазки, иные полезные насекомые и микроорганизмы) могут изменять свои биологические и поведенческие характеристики в худшую сторону. Настойчивое внедрение в практику методов генной инженерии подчинено интересам экономической выгоды. С экологической же точки зрения человечество действует не вполне разумно [199].

ской же точки зрения человечество действует не вполне разумно [199].

В настоящее время существует множество областей деятельности, в которых практически отсутствуют либо явно ослаблены нравственные ограничения. Это касается, в частности, хозяйственной деятельности и научных исследований. Выше уже говорилось о разработках в области генной инженерии и практической ориентации технологий клонирования. Даже если окажется возможным практически значимое воспроизведение копий человека, нельзя быть уверенным в том, что эти искусственные организмы будут способны подчинить свое поведение нравственному императиву. Повторим: научные исследования имеют смысл лишь во имя благородных целей, в условиях благоприятного нравственного климата в обществе. В противном случае эти исследования сами становятся аморальными, стимулируя деградацию общества и приближая его гибель. Инновационная экономика превращается в феномен инновационной агрессии.

Инновационная агрессия характерна сферы самой финансово-экономической деятельности, хотя открытия экономической науки должны, казалось бы, систематически улучшать нашу жизнь. Для этого создано огромное количество институтов и академий экономического профиля, в которых трудится масса ученых-академиков и докторов экономических наук, существует огромное количество монографических и иных изданий, журналов на экономическую тему. И весь этот интеллектуальный труд затрачивается на совершенствование финансово-экономических механизмов, позволяющих создавать более изощренные системы перераспределения общественного богатства в пользу ограниченного числа лиц, отдельных клановых структур, включая государственно-политическую элиту общества. Если происходит экономический рост в обществе, то он никоим образом не характеризует духовно-нравственного прогресса. И даже нобелевские премии в сфере экономики порой выглядят весьма неосновательными.

Нобелевский комитет, выделяя премии на научные и, в частности, экономические идеи и открытия, похоже, не замечает того факта, что эти идеи и открытия не только не облегчают жизнь человеческого общества, но

ухудшают положение многих и многих людей, являются источником более изощренных махинаций, несправедливых действий и нормативных акций. Возможно, не случайно мотивация вручения нобелевских премий становится все туманнее [200]. Поддержка творцов неустойчивой рыночной экономики, порождающей в обществе кризисы и нравственную деградацию, выглядит нелепо. Действующая экономическая модель завела общество в тупик, что, тем не менее, выгодно мировой финансовой олигархии и некоторым клановым (например, масонским) структурам. Экономика, в отличие от природы, сделана людьми, и люди несут ответственность за последствия своих дел, особенно те, кто числится изобретателем различных финансово-экономических конструкций и доктрин. Ценны лишь те решения, которые делают общество более нравственным, а экономику – более справедливой и честной.

Пожалуй, только исследования в области охраны окружающей среды изначально отвечают требованиям экологической этики и постольку не могут считаться аморальными. Охрана природы, в сущности, есть прямое требование этики, оставаясь в то же время сферой приложения науки. Экологическая деятельность обладает специфическим свойством: она не ставит перед собой цели обогащения. Главное здесь – контроль за качеством среды жизни. Сохраняя природу, мы сохраняем человека. Общество не может быть нравственным, если в нем существует пренебрежительное отношение к нормам экологической этики. И, наоборот, любовь к природе является признаком нравственно благополучного общества. Взгляд на технический прогресс в обществе как на средство установить господство над природой, удовлетворяя любые наши потребности, характерен для рационального общества, в котором духовно-нравственные ценности отодвинуты на задний план. Такой взгляд, в частности, воплощается в работе К. Ясперса – приверженца экзистенциализма и либерализма [259]. Причем это происходит уже в середине XX в., когда стало явственно ощущаться дыхание экологического кризиса.

Внедрение новых технологий можно рассматривать как главный фактор экономического роста, который способен увеличить ВВП на 60–70%, и обеспечить появление новых отраслей. При этом может произойти существенный рост ресурсопотребления, как это было, например, в химии полимеров и атомной энергетике, отличающихся высокими показателями водоемкости.

О господстве над природой посредством науки и техники теперь говорят мало. Это считается дурным вкусом. Однако и сегодня мы готовы видеть в научно-технических достижениях признаки совершенствования и развития общества. Между тем общество, по сути дела, вооружается против самого себя. Сейчас предпочитают говорить о тенденциях глобализации, за которыми прячется идея разрушения национально-культурных образований и формирования Мирового правительства, определяющего новый мировой порядок для человечества. Идея мирового господства ничем

не лучше идеи господства над природой, поскольку в обоих этих случаях мы сталкиваемся с явлением безнравственного общества.

Понятие устойчивого развития ныне готовы связывать с идеей глобализации. Однако более вероятно, что глобализация исключает устойчивое развитие, делая мир однороднее. В рамках однородного мира равновесие может поддерживаться в основном силовыми методами, ибо духовнонравственная регуляция ослабляется. Неслучайно активизировалась работа в области тотального контроля над человеческим сознанием с помощью новейших электронных технологий. И дело не ограничивается только разработкой оружия массового поражения. Наука, несомненно, причастна и к возникновению экологических угроз. С помощью нее человек может сделать непригодной для жизни обширные регионы на планете.

Наука, как и разум, может быть безнравственной, если ее результаты используются во зло человеку. Ученый автоматически делается соучастником преступлений. И уходить от ответственности за причиненное зло он не может. Современные информационно-коммуникационные технологии усугубляют дело. Контроль за их созданием и распространением чрезвычайно труден. А между тем с помощью этих технологий можно осуществлять «холодную» войну, которая по своим последствиям не уступает «горячей». Вспомним: таким путем был разгромлен Советский Союз, разваленный на ряд осколков.

Развитие биотехнологий в условиях нынешней моральной деградации общества неизбежно ведет к усовершенствованию методик генетических манипуляций с микроорганизмами и созданию различных видов геномного оружия. Против видоизмененных микроорганизмов иммунная система человека оказывается бессильной. Подобным же образом можно воздействовать на психику человека, изменяя ее в нужную сторону. Все эти «научные достижения» свидетельствуют о нравственной деградации изобретателей и тех, кто организует такие исследования.

Развитие промышленности в области биотехнологий в обязательном порядке должно опираться на результаты этической экспертизы, гарантирующей общественную безопасность нового производства, а законодательство — на этическую допустимость технологических новшеств. Воздействие биотехнологий на интеллектуальную и психическую области человеческой деятельности пока что слишком неопределенно, чтобы начинать развитие биотехнической промышленности.

Пора осознать, что мы создали экономику, нарушающую естественные права человека. До настоящего времени это касалось, прежде всего, нашего права на благоприятную природную среду жизни. Теперь мы создаем технологии, воздействующие на человеческий мозг, данный нам природой. Речь идет об изменении человеческой сущности во имя экономической выгоды. Отстаивать принцип свободы в этой области представляется чересчур опасным делом. Иначе мы можем договориться до свободы уничтожения лишних людей.

Ф. Фукуяма прав, когда пишет о «фальшивом знамени свободы» во имя неизбежного технологического прогресса, даже если он не служит человеческим целям [231]. Истинная свобода — это свобода общества защищать свои духовно-нравственные ценности перед эгоизмом отдельных личностей. С этой позиции мы и должны подходить к так называемой биотехнической революции.

В свое время Ф. Ницше, не имея понятия о биотехнической революции, на первое место ставил политику, нацеленую на формирование расы господ, будущих «хозяев земли», воля которых будет держаться тысячелетиями. Ныне этим же целям служит биотехнология в руках политиков, выражающих волю мировой олигархии, сосредоточившей в своих руках всю мощь современных финансовых механизмов. Ради концентрации денежных средств в клане олигархов можно без особого труда устраивать экономические кризисы. Достижения в области информационных технологий существенно облегчают эту задачу. Сегодня рукотворные экономические кризисы обретают мировые масштабы.

Экологические последствия человеческого разума будут, скорее всего, сокрушительными. К. Э. Циолковский говорил: «...Человек на то имеет разум и науку, чтобы обезопасить себя от всякого бедствия» [225]. К сожалению, приходится в этом сомневаться. Как показывает история, особенно в ее новейшем варианте, разум может стать врагом человека, поскольку способен обходить нравственные запреты более утонченными методами, чем прежде, когда человек многого не знал. Гораздо более важно другое: разум и наука должны помочь понять фундаментальность нравственных законов. Категорический императив И. Канта имеет силу экологического императива, находя в нем свое объяснение.

Благодаря разуму человек является производителем материальных ценностей, в то время как экологические ценности «производятся» природой и человеком лишь осознаются. В жизни разум может противостоять нравственности. В рамках науки он способен быть даже опасным. Безответственное отношение представителей научного сообщества к научной деятельности и дальнейшей судьбе создаваемого им продукта может стать причиной многих зол современной цивилизации. В отсутствии моральноэтических критериев наука фактически становится теоретической основой хищнического, агрессивного отношения к природе, результатом которого является экологический кризис. Не случайно в 70-х гг. XX в. обрела популярность концепция антисайентизма (от слова science – наука). Выступая с позиции этой концепции, Т. Розак говорил о том, что наука повинна «в нарушении доверия между человеческим существом и окружающей его средой», что агрессивная, потребительская ориентация человеческой деятельности сопровождается пренебрежением и неуважением к природе, которая оказывается не более чем «ареной, где человек играет роль Прометея» [264]. Т. Розаку принадлежит также мысль о том, что моральноэтические критерии позволяют объединять разрозненные научные истины в единую целостную картину мира. Таким образом подчеркивается фундаментальность этих критериев.

Безнравственное общество не способно осуществить прогрессивное развитие. Отсюда следует, что решение нравственных проблем в обществе имеет приоритетное значение. К тому же эти проблемы довольно сложны, поскольку связаны с регулированием межчеловеческих отношений. Случается еще хуже, если происходит целенаправленное нравственное «загрязнение» социальной среды. В. Распутин писал: «Цивилизация, зашедшая в тупик, должна бы в поисках выхода вспомнить о заветах, данных матерью-природой через все религии мира, предостерегающих его от неумеренности, честолюбия и ползучего злодейства. Пока не согласится человечество обходиться только самым необходимым, пока не изменит оно свои ширпотребовские цели и не создаст условий, чтобы воспрянуть духу, шагреневая кожа надежды будет все таять и таять» [190, с. 10].

Потребность в материальных ценностях и научно-техническом прогрессе целесообразна лишь в условиях соответствующего роста значимости духовно-нравственных ценностей, способных дать надлежащую ориентацию общественному развитию. Цивилизационный тупик возникает тогда, когда разрушается гармония между материальными и этическими ценностями, что сейчас и наблюдается. Созданная человеком финансово-экономическая система оказалась ущербной с экологической точки зрения.

Западная цивилизация взяла курс на расширенное производство материальных ценностей и, несмотря на христианскую идеологию, отодвинула этические ценности на второй план. Лозунг «выживает сильнейший» фактически стимулирует развитие аморальных черт личности. Обман, мошенничество, насилие приветствуются, если за ними стоят большие деньги. Общественные интересы уступают место личным интересам. Последние определяют смысл либерально-рыночной экономики. Максимизация прибыли и жизнь в роскоши важнее благополучия природы. И неудивительно, что США не подписали Киотское соглашение по ограничению выбросов парниковых газов, хотя доля выбросов США достигает чуть ли не четверть от мировых. Стихийное развитие общества с опорой на культ материальных ценностей исчерпало себя. Предстоит путь развития в направлении духовно-нравственной цивилизации, исключающей корыстные цели и развратный образ мыслей и чувств. Христианство не смогло быть тормозом культа личной наживы и гедонических наклонностей. Скромность и сдержанность в материальном потреблении слишком противоречит рыночной экономике и личным амбициям. Западный путь развития сделал человеческий разум агрессивным не только по отношению к природе, но и к самому человеку. Наука сплошь и рядом превращается в средство самоуничтожения человека и общества.

Заметим, что разрушение нравственных ценностей в современном обществе, принимающее все более значительные масштабы, представляется довольно загадочным явлением. Утрата этического контроля в обществе,

чреватая апокалипсисом, может служить признаком глубинных социальных и экологических нарушений в социуме. Причем патологические изменения в человеческом сознании и психологии могут происходить существенно не затрагивая интеллектуальных способностей. Возникает феномен так называемого вербального мышления и тяга к многословию. Увы, последнее нередко помогает делать служебную карьеру и занимать ответственные посты в обществе. В итоге развитие сменяется процессами деградации.

Чем больше получено результатов в области научно-технической деятельности, тем больше у человека возможностей разрушать социум и биосферу при отсутствии достаточно сильных духовно-нравственных регуляторов. Отсюда следует вывод, что в ходе истории роль указанных регуляторов должна возрастать, причем в опережающем темпе. Культ личной наживы, попирающий ценности духовных и моральных запросов, становится все более опасным в социальном и экологическом отношении. К сожалению, большинство людей начинают понимать это уже в конце жизни. Но тем более важным становятся проблемы воспитания с самого раннего возраста, уважение и почитание старшего поколения, безусловное подчинение интеллекта и знания требованиям мудрости и опытности, приходящим с годами.

4.3. Экономический рационализм

В связи с вышесказанным мы снова убеждаемся в базисном характере этических ценностей, составляющих ядро культуры в социальных системах. К сожалению, в обществе при помощи СМИ насаждается явно зауженное представление о культуре как о совокупности произведений искусства и художественной литературы, и не более того. Выпадает вся система этических ценностей, регулирующих межчеловеческие отношения и поддерживающих существование общества. На первое место выставляется экономика, отодвигая этические ценности на уровень надстройки. Так было в марксизме. А между тем вопреки представлениям марксизма, в этой системе заключена основа общественного строя, способы осуществления хозяйственной деятельности, права и обязанности граждан, особенности государственного устройства. Именно нравственность во всех своих многообразных представлениях определяет в первую очередь особенности национальной культуры и национального бытия. Культура – это духовнонравственный базис общества, стимулирующий рост информации, гармонизацию и упрочение общественных отношений в хозяйственной жизни, а также отношений между обществом и природой. Если какие-либо из перечисленных признаков отсутствует, то мы имеем случай разложения духовно-нравственного базиса. В этой связи можно говорить о феномене антикультуры, при которой в обществе теряется историческая память, накапливается ложь (дезинформация), ухудшается социально-психологический климат. Антикультура — предвестник распада общества. А если это происходит в глобальном масштабе, то перед нами картина приближающегося апокалипсиса. Традиционные экономические модели со всей их рациональностью в этом случае ничем помочь не могут. Более того, они становятся опасными.

Войны и насилие в ходе человеческой истории являются несомненным признаком того, что в общественных структурах живут и даже могут размножаться «вирусы» антикультуры, поражающие отдельные народы и государства. Культура мира предполагает взаимодействие народов и государств на принципах доброжелательного сотрудничества и справедливости. Рост информации в мировом масштабе позволит исключить возможность существования тайных (масонских) организаций, а следовательно, и тайных планов мирового господства какой-либо социальной группы, государства или народа. Чтобы это стало возможным, каждая страна обязана приложить все силы для исключения негативных явлений в области своей духовно-нравственной жизни.

Национальные образования, вырабатывающие в ходе своего исторического развития модель высоконравственного отношения между людьми, обычно не агрессивны. И наоборот, экспансионистский характер культуры, связанный с представлением о собственной исключительности и о стремлением господствовать над другими людьми и другими народами, свидетельствует о примитивности этой культуры, ее функциональной неполноценности и неспособности поддерживать внутреннюю целостность общества. Такого рода национальные образования имеют тенденцию к деградации и самораспаду, рассеянию среди других народов. Они не обладают социальной прочностью, не заключают в себе потенциал самоорганизации и развития. Причем культурная экспансия может осуществляться не обязательно военными средствами, а, главным образом, путем идеологических диверсий, при помощи информационных войн, мятежей и революций, осуществляемых различного рода тайными обществами и организациями. При этом выдвигаются обычно рациональные критерии переустройства экономической жизни.

В последнее время в России появилась идея строительства «экономики знаний», имеющая тенденцию разрастания до «общества знаний». Данный фетиш — всего лишь результат заимствования на Западе концепции так называемого постиндустриального общества Д. Белла. Формирование подобного рода концепций тесно связано с расширением методологической установки на возвышение рационалистического типа мышления, характерного для научного познания. Научные теории, основанные на строгой логике, становятся предметом культа не только в естественных, но и в социально-гуманитарных науках. Все прочие формы мышления и сознания, по мнению рационалистов, должны занимать подчиненное положение. Сторонники рационализма полагают, что «общество знаний» является об-

ществом будущего в отличие от отживающего свой век идеала нравственного общества, что строгое знание станет важнее этики и связанных с нею чувственных переживаний. Однако фетиш экономического рационализма явно беспомощен в реальном кипении жизни за пределами холодной и бесчувственной логики, которая сама спотыкается в строгом мире математических понятий.

Ныне гуманитарная литература по социологии, экономике и философии, провозглашая идеалы информационного общества, часто упускает из виду, что усиление информационных связей в обществе в условиях пренебрежения моральными заповедями, ведет к потере социальной устойчивости и ухудшению качества жизни. Рост информации в обществе приводит к подмене содержательной стороны человеческой деятельности декоративной атрибутикой. Подмена содержания формой в целом ряде профессий (особенно в коммерческой деятельности и сфере услуг) приводит к необходимости следить за внешним лоском и различными способами психологического прикрытия. Поэтому стала модной профессия психолога. При этом мы забываем, что возникающие как грибы социальные институты (фирмы, компании, фонды и т. д.) покоятся на ложной основе. Рыночная стихия, подчиняясь целиком и полностью рациональным критериям экономической выгоды, наполняет общество ложной информацией, и постольку радоваться информационному обществу как новой, прогрессивной, цивилизации у нас нет никаких оснований.

Вовсе не случайно К. Ясперс пишет о «неизлечимой болезни общества, о психопатологии общественной жизни» [258]. А. Печчеи призывал к обузданию научно-технической революции, поставив на первое место не материальное преобразование мира, а совершенствование «человеческого в человеке» [176]. Правда, за этой внешне привлекательной позицией А. Печчеи прячется идеология Нового мирового порядка под эгидой Мирового правительства. Тем не менее нельзя не признать вслед за В. Бакшутовым, что «лишенные сердца, наука и культура превращаются в сокрушительную силу современной индустриальной цивилизации» [17]. А это значит, что экономический рационализм сам по себе не дает выхода из нынешнего тупика.

Воплощенный в экономических системах научный рационализм — творение человека, стремящегося не только объяснить, но и изменить мир в соответствии с директивами формальной логики. Подобным образом мы научились создавать мир теорем в процессе рациональной трансформации аксиоматических положений, и полагаем, что так должно быть везде. Распорядиться подобным образом с этическими ценностями мы не можем в силу их особой природы. Еще Н. Бердяев писал: «Научно ценность не только нельзя исследовать, но нельзя и уловить» [20]. Неформализуемая сущность нравственных понятий и оценок исключает естественнонаучный подход к описанию социальных систем. Поведенческие характеристики людей слишком отличаются от поведения частиц в какой-либо физической

системе. Жизнь общества и существование даже очень сложных совокупностей частиц принципиально различны. Поэтому изучение жизни общества в рамках рациональных хозяйственных схем будет терпеть неудачу. Если в обществе происходит нравственная деградация, то научно-технический прогресс может лишь ускорить наступление кризисных явлений. Нужно ли удивляться тому, что «большинство людей на земле отнюдь не считают прогресс науки наивысшей ценностью и не желают быть заложником этой ценности» [93]. Считать, что научные знания есть само по себе добро, можно лишь с определенной условностью. Свобода познаний не может быть неограниченной, ибо существуют знания, которые способны погубить цивилизацию с низким духовно-нравственным потенциалом. Эгоизм и зло нельзя вооружать научными достижениями и открытиями. Примером могут служить нанотехнологии, которые в нынешнем обществе могут оказаться слишком опасными в рамках рациональных экономических схем.

К тому же надо иметь в виду, что возникновение порядка из хаоса, связанное с информационными процессами, не подчиняется причинноследственным отношениям. И постольку предсказание будущего в этом случае становится невозможным. Американский физик Ф. Дайсон был прав, когда утверждал, что предсказания будущего – это скорее научная фантастика, чем наука [201]. Надо признать, что развитие биотехнологий таит в себе угрозу, ибо рискует оказаться в руках злоумышленников. Общество еще слишком далеко от нравственного совершенства. Доступ к генной информации способен существенно изменить картину эволюции. И хотя конкурентное взаимодействие может потерять в этом случае всякий смысл, не исключается рост противоречий с окружающей природой. Даже целенаправленное и согласованное развитие способно завести в тупик, если разум будет господствовать над нравственностью. Ф. Дайсон противоречит сам себе, когда приветствует развитие нанотехнологий как очень важный раздел науки, который не может иметь ужасающих последствий. О фантастичности так называемых научных прогнозов он, похоже, уже забыл.

Факторы иррационального порядка играют в жизни человека более существенную роль, чем принципы рационализма. Это достаточно строго установлено в работах современных психологов. Но воплощаясь в хозяйственных продуктах научно-технического прогресса, рациональные суждения способны приводить к неприятным последствиям в обществе, ухудшая нравственный климат. Разумеется, технический прогресс увеличивает возможности человека, но при этом растут и возможности социального кризиса, самоуничтожения общества, утратившего свои нравственные качества. В таких условиях техносфера и биосфера становятся антагонистичными. Это сегодня наблюдается повсеместно, как в России, так и на «благополучном» Западе. Можно согласиться с тем, что человек имеет моральное право менять свое окружение и биосферу в целом, оставаясь в то же время частью биосферы. Эти два внешне противоречащие друг дру-

гу суждения вполне оказываются совместимыми друг с другом, если человек сам морален. А если нет, то и о моральном праве изменять свой мир бытия говорить не приходится. Рациональная экономика и технический прогресс в безнравственном обществе становятся преступными. Тезис о том, что «техническая деятельность, порождающая техногенную среду, – объективная необходимость» [180, с. 202], напоминает идеологическую установку, характерную для марксизма. Такой необходимости нет, как нет необходимости самоубийства. Н. Попкова, которая взяла на себя смелость высказать вышеупомянутый тезис, вынуждена была констатировать «преобладание негативных техногенных влияний и проблематичность бесконфликтного взаимодействия техники и биосферы как в современную эпоху, так и в обозримом будущем» [180, с. 203]. Тем самым мы указываем на объективную необходимость конфронтации экономического рационализма и биосферы, а значит, и на объективную необходимость безнравственного общества.

Существует представление, что точка соприкосновения между техникой и этикой находится там, где согласуются цели добра и пользы. Это значит, что полезность техники становится сомнительной, если эта техника может приносить зло людям. Создание техносферы предполагает нравственное совершенствование общества. В противном случае творения разума будут иметь разрушительные последствия. Использование технических устройств во вред человеку и обществу подлежит запрету. Более того, сама возможность такого использования должна быть известной заранее творцам новой техники.

Вместе с тем нельзя не признать, что в современном обществе, включая Россию, внимание к этическим вопросам ослаблено. Мы мечтаем о сфере разума (ноосфере), «экономике знаний», оставляя проблемы нравственности на одном из последних мест. Правила морали порой расцениваются на уровне правил этикета. О них говорят как о правилах хорошего тона, и не более того. Иррациональность нравственных норм воспринимается как их серьезный дефект, тогда как научно-технический прогресс нередко ставится во главу угла. Наука и реальная хозяйственная практика готовы всерьез заняться совершенствованием сенсорных способностей человека посредством инсталляции новых органов чувств. Так, программа «идеального солдата» в США предполагает разработку бионанотехнологий по созданию инфракрасного зрения [54]. Подобные программы свидетельствуют об отсутствии моральной ответственности лиц, принимающих решения, перед людьми и обществом в целом. Человеческий разум, пораженный нравственной слепотой, которой не может помочь никакая нанотехнология, пока не способен предвидеть и оценить последствия технических открытий и изобретений.

В последнее время все шире разрастается бум в области нанотехнологий и генной инженерии. Нужно признать, что пересадка генов не представляет сколь-нибудь существенных трудностей. Зато последствия таких

пересадок трудно предсказуемы. Это касается многих новшеств в области нанотехнологий. Так называемая инновационная экономика, в действительности, подчинена, прежде всего, интересам прибыли, что уже не выглядит безупречным с этической точки зрения.

Хотя число кровопролитных войн и убийств в ходе исторического процесса убывает (об этом говорит статистика), нельзя исключать того, что в обществе не происходит пока должного совершенствования управления человеческим сознанием. Открытая форма рабства уже давно сменилась закрытой, что нашло отражение в разнообразных видах наемного труда и теперь дополняется более утонченными способами воздействия на человеческую психику. Этому и способствуют продвижения в области нанотехнологий, обнаруживших вдруг исключительную популярность.

Соединение пользы и добра станет полностью невозможным при внедрении наноматериалов в мозг человека. Социум, состоящий из «технических когнитивных систем», вообще исключает какие-либо представления о добре. Замена естественной природы искусственной сегодня становится возможной и для человеческого организма, который мы готовы атаковать различными имплантантами в целях совершенствования. Этому сопутствуют особенности экономического рационализма. Н. Бердяев был прав, когда писал: «...Предстоит страшная борьба между личностью и технической цивилизацией, технизированным обществом... Техника всегда безжалостна ко всему живому и существующему. И жалость к живому и существующему должна ограничивать власть техники в жизни» [19].

В современной литературе усиливается тенденция постановки стратегической задачи создания новой российской цивилизации в рамках так называемой модернизации. С модернизацией обычно связывают задачи технологического прогресса. Появляется даже идея создания Министерства технологического прогресса [63]. Между тем технологизация сама по себе слепа и может действовать против человека, поддерживая его дурные склонности, стремление к роскоши и богатству, распущенность и эгоизм. Задача вернуть в страну активы государства, размещенные за рубежом (Резервный фонд, Фонд национального благосостояния и т. д.), чтобы направить их на нужды модернизации, представляется утопичной, поскольку остается другой, пожалуй, даже более существенный вопрос: как и почему эти активы оказались за рубежом? Построение «новой цивилизации» уже идет. И экспорт госактивов в рамках этой модели может показаться целесообразным и даже необходимым.

Ёсть все основания полагать, что создается либерально-рыночная система в мировом масштабе, где России уготована роль сырьевого придатка. Это значит, что в самой России рыночные принципы должны всемерно утверждаться с помощью государства, а зона частной собственности должна расширяться, включая землепользование и добычу полезных ископаемых. Предпринимательский труд и предпринимательская удача могут восприниматься как итог благородных устремлений, даже если они вклю-

чают узаконенный грабеж населения. Передел собственности отныне считается недопустимым, чреватым очередным хаосом. И, значит, ничего не остается как вырабатывать новые принципы этики, допускающей частную собственность и методы ее государственной защиты. Даже если бизнес дает собственнику доход более 100 прожиточных минимумов, грабеж населения можно считать вполне нормальным явлением в рамках прогрессивной налоговой шкалы. Установление государством 20% ставки налога в этом случае может считаться достаточным для достижения справедливости в рамках новой (прогрессивной) экономики. В этих же рамках можно быть владельцем множества квартир, домов, земли, если не допускается «простой» этих объектов недвижимости [63]. Таковы новые правила этики, о нравственности которых мы не задумываемся.

Современный научно-технический прогресс в рамках экономического рационализма претендует на создание искусственного человека (киборга), который качественно преобразует социум. Однако рациональный процесс познания вряд ли способен осмыслить тайны человеческого мозга, имеющего множество иррациональных аспектов. Достаточно сказать, что мы до сих не можем понять феномен нравственности, всю глубину моральных требований и установок. Наука имеет дело лишь с моделями реальности, подчиняющейся логическим правилам и абстрагирующейся от изменчивости явлений, т. е. времени. Мы полностью не понимаем функциональной стороны дела, определяемой связями человека с обществом и окружающей природной средой. К тому же, природная среда имеет неограниченный (космический) характер. А без должного понимания этих связей совершенствование структур человеческого мозга делается неопределенным и абстрактным. Любые искусственные структуры вообще никогда не смогут превзойти естественные, и постольку наука становится опасным занятием, особенно при моделировании мозга. Превращение человека из существа биологического в биотехническое грозит непредсказуемыми трансформациями духовно-нравственной сферы общества [4]. То, что мы называем человеческой душой, остается под покровом тайны. К сожалению, в рамках технотронной цивилизации не так то просто наложить запрет на агрессию рационального мышления. Необходим переход от технотронной к духовно-нравственной цивилизации.

Интересы каждого человека могут должным образом удовлетворяться лишь в условиях прочного и гармоничного единства общества. А такое единство может обеспечить только высокая нравственность, составляющая основу правовых, хозяйственных, политических и иных отношений в обществе. Между тем нынешняя ситуация в России весьма неблагополучна. В ходе перестройки в России быстрыми темпами шло сокращение числа промышленных предприятий. Например, в 1994 г. это сокращение составило величину 6201. Неудивительно, что с развитием высоких технологий дело пока обстоит плохо, и о создании «экономики знаний» можно только мечтать. Страна по-прежнему ориентируется на сырьевой экспорт. Повы-

шенное внимание к нанотехнологиям в современной России может показаться удивительным. К тому же следует признать, что экологические и политические последствия от широкого использования нанотехнологий могут оказаться весьма плачевными. У нас нет морального права недооценивать опасность экономического рационализма.

Падение трудоемкости во многих отраслях промышленности характерная черта научно-технического прогресса. Существуют оценки трудозатрат на середину XXI в.: удовлетворение потребностей в товарах и услугах будет осуществляться при использовании 5% рабочей силы человечества [146]. В этой связи говорят о построении общества знания как новой цивилизационной парадигмы в рамках идеи социального рыночного хозяйства. Тот факт, что при этом остаются причины для углубления социального неравенства, авторов почему-то не волнует. Не секрет, что по уровню социальной несправедливости Россия находится на одном из первых мест в мире [165]. Мы стремимся во всем копировать Запад, игнорируя то обстоятельство, что западная модель жизнеустройства вступила в эпоху своего заката. Об этом свидетельствует состояние кризиса, который, похоже, уже не остановишь. Либерализация торгово-экономических и валютно-финансовых межгосударственных связей обостряет эффект глобализации вместе с усилением неравенства и несправедливого распределения доходов в мировом масштабе. Инновационная экономика, на которую мы так рассчитываем, предполагает не только усиление международных связей в области электронных технологий и иных научных разработок, но и укрепление экспансивного характера ТНК.

ТНК, будучи частными компаниями, обрели настолько значительное финансовое могущество, что могут влиять на государственную политику многих стран третьего мира, подчиняя их интересам индустриально развитого Запада. Формируется глобальный организм единой экономической системы, образуемой несколькими десятками тысяч ТНК и их дочерними филиалами в различных странах. О чувстве гражданской ответственности руководства ТНК к судьбам конкретных народов и человечеству в целом говорить было бы излишне: такого чувства просто нет. Нравственные регуляторы утрачивают свою значимость [141].

Развивающиеся и бедные страны поставлены в условия, когда они вынуждены разбазаривать свои природные ресурсы, чтобы выжить. Таковы особенности мировой экономической системы, обслуживающей интересы стран «золотого миллиарда». В число стран ресурсно-сырьевой ориентации попала сегодня и Россия. Небольшое число развитых стран, окруженное поясом ресурсо-экспортирующих территорий, представляет собой современную модель мировой экономики. В этом, собственно, и состоит идея глобализации, о которой так много говорят, стремясь придать ей благозвучный характер. В рамках глобализации осуществляется Новый мировой порядок, позволяющий сделать США планетарным лидером в качестве гаранта мира и безопасности в рамках всеобщей рыночной вакханалии.

Новый мировой порядок, в сущности, невозможен без должной корректировки сознания людей с доминированием потребительских ориентаций и управлением массовым спросом. В связи с этим предполагается переход к так называемому информационному обществу с соответствующим механизмом контроля человеческого сознания. Осуществить такой контроль без развития нанотехнологий довольно трудно. И не исключено, что своеобразный бум в этой области современной науки объясняется именно этим обстоятельством. Сама же наука начинает концентрироваться в развитых странах либо функционирует по западным заказам, как это имеет место в случае развития так называемых технопарков.

Во имя будущего мироустройства, предполагающего Новый мировой порядок, работает множество крупных организаций в США (например, RAND Corporation, имеющих 5000 высококвалифицированных экспертов). В Японии ведется проработка технологического развития страны с указанием конкретных товаров и услуг на перспективу 15–25 лет. Япония надеется стать мировым лидером научно-технического прогресса, надолго закрепив за собой данный статус.

На фоне всего этого российская наука выглядит сегодня очень слабо. Достаточно сказать, что общие расходы на одного исследователя у нас в 100 раз меньше, чем в США. В бытность СССР ситуация была несколько лучше, но она касалась в основном военно-космической стратегии (например, создание системы «Энергия-Буран»). Что же касается разработок эффективных механизмов управления будущим с учетом экологических и духовнонравственных ценностей в обществе, то они всегда блокировались и блокируются властными структурами. Нынешняя общественная элита не имеет национальных интересов и национальной стратегии. Мы идем по пути слепого заимствования западных стандартов жизни. Даже в образовательной политике мы почти целиком утратили свои былые преимущества.

Государственные деятели и политики мало интересуются национальными традициями России, предпочитая подражательный стиль поведения. Аккуратно вписаться в мировую политико-экономическую систему, диктуемую западными мозговыми центрами, нашим «стратегам» кажется достаточно. Своих мозговых центров у нас нет, хотя они есть у Китая, Индии, ряда исламских стран. А значит, у Российской Федерации нет никаких шансов на будущее. С этим утверждением М. Калашникова трудно не согласиться [91]. В 2002 г. Институтом прикладной математики РАН и десятью другими академическими институтами была предпринята попытка создания Национальной системы научного мониторинга в природной, техногенной и социальной сферах. Однако Правительство РФ не утвердило соответствующую программу. Идеалы открытого потребительского общества его вполне устраивают, хотя они становятся смертельно опасными в рамках бездушного экономического рационализма.

Экономика по своему существу представляет собой рациональную сферу деятельности. Производство товаров и услуг организовано таким

образом, чтобы в ходе реализации результатов производства стало возможным его продолжение. Иными словами, производство предполагает механизм воспроизводства сложившейся экономической системы, а расширенное воспроизводство – обеспечение прибыли, которая берет на себя функцию цели производства. Какие-либо этические соображения отходят на второй план. Более того, они становятся помехой, сплошь и рядом мешающей достигать максимальной прибыли. Это же касается и экологических соображений, которые тоже отходят на второй план. Экономический рационализм благополучно сохраняется даже в теории регулируемого капитализма (кейнсианство) и марксистской (социалистической) экономике, укрепляя свои позиции в монетарной экономике М. Фридмана, неолиберализме В. Ойкена и Л. Эрхарда. Во всех этих случаях человеческий фактор играет роль трудового ресурса, включаясь в экономическую систему в качестве механического винтика. Человек как носитель нравственных начал не представляет интереса для такой экономики. И поэтому не удивительно, что возникает ошибочная мысль об основополагающем характере экономических отношений.

Производство в условиях либерально-рыночной экономики находится под гипнозом отношения «затраты-выпуск». Причем ухудшение качества природной среды никоим образом не отражается в затратной части. В результате мы готовы утверждать об общественном развитии, невзирая на экологическую деградацию. Игнорирование природных ценностей – характерная особенность экономических отношений, укрепившая свои идеологические позиции в современном кейнсианском анализе. Мысль, что природа не имеет стоимости, обрела силу научной истины, поскольку природные силы и процессы не носят характера трудовых усилий. Труд человека, даже если он приводит к разрушению экосистем, будет считаться источником экономических благ. Соответственно, рост ВВП считается окупающим затраты природных ресурсов, даже если эти затраты чреваты катастрофическими последствиями. Человеческая деятельность оказывается самоценной, тогда как всякого рода экологические критерии выглядят помехой. В экономическую теорию они не вписываются, нарушают рыночную гармонию.

Замечено, что ядохимикаты, используемые в земледелии, могут легко проникать в подпочвенные воды, в результате чего происходит практически необратимое загрязнение водоносных горизонтов. В США таким способом пострадало более половины подземных водоисточников. Экономика не имеет способов учитывать эти потери. Существует множество аналогичных вещей. Тем не менее рост ВВП оценивается положительно. Усиленная хищническая эксплуатация природных ресурсов делает экономический рост еще более значительным, вызывая восторг хозяйственников и политиков. Создается множество технологий, стимулирующих рост производительности труда. Это рассматривается как достижение научнотехнического прогресса, несмотря на экологические последствия. Сохра-

нение экологического комфорта человеческой жизни вообще ни во что не ставится. Более того, загромождение городской среды строениями и автомобилями, многочисленными рекламами рассматривается как показатель своеобразного достижения, свидетельствующий об успехах. Доходы МЧС, медицины, ремонтных служб и т. д. лишь увеличивают общую сумму национального дохода.

Как видим, экономический рационализм особенно опасен в сфере экологии. Существуют различного рода оценки природно-ресурсного потенциала России. Цифры эти довольно внушительные. Так, например, по расчетам Госкомстата и РАН РФ экономическая оценка наших природных богатств составляет от 340 до 380 трлн долларов [127]. Вместе с тем необходимо заметить, что экономическая оценка значимости для существования человека и общества окружающей природной среды выглядит явно недостаточной. С нравственной точки зрения жизнь человека не может и не должна оцениваться в денежном выражении. Такой оценки просто не может быть. Аналогичным образом возможность существования общества, как, впрочем, и любой экосистемы, не может оцениваться в денежных единицах. Соответственно, не имеет экономической оценки и качественная характеристика природной среды, определяющая такую возможность. Природная среда в этом смысле бесценна, поскольку она является условием существования любых живых систем. Экологические ценности не сводятся к экономическим. И это очень важный момент, о котором, к сожалению, часто забывают. Экологические ценности сродни нравственным. Экология, как и этика, не может взвешиваться на весах экономики. Ресурсы природы, как и трудовые ресурсы человека, обретают денежную оценку лишь в узком аспекте.

Вредные технологии — лишь внешние проявления духовно-нравственного разложения общества. По большому счету человек не так уж остро нуждается в дорогостоящем освоении космоса и даже в царстве разума — ноосфере, если строит свою жизнь на принципах добра и справедливости. Разум, нацеленный на различного рода технологии производства, способен наносить вред природе и здоровью человека. Наука может хладнокровно осуществлять насилие над природой. И только нравственное общество может дать надлежащее воспитание экологической совести и пробудить личную ответственность за сохранение природных ценностей. «Благополучие, основанное лишь на экономическом отношении к природе, — безнравственно» [159]. Человек, будучи мыслящим существом, должен, прежде всего, понять, что он подчинен законам нравственного поведения, от которых зависит гармония как внутри общества, так и с окружающей природной средой. Любые наши деяния, разрушающие эту гармонию, являются стройкой на песке. Они не могут быть благом.

То, что мы называем интенсивным экономическим ростом, сопровождается расслоением населения на богатых и бедных. В рамках глобальной экономики имеет место аналогичное расслоение между странами. Таково

свойство рыночной экономики, особенно на стадии расширения финансовых рынков. Экономический рост пагубно отражается также на состоянии биосферы, являющейся, пожалуй, основным источником обогащения элитарной части общества. Хозяйственная деятельность оказалась организованной исключительно на рациональном основании, отторгнув какие-либо нравственные критерии и законы. Исследователи правы, когда говорят, что экономика обязана учитывать требования биосферы, элементом которой является человек. Но при этом, как правило, забывают о том, что нравственное поведение человека — это тоже требование биосферы. Абсолютизация экономической рациональности, объявляющей разум всевластным, категорически противопоказана. Власть разума скована нравственным императивом в обществе любой сложности.

4.4. Коллизия ценностных ориентаций в России

Нынешняя ситуация в России в области культурно-нравственных характеристик представляется катастрофической. Как показали социологические исследования, нравственный облик российского общества за 10-15 лет (с 1992–1997 гг. по 2007 г.) заметно изменился к худшему. Так считают около 80% опрошенных [150]. В россиянах стало меньше честности (так думают 66% против 9%, из числа опрошенных в прошлые годы), доброжелательности (63% против 11%), искренности (63% против 9%), бескорыстия (67% против 8%), патриотизма (60% против 17%). Ослабло взаимное доверие (65% против 9%). Усилились мотивы выгоды, прагматизма, удобства, самодостаточности. Чувство индивидуализма (которое нередко смешивают с чувством свободы) все более вытесняет чувство коллективизма, а смысл жизни чаще всего сводится к достижению богатства, роскоши, карьерному росту. Безответственность становится чуть ли не обычной чертой многих поступков и решений, служение обществу и государству все чаще уступает место удовлетворению личных интересов. Параллельно с этим растет апатия, неуверенность в своих силах, общая неудовлетворенность жизнью, страх перед будущим, беспокойство за благополучие своих детей и внуков.

К употреблению алкогольных напитков в современной России пристрастилось 80% молодежи. Среди них 40% составляют школьники [69]. Дети и молодежь — основной контингент наркоманов (более 80%). В незарегистрированных браках рождается около 30% детей. Впечатляет число детских преступлений: в 2007 г. таких было 140 тысяч. Среди подростков быстро растет число курящих: за 15 лет с 1994 г. это число увеличилось в 3 раза. Все эти цифры свидетельствуют о культурном распаде российского общества, который поддерживается и всячески стимулируется средствами массовой информации, в первую очередь телевидением. Регулярный показ убийств, драк, ограблений, половых актов, сцен распития спиртных напит-

ков, случаев нецензурной брани, всякого рода негатива стало обычным делом. Олигархи и предприниматели с весьма сомнительными нравственными достоинствами стали символом материального успеха в нищающей России. Этика труда и справедливости более не декларируется. Призывы к бережливости, честности и благородству способны вызывать только улыбку, представляясь анахронизмами. Самолюбование и безграничный гедонизм стали неотъемлемой чертой преуспевающего человека. Политическая элита погрузилась в летаргический сон, потеряв ощущение реальности.

Насильственное внедрение в российское общество либеральнорыночных ценностей и институтов частной собственности происходило одновременно с девальвацией нравственных стандартов. Через СМИ шла усиленная обработка общественного сознания, внушалась мысль о бесполезности нравственных категорий и понятий. Значимость таких понятий как честь, совесть, честность, правдивость, верность, долг, ответственность постепенно снижалась. Деньги и власть стали главными признаками человеческого достоинства. И нет ничего удивительного в том, что в годы пресловутой перестройки происходило резкое увеличение административного аппарата, чиновники различными способами включались в предпринимательские структуры, а предприниматели внедрялись в коридоры власти и депутатский корпус. Ответственность за принимаемые решения фактически отменялась. Даже решение о ликвидации Советского Союза не имело никаких последствий для авторов и исполнителей этого решения. Обществу внушалась мысль о самораспаде государственного образования. Ныне люди больше обеспокоены увеличением цен, чем падением нравственности и ухудшением экологической ситуации. Это показали социологические опросы. Что касается верхних эшелонов власти, то здесь наблюдается плохо мотивированная реконструкция управленческих структур, уничтожение, укрупнение, слияние и разделение министерств, ведомств, комитетов, агентств и т. д., нескончаемая перестановка кадров. Нравственный облик современного государственного служащего, несмотря на все попытки его приукрашивания и наведения внешнего лоска, остается неудовлетворительным по многим параметрам.

«Игра в деньги» в современном мире идет на государственном и меж-государственном уровнях, что само по себе выглядит аморально. Масштабы этой игры поражают воображение. В июне 2008 г. общая масса виртуальных денег составляла 684 трлн долларов (по данным Банка международных расчетов), что превышало мировой ВВП в 12 раз и почти в 5 раз оценку природных ресурсов России [140]. По мнению политолога Ю. Солозобова, нынешняя кризисная ситуация делает целесообразным для России максимальное дистанцирование от Америки. Нынешняя обстановка представляется весьма серьезной. В связи с тем, что частный сектор теряет свою устойчивость, начиная с 2009 г. уровень безработицы имеет заметную тенденцию к росту. В условиях России, где около 73–75% жителей не имеют никаких сбережений, живут от зарплаты до зарплаты, рост безрабо-

тицы особенно опасен. Социальные последствия экономического кризиса весьма чувствительны. Достаточно сказать, что количество обращений на аборты выросло в 11 раз. Молодые люди пессимистично смотрят в будущее, предпочитая жить сегодняшним днем. Россия демонстрирует всему миру слишком большую величину различия в доходах населения. Ныне децильный коэффициент по зарплате оценивается величиной 30 и более, что трудно объяснимо действительными интеллектуально-трудовыми возможностями людей. Скорее, это показатель, характеризующий несправедливое распределение общего фонда зарплаты между людьми в зависимости от положения на социальной лестнице. Такое общество никак нельзя назвать нравственным.

Коллизия материальных и этических ценностей в России проявляется в противостоянии экономических и общественных интересов. Получение экономической выгоды любой ценой стало основной целью производственной деятельности. Тем самым экономика сплошь и рядом входит в конфликт с основными требованиями этики, а следовательно, становится непригодной для прогрессивного развития общества. Такова современная Россия. Коррупция, мошенничество, ложь, бесчестность, принижение человеческого достоинства делают общество нежизнеспособным, а экономику превращают в сферу преступной деятельности, поскольку она теряет нравственные основы. Для лиц, занимающих высокие посты, открываются широкие возможности присваивать огромные денежные суммы. Например, ряд министров (А. Кудрин, И. Левитин, С. Шматко, В. Христенко, А. Сердюков и др.) получают солидные бонусы от компаний, фирм, корпораций, где они совместительствуют в качестве членов советов директоров или их председателей. Это же относится ко многим чиновникам президентской администрации, вице-премьерам И. Шувалову, И. Сечину, С. Иванову, А. Жукову, С. Собянину [50]. В целом доходы представителей российской управленческой элиты исчисляются многими миллионами рублей в год (в отдельных случаях – сотнями миллионов). Такое государство не может не быть криминальным, попирающим законы нравственности.

В России полным ходом идет процесс деградации в условиях коррумпированности административно-управленческого аппарата, безразличного к общественным проблемам. Так будет до тех пор, пока не возобладают ценности духовно-нравственной цивилизации взамен нынешнего потребительского общества с его беспощадностью, безжалостностью, лишенного милосердия и любви к людям. Мораль являет собой базовую компоненту духовной культуры и способна проложить пути благородного служения людям, в то время как эгоизм и себялюбие несовместимы с высоким типом жизнеустройства. Это понимал еще Конфуций [59].

Средства массовой информации уже давно не выполняют тех функций, которые необходимы для общества. Их основная задача — закреплять сложившееся государственное устройство, даже если для этого потребует-

ся ложь и дезинформация. Демократия уже давно изжила себя, и никоим образом она не приспособлена к совершенствованию жизнеустройства. Причем коррупция есть органическая часть демократического государства. Чиновничий клан не может не быть коррупционным. Взятки — суть скрепы управляющей системы [187].

Экономическая политика России нацеливается исключительно на привлечение иностранных инвесторов в российские сырьевые проекты. И это при том, что ныне существует довольно устойчивая тенденция к снижению мировых цен на природные ресурсы, включая нефть и металлы. Расчет на борьбу со сверхдоходами [140] и активное изъятие у наших российских предпринимателей природной ренты и выглядит до некоторой степени утопичным. Власти не решатся действовать подобным образом хотя бы потому, что они в первую очередь представляют интересы этих предпринимателей

Для России 2009 г. оказался не вполне удачным. Спрос и цены на нефть упали во всем мире значительно ниже того уровня, который был предусмотрен бюджетом России на этот год. Основные трудности выпали на долю бюджетников. Многие государственные предприятия вынуждены были пойти на неполную рабочую неделю, укороченный рабочий день или даже вовсе объявить о своем сокращении. Участились случаи задержки заработной платы, последовали демонстрации. Таков итог ресурсно-сырьевой ориентации российской экономики.

Нам до сих пор не дают внятных объяснений, почему вырученные от продажи нефти деньги хранятся в основном в США(около 90%). И хотя эти деньги рассматриваются как стабилизационный (резервный) фонд, свободно пользоваться ими Россия не может. В США находятся также деньги, полученные в результате «борьбы» со сверхдоходами нефтяных компаний российских олигархов. Изъятие лишних денег для пополнения резервного фонда происходило в виде акцизов и иных налоговых платежей. Прятать деньги за рубежом представляется весьма странным делом, даже если всерьез бояться инфляции. Лишние деньги могли бы пойти на расширение производственных мощностей, а не на рынок. И тогда вместо инфляции мы получили бы заметный рост своего хозяйства, увеличили бы число рабочих мест. Размещение в США стабилизационного фонда России свидетельствует о подконтрольности политического руководства России тем лицам, которые распоряжаются Федеральной резервной системой (ФРС) [185].

Обсуждение кризисной ситуации в мире и России в основном идет вокруг проблем социально-экономического осложнения и ухудшения ситуации. Причины кризиса лежат за пределами анализа. Тот факт, что Россия находится в своеобразном финансовом капкане благодаря прозападной политике государства, стараются по возможности обходить стороной. Нет речи и о том, что кризис может быть кому-то выгоден и вызван искусственно. Возникновение в экономическом пространстве «финансовых пузы-

рей» носит рукотворный характер, являясь важным условием соответствующего перераспределения богатства в результате биржевых игр. Напомним, что либерально-рыночная экономика живет по законам «управляемого хаоса», обслуживая интересы мировой олигархии.

В условиях российского хаоса трагичной оказывается судьба села. Социально-культурная среда в современных российских селах разрушается. Это выражается в закрытии библиотек, клубов и домов культуры, школ, фельдшерских пунктов, почтовых отделений. Идет нарастание массовой безработицы, обнищание и ухудшение состояния здоровья людей. Сельхозпроизводство становится невыгодным делом в силу чрезмерно высокого диспаритета цен между промышленной и сельскохозяйственной продукцией. Общий рост ВВП в России свидетельствует лишь об увеличении экспорта сырьевых ресурсов, прежде всего энергоносителей. Более всего это отражается на росте золотовалютных резервов Стабилизационного фонда и Центрального банка. В первом десятилетии XXI в. масса этих резервов возрастала в 4–5 раз ежегодно. Это ничуть не мешало регулярному снижению индекса развития человеческого потенциала. Если в 1988 г. мы находились по величине этого показателя на 26-ом месте в мире, то в 1992 г. были уже на 34-м, а в 2006 г. – на 63-м месте. Причем скорость падения уровня жизни в деревне по этому показателю вообще будет выглядеть катастрофической.

Состояние сельского хозяйства и жизни деревни в России во многом определяет ее цивилизационную характеристику, не говоря уже об экономическом благополучии. Изменение ситуации к лучшему на первом этапе могло быть достигнуто переориентацией 23 млрд долларов (эти деньги ныне уходят за рубеж на закупку продовольствия) на нужды агропромышленного комплекса [114]. Сама по себе такая переориентация не может произойти, тем более в условиях так называемого свободного рынка. Нужна соответствующая государственная политика, учитывающая доминантный характер национальных интересов. Даже известный американский ученый Дж. Гелбрейт справедливо полагал, что «за свободный рынок могут ратовать только люди с психическим отклонением». Причем помощь селу должна быть не просто адресной, но нацеленной на организационную перестройку хозяйственной деятельности. В центре внимания должны оказаться вопросы создания производственных, торгово-сбытовых, кредитных и иных кооперативов вместо отживших свой срок фермерских хозяйств. закрытых акционерных обществ (ЗАО). Перевод последних в кооперативные организации не представляет особых осложнений.

К сожалению, патологическая мода на рынок обретает характер интеллектуальной агрессии, перерастая в своеобразный феномен «рыночного мышления». Понятие рынка сегодня входит в моду даже у философов. Некоторые из них готовы видеть в термодинамической Вселенной пример «рыночной» системы [23]. Рынок хотя и не предназначен специально для роста качества жизни людей, но представляет собой фундамент, опреде-

ляющий вектор интенсификации обменных процессов в обществе. Без рынка нельзя было бы говорить о прогрессе, и постольку рынок так же непобедим, как непобедим прогресс [234]. По мнению В. Борисенко, идея «социального рынка» возникает взамен «крупномасштабной социальной инженерии», дефекты которой отмечал в свое время К. Поппер [23]. Возникает представление, что «социальный рынок» является фундаментальной основой общественного развития. Если следовать терминологии синергетики, то такое развитие возможно было бы определить и описать нелинейной моделью. При этом «социальный рынок» становится механизмом достижения порядка и гармонии в обществе. Таким путем общество идет к согласованности индивидуальной свободы с требованием самосохранения социальной системы. Рыночные отношения обеспечивают социальный обмен, поддерживая жизнь в обществе по аналогии с тем, как обмен веществ поддерживает жизнь в биологическом организме. Данная аналогия завораживает многих исследователей, преклоняющихся перед либерально-рыночной системой.

Дело доходит до того, что обычный экономический рынок воспринимается как социальное пространство человеческого поведения со всеми его ценностными атрибутами. Игнорируется тот факт, что отношения обмена могут находиться под диктатом различных форм мотивации поведения, включая цели личной выгоды. Можно договориться до того, что взаимоуважение, взаимная любовь и привязанность есть явления социального обмена, т. е. социального рынка. В сфере этого рынка индивиды обмениваются различными чувствами и мыслями, стремясь извлечь для себя личную выгоду [262]. Таким путем идет Дж. Тернер [219]. В свете этой традиции ничего не остается, как отнести госкапитализм (имеющий место быть в Советской России) к архаическим формам социального обмена, отброшенным историей в силу их неразвитости [23]. Ныне рынок превращается в стержень эволюции и предмет постоянного совершенствования. Экономический рынок – это не «конец истории», а, скорее, ее фундамент и начало. Так неожиданно вновь всплывает концепция экономического детерминизма, на которой строился марксизм и даже такая «архаическая форма социального обмена» как социализм. В синергетике нас приучали к мысли, что хаос рождает порядок. Но, по-видимому, это не всегда распространяется на процессы мышления, протекающие в человеческом мозгу.

Существует несколько странное представление, «что рыночная экономика — это реализация генетической программы конкурентного взаимодействия, присущего биоте в целом и человеку в частности в нашей культуре и цивилизации» [121, с. 8]. Мысль эта повторяется также в монографии К. Лосева, где он пишет, что необходимы экологическая революция в головах людей и переход к идеологии поддерживаемого (устойчивого) развития на основе теории биотической регуляции [119, с. 184–185]. Напомним, что в рамках этой теории феномен жизни уподобляется рыночной системе, в которой взаимодействие имеет конкурентный характер, зафик-

сированный в геноме организмов. Получается, что наша рыночная экономика — это всего лишь реализация в человеческой культуре биологической программы конкурентного взаимодействия, отображаемой сознанием и доведенной до уровня общественных отношений. Таким путем утверждает себя идеология рыночного универсума, хотя любой живой организм представляет собой, в сущности, «кооперативную систему», состоящую из поддерживающих друг друга элементов. В противном случае он не мог бы существовать.

Конкурентное взаимодействие всегда направлено на устранение конкурента и с этой точки зрения не может играть роль фактора самоорганизации. Для улучшения производства нужна не столько конкуренция, сколько сотрудничество. Конкурентное взаимодействие — это борьба за обретение дополнительных благ в ущерб другим людям. И в таком аспекте данный вид взаимодействия является источником зла. К сожалению, современная цивилизация устроена так, что, неся блага человечеству, она ставит под угрозу биологическое существование людей. В действительности, за рыночной экономикой стоит фигура частного предпринимателя, желающего получать прибыль любой ценой, поскольку за этой прибылью стоит проблема выживания. Право частной собственности — феномен исключительно социальный, и никакой аналогии с биотой здесь быть не может. Более того, это право нарушает естественные принципы нравственности, поскольку позволяет присваивать результаты чужого труда и природную ренту.

Адаптации в ходе конкурентного взаимодействия, ведущего к образованию новых видов, в природе не обнаружено. Наблюдаемые мутации (повреждение генов) есть всего лишь свидетельство угрозы биологическому виду, а не повод говорить об эволюции через механизм адаптации. Об этом пишут авторы работы [121]. В природе, действительно, существуют взаимодействия, но они, в конечном счете, ведут к образованию экосистем, в которых видна кооперация видов, обуславливающая устойчивость экосистемы.

Что же касается рыночной системы, то она противоестественна, поскольку рождает несправедливую дифференциацию общества на богатых и бедных, делает наемным человеческий труд, создает миллиардеров, позволяя осуществлять обман и грабеж, махинации и мошенничество. К. Лосев прав, когда пишет, что построение цивилизации на фундаменте существующей либеральной рыночной системы — это опасное заблуждение, которое, в конечном итоге, ведет к исчезновению человечества как вида [119, с. 186]. Но это означает, что поддерживающее (устойчивое) развитие нуждается не в рыночной системе, а в способе организации общества, при котором люди стремятся к сотрудничеству, достигая коллективного блага, в том числе экологического. Если рыночная система и производит отбор, то этот отбор осуществляется, прежде всего, по нравственным (точнее, безнравственным) параметрам: в победителях оказываются наиболее не-

чистоплотные и бессовестные, способные идти на любые действия, включая ложь, ради выгоды.

Ложную информацию можно рассматривать как информационное загрязнение социальной среды. Причем этот вид загрязнения является, пожалуй, более опасным, чем экологическое загрязнение. Более того, известны случаи, когда информационное загрязнение делает неэффективными усилия в защиту окружающей среды.

Известно, что экологические движения, направленные на защиту природы и здоровья людей, способны приостанавливать различные научнотехнические новшества. К сожалению, это может случиться даже в тех случаях, когда речь идет о перспективных технологиях. Общественное неприятие этих технологий может быть связано с недоверием к правительственным решениям, тем или иным чиновничьим структурам, способным вступать в коррупционные сделки с предпринимательскими компаниями и фирмами. Недоверие к властям в России не является безосновательным. Слишком часто людям приходится сталкиваться с неприглядными фактами, безразличием властей к их нуждам и интересам, пренебрежением к экологическим проблемам. Свой протест приходится выражать в форме тех или иных общественных акций.

Экологические движения можно использовать в интересах отдельных олигархов или иностранных государств. Более того, нельзя исключать возможность целенаправленного управления общественными движениями. Известно, в частности, что деятельность российских неправительственных экологических организаций в 1990-е гг. на 75% осуществлялась за счет зарубежных фондов и грантов [46]. Траты таких масштабов не могли не дополняться соответствующим идеологическим руководством. В 1993 г. М. Горбачев организовал Международный Зеленый Крест со штаб-квартирой в Женеве. В заслуги этой организации ставится закрытие на территории России 1300 опасных производств. Это явилось основанием вручить М. Горбачеву экологическую премию «Европейская природа». Известно также, что в свое время в России было повсеместно приостановлено производство белково-витаминных концентратов. Стало ненужным Министерство медико-биологической промышленности. Был нанесен удар по животноводству и птицеводству. Открылись ворота для импорта в Россию «ножек Буша». Более того, страна оказалась отброшенной в области перспективных технологий, что внесло весомый вклад в потерю продовольственной независимости.

Все это говорит о том, что во времена информационных войн, когда внешние силы ставят задачу разрушения страны, экологические движения могут быть одним из факторов этого разрушения. Поэтому борьба в защиту природной среды должна осуществляться на основе точных данных, при которых опасность хозяйственной деятельности или принимаемых решений представляется обоснованной с должной полнотой. Еще совсем недавно любые проекты, предполагающие вмешательство в природу, ста-

новились объектами государственной экологической экспертизы. Так было начиная с 1990 г. Данный порядок просуществовал, к сожалению, лишь до 2007 г., когда Градостроительный кодекс РФ исключил экологическую экспертизу в пределах населенных пунктов, чтобы не обременять бизнес. Даже в зонах особо охраняемых природных территорий и особо опасных объектов приходилось добиваться восстановления экологической экспертизы, которая на практике проводится далеко не всегда. Это значит, что вмешательство в природу в большинстве случаев выходит за рамки экологического контроля. Различного рода бизнес-проекты получают свободу, даже если чреваты неблагоприятными экологическими последствиями. Был введен негласный запрет на экологическую информацию, который исказил тем самым общую картину ситуации в обществе. Недостаточность объективной информации равносильна ее искажению, и приводит к ухудшению качества «информационной среды».

Повторим: информационное загрязнение во многих случаях оказывается значительно более опасным, чем экологическое. Существование в обществе гласного или, чаще, негласного запрета на информацию свидетельствует о нравственном неблагополучии. В силу этого обстоятельства более или менее значительная часть открытой информации приобретает ложный характер. Именно безнравственность часто является источником ложной информации. Человек говорит неправду, чтобы скрыть свои аморальные и преступные действия. Даже проблема смысла жизни становится табуизированной, поскольку эта тема приходит в столкновение с существующим жизнеустройством, нацеленным на обогащение любой ценой и утверждающим доминирование материальных благ над духовно-нравственными.

Самое большее, что можно сказать о человеке, подчиненном потребительским интересам: он становится высшим животным. Разум ставит его выше остального тварного мира. Но при этом теряются подлинно человеческие черты. По мере развития рационального знания ложь становится все более изобретательной. И хотя наука остается областью, где стремится господствовать установка на истину, в реальной жизни общества все чаще приходится скрывать правду при помощи ложной информации или негласного запрета, умолчания, что не намного лучше. Правдивость есть одно из нравственных требований в межчеловеческих отношениях. Она является своеобразным аналогом истинности в науке. Знание о природе нельзя считать полным, если оно добывается только ради материального блага. Более того, оно становится опасным.

Во многих случаях ложная информация позволяет достигать определенные политические цели, извлекать выгоду, прикрывать аморальные действия. Происходящие в человеческом обществе кризисы и войны чаще всего являются следствием определенных политических и экономических устремлений морально деградированных групп лиц, способных вносить в общество искаженную информацию. В нравственном обществе подобные

катаклизмы были бы исключены. Публичная ложь становится эффективным средством достижения богатства и власти, чем пользуются, например, масоны. Ложная информация сопутствовала всем политическим переворотам. Это касается и происходящих изменений в нынешней России. Нет никаких сомнений, что во всех этих случаях можно говорить о масштабных этических преступлениях политической элиты. Иногда в литературе пишут о самораспаде Советского Союза, хотя этот факт, имеющий место при Б. Ельцине и при молчаливом, загадочном участии М. Горбачева, свидетельствует о действиях нашей политической элиты, которым нет и не может быть морального оправдания. Произошедший в России переворот, сделавший бессмысленными многомиллионные жертвы во имя революции 1917 г. и общественных идеалов социалистического и коммунистического переустройства общества, был крупнейшей за всю российскую историю политической аферой. Лживость, бесчестность, корыстолюбие, утрата долга перед обществом и чувства ответственности, нарушение принципов справедливости характеризовали подавляющее число государственных деятелей и бывших руководителей КПСС.

Власть, которая не способствует улучшению нравственного климата в обществе, сама становится безнравственной. При этом экологические задачи также отодвигаются на второй план. Безнравственная власть всегда была равнодушна к экологии. Что касается экономики, то она в этих условиях обретает сырьевую ориентацию. В современной России доля природноресурсной составляющей в составе ВВП достигает примерно 30%, а в составе экспортируемой продукции – 70% [42]. Зато наблюдается рост импортной продукции, включая продукты питания. К тому же, последние не отличаются качеством. По производству пищевых продуктов в 2003 г. Россия опустилась до 71 места. Для сравнения: СССР в 1990 г. занимал 7 место в мире.

В условиях рыночной экономики деградация природной среды выглядит вполне естественно. По данным Института проблем рынка РАН, только прямой годовой экономический ущерб вследствие деградации окружающей среды в середине 1990-х гг. составил 10–11% от объема ВВП. В 2005 г. эта цифра выросла до 13–14% в год. Причем экологический ущерб обгонял экономический рост. Ясно, что выйти на стратегию устойчивого развития нам не удастся. В 1999 г., когда еще действовала Госкомэкология, предотвращенный экономический ущерб вследствие природоохранных мероприятий составил 20,8 млрд рублей. С тех пор подобные расчеты проводить стало некому. Госкомэкология была упразднена в 2000 г., просуществовав всего 4 года. До 1996 г. в России еще было Министерство охраны окружающей среды и природных ресурсов. Стоит отметить, что вся эта череда мероприятий теснейшим образом связана с усилиями финансово-нефтяного лобби в правительстве. Сырьевая экономика России не желала терпеть над собой какой-либо экологический контроль.

О равнодушии нынешней власти к экологии можно судить, например, по частоте и масштабам лесных пожаров. Если в первой половине 1990-х гг.

на корню выгорало 15,4 млн м³ лесов в год, то во второй половине размеры ежегодного выгорания лесов увеличились в 3,3 раза, достигнув величины 50,2 млн м³. При этом наблюдалось резкое снижение (в разы) инвестиций, направляемых на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов. Бюджетное финансирование федеральных экологических программ не превышает 5% от потребности.

Видимо, пришла пора понять, что сфера государственно-политической деятельности должна быть прозрачной, а личности политиков обязаны стать объектом общественного контроля. В данном случае речь идет не о профессиональном контроле, а о моральной стороне поступков, решений и действий высших должностных лиц. Люди, которые не удовлетворяют нравственным критериям, не могут занимать ответственных постов, независимо от профессиональных качеств. Это должно стать жестким правилом. Нравственный контроль за деятельностью политиков, пожалуй, даже более важен, чем правовой контроль. Нарушения правовых норм для руководителей представляются не столь драматичными, как нарушения моральных норм. Беспринципность и безответственность в области решений, затрагивающих интересы многих людей, абсолютно недопустимая вещь.

Рыночная экономика изначально представляет собой механизм извлечения денежной прибыли. Данное изобретение человеческого разума явно не пригодно для решения проблем окружающей природной среды. Даже удовлетворение потребительских запросов населения является всего лишь способом получения прибыли для частных лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью. Индифферентность механизмов рыночной экономики к экологическим проблемам отмечалась на Конференции ООН в Рио-де-Жанейро в 1992 г. Государственный характер экономики (такой она была в СССР) тоже не спасает положения. Одним из многочисленных примеров может служить строительство Крапивинского гидроузла на р. Томь. Оно началось в 1975 г., но лишь в 1989 г. работу удалось приостановить ценой огромных усилий противников строительства. Было уничтожено 42 тыс. га хвойных лесов, изменился видовой состав местной фауны, пострадали места обитания организмов, внесенных в Красную книгу, 20 сел и деревень исчезло с карты России [227]. Несмотря на все это, в середине 1998 г. вновь появились настойчивые попытки завершить строительство. Идеалы рыночной экономики вошли в силу. Соблазн получения дешевой электроэнергии с последующей ее реализацией по рыночным ценам был весьма велик. Давно пора понять, что интересы прибыли в экономике несовместимы с интересами гармоничных отношений между обществом и природой.

Роль России в обеспечении регулятивных способностей экосистем Евразии и даже мира в целом достаточно высока, особенно теперь, когда природа многих других регионов подвергается сильнейшему стрессу. История выдвинула Россию в качестве особого природного резервата, в рамках которого природопользование должно осуществляться особенно про-

думанно и бережно, ибо на нас ложится груз ответственности за состояние всей биосферы. Экономика России обязана перейти от сырьевого к инновационному типу развития, а это значит, что общество должно быть нравственно здоровым и жестко следовать принципам экологической этики. Подчеркнем: инновационная экономика отнюдь не сводится к культу разума и технологических достижений. Гораздо более важен нравственный аспект научно-технического и социального прогресса.

Особенность рыночной экономики в том, что она заключает в себе стимулы к потреблению обществом возможно большего количества продуктов. Богатство воспринимается как высшая ценность, ради которой дозволительно все, включая преступления. Стимул к потреблению дополняется стимулированием частой замены и обновления приобретенных вещей. Эта задача решается с помощью рекламы. При умелой рекламе страсть к обновлению приобретает болезненный характер. Рекламу никак нельзя признать гуманной, даже если рекламируются новинки фармацевтики и медицины. Назойливость рекламы делает ее надоедливой и жестокой. Тем не менее властные структуры, включая руководителей высшего уровня, не смеют приостановить рекламную вакханалию. Само производство крайне заинтересовано в быстром износе вещей, выходе из строя отдельных деталей, заменить которые трудно или даже невозможно. При этом делается все, чтобы ремонтных мастерских было меньше. Современной рыночной экономике они не нужны.

Рынок — социально-экономическое воплощение дарвинизма. С помощью рынка для общества закрываются подлинные возможности и пути прогрессивной эволюции. Последняя всегда предполагает сотрудничество и взаимопомощь, что хорошо понимал известный русский географ и путешественник П. А. Кропоткин (1842—1921). Именно рыночная экономика вырвала человечество из биосферы, сделав человека губителем живого. Б. Родоман прав: рыночная экономика несовместима с гуманизмом и экологией [192].

К сожалению, наши ученые-экономисты не смеют выйти за грань тех представлений, которые навязываются сверху руководящей элитой общества. Когда в свое время была объявлена социалистическая экономика, они действовали в русле этой модели. Когда потребовалась перестройка на либерально-рыночный лад, они дружно переключились на задачи этой перестройки. По-прежнему действует гипноз производительности труда, ВВП, потребности, окупаемости и т. д. Думать о духовности и нравственности хозяйства, как это делал в свое время С. Булгаков, в их компетенцию, видимо, не вписывается. Экономические теории, в сущности, поощряют разграбление природных ресурсов. По мнению ученых-экономистов, нравственны любые дела, которые являются экономически эффективными. Так считал, в частности, Н. Шмелев [11]. В реальной действительности дело обстоит иначе. Защита природы всегда нравственна, хотя далеко не всегда выгодна с точки зрения прибыли. Общество в целом обязано сохра-

нять себя, а значит, свое природное окружение. Для этого, как мы знаем, нужна нравственность. А нравственности нет дела до экономической эффективности. Этика не терпит насилия со стороны бизнеса.

Низкое качество природной среды в настоящее время является прямым результатом экономического эгоизма, насаждающего в обществе потребительство и паразитизм. В СССР, при социализме, эти явления, к сожалению, тоже не могли исчезнуть, поскольку человек оставался винтиком экономической машины, которой искусственно предоставлялось место общественного базиса. И лишь кооперативная экономика, исключающая наемный труд, оказывается способной преодолеть потребительство и паразитизм, подчиняясь нравственному императиву. Об этом пойдет речь в главе 6.

Глава 5. ЭТИКА ПРАВА

5.1. Мораль и право как социальные регуляторы

Право и мораль являются регуляторами поведения людей в обществе. При этом, как мы увидим, они находятся в постоянном взаимодействии. В рамках данного взаимодействия моральные требования выступают в роли доминантных, базовых. Право не может противоречить морали. Сами же нравственные установки не подлежат декретированию, т. е. не могут носить статус правовой нормы. Впрочем, это не мешает правовым нормам некоторым образом закреплять нравственные требования, поскольку они базируются на этих требованиях. Если нравственные нормы представляют собой правила поведения, контролируемые и гарантируемые обществом, то правовые нормы поведения людей вырабатываются и гарантируются государством. Иными словами, право несет функцию социального регулятора, осуществляемую государством. Мораль выполняет эту функцию в рамках общества.

Повторим: в обоих случаях речь идет о регулировании поведения человека. Но если правовые механизмы нацелены на правила поведения в искусственной (техногенной) среде, то нравственные предписания касаются поведения человека в естественной (природной) среде. Нормы права диктуются в законодательном порядке, этические нормы – результат осознания человеком экологических требований, от которых зависит сохранение общества как коллективной системы в естественной среде обитания. Вместе с тем мы знаем, что техногенная и природная среда человека теснейшим образом связаны друг с другом. И неудивительно, что правовые и нравственные регуляторы функционируют совместно. Например, мы вынуждены признать, что «справедливость - это не только этическая (философская) категория, но и правовое понятие, санкционирующее определенные общественные отношения, соответствующие этим отношениям правила поведения, поступки и действия людей» [238, с. 42]. Право вынуждено включать некий минимум нравственности подобно тому, как искусственная среда вынуждена существовать в природной среде, считаясь с ее требованиями.

С другой стороны, нравственность можно рассматривать как механизм иррационального (чувственного) регулирования поведения, тогда как пра-

во представляет собой некую искусственную модель рационального регулятора. Поэтому право и мораль образуют своеобразное единство чувственного и рационального, естественных и искусственных характеристик и норм поведения. Если нравственность можно трактовать как механизм саморегулирования, то право являет собой механизм внешнего принуждения. Можно сказать несколько иначе: если для правовых норм характерна внешняя форма принуждения, то для моральных — исключительно внутренняя форма.

Человек стал руководствоваться нормами морали раньше, чем появились юридические законы. С усложнением общества на основе нравственных механизмов разрослись и обрели самостоятельное бытие правовые институты. Произошел разрыв между этикой и правом. Причем правовые оценки могли вступать в конфликт с моральными оценками. Проблема отношения морали и права привлекла внимание как правоведов, так и философов. Отход от морали заинтересовал, в частности, И. Канта (1724—1804), который часто обращался к этой проблеме в своих этических сочинениях. Противоречие между правом и моралью является свидетельством несовершенства сложившихся социальных институтов и общества в целом. Кант различал внешние и внутренние силы социального поведения. Первые регулируются юридическими законами, вторые — моральными нормами. Важно гармоническое сочетание внешних регуляторов поведения и сознания внутреннего долга. Основной критерий поведения: всегда относись к себе и другим людям сообразно их внутренней ценности, и никогда — только как к средству. Этот критерий рассматривался Кантом в качестве категорического императива, которым обязан руководствоваться каждый.

Любопытно отметить, что в России в начале XX в., когда наблюдалось бурное развитие хозяйства и его кооперативных форм в виде так называемого «русского экономического чуда», шло возрождение естественного права на фоне кризиса правосознания, сформированного под влиянием западной правовой системы с ее позитивистскими установками. Заметим, что монархическая власть в России, окруженная ореолом святости и неприкосновенности, во многом заимствовала ценности русской православной церкви и не могла быть препятствием для естественного правопонимания, как это может показаться на первый взгляд [239].

В свое время славянофилы отрицали чисто западный вариант правовой системы, которая в силу своих рационалистических традиций пытается освободиться от каких-либо религиозных и моральных установлений [154]. А Л. Толстой вообще не усматривал в праве какой-либо пользы в силу его безнравственности. Все это свидетельствует о высокой степени духовности русского народа, способного (по крайней мере, потенциально) подняться над правом и государством в своих устремлениях и правилах жизнеустройства, что получило отражение в русской литературе (включая правоведческую [161]). П. Новгородцев, следуя идеям Ф. Достоевского, стремился к объединению права и нравственности под эгидой религиозного

закона. Он не без оснований полагал, что регулирующие общественные отношения нормы никогда не достигнут абсолютной рациональности [195].

Учение Л. Толстого о пагубном влиянии права на развитие нравственности в форме правового нигилизма, как отмечалось П. И. Новгородцевым, стало возможным благодаря постепенному внедрению в Россию западного позитивистского права. Своеобразный правовой нигилизм был присущ и народу. А. Герцен в связи с этим писал: «Русский, какого бы звания он ни был, либо обходит, либо нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно» [179, с. 5]. Этому способствовала несправедливость ряда законов, составленных в позитивистском духе. В итоге право превращалось в насилие, противостоящее нравственности. Многие русские правоведы подвергли всесторонней критике трансформацию права в средство принуждения, игнорирующее нормы морали.

Категории морали, определяющие человеческие качества, в подавляющем числе случаев неопределимы. Аморальные поступки делать нехорошо. Обосновать это с научной точки зрения исключительно трудно. Например, почему нужно быть честным? Кто рискнет ответить на этот вопрос? Выходит, честным надо быть тогда, когда это выгодно. В жизни сплошь и рядом мы сталкиваемся с явлениями и фактами, которые не умеем объяснить. Некоторые из них могут быть истолкованы наукой. Но чаще всего наука бывает бессильна. Проявления нравственности как раз из числа таких вещей. Их мы понимаем подсознательно. Тот, кто жестко следует логике, не стремится быть благодарным по отношению к другим людям, а тем более к потомкам. Он живет по принципу «здесь и сейчас», поступая в соответствии с критерием целесообразности.

Логика обычно не дружит с моралью. Если вы хотите внести в общество нравственный хаос и распад, то следует убрать понятие стыда. Удобство в том, что это понятие иррационально, хотя и значимо, и его невозможно объяснить с помощью логики. Зато логику можно применить для того, чтобы обосновать безнравственные действия и поступки. Например, правозащитники научились без особого труда отстаивать гомосексуализм, используя тезис о свободе человека.

Сама моральность иногда связывается с понятием беспристрастности [245]. Заинтересованность в чем-либо уже создает угрозу аморального поведения. Следовательно, нравственность с самого начала предполагает отказ от преимущества своих интересов. На практике это выражается в балансировании своих и чужих интересов, которое достигается силой воли и чувством ответственности за последствия при нарушении баланса. Мораль и право определяют способность индивида к совместным действиям с другими людьми, обеспечивая одновременно сохранение социальной системы. Если мораль констатирует сохранение общества как естественной системы, то право констатирует сохранение государства как некоторого искусственного образования. Причем во имя сохранения государства становятся возможными силовые приемы, включая военные действия как

с соседними государствами, так и с собственным народом. А это значит, что моральная и правовая ответственность могут не совпадать друг с другом. Нарушения моральных принципов во время ведения войн — дело обычное. Соблюдение гармонии между моралью и правом становится все более актуальной задачей по мере усложнения общества.

Тем не менее требование сближения, гармонизации закона и этики не подлежит сомнению. Еще М. Строгович писал, что законным может быть только справедливое решение, а несправедливость не может быть законной [186]. Лишь в этом случае защитники закона будут действовать по справедливости. Советы, просьбы или указания даже высших должностных лиц не должны влиять на ход следствия и правосудия. Требования закона равносильны требованиям справедливости. И лишь постольку будет оправдано следование букве закона. Защитники закона (прокурор, следователь, судья) несут, прежде всего, моральную ответственность за свои действия перед государством, обществом, другими людьми и перед самими собой, своей совестью.

С другой стороны, преступление есть не только противоправное деяние, но и аморальное. И это говорит о том, что право обязано иметь этические основания. Законодательное определение преступления так или иначе включает признаки аморальности. В статье 14 Уголовного кодекса РФ от 1996 г. под преступлением понимается общественно опасное деяние. Причем неявно предполагается, что такого рода деяние нарушает принципы нравственности. В противном случае сам признак общественной опасности будет содержательно неопределимым. В сущности, никакой опасности в межчеловеческих отношениях не может возникнуть, если соблюдены все требования нравственности. Человек, привлекаемый за действия, которые нельзя считать безнравственными, становится жертвой произвола, объектом расправы. Наказание само обретает в этом случае черты аморальности. Между тем оно всегда должно быть справедливым. Если мы хотим сделать соблюдение закона не только юридическим долгом судьи, следователя, прокурора, адвоката, но и их нравственным долгом, то законы сами обязаны быть безупречными в нравственном отношении. Низкий уровень профессионализма работников юстиции, их неряшливость и безответственность еще более усугубляют положение и могут быть источником должностного преступления.

Нынешняя судебно-правовая система в России обнаруживает множество слабостей. В. Лунев пишет, что мы не знаем действительной эффективности борьбы с преступностью, не умеем осуществлять адекватный прогноз в этой области, обнаруживаем свою беспомощность перед растущей преступностью [125]. Есть основания считать, что примерно 95% правонарушителей по разным причинам избегают уголовной ответственности. К тому же существует чуть ли не регулярная практика правительственных амнистий. Стоит напомнить в этой связи акцию 2000 г., когда амнистировано около 700 тыс. человек, из исправительных учреждений было осво-

бодили более 200 тыс., из СИЗО – около 50 тыс. человек. Можно ли тогда говорить о торжестве правосудия и его справедливости? Поиск истины в суде нередко заменяется дебатами между прокурорами и защитниками, их способностью продемонстрировать суду свою «правду» и красноречие. Еще хуже выглядит коррупция судей.

Хотя понятие истины в законодательстве не употребляется, в реальном правоприменительном деле стремятся выявить истинное положение вещей. Причем установление истины является, по сути дела, нравственным требованием [101]. Более того, истину можно рассматривать как одну из самых высоких моральных ценностей. Без выяснения истины справедливое правосудие невозможно. Судебные ошибки не только унижают досточиство человека, но и существенно изменяют его судьбу. Соответствующие решения, безусловно, являются безнравственными. До выяснения истины человек должен считаться невиновным. Презумпция невиновности гарантируется статьей 49 Конституции РФ. Неустранимые сомнения всегда толкуются в пользу обвиняемого. К сожалению, ведение дела с изначально обвинительным уклоном происходит не так уж редко. К этому подталкивает желание искусственно увеличить процент раскрываемости дел, от которого зависит оценка правоохранительных органов. Кстати, заметим: сама такая оценка представляется безнравственным делом, как безнравственно считать человека преступником без достаточных оснований. Уголовный процесс не имеет права на ошибку.

Следует отметить, что в советский период юридической этике уделялось довольно мало внимания. Известно, что последовательным ее противником был А. Я. Вышинский. Впереди этических требований стояли интересы политики и идеологические догматы марксизма. Между тем юридическая этика является не только профессиональной этикой работников юридической профессии, но и научной дисциплиной, изучающей нравственные аспекты правотворчества. Правовые нормы не могут противоречить нравственным требованиям. В противном случае следование букве закона может оказаться безнравственным деянием. Законотворчество противопоказано людям с деформированными моральными ценностями. Таким людям народ не будет оказывать должного доверия. Есть основания считать, что в настоящее время доверие народа по отношению к своим избранникам в законодательные органы имеет стойкую тенденцию к снижению. Правотворчество и правоприменение призваны обеспечивать требования справедливости, базируясь на общественной морали. Подлинное правосудие должно выполнять функцию защиты правды, осуждая ложь и не позволяя осудить невиновного.

Приходится признать, что нравственный кризис в современном обществе оказывает определенное воздействие на состояние законности в государстве, в том числе на осуществление правосудия и правоохранительной деятельности. Возбуждение дела нередко оказывается плохо обоснованным, а судопроизводство не всегда справедливым. В ходе судебного раз-

бирательства судья обязан выбирать справедливое решение, избегая предваятости и добиваясь объективной оценки позиций прокурора и адвоката, обвиняемых и потерпевших. Основная цель суда — защита законных интересов потерпевших от совершенного преступления и исключение случаев незаконного и необоснованного обвинения и осуждения подозреваемых.

С этической точки зрения очень важно, чтобы цель и средства были должным образом сбалансированы. Никакая цель не может оправдывать средства. В частности, цель уголовного процесса (защита личности и общества от преступных посягательств) не может достигаться аморальными средствами, связанными с предвзятостью, психологическим давлением на подозреваемого, насилием и жестокостью. Есть мнение, что справедливость характеризует внутреннее свойство и качество права, а закон (в отличие от права) может нарушать принцип справедливости [158]. Ложное обвинение, выгораживание преступника, использование фальсифицированных доказательств делают судебный процесс несправедливым. Процесс этот перестает быть правосудием в точном смысле этого слова. Наблюдаемая в настоящее время тенденция к использованию суда присяжных представляет собой один из способов исключить несправедливые судебные решения. Нравственные цели (защита прав человека) предполагают и нравственные средства защиты личности. Поиск таких средств является одной из важных задач правоприменения.

Юридическая этика пока еще слишком мало затрагивает содержательную сторону правовых норм. Нравственное наполнение юридических законов в большинстве случаев остается скрытым. О нем умалчивают. Сферой внимания юридической этики является, прежде всего, внешняя сторона дела, связанная с нравственными требованиями к поведению судей, прокуроров, следователей. Иными словами, мы беспокоимся об этике процессуального законодательства, но мало обращаем внимания на этику самого жизнеустройства, которое хотим сделать объектом правового регулирования. В этом случае право молчаливо консервирует нравственные дефекты общества.

В литературе, особенно юридической, часто пишут о единстве морали и права. Вместе с тем есть мнение, что «мораль с ее абсолютами следует признать первичным условием, признаком социальной зрелости сознания и поведения человека, а право с его законами и подзаконными актами – это вторичное, безусловно, важное условие и опора социума. Вы хотите, чтобы право эффективно заработало, тогда займитесь моралью и совестью, ибо с них начинается самый строгий суд, где человек – сам себе и прокурор, и адвокат» [223].

Тенденция увязывать право с нравственностью обозначилась довольно резко лишь в XX в. Сегодня мы готовы считать, что нравственная аргументация правовых норм совершенно необходима практически во всех случаях, хотя не всегда это можно обнаружить в явном виде. Многие не замечают пока безнравственности наемного труда. Осмысление права

контексте этических требований началось фактически лишь во второй половине XIX в. В итоге о праве стали говорить с позиции «минимума нравственности» (например, В. С. Соловьев). В нынешней России резкое снижение качества жизни часто ставит людей в такие условия, когда нарушение нравственных и правовых установлений оказывается необходимым, чтобы выжить. Таковы, в частности, бандитизм, мошенничество, проституция и т. д., вызываемые безысходностью и нуждой. Право, несмотря на его принудительный характер, не способно сделать из человека социальное существо, если общество теряет свой нравственный фундамент. Общество, не умеющее гарантировать каждому достойный образ жизни, не может защититься от невзгод правовыми запретами. От права требуется другое: каждая норма должна быть оправданной с позиции моральных требований, оставаясь при этом нормой права. Не право должно нести в себе «минимум нравственности», а нравственность, пронизывающая правовые институты, должна нести в себе «минимум юридических запретов». Принуждение без особой нужды безнравственно.

Обобщенно говоря, права и обязанности личности не могут входить в конфликт с требованиями нравственности, хотя они и не охватывают целиком этих требований. Тот, кто выполняет нравственные законы и предписания, всегда прав и не может быть осужден правосудием. Однако тот, кто соблюдает нормы права, не обязательно является нравственной личностью. Тем более это относится к правонарушителям. Все это дает основание рассматривать право как некий минимальный объем нравственности, характеризующийся обязательностью для всех без исключения [207]. Иными словами, общество выделяет в праве нормы нравственности, нарушение которых юридически наказуемо. Если понимать добро как соблюдение нравственных принципов, то право можно понимать как механизм, обеспечивающий минимальный уровень добра в обществе. Поддержание этого уровня считается обязательным и осуществляется в принудительном порядке. Нравственность в ее собственном значении исключает всякое принуждение, поэтому выходит за пределы правовых норм. Нарушение нравственности заслуживает осуждения, но не принуждения.

Нравственное укрепление общества естественно осуществлять с помощью нравственного укрепления семьи. Именно нравственность выступает основным цементирующим материалом. Введение правовых регуляторов в семейную жизнь кажется не только противоестественным, но и разрушительным. В частности, механизм разрушения современной семьи заключен в так называемой ювенальной юстиции. Попытка заменить функции психолого-педагогического климата в семье юридическим надзором не только вредит подрастающему поколению, но противопоставляет членов семьи друг другу, младшее поколения старшему. Иными словами, наносится удар институту семьи. Право никогда не было и не может быть выше нравственных ценностей, выполняющих в семье и обществе базовые функции. Если эти функции ослабевают по каким-то причинам, то с по-

мощью правовых регуляторов дело не поправишь. Более того, вред может быть огромен. Поэтому следует приветствовать создание в России Общественного комитета по защите семьи, детства и нравственных ценностей [155].

Человек живет одновременно в мире нравственных и правовых установлений поскольку пребывает в естественной и искусственной среде. Следует иметь в виду, что изменение правовых регуляторов не может быть произвольным, оно должно быть некоторым образом согласовано с нравственными регуляторами, которые являются более инертными и стабильными. Подобным образом изменение городской (искусственной) среды должно происходить в условиях, отвечающих экологическим (естественным) требованиям. Лишь тогда можно говорить гармоничном развитии города. В противном случае городские изменения становятся признаками деградации. Аналогичным образом модификация правовой системы должна происходить на определенной культурно-исторической почве, т. е. при соблюдении нравственных требований. Тогда эта модификация может трактоваться как действительное развитие. К сожалению, в современной России имеет место бездумное копирование западных образцов правовой идеологии и нормативных установлений, что может привести к злокачественному разрастанию и засорению правового пространства.

Нравственные принципы можно рассматривать в качестве идейной основы государства и права [135]. Тесная связь этих принципов с системой основных ценностей общества несомненна. Каждая юридическая норма должна некоторым образом вытекать из исходных нравственных установок, быть согласованной с ними как с некими аксиоматическими основами. Нравственность — это фундамент общественных отношений, на котором строится право. Благодаря этому правоприменение пользуется доверием населения, которое можно понимать как доверие к власти. Право, которое становится бессильным против преступлений в обществе, является показателем слабой, малоэффективной власти, теряющей доверие людей.

Базисом для экологического права является экологическая этика. Нравственное содержание усилий по охране природы усматривается во многих юридических нормах. Даже загрязнение, которое мы не можем устранить ввиду отсутствия необходимых технологий, является основанием для введения соответствующих платежей. Оставлять эти загрязнения без каких-либо санкций считается недопустимым. К сожалению, ради сохранения рабочих мест некоторые вредные производства не могут быть закрыты для надлежащей реконструкции. Приходится мириться с загрязнением, чтобы люди не теряли возможность зарабатывать себе на жизнь. Отметим, впрочем, что подобные ситуации тоже являются признаком слабости государства.

Природоохранное законодательство по своему смыслу должно быть тесно связано с требованиями экологической этики. Это должно касаться не только запретов на жестокое обращение с животными, но и права частного владения землей, лесными территориями, водными объектами, при-

родными ландшафтами. Природные ценности не совместимы с частной собственностью, ибо не создавались человеком. Эта несовместимость непосредственно вытекает из требований экологической этики. Природа (прежде всего, живая) имеет право на существование и охрану от человеческого посягательства. Ответственность за соблюдение этого права лежит на человеке, являющегося элементом природы. Единство человека с природой в чем-то аналогично единству человеческого интеллекта с телом человека. Вне тела разума нет. Подобным образом человека не может быть вне природы.

Любопытная деталь: в Испании впервые в мире утверждены права обезьян (в 2008 г.). Иными словами, тенденция более тесной смычки природоохранительного законодательства с требованиями экологической этики уже налицо. Особое право природных объектов и комплексов на существование могло бы защищаться в судебном порядке по иску общественных экологических организаций. Примером правового механизма реализации экологической этики можно считать также Кодекс благополучия животных в Новой Зеландии [75]. Определенным продвижением в этой области является создание с начала 1980-х гг. этических комитетов в некоторых европейских странах, способных проводить экспертизу различного рода действий с животными, давать квалифицированные консультации и т. д. К сожалению, эколого-этическая экспертиза ограничивается пока довольно узким кругом вопросов охраны природы. Можно думать, что в скором будущем этот круг станет шире, включив в себя оценку хозяйственных, политических и правовых решений с точки зрения экологической этики.

Чувство любви ко всему живому можно рассматривать как признак высоконравственного человека. Такой человек имеет склонность заботиться о судьбе всех окружающих его людей и природе во имя жизни. Отсюда особая важность воспитания в человеке правил и норм экологической этики. При этом экологическое право должно учитывать эти правила и нормы в обязательном порядке, ибо оно намерено расширять границы наших представлений о ценности жизни.

Утилитаризм и прагматизм экономической жизни вносят довольно сильную струю в рационализм гражданского права, что нельзя считать целесообразным в сложной современной жизни, в которой нравственные ценности обретают особую значимость. Экологическое право тоже не отказывается от рационализма, одновременно подчиняя себя требованиям морали и эстетики (когда это необходимо), как проявлению значимости духовных ценностей. Рационализм в праве позволяет разумно организовать хозяйственную деятельность, в то время как нравственность отслеживает справедливый характер этой деятельности.

Вносимые в законодательство нормы этики обретают дополнительную силу, ибо выполнение этих норм обязательно под угрозой правовой ответственности. Известно, что экологические интересы обычно антагонистич-

ны экологии. Поэтому существует тенденция деэкологизации законодательства как на местном, так и на государственном уровне. Такая тенденция безнравственна, как безнравственна погоня за прибылью. Экологическая этика, проникая в экологическое законодательство, ориентирует его на задачи не только сегодняшнего, но и будущего благосостояния для самого широкого круга людей.

Рыночная экономика притупляет экологические мотивы, делает неактуальными заботы о деревьях и кустарниках, чистой воде и чистом воздухе. С точки зрения предпринимателей, нет ничего необычного в частном присвоении природных богатств. Нормы экологической этики для них ничего не значат. Закрытие вредных производств представляется недопустимым из-за сокращения рабочих мест. Против этого готово протестовать даже местное население. Экологические интересы оказываются подчиненными материальным интересам. А если речь идет об эксплуатации недр в интересах экспорта, то заботы о сохранении природы и вовсе становятся несущественными. Ресурсно-сырьевая ориентация российской экономики делает и вовсе невозможным ранее провозглашаемый приоритет экологии над экономикой [173].

Внимание к эколого-правовой сфере в России явно снижается. Падение актуальности проблем охраны окружающей среды во многом связано с закреплением ресурсно-сырьевой ориентации российской экономики. Продовольственные и промышленные товары проще импортировать, чем развивать собственное производство. И постольку экология в этих условиях уходит на второй план, а значит, нет необходимости в совершенствовании экологического законодательства. Новое законодательство в сфере охраны окружающей среды ныне становится большой редкостью. И, похоже, кодификация экологического законодательства произойдет нескоро, если вообще произойдет. В число экспортируемых ресурсов, к сожалению, попадают не только нефть и газ, но и лесные ресурсы. Возможно, что по этой причине леса и животный мир исключены из ведения Министерства природных ресурсов и экологии РФ. Роль общественных организаций в осуществлении экологического контроля сегодня резко снижена. Интересной представляется идея создания Общественных советов по экологической безопасности и охране окружающей среды в каждом регионе при губернаторах или территориальных природоохранных органах [36]. В широком смысле слова требование благоприятной природной среды есть требование социальной справедливости, поскольку такая среда обеспечивает удовлетворение жизненных потребностей человека и общества в целом.

Взаимодействие права и морали сегодня обретает особую актуальность. Особенность правовых установлений заключается в том, что они не вторгаются в личную жизнь человека, ограничиваясь регуляцией общественно значимого поведения. Право не столь универсально как мораль. Тем не менее общество не может обойтись без правовых предписаний и ограничений. Содержательное совпадение нравственных и правовых норм, т. е.

совпадение по правам и обязанностям человека и гражданина, не исключает их различие по способу реализации. Право и обязанность действовать определенным образом не должно противоречить моральным требованиям, но все же не сводится к ним. Правовые нормы исключают хаотичность общественных отношений и действий, утверждают порядок и стабильность, прибегая к юридическим санкциям в случае их нарушения. Моральные нормы в своей основе не носят характера принуждения, не насилуют личность, а задают нравственно-психологический облик человека. Главное же различие заключается в том, что право выступает некой «надстройкой» над нравственным базисом. Этика как наука резко отличается от юриспруденции, являясь к тому же и более старой, ведя свое начало от работ Аристотеля.

Проблема отношения права и морали является общей и возникает во всех государствах. В этой связи кратко упомянем о становлении правовой системы в США. Оно было не простым. В течение всего XIX в. правовая система США впитывала в себя идеи и институты английской юриспруденции. В частности, судебная практика строилась на сочетании общего права и права справедливости по примеру Великобритании [92]. Причем судебные процессы уже не могли рассматривать дела в рамках общего права без присутствия присяжных, которые обычно отслеживают выполнение принципов справедливости и иных норм морали. Зато дела в рамках права справедливости могут рассматриваться непосредственно самими судьями. Коллегия присяжных если и создается, то лишь с консультативными полномочиями. В этом случае предполагается, что сам суд обязан основываться на принципах справедливости и честности. Следуя этим принципам, суд может, например, аннулировать обязательства по договору или даже договор в целом, запретить те или иные действия, нарушающие требования справедливости. Самое же главное заключается в том, что суды справедливости своими решениями могут стимулировать изменения в общем праве. Эти судебные прецеденты выстраивались на принципах (так называемых максимах), лежащих в основе права справедливости [27]. Таким путем осуществлялось взаимодействие естественного и позитивного права.

Правовые установления практически во всех случаях имеют претензию на справедливость. И тем не менее существует масса безнравственных поступков, обладающих всеми признаками правомерности. Такие поступки неподсудны. Но во всех случаях судопроизводство проходит под знаком справедливости. Требования нравственности иногда совпадают с требованиями права, иногда не совпадают. Жадность, страсть к наживе, лесть заслуживают нравственного осуждения, но выходят из-под власти закона. Право не регулирует ложные положения в области идеологии и политики, даже если эта ложь намеренная. Это же относится к бытовой лжи. Нанесение человеку обиды и вреда почти всегда подлежит нравственному осуждению и лишь изредка попадает в сферу юридических законов. Это значит, что право может быть безнравственным, разрешать быть богатым за счет

других и не препятствовать обнищанию. Привычно думать, что право защищает интересы людей, которые нередко бывают противоправными. Интересы к нетрудовым доходам далеко не всегда пресекаются правовыми средствами. А могут даже защищаться, например, положением о праве частной собственности. Вместе с тем нетрудовые доходы всегда остаются признаком безнравственности. Зло во всех случаях безнравственно, но попадает под действие закона лишь при определенных обстоятельствах. Важнейшим из таких обстоятельств является насилие над личностью, т. е. посягательство на свободу. Закон исключает зло насилия над личностью и вместе с тем допускает такое насилие в виде лишения свободы за нарушение законов. Таким образом, защита свободы личности ограничивается рамками правового пространства, т. е. допускается в пределах правомерности действий этой личности. Неправомерные действия подлежат пресечению.

Существует представление, что требование свободы личности вытекает из нравственных отношений в обществе. Однако при этом следует иметь в виду, что нравственность в обществе возникает как естественный регулятор межчеловеческих отношений, обеспечивающий сохранение общества как системы индивидов. Поэтому свободу нельзя понимать как вседозволенность личности. Человек всецело подчинен нравственному императиву. Он не имеет естественного права переступать через нравственные законы. В данном случае можно говорить лишь о свободе подчинения этим законам. Господство нравственных законов в обществе необходимо для того, чтобы обеспечить безопасное существование для всех. Причем потенциальная вседозволенность индивидов, наделенных антиобщественными инстинктами, ограничивается принудительным образом. И в этом случае приходится обращаться к юридическим законам, которые, таким образом, выражают собой необходимое условие нравственного совершенствования в обществе [207]. Правовое принуждение означает неравнодушие человека к некоторым особо тяжким нравственным порокам (убийство, грабеж и т. д.). Это неравнодушие само есть проявление нравственности. Индивидуальная свобода обязана содействовать общественному благосостоянию, а не разрушать его.

Иногда полагают, что принцип свободы важнее всяких запретов и предписаний, даже если последние исходят из принципа справедливости. Таким образом, оказывается, что свобода выше справедливости. Этот тезис характерен для идеологии анархизма. Принцип справедливости не всегда удается сохранить и при создании правовых систем. В частности, право, допускающее существование в обществе наемного труда, входит в конфликт с требованиями справедливости. Однако этого стараются не замечать, полагая, что правовые нормы не обязаны быть согласованными с нормами морали. Если право и мораль несовместимы, то нет необходимости подчинять право тем или иным требованиям справедливости [240]. Правильнее было бы считать, что справедливость есть этико-правовое по-

нятие, и оно обязано приниматься в расчет в любых правовых отношениях. Правовые нормы, в которых усматривается нарушение принципа справедливости, теряют свою легитимность [8]. Даже если принять упрощенную схему и рассматривать право как минимум нравственности, то и в этом случае принцип справедливости непременно должен войти в этот минимум.

Более того, нравственные ценности выступают в качестве условий развития права, различных его свойств и признаков. Если в обществе наблюдается разрушение нравственных начал, то законодательство может зайти в тупик, продуцируя правовые предписания и нормы, которые не будут пользоваться уважением в обществе. Если мы хотим, чтобы справедливость выступала в качестве общественного блага, она должна защищать общественный интерес, ограничивая соответствующим образом личную свободу индивидов. В рамках права справедливость обретает принудительный характер, тогда как в рамках моральных ценностей она таковой не является. Моральные нормы в отличие от правовых представляют собой внутренние регуляторы. Они не носят принудительного характера. Если справедливость не всегда нуждается в правовом закреплении, то право всегда нуждается в справедливости.

Понятие справедливости является универсальной ценностью [232]. Существует попытка сделать это понятие также правовой ценностью, хотя ни для кого не секрет, что право призвано регулировать общественные отношения, которые могут быть далеки от справедливых. Именно так обстоит дело в современной России. Мы стремимся выстроить правовое государство, не имея реальной возможности нормативного закрепления справедливости в соответствующей правовой системе. Формально же категория справедливости присутствует в ряде документов, включая международные акты: Документ Московского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ, Парижская хартия для новой Европы, Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ. Нормы международного права считаются приоритетными перед внутригосударственными законами. Эта приоритетность является обязательной для правового государства, действующего в соответствии с требованием справедливости. Россия провозглашается правовым государством (статья 1 Конституции РФ). Однако идеалы справедливости оказались во многих отношениях недостижимыми, что тесно связано с системой наемного труда.

Будучи содержательным принципом деятельности, справедливость определяет смысл юридической нормы, которая в противном случае теряет свою легитимную основу. Нравственная сила закона обязана, прежде всего, принципу справедливости, который ограничивает господство власти и принудительную функцию закона. Справедливый закон люди готовы, выполнять, как правило, добровольно. Справедливые законодательство и государственное устройство являются своеобразными критериями легитимности. Суд может быть только справедливым, иначе решения его теряют

свою убедительность. О правосудии в этом случае не может быть и речи. Справедливость определяет господство закона. Это понимал еще Аристотель, который считал, что в справедливом государстве власть не может принадлежать одному лицу или даже группе лиц. Государство, которое допускает частную собственность, не может считаться справедливым. Источником несправедливости может выступать использование средств массовой информации, позволяющих себе манипулирование общественным сознанием.

В настоящее время мы можем говорить о постепенной утрате нравственного потенциала юридической науки. Правотворчество подстраивается под интересы финансистов и предпринимателей, озабоченных, прежде всего, вопросами извлечения прибыли. Суды нередко действуют по указке высокопоставленных чиновников. Поиск истины все чаще перестает быть целевой установкой правосудия. А вместе с истиной из судопроизводства уходит нравственность. Расхождение между общественной моралью и правом чревато кризисом государственной власти. Такого рода кризисы нередко завершаются кровавым переворотом. Связь права и морали является результатом юридической практики, тогда как юридическая подоплека этой связи изучена слабо. В Советской России этому существенно мешал марксизм, всецело подчинив право экономической политике. В либерально-рыночной системе верховенство экономических интересов над юридической наукой и практикой не только не сохраняется, но даже усиливается. Это противоречит базовому характеру нравственных ценностей, вхождению их в ткань правовой системы. Право, хотя и несет в себе государственное принуждение, не может быть сведено только к проявлению власти. Юридические законы вырастают на почве нравственных отношений и должны сами формировать обличие и содержание институтов власти. Лишь постольку было возможно внегосударственное существование права. Таковое существовало не только в крестьянских общинах, но и, например, в форме канонического права, обслуживающего церковь. Теорию государства и права правильнее было бы называть теорией права и государства [84].

Считается, что нравственные принципы выражают собой естественные законы поведения. В них заключены фундаментальные права человека и гражданина. Эти права закреплены Всеобщей декларацией прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. К сожалению, приходится признать, что в этой декларации встречаются места, вызывающие, как минимум, некоторые сомнения. К естественным законам декларация, в частности, относит: свободу, частную собственность, человека как высшую ценность, народ как источник власти и т. д. Все эти установления механически были перенесены в Конституцию РФ от 12 декабря 1993 г. При этом, следуя декларации, авторы Конституции фактически игнорировали нравственные установки, присущие ценностям русского и других коренных народов России.

Право, понимаемое как проявление культуры, выраженное в законах (С. С. Алексеев [6]), могло бы рассматриваться как идеальный случай, если бы не искажающее влияние воли государства или отдельных социальных групп и кланов, заинтересованных в таком искажении. Право как феномен культуры, выраженный в юридических законах, представляет собой своеобразный общественный идеал, в котором зафиксирован некий минимум общего блага [29]. В частности, этот минимум включает такие ценности как справедливость, долг, коллективные интересы, добродетель и т. д. К сожалению, даже этот минимум оказывается под угрозой сил лобби, действующих посредством политического давления и взяток по отношению к законодательным органам. Гегель рассматривал систему права как царство осуществленной свободы [44], полагая, что история движется от несвободы к свободе. В это трудно поверить, если принять во внимание, что реальный прогресс идет по пути усложнения социальной системы. А это требует все более жестких механизмов регулирования в обществе. Реальный выход из положения – опора на внутренние механизмы, заключенные в самом человеке в виде системы нравственных требований и установок.

Справедливое негодование по поводу углубляющегося раскола общества на богатых и бедных некоторые политологи (Л. Радзиховский и Э. Радзинский) предпочитают трактовать как зависть последних к первым. Этот феномен «ценностного смещения» отмечается С. Мореевым [148]. В современном обществе многие нравственные качества стремятся трактовать с позиции витальных (житейских) ценностей, позволяющих легче вписаться в рыночную экономику. Такими ценностями, в частности, является умение быстро приспособиться, быть прилежным и аккуратным в ведении своего дела, осторожным и педантичным при заключении и соблюдении договоренностей, обладать способностью к общению, быть коммуникабельным и в то же время извлекать из общения выгоду. Это и есть главные добродетели, позволяющие достигать успеха в жизни. Сведение ценностей к личностным качествам, способствующим достижению материального успеха, характерно для общества, в котором господствует принцип индивидуализма. Соответственно и сами ценности обретают индивидуальную окраску. Ценности суть только тени наших желаний и чувств. Нравственность превращается в субъективный феномен человеческого сознания, аналогичный желаниям и чувствам. Фактически, рассматривая других людей лишь в качестве средства своих гедонических устремлений, мы попадаем в сферу безнравственных отношений. Это хорошо понимал И. Кант, выдвигая свой категорический императив.

Сегодня много говорят о гражданском обществе, забывая о том, что Гегель видел в нем общество, основанное на обязательствах и договорах [44]. Подобное общество может быть весьма далеким от идеального, в котором господствуют нормы морали. Гражданское общество столь же ограниченная конструкция, как и правовое государство, в котором права и свободы человека объявляются высшей ценностью (статьи 1 и 2 Конституции

РФ). Правовое государство и гражданское общество базируются на принципе индивидуализма. Между тем высшей ценностью в обществе являются нравственные отношения между людьми, благодаря которым оно может существовать и благополучно развиваться в целом как социальная система. Общество не является некой постройкой подобно технической конструкции, состоящей из людей как из кубиков и винтиков. Правовые институты не должны сосредотачиваться на правах и свободах отдельных индивидов, если право всерьез озабочено усилением и укреплением нравственного потенциала юридической науки, и стремится к идеалу нравственного общества

5.2. Этико-правовые аспекты общественной безопасности

Как известно, в России был принят Федеральный закон «О безопасности» (от 5.03.1992 г., № 2446-1), а также Указ Президента РФ «О концепции национальной безопасности Российской Федерации» (от 10.01.2000 г., № 24). В указанных нормативных актах предполагались меры по обеспечению безопасности личности, общества и государства от разнообразных видов угроз политического, экономического, социального, военного, техногенного, экологического, информационного и иного характера. Тем не менее эти меры не касались главной проблемы: как уберечь страну от нравственной деградации, которая ставит под удар все сферы жизнедеятельности. Угроза такой деградации оказывается за пределами нашего внимания. Более того, ряд правовых норм фактически создает эту угрозу. Например, законодательство допускает возможность неограниченного обогащения, которое никак не оправдывается личными трудовыми возможностями. Собственно говоря, введением частной собственности допускается воровство, эксплуатация, ничем не заслуженное материальное благополучие отдельных лиц и т. д. Таким образом, угроза может исходить от самих правовых норм. На примере российского законодательства мы видим, что этика права, а следовательно, и этика общества оказываются под угрозой. Поразительно то, что мы не замечаем этих угроз. А между тем они самые значительные по своим последствиям.

В качестве документально зафиксированных показателей национальной безопасности России перечислены: уровень безработицы; децильный коэффициент; рост потребительских цен; государственный долг (внутренний и внешний); обеспеченность услугами здравоохранения, науки и образования, культуры; ежегодное обновление военного потенциала (технического и кадрового) [211]. Сегодня нельзя считать удовлетворительными все перечисленные показатели, а значит, и состояние национальной безопасности. Весьма показательным является то, что данный список не включает в себя демографические показатели, в частности среднюю продолжительность жизни, скорость убывания численности населения и т. д. А меж-

ду тем мы стали свидетелями неуклонного снижения численности населения (депопуляции), связанного с разрушением социокультурных и духовно-нравственных основ в постперестроечной России. Для сравнения: численность населения России во второй половине XIX — начале XX в. росла удивительно быстро — с 63 млн человек в 1858 г. до 140 млн в 1913 г. [217].

Составители документа совсем не беспокоятся о состоянии нравственности в обществе, уровне преступности, качестве работы средств массовой информации, степени доверия народа к власти. Остались в тени такие показатели: опасность для здоровья различных видов пищевой продукции, раздражающая своей навязчивостью форма рекламной деятельности, сокращение числа профессий и многие другие, которыми можно было бы оценивать уровень жизнеобеспечения и безопасности существования российского общества в целом.

Мы, к сожалению, редко задумываемся о том, что национальная (общественная) безопасность во многом зависит от культивируемых в обществе этических принципов. Например, этика индивидуализма вряд ли может служить основанием общественной безопасности. Тем не менее она закладывается в фундамент общественной жизни многих европейских стран. Это касается и современной российской политики. Мы не замечаем, что принцип индивидуализма противоречит факторам становления нравственных отношений в обществе. Ведь эти отношения по своей сути являются источником самосохранения социальной системы. При разрушении нравственности межличностные отношения обретают черты, способствующие ослаблению социума как целого и, в конечном счете, распаду его.

Существенный момент заключается в том, что современная Россия перестает быть национальным государством с развитым чувством патриотизма. Моральное состояние молодого поколения оставляет желать лучшего. Все меньше становится молодых людей, желающих служить в армии, а чувство патриотического долга – большая редкость. К тому же одна треть призывников не годится для армии по состоянию здоровья. Россия становится беззащитной перед лицом военной опасности. Борьба с негативными явлениями в стране происходит главным образом на уровне пустых речей, в крайнем случае, на уровне статей в журналах и книгах. В реальной жизни ситуация продолжает усугубляться. Сегодня русские составляют основную массу обездоленного населения, ежегодная убыль его примерно на 1 млн человек относится, прежде всего, к русским семьям. Есть прогнозы, что в 2050 г. в Москве практически не останется русских [90]. Мигранты с Кавказа, Закавказья и из Азии составят большинство жителей столицы. Поразительно, что российская элита воспринимает подобные факты совершенно хладнокровно. Нравственная деградация России и демографические проблемы ее коренного населения не волнуют наше руководство. Более того, приток мигрантов в Россию даже приветствуется, поскольку это способствует размыванию социокультурных основ традиционного общества.

Тезис «Россия для всех», который усиленно пытаются привить нашему общественному сознанию в средствах массовой информации и на различных политологических форумах, в корне противоречит национальной модели развития. А. Казинцев формулирует иной тезис: «Россия для тех, кто связан с нею родством, любовью, ответственностью» [90, с. 261]. Не будем забывать, что Россия возникла, столетиями крепла и расширялась как государство русского народа и всех тех коренных народов, которые добровольно присоединились к этому государству и готовы жить единой семьей. Искусственная перестройка в России социокультурных основ общества невозможна без серьезных катаклизмов. Признаки общественного неблагополучия ныне налицо. Один из них – преследование русских людей за проявление национально-патриотических чувств. Поразительно, что Европейский суд по правам человека (г. Страсбург), куда обратились за защитой русские патриотические организации, отказал в такой защите. Более того, суд обратился к российским властям с призывом быть особо бдительным и по отношению к подобным организациям [90, с. 266].

Национальная безопасность существенным образом зависит от выбранной стратегии развития России. Необходимость выработки стратегических ориентиров и механизмов развития России сегодня понимается многими. О готовности проводить такую работу высказывалась, например, партия «Единая Россия» на своем IX съезде в апреле 2008 г. Есть проект «Стратегия развития России до 2020 г.». Однако концепция социального и экономического развития фактически остается довольно неопределенной. Разговоры об инновационном характере развития мало что дают. Мы уже знаем, что использование научных открытий и прорывных технологий может стать подлинным бедствием в обществе, страдающем многими нравственными пороками. В. Путин выступил с программной речью «О стратегии развития России до 2020 г.» на расширенном заседании Госсовета 8 февраля 2008 г., дополнив идею инновационного развития задачей достижения лидерских позиций в экономике и социальном развитии, в обеспечении национальной безопасности. В июне 2008 г. в Санкт-Петербурге состоялся XII-ый Международный экономический форум, на котором прозвучали призывы к обеспечению баланса между бизнесом и государством (доклад первого заместителя Председателя Правительства РФ И. И. Шувалова). Это значит, что первоначальный замысел рыночников об отделении государства от экономики уже успел доказать свою несостоятельность. К подобным выводам приходят многие политики (включая Президента РФ Д. А. Медведева). Одним из важных факторов, подтолкнувших нашу общественно-политическую элиту к этому выводу, является кризис в обществе. Усиление этатизма (роли государства в обществе и экономике) оценивается некоторыми юристами как путь к правовому государству [32]. Странное дело: мало кто интересуется причинами кризиса, но зато многие готовы дать рецепты в области стратегии и путей развития.

В свое время, когда афинская демократия оказалась в состоянии кризиса, Сократ не стал интересоваться проблемой соотношения государства, экономики и права, а поставил вопрос о том, «что есть благо» [99]. Выражаясь современным языком, он обратился к основному вопросу аксиологии – теории ценностей. Иными словами, истоки тогдашнего кризиса Сократ стал искать в нравственных устоях афинского общества. Сама такая попытка заслуживает уважения, поскольку философ придавал нравственным механизмам в обществе базовое значение. Ломка этого механизма чревата негативными экономическими и политическими последствиями. Поэтому насильственное внедрение в общество тех или иных экономических и политических моделей, даже если они кажутся эффективными, представляет собой определенную угрозу благополучию в обществе. Еще хуже, если эти модели обещают выгоду лишь узкому кругу людей. Такие модели всегда чреваты снижением уровня национальной безопасности.

Экстремизм тоже нередко связывают с проблемами национальной безопасности. Однако не все так просто, как кажется. Странная мысль, что распад Советского Союза произошел в результате роста экстремистсконационалистических настроений [149], может появиться скорее как некая маскировка давнишних целенаправленных усилий западного истеблишмента (в лице масонских кругов) в деле расчленения территории СССР, а ныне Российской Федерации. Цель этих усилий заключается в том, чтобы раз и навсегда покончить с потенциальными угрозами, исходящими от российской цивилизации, планам мирового господства международной финансовой олигархии. Об этом говорят многочисленные литературные источники.

Современное российское государство, к сожалению, имеет склонность к умножению идеологических запретов. Раз уж мы решились отменить цензуру (статья 29 Конституции РФ), то надо быть последовательными и предоставить свободу мысли. Тем более неразумно подводить ее под определение экстремизма. Сам закон об экстремизме, которым пользуются люди, не способные к критическому мышлению, творящие зло и несправедливость в обществе, становится экстремистским, попирающим достоинства людей и общественный порядок. Разговоры о политическом экстремизме в обществе, где идут процессы нравственного разложения, представляются неискренними и неуместными. Попытки Федеральной регистрационной службы составлять официальные списки наименований экстремистских материалов, когда нет четкого определения экстремизма. выглядят как признаки растерянности государства перед лицом возмущенной общественности и активности критического сознания. Как показывают социологические исследования, население больше волнует произвол властей и экономические трудности, чем угроза экстремизма [149].

Допущение неопределенности или неточности в правовых установлениях часто служит причиной нравственных нарушений в правоприменительной практике. За примерами далеко ходить не надо. Вышеупомянутая

статья 282 Уголовного кодекса РФ инкриминирует действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды по признакам пола, языка, национальности, расы, отношения к религии, происхождения. Между тем совершенно очевидно (подчеркнем это еще раз), что дело здесь не может быть сведено только к наличию признаков. Это значило бы, что случаи ненависти к человеку возможны только за то, что его зовут каким-либо конкретным именем, он носит шляпу или ходит с тростью. Сами по себе эти признаки принципиально недостаточны в качестве причины возникновения неприязни, вражды и ненависти. Гораздо более важно знать, что скрывается за этими признаками. Сами же признаки являются не более чем сигналом о чем-то другом.

Как известно, планирование и приведение в исполнение военных, идеологических и политических диверсий требует создания (обычно тайного) социальных групп, необходимых для соответствующей концентрации усилий. Воровские и иные преступные шайки — это тоже социальные группы, живущие по своим особым законам. И если все социальные группы без каких-либо оговорок включаются в формулировку статьи 282, эта статья превращается в источник безнравственных действий против отдельных представителей российской элиты и даже против российского народа в целом.

Статьей 13 Конституции РФ провозглашается идеологическое и политическое разнообразие. Это значит, что суждения политического и идеологического характера сами по себе не могут рассматриваться как преступления, каковыми являются лишь реальные действия, направленные на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни. Последнее, впрочем, не означает, что в обществе запрещается высказывать различные положения, содержащие правдивую информацию, или проводить соответствующие научные исследования.

Следует добиться того, чтобы понятия и нормы права были достаточно прозрачными для каждого. Меры наказания надлежит сделать бесспорными, чтобы каждый понимал их обоснованность. Такое законодательство и правосудие возможно лишь при безусловной привязке правотворчества и правоприменения к системе нравственных ценностей. Бесспорной может быть не только и не столько логика, сколько моральные установки в обществе. Заметим, что логика сама по себе беспомощна при отсутствии базовых аксиоматических положений, принимаемых без доказательства.

Свобода слова, провозглашенная в Конституции РФ, должна пониматься, прежде всего, как свобода информации. Без такой свободы информационная среда в обществе способна накапливать ложь. А это является признаком аморальности в межчеловеческих отношениях. Если Россия вознамерилась строить социальное государство (статья 7 Конституции РФ),

следует в полной мере осознать, что без укрепления духовно-нравственных основ общества нельзя достичь высококачественного жизнеустройства, в рамках которого обеспечивается достойная жизнь и свободное развитие человека.

Информационная безопасность в современном обществе представляется фундаментальной задачей. Президент Российской Академии образования (PAO) Н. Д. Никандров в ходе дискуссии на IX Международных Лихачевских научных чтениях 14-15 мая 2009 г. упомянул об обращении общего собрания РАО в адрес четырех руководителей – Д. А. Медведева, В. В. Путина, В. В. Грызлова, С. М. Миронова – по поводу работы СМИ и их роли в воспитании [64]. Ответ был получен через Министерство спорта, туризма и молодежной политики. И хотя в ответе были слова об озабоченности положением дел, ничего существенного не произошло. В ответе участникам общего собрания РАО напоминали, что СМИ являются свободными организациями, с которыми можно вести диалог, но не более того. Реальной ответственности за свои сообщения и публикации СМИ не несут и могут беспрепятственно заниматься обработкой общественного сознания в нужном направлении. Гарантия свободы массовой информации (статья 29, пункт 5 Конституции $P\Phi$) оборачивается гарантией массового оглупления, пропагандой разврата и насилия, пустыми, никчемными сообщениями. Причем это не исключает преследования и закрытия некоторых газет, суды над их редакторами. Хотя по внешнему виду отдельные конституционные положения носят этический, нравственный характер, федеральные законы тщательно отслеживают определенные направления свободы действий.

Еще один важный аспект национальной безопасности связан с усилением бюрократизации и коррупции в обществе. Право и властные возможности могут использоваться должностными лицами в целях личного обогащения. Явление это называют коррупцией. Коррумпированные действия не обязательно могут быть противозаконными. Вспомним финансовые пирамиды и приватизационные чеки. Более того, сама «перестройка», проведенная сверху, обогатила узкий круг лиц, обладающих определенными властными возможностями. Главная черта коррупции — аморальность чиновников и высокопоставленных лиц. Чиновники находят различные способы создавать коммерческие структуры в личных интересах. Не секрет, что экономически выгодной является также бюрократизация управленческого аппарата. Не случайно с 2000 по 2009 годы количество чиновников выросло более чем в полтора раза [166]. Коррупция подминает под себя мораль и право, демонстрируя безнравственность государственных структур.

Годовой объем «коррупционных услуг» составляет более 300 млрд долларов (данные Генпрокуратуры РФ) [51]. В мировом «рейтинге честности» Россия занимает 147-е место из 180 стран, обследованных Международным антикоррупционным центром «Трансперенси Интернэшнл». С коррупционной болезнью можно было бы бороться, лишь кардинально

перестроив общество. Нынешняя его структура является питательной средой для коррупционеров. Менять эту структуру политики, судя по всему, не собираются, а следовательно, не собираются и лечить упомянутую болезнь. Между тем данная болезнь уже поразила высшие образовательные учреждения и теперь спускается на школьный уровень. Условия для этого весьма благоприятны в связи с проведением единого государственного экзамена (ЕГЭ), на который в бюджете предусматриваются сотни миллионов рублей ежегодно. Коррупция охватила все уровни общества: бытовой, политический, деловой. Даже законы обретают соответствующие цены на «коррупционном рынке». Необходимые законы можно покупать. Впечатляет число коррупционных рисков, содержащихся в нормативных актах: 14 тыс. рисков в 12,5 тыс. принятых актов. Таковы данные Генпрокуратуры РФ. Иными словами, ответственные решения на правительственном уровне стимулируют дачу взяток. Борьба с коррупцией становится похожей на спектакль.

Борьба с должностными преступлениями путем декларирования годовых доходов и расходов госчиновников не может рассматриваться в качестве радикальной меры, поскольку существует много возможностей утаивать эти вещи. Даже если будет создан орган, проверяющий декларации, нет гарантии, что контролеры не будут в свою очередь подкуплены заинтересованными лицами. Совершенно очевидно, что антикоррупционная деятельность зашла в тупик. Из результатов анализа, проведенного фондом ИНДЕМ (Информация для демократии), хорошо видно, что созданная либерально-рыночной системой среда благоприятна для быстрого роста коррупционных преступлений. За несколько лет первого десятилетия XXI в. количество взяток, которые дает частный бизнес чиновникам, вырос более чем в 10 раз, а средний размер взятки – с 10 до 130 тыс. долларов. Это так называемая бытовая коррупция. В год российский бизнесмен «оплачивает» услуги чиновника суммой примерно 243,7 тыс. долларов. Общий размер рынка бытовой коррупции, по данным фонда, составляет около 3 млрд долларов [51]. Эти цифры свидетельствуют о том, что коррупция в России обретает черты «нормального» явления, борьба с которым представляется излишней. Безнравственность заложена в генах государственного аппарата.

В сущности, в рамках рыночной идеологии происходит коммерционализация государственных услуг. Государство усердно встраивается в рынок, не смущаясь и не беспокоясь о том, что противопоставляет себя обществу. Государственная деятельность становится весьма прибыльным бизнесом, готовым ради выгоды сознательно нарушать закон. К тому же торговля государственными услугами во многих случаях бывает выгодна также покупателям этих услуг. Между чиновниками и покупателями устанавливаются взаимозаинтересованные отношения. При современных масштабах коррупции построение справедливого социального государства, которое декларируется Конституцией РФ, становится утопией.

Есть все основания говорить о нравственном кризисе российского общества. Торговля государственными услугами сродни торговле сексуальными услугами, усугубляемой беспрецедентными размерами общественного вреда. Здесь речь идет о серьезной угрозе национальной безопасности Российской Федерации. Коррумпированное государство утрачивает черты легитимности, поскольку является средством противоправного обогащения чиновников, бизнесменов, банкиров и т. д., преследующих частные корыстные интересы. Стоит еще раз подчеркнуть, что большинство действий коррупционеров находит основания в соответствующих статьях законов и подзаконных актов, и в этом смысле кажутся вполне законными [58]. В этих условиях нравственное оздоровление общества выходит на первый план. Фактическое превращение коррупции в социальную норму подтверждает актуальность мер в области юридической этики, затрагивающих как правоприменение, так и правотворчество. Коррупция – сущностная черта современной России. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. (№ 273-ФЗ) и связанные с ним программы соответствующих мер по развитию государственной службы вряд ли смогут существенно изменить ситуацию. Коррумпированное государство не заинтересовано активно действовать против самого себя. Так называемая «свободная пресса» в этих условиях бессильна, а ее сообщения не смогут выйти за рамки дозволенного. Торговля государственными услугами – законнорожденное дитя либерально-рыночной системы.

Защита преступных действий путем внесения в законодательство замаскированных пробелов может быть проиллюстрирована на примере должностных правонарушений. Как известно, статьи о борьбе с коррупцией вошли в Уголовный кодекс РФ в соответствии с Федеральным законом от 8.12.2003 за № 162-ФЗ. Причем ответственность за нецелевое использование бюджетных средств определяется статьей 285^1 УК РФ, государственных внебюджетных фондов – статьей 285^2 . Такое разделение не кажется оправданным, поскольку выделенные составы преступлений, в сущности, мало чем отличаются друг от друга. Однако излишняя «расплывчатость» нормативных предписаний не столь досадна, как то обстоятельство, что указанные статьи, будучи специальными нормами уголовного закона, исключают одновременное применение санкций статьи 285 УК РФ, являющейся общей нормой по отношению к должностным преступлениям. В этом случае совокупность преступлений становится невозможной, уголовная ответственность наступает по специальной норме (часть 3, статья 17 УК РФ). И если должностное лицо незаконно израсходует из бюджетных средств (или из государственных внебюджетных фондов) сумму меньшую полутора миллионов рублей, то оно не подлежит уголовной ответственности. Естественно, возникает мысль, что здесь устроена скрытая лазейка для чиновников, могущих в разумных размерах допускать хищения государственных средств без угрозы надлежащего наказания [113]. Коррупция обретает латентный характер, причем благодаря использованию «тонких» правовых технологий.

Отдельного разговора заслуживает экологическая безопасность. Экологические отношения понимаются в юриспруденции как общественные отношения в области экологии. Это значит, что между людьми в обществе устанавливаются связи, преследующие цели сохранения окружающей природной среды. Заметим, что эти цели одновременно важны для сохранения самого общества. Беречь природу – значит беречь общество. Естественно поэтому, что экологическая этика предписывает такие правила поведения, которые позволяют сохранять как природу, так и общество. Эти правила сродни обычным законам нравственности, которые, сохраняя социальную систему, одновременно сохраняют природное окружение. Иными словами, беречь общество – значит беречь природу. Именно по этой причине нравственность имеет экологические корни. И если этика права не может считаться удовлетворительной, то и правовое регулирование в сфере экологии тоже не может быть удовлетворительным.

В экологическом праве нравственные и юридические нормы особенно тесно взаимодействуют друг с другом. Экологическая этика позволяет требовать нравственного отношения человека к среде своего обитания, к окружающей природной среде. Предусмотренные Федеральным законом «Об охране окружающей среды» обеспечение благоприятных условий жизнедеятельности человека, презумпцию экологической опасности планируемой деятельности, сохранение биологического разнообразия, запрещение деятельности, последствия которой непредсказуемы для окружающей среды, можно считать этическими категориями [21].

Справедливость правовых установлений должна быть универсальной, всеобъемлющей. Одно из наставлений многих религий «не губи живое» можно было рассматривать как справедливое установление экологического права. Оно касается всех живых существ и представляет собой одно из проявлений человеческой добродетели. В самом человеческом обществе надлежит стремиться к тому, чтобы все правовые нормы были справедливыми. Иными словами, юриспруденция должна быть нравственной, поскольку входит в область общественных (межчеловеческих) отношений, а эти отношения мы всегда хотим видеть безупречными с нравственной точки зрения. Экологическое право не просто переносит это требование в область отношений с природой, но провозглашает жизнь как универсальную ценность, преодолевая тем самым ограниченность традиционного права [129]. Требование безопасности касается всех форм жизни.

Впрочем, принципы почитания жизни как таковой мы находим уже в рамках философии А. Швейцера (начало XX в.), полагавшего необходимым ввести этот принцип в систему права. Для сравнения напомним, что во времена Декарта и Ламетри многие готовы были рассматривать живые организмы, включая людей, в виде сложных механизмов. Подобная сложность способна восхищать разум, не затрагивая сферу нравственности. Швейцер же полагал всякую жизнь священной. Более того, сам человек, по мнению Швейцера, лишь тогда обретает нравственность, когда возвышается до благоговения перед жизнью.

Лишь постольку становится особой ценностью и разнообразие живых существ. В конце XX в. мы стали ценить биологическое разнообразие даже на уровне международного права. В Международной конвенции о биологическом разнообразии (июнь 1992 г.) защита многообразия живых существ рассматривается как общая забота всего человечества, хотя, к сожалению, большинство людей никогда даже не задумывается на эту тему. О гармоничном сосуществовании человека и природы пока можно только мечтать. Это находит отражение в отдельных правовых актах. Аналогичным образом мы мечтаем о сохранении эстетически ценных природных ландшафтов, хотя на деле систематически их разрушаем, забывая говорить на эту тему в средствах массовой информации.

Особого разговора заслуживает продовольственная безопасность России. Прежде всего, заметим, что брак и фальсификация продовольственных и промышленных товаров в России достигли впечатляющих масштабов. Например, если в 2003 г. было забраковано примерно 10 тыс. т продовольствия, то за 9 месяцев следующего года почти в 6 раз больше. Причем 90% брака оказываются среди товаров заграничного производства [204]. Поразительно, что существует Федеральный закон № 134 от 8.08.2001 г., предписывающий санитарному врачу посещать предприятие не чаще чем один раз в два года. Причем проверки могут осуществляться лишь по специальному разрешению руководства торговой инспекции. Закон всячески охраняет импортную недоброкачественную пищевую продукцию, которая составляет 60% в рационе российских граждан. Эта продукция в основном получена из трансгенных культур таких растений, как соя, картофель, кукуруза, помидоры, мясные продукты. Детская генно-модифицированная продукция представлена шоколадными изделиями, чипсами, кашами, овощными и мясными пюре, напитками (кола). Не исключается, что мы имеем дело со злонамеренными акциями.

Закупка продовольствия за рубежом обходится России в десятки миллиардов долларов. Например, в 2007 г. на эти цели было потрачено 23 млрд, в то время как государственные инвестиции в собственное сельское хозяйство оказались во много раз меньше (около 1 млрд долларов). Импортируемое продовольствие составляет 40–50%, а в крупных городах и того больше (60–70%). Хуже, что оно опасно для здоровья. В силу разнообразных добавок, удешевляющих производство, импортируемые в Россию продукты питания способны ослаблять иммунную и репродуктивную систему, вызывать рак и наркозависимость, воздействовать на психику и умственные способности, снижая волю, самоконтроль и сосредоточенность [114]. Как показали исследования, например, употребление ГМ-сои вызывает онкологические и нервные заболевания, а также необратимые изменения иммунной системы человека [204]. Между тем есть много случаев, когда маркировка на упаковках продукции не ставится. Это касается, в том числе, детского питания. ГМ-продукты беспрепятственно продаются даже в торговых точках при детских поликлиниках. Подобное отношение к продовольственной безопасности является как минимум безнравственным. Импорт фальшивых, поддельных, недоброкачественных продуктов в Россию является не просто экономически выгодным, а говорит о том, что стоит задача снижения российского населения, явно не нужного для ресурсно-сырьевой колонии. М. Антонов справедливо пишет: «...Нынешние отечественные финансисты стыдятся признать, что в России установлена система ситепсу board, то есть внешнего управления, как в колониальных странах» [61]. Поэтому разговор о безопасности имеет, в действительности, более широкий контекст.

В рамках этого контекста необходимо отметить, что в России имеют место фундаментальные социокультурные подвижки, охватывающие всю систему расселения и жизнедеятельности. В частности, у нас на глазах идет уничтожение исторически сложившегося образа жизни сельского населения. Напомним важные особенности русских культурно-национальных традиций: трудолюбие и доброта, соборность и взаимопомощь, бескорыстие, любовь к своей земле, готовность к защите своего Отечества. Ныне все эти традиции попираются. Вместо духа общинности и коллективизма внедряются рыночные ценности, предполагающие эгоистические установки и стяжательские наклонности, взаимное недоверие и чувство неприязни к окружающим людям. Сохранение национальной безопасности в этих условиях становится невозможным. Тем не менее этико-правовые аспекты данной проблемы мало кого беспокоят.

5.3. Правовая защита человека и природы

Масштабы законотворчества в современной России поражают воображение. Только в 2006 г. Государственная Дума РФ приняла свыше 500 Федеральных законов. Еще более поразительный факт в том, что Конституционный суд РФ, рассмотрев эти законы, в более чем половине случаев вынужден был ограничить их действие, а также признать неконституционными около 20 из них [104].

В Конституции РФ 1993 г. отражены основные постулаты либеральнорыночной идеологии, включая концепцию прав человека, защиты частной собственности. Это означает, что интересы индивида, возможность личного обогащения, эгоизм и выгода были поставлены в центр внимания. Этатизм современной государственной идеологии, предполагающей вмешательство государства в экономическую и политическую жизнь страны, в условиях рыночной системы фактически становится пособником частной инициативы. А связанные с этой инициативой аморальные тенденции только усиливаются, разрастаются по своим масштабам. Этатизм в России, полученный в наследство от госкапитализма, всегда будет опасен в результате противостояния государства и общества. Он может стать источником насилия в виде так называемого правового государства. Стратегия

развития России в XXI в. должна быть нацелена на превращение государства в инструмент духовно-нравственной цивилизации, когда государственные чиновники, включая высших должностных лиц, выполняют управленческие услуги для общества как высшей организационной структуры человеческого бытия. Именно общество, существование которого обеспечивается нравственными скрепами, является природным образованием, берущим на себя функции самоуправления, привлекая для этой цели различные государственные структуры.

Признаемся: в конституционных установлениях пока не все гладко. К примеру, статья 5 Конституции РФ выглядит несколько противоречивой. С одной стороны, провозглашается равноправие всех субъектов Федерации, с другой стороны, республикам дозволяется иметь свою конституцию, а краям и областям – уставы. Это создает определенное политическое неравенство, способное порождать социально-экономическое неравенство. Вряд ли такую ситуацию можно назвать справедливой. Тем более что в большинстве республик население довольно сильно перемешано, имеется значительный процент русских.

Современная Конституция РФ, к сожалению, не содержит естественного требования доминирования общества по отношению к государству, поэтому упускает специальные положения о нравственных приоритетах в обществе. В Конституции мы не находим принципиальных положений о справедливости, социальном партнерстве, т. е. взаимодействии общества и государства, о необходимости социально ориентированной рыночной экономики [241]. Конституционный Суд РФ не торопится с посланиями в адрес совместного собрания палат (Совета Федерации и Государственной Думы). В свою очередь эти палаты не считают нужным требовать совершенствования Конституции в части механизмов общественного воздействия на государство. А ведь это есть непременное условие решения такого ключевого вопроса любой власти, как доверие граждан к государству. О нем специально говорилось в так называемом «плане Путина», вошедшем в программу «Единой России» (принята на VIII съезде партии 1 октября 2007 г.). Мысль о «справедливом обществе свободных людей» в качестве перспективы для России (из слов Д. А. Медведева в первом Послании Федеральному Собранию) тоже наталкивает на соответствующие конституционные поправки. Однако и этого не произошло. К большому сожалению, мысли и дела в области государственной политики нередко расходятся.

Действующее законодательство представляется излишне мягким к преступникам, причиняющим значительный экономический ущерб государству и гражданам. Это проявляется, в частности, в отказе от конфискации незаконно приобретенного имущества. В разделе VIII УК РФ около 50 видов корыстных преступлений освобождены от предъявления конфискационных требований. Здесь Уголовный кодекс явным образом нарушает нравственные нормы, снижает планку ответственности за противозаконное деяние. А если учесть, что возможность совершать экономические

преступления имеется, прежде всего, у высокопоставленных лиц и государственных чиновников, то получается и вовсе неприглядная картина—выделяется группа неприкасаемых.

Законотворчество должно удовлетворять требованиям справедливости. Однако точная формулировка этих требований далеко не так проста, как может показаться на первый взгляд. Справедливость предполагает некоторое соответствие между действием, поступком и его оценкой, например между трудом и вознаграждением, преступлением и наказанием. В случае такого соответствия оценка может называться справедливой, хотя само соответствие обычно устанавливается на интуитивном уровне.

Статья 17 Конституции РФ устанавливает, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. Декларативный характер этой статьи кажется довольно очевидным. Осуществление прав, предоставляемых человеку законодательством, нередко нарушает права и свободы других лиц, поскольку люди живут в обществе и благодаря обществу. Как показывает реальная жизнь, осуществление свободы человека не может не быть ограниченным жизненными обстоятельствами, в том числе другими людьми, их интересами и потребностями. Указанная конституционная норма фактически исходит из концепции атомизированного общества, в котором люди руководствуются принципом индивидуализма. Такая ориентация права не соответствует критерию нравственности. Попытка создать и поддержать атомизированное общество чревата его разрушением, поскольку делает эгоизм некой универсальной ценностью. Тем самым подрываются культурно-нравственные основы социального бытия. Это хорошо просматривается не только в России, стремящейся во всем подражать Европе, но и в самой Европе, и в США, вплотную подошедшим к исчерпанию своего потенциала развития. Эгоизм личности легко перерастает в групповой эгоизм, увеличивающийся до размеров претензий на мировое господство и клановую исключительность. Например, масонские организации, состоящие из внешне респектабельных лиц, являются фактически неким аналогом воровских шаек и никоим образом не могут олицетворять проявление духовности и нравственных идеалов в обществе.

Права и свободы человека и гражданина Российской Федерации признаются и гарантируются не только Конституцией РФ, но и определяются в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права (статья 17 Конституции РФ). Однако в международном праве, как, впрочем, и в самой Конституции РФ, определения гражданства нет, а национальность не имеет никакого значения. Но в таком случае и само государство превращается в формальную категорию, выступает как исторический пережиток. Оно существует лишь потому, что есть правительство. В свое время Советское государство (СССР) тихо и безропотно распалось на множество осколков, доказав свою государственную слабость и никчемность. И сегодня российское государство ничем не обозначает свои

скрепы. О национальном суверенитете русского народа нет и речи. А значит, и государственный суверенитет охранять нет особого смысла. Любой иностранец, особенно при деньгах, может рассчитывать на пользование всеми благами в России, быть собственником любой недвижимости, включая землю, принимать участие в управлении страной. Деньги обладают универсальной ценностью, подавляя национально-государственный интерес. Частная собственность в принципе не признает государственных границ. Они ей безразличны. А значит, частный интерес выше государственного. И уж тем более ему нет никакого дела до национального интереса. В доминировании частного интереса запрятан секрет глобализации и космополитической идеологии.

Статья 19 Конституции РФ провозглашает равенство всех граждан перед законом, независимо от национальности, языка, убеждений, принадлежности к общественным организациям и других социокультурных различий. Закон един для всех. В данном случае сделана попытка опереться на требования справедливости. Тем не менее лица, стоящие у власти и проводящие разрушительные для России реформы, не несут никакой ответственности за свои деяния. Например, никто не отвечает за падение промышленного производства, инфляцию и рост безработицы. Законодательно не исключается возможность обогащения одних лиц за счет обнищания значительной части населения. О причине кризисных явлений в обществе даже говорить не принято. Проще их трактовать как естественное и нормальное явление. За крупные ошибки в области государственного регулирования и управления, а тем более в сфере политики, не предусмотрено каких-либо правовых санкций. Здесь право расписывается в своей полной беспомощности. Но в таком случае действующее законодательство в целом нельзя назвать справедливым. Заложенная в основах правовой системы несправедливость превращает в декларативные и такие юридические нормы, которые выглядят вполне безупречными в нравственном отношении. Нормы эти оказываются своеобразным проявлением юридического лицемерия.

Несомненно, что каждый имеет право на жизнь (статья 20 Конституции РФ). Но тогда должны быть гарантии защиты этой жизни. Практика же говорит о том, что люди гибнут по причине все более слабого здоровья, от расширения ареалов алкоголизма и наркомании, участившихся случаев преступлений (в том числе, должностных), ухудшения качества окружающей среды, общего нравственного дискомфорта и растущего безразличия людей друг к другу. Закон, увы, не гарантирует должным образом защиты человеческой жизни, но при этом нам всячески демонстрируют свои устремления к гуманности. Например, в учебнике по юридической этике упоминается протокол Европейской конвенции об отмене смертной казни, подписанный представителем России в Совете Европы [101]. Тем не менее европейские политики (М. Тэтчер и др.) объявляют нам во всеуслышание, что через несколько десятилетий в России должно остаться около 50 млн

человек. Это значит, что нам предписана чьей-то злой волей «гуманная» смертная казнь. Волнует ли это правоведов? Похоже, что нет.

Статья 26 Конституции РФ гласит: «Каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность. Никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности». Принуждение здесь и в самом деле представляется неуместным. Однако право гражданина России на указание своей национальной принадлежности в паспорте было отменено именно в принудительном порядке. И это тоже выглядит не вполне уместным. В Конституции РФ национальность фактически характеризуется как ничего не значащий показатель, с которым можно считаться, а можно и не считаться. Такая ситуация кажется особенно странной в государстве, содержащем в своих границах национальные образования в виде республик.

Любопытен факт: в части 3, статьи 55 Конституции РФ предусматривается возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина в целях защиты нравственности. Реальные ограничения зафиксированы в соответствующих федеральных законах. Однако подобные ограничения могут быть, а могут и не быть в точном соответствии с конституционным положением. Проще говоря, данное положение вовсе не означает, что такого рода защита нравственности должна быть обязательной. И не удивительно, что реальных примеров действия этой статьи привести нельзя. В необходимых случаях принципы нравственности могут быть отодвинуты в сторону, как это имеет место в случае установления частной собственности. А ведь эта собственность может многократно превышать трудовые возможности индивида. Об этом хорошо всем известно. Тем не менее в основных началах гражданского законодательства (статья 1 Гражданского кодекса РФ), учитывающего этические основы права, о нетрудовых доходах нет ничего. Ничего о них не сказано и в УК РФ, хотя имеются формулировки принципов справедливости и гуманизма (статьи 6 и 7), а также понятия и цели наказания (статья 43). Основные принципы правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними (статья 2 Трудового кодекса РФ) не препятствуют присвоению (не прикладывая адекватного труда) любых объемов материальных благ, зато допускают рост безработицы, разнообразные виды паразитирования так называемых предпринимателей, сокращение работников без должных оснований. Разрушение этических основ природопользования и защиты природной среды тоже происходит вполне беспрепятственно, несмотря на статью 3 Федерального закона «Об охране окружающей среды», где формулируются основные принципы этой охраны. Ничто особенно не мешает частному захвату природных ресурсов.

В Земельном кодексе РФ нет положения о том, что земля является общим достоянием всех граждан России. Более того, она рассматривается как «недвижимое имущество» и, следовательно, выполняет функции товара. Тем самым открываются широкие возможности для манипулирования

землей в частных интересах. В городах такая возможность оборачивается хаотичным строительством, общим ухудшением городской среды, пренебрежением к комфортным условиям для жизни и работы горожан. Уплотнение застройки подчинено законам рынка и экономической выгоде предпринимателей и городских чиновников. У последних открывается возможность для коррупционных действий. Вокруг крупных городов скупка земельных участков приняла особенно внушительные размеры, причем для нужд, не связанных с сельскохозяйственным производством. Это явно противоречит оптимальной системе расселения, вносит дисгармонию в отношения между городом и сельскими поселениями. Сложившаяся ситуация способствует неконтролируемому разрастанию городов и исчезновению с географической карты сел и деревень, на которых держится все сельскохозяйственное производство. Один из возможных целесообразных путей развития систем расселения описан, например, в работе [132]. Несмотря на очевидные промахи земельного законодательства, наша политическая элита сохраняет полное спокойствие и упорство в расширении рынка земли. Ее не смущает обстоятельство, что частная собственность на землю противоречит логике и этике экологически оправданных процессов природопользования.

Коллективная система землепользования разрушена, а внедрение фермерства носит насильственный характер. В рамках закрытых акционерных обществ (ЗАО) на месте бывших колхозов и совхозов возникает мешанина «земельных долей», находящихся в частной собственности без определения конкретных границ участков. Когда собственность обретает иллюзорный характер, положение землепользования в такой системе становится неопределенным и даже странным. Неудивительно, что российские села начали необратимо разрушаться и даже исчезать с географической карты. Около 20 тыс. сел и деревень в России перестали существовать, а в оставшихся царит беспрецедентная по своим масштабам безработица. Потеряно около 40 млн га плодородных земель. зарастающих бурьяном и мелколесьем. Сельскохозяйственные же земли становятся предметом рыночной спекуляции, в которой принимают участие даже лица без гражданства и иностранцы. Поразительно, что вся эта вакханалия благополучно укладывается в рамки Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (от 24 июля 2002 г., № 101-ФЗ). То обстоятельство, что этот закон находится не в ладах с духовно-нравственными традициями русского и других народов России, наших законодателей и чиновников нисколько не волнует. Вопрос, возможно ли в этих условиях всерьез говорить о развитии агропромышленного комплекса (АПК), кажется праздным. Существование приоритетного национального проекта «Агропромышленный комплекс» в реальных условиях финансирования (около 0,4% расходной части бюджета РФ) не может помочь делу.

Безнравственность в России стала чуть ли не нормой жизни. Это значит, что нравственные установки в юридической науке и законодательстве,

даже если они есть, не достаточны, более того – отодвинуты на второй план. Это один из факторов падения эффективности российской правовой системы. Прав был С. А. Котляревский, который полагал, что гарантии соблюдения права лежат в области нравственности и религии [111].

Ныне средства массовой информации переполнены сообщениями о различных проявлениях мирового финансово-экономического кризиса. Однако о причинах этого кризиса пишут и говорят не часто. В этой связи стоит отметить мнение известного американского философа и политика Ф. Фукуямы, опубликованное в газете «Newsweek» 10 октября 2008 г. Этот ученый полагает, что все заключается в концептуальной установке капитализма на рыночные регуляторы и отказе от государственного регулирования экономики [82]. Подлинными «регуляторами» оказались финансовые спекулянты и аферисты, использующие экономические отношения в обществе для проведения финансовых игр в качестве механизма перераспределения активов в интересах частных банков. Кризис хозяйственной системы является результатом падения морали в обществе и, прежде всего, в области финансовой деятельности. Об этом говорит рост преступности в США, Европе, странах СНГ. В дальнейшем этот рост будет усиливаться вследствие положительной обратной связи между хозяйственной и нравственной сферами. Соответственно мы будем иметь потерю эффективности правовой системы. Ни о каком принципе верховенства права в экономике не может быть и речи, поскольку оно содержит постулаты, не имеющие нравственного обоснования (например, постулирование частной собственности без каких-либо ограничений).

Что касается социокультурной среды в России, то факт ее трансформации не вызывает сомнений. Возникновение в стране девиантных форм поведения людей, тем более, если эти формы имеют групповой, организованный характер, является свидетельством существенных неблагоприятных изменений в социокультурной среде России. Например, рост в стране числа преступных группировок было бы неверно трактовать только с позиции личностных изменений, которые по большей части случайны. Правильнее было бы говорить об изменении социокультурного базиса страны, что представляет собой «заболевание» самого общества в силу определенных глобальных причин, чаще всего связанных с общей политикой государства, и этически неблагоприятных трансформаций социальной системы. Русский философ И. А. Ильин (1882–1954) высказывал мысль о «во-

Русский философ И. А. Ильин (1882–1954) высказывал мысль о «воцерковлении культуры», согласно которой государственные, общественные и правовые институты должны подчиняться религии и церкви. В этой мысли усматривается здоровое зерно: в человеческом обществе все должно быть подчинено нравственным законам. Государство, которое посредством права навязывает свою волю подвластному населению, превращается в носитель зла. Подобную функцию выполняет, в частности, буржуазное право. В условиях приоритета частной собственности утверждение свободы, равенства и справедливости становится способом достижения

обогащения, роскоши и высокого положения в обществе при помощи соответствующего правового механизма за счет большей части населения. Возникает общество узаконенного паразитизма. Этот паразитизм часто маскируется принципом гуманизма, когда центром внимания становятся потребности человека, в том числе эгоистические интересы. Ценности коллективизма отходят на второй план вместе с такой ценностью как нравственное общество. Без этой ценности общество обречено на разрушение. А это значит, что нравственные принципы с самого начала имеют цель сохранения социальной системы, т. е. определяют экологически значимую цель. В мире частного капитала право не может дать человеку должных гарантий пользоваться общественными благами в соответствии со своими интеллектуально-трудовыми способностями. Более того, наемный труд превращается в скрытую, «цивилизованную» форму рабства. Право становится лицемерным.

Неуклонно разрушается правовая защита природы. Начиная с 2004 г. экологическое законодательство вошло в полосу различных негативных изменений. Федеральная целевая программа «Экология и природные ресурсы России (2002–2010 гг.)», утвержденная постановлением Правительства РФ от 7.12.2001 г., № 860, во многих пунктах была свернута. Постановлением Правительства РФ от 17.09.2004 г., № 486 было принято решение завершить в 2004 г. реализацию подпрограмм «Леса», «Регулирование качества окружающей природной среды», «Поддержка особо охраняемых природных территорий», «Прогрессивные технологии картографо-геодезического обеспечения», «Возрождение Волги», «Отходы». Специального органа, уполномоченного проводить экологическую экспертизу, в России нет. В сложившихся условиях такая экспертиза была бы помехой. Прохождение экологической экспертизы чревато для бизнеса потерей сверхприбыли. Государственная (и общественная) экологическая экспертиза фактически была заменена государственной градостроительной экспертизой. Оценки воздействия на окружающую среду (ОВОС) были упразднены, а государственный (и общественный) экологический контроль на отраслевом уровне отменен [37].

Соответственно и Госкомэкология тоже стала помехой. В свое время было даже подсчитано, что устранение этой помехи даст дополнительные 8–12 млрд долларов в год на производственные инвестиции. Как известно, в итоге природоохранные функции были переданы Министерству природных ресурсов (МПР), занятому проблемами эксплуатации природных богатств, т. е. была сделана морально недопустимая, но экономически выгодная вещь. Сегодня нет единого органа по контролю за экологией. Приходится констатировать, что в нынешней России отсутствует законодательство об экологической безопасности многих видов хозяйственной деятельности. Мы стараемся официально не замечать бедственного экологического положения в ряде районов страны, поскольку обязанность улучшения ситуации в этих районах требует финансовых затрат. Хотя це-

лесообразность создания единого органа по контролю за экологической ситуацией понимается многими, включая Д. Медведева и В. Путина, рыночная элита России остается непреклонной: в сырьевой стране вполне достаточно иметь МПР и связанные с этими ресурсами природоохранные функции. Не удивительно, что даже ввоз в Россию радиоактивных отходов из-за рубежа минует экологическую экспертизу. МПР же этим вопросом не интересуется.

Экологическая этика предполагает высокую степень ответственности за причинение вреда окружающей среде. Дефицит этой ответственности вынуждает вводить в действие правовые регуляторы в виде экологических платежей либо экологического страхования, когда возникает неотвратимость правовой ответственности. К сожалению, экологическое страхование выводится на уровень федерального законодательства (статья 18, пункт 3 Федерального закона «Об охране окружающей среды»). Это, видимо, явилось причиной того, что областной закон «Об экологическом страховании в Ульяновской области» (1997 г.) позднее утратил силу. Между тем стоило бы признать утратившим силу именно пункт 3 статьи 18 Закона «Об охране окружающей среды», поскольку существует статья 72 Конституции РФ, отнесшей экологическое законодательство к предметам совместного ведения РФ и субъектов РФ [80]. Тем более что на сегодняшний день фактически отсутствуют действенные механизмы реализации экологической ответственности. Это касается и экологического страхования. Основная нагрузка по компенсации экологического ущерба, как правило, ложится на федеральный бюджет. Требования экологической этики оказываются нарушенными.

Борьба общественности за экологические интересы далеко не всегда проходит успешно. Одним из примеров может служить строительство платной трассы между Москвой и Санкт-Петербургом. Трасса проходит через ценный в экологическом отношении Химкинский лес, представляющий собой уникальную экосистему — вековую дубраву. Когда борьба за сохранение этого леса дошла до уровня Верховного суда, последний подтвердил законность уничтожения дубравы. Не помогли ни письма в различные инстанции, ни многочисленные митинги в течение ряда лет. Данный случай свидетельствует о том, что защита природы в условиях современной действительности, какая сложилась в России, представляет собой значительную сложность. Российское государство, включая правовую систему, не способно осуществлять полноценный экологический контроль, сохранять природные ценности. Ценности материально-экономического порядка оказываются доминирующими. Причем данное положение закрепляется правовой системой.

Экологический портрет современной либерально-рыночной России хорошо просматривается на примере Московской области, где только за 3 года (2007–2009 гг.) было потеряно 90% сельхозугодий (1,5 млн га) и половина лесного фонда [30]. Коттеджное строительство приобрело здесь

неуправляемый характер. Причем заборы новых собственников и шлагбаумы, растущие в лесу как грибы, стали непреодолимым препятствием для российской правовой системы. А между тем в Лесном кодексе РФ от 4.12.2006 г. формально нет каких-либо препятствий для пребывания в лесах, если эти леса не расположены на землях обороны и безопасности или на землях особо охраняемых природных территорий (статья 11). Это значит, что арендованные лесные земли не лишают граждан права пребывать в этих лесах. На практике владельцы коттеджей огораживают захваченные лесные территории заборами, изымая таким способом сотни гектаров лесов. Главы местного самоуправления, вместо того чтобы защищать леса, вступают в сделку с бизнесом. Существование юридической возможности запретить строительство и захват территории лишь позволяет увеличить коррупционные претензии чиновников. Характерная черта земельного рынка в нынешней России – закрытость. Хотя по закону преимущественное право выкупа земельного участка принадлежит государству, точнее органу местного самоуправления, процедура перевода земель из одной категории в другую сопровождается попаданием этих земель в иные руки. Отказ местной власти от выкупа этой земли оценивается в 5 тыс. долларов за гектар. Постоянная же «дружба» с начальством стоит порядка 500 тыс. долларов.

Существует достаточно хорошо отработанная схема выведения земель Подмосковья из сельхозоборота для целей дачного строительства с последующим выкупом участков и регистрацией права собственности на объекты недвижимости. Стать хозяином леса или пруда тоже не составляет большого труда. Более того, в компьютере можно найти даже соответствующие сайты с необходимыми разъяснениями. Выделить какой-либо принадлежащий государству участок леса в аренду неведомо откуда взявшемуся «некоммерческому дачному партнерству» (после перевода земель лесного фонда в земли других категорий) вполне возможно после надлежащей оплаты «услуг» главе муниципалитета, а также местному лесничеству, Рослесхозу и Мослесхозу за соблюдение «правил неразглашения». Несмотря на то что тарифы за проведение всех этих рискованных операций сложились довольно высокие, коттеджное строительство в Подмосковье осуществлено с широким размахом. Это значит, что число лиц, располагающих огромными финансовыми средствами и возможностями нетрудового обогащения, в одной только Москве слишком велико, чтобы можно было действовать в режиме обычного правового контроля. Закон оказывается бессильным в борьбе с нравственным разложением общества. Поразительно, что этот тревожный момент замалчивается не только в речах и высказываниях наших руководителей, но и в СМИ.

Мы привыкли думать, что защита человека сводится главным образом к защите его прав личности, которым посвящена глава 2 Конституции РФ. Между тем основной защитный панцирь человека – духовно-нравственная среда в обществе – не является предметом правовых установлений. Мы

уже имели возможность убедиться в главном: защита человека предполагает одновременно и защиту природы благодаря тому, что должное поведение человека в обществе регулируется законами этики. И вовсе не случайно экология и этика так тесно связаны друг с другом. Нравственное поведение диктуется самой природой, защищая каждого человека гораздо более эффективно, чем это может сделать правовая система. Правовая защита человека приходит в явное столкновение с правовой защитой природы, свидетельством чего является ряд статей Конституции РФ. В частности, статья 36 предполагает частную собственность на землю и иные природные ресурсы, что на практике приводит к разрушению природных комплексов и нравственному противостоянию людей, порождающему преступные действия. Это хорошо видно на примере Московской области. Статья 41 печется об охране здоровья населения, но ничего не может сделать с феноменом платной медицины, в рамках которой человеку негласно предлагается уйти из жизни, если он не имеет возможности оплатить дорогостоящие операции и иные медицинские услуги. Для надежной защиты человека и природы необходима не просто правовая система, а формирование духовно-нравственной цивилизации. Только такая цивилизация может гарантировать строгое соблюдение экологического императива. Это и дает нам право одновременно называть данную цивилизацию экологической.

Глава 6. ПЕРСПЕКТИВЫ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ (ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ) ЦИВИЛИЗАЦИИ

6.1. Безнравственный разум как угроза природе

Знание моральных принципов вовсе не означает рациональности морали, ибо эти принципы полагаются самоочевидными и невыводимыми. Идея тождества морали (добродетели) и разума (знания), сформулированная Сократом, является всего лишь следствием осознания моральных принципов. Однако даже осознание важности морали не делает ее рациональной, как не становятся рациональными осознаваемые и ценимые нами чувства. Никто пока не выдвигает идею тождества чувства и разума и не говорит о рациональности чувства только потому, что человеческий разум способен вести дискурс на эту тему. Действие принципов морали мы видим, прежде всего, в семейных отношениях, убеждаясь что эти принципы проникнуты альтруизмом, являясь условием коллективного бытия. На нравственное общество можно было бы смотреть как на «большую семью». Государство в таком обществе становится инструментом для поддержания гармонии и единства в социальной системе. Как семья, обычно пронизанная заботой о детях, государство будет заботиться о молодых людях, требующих особого внимания как «строительный материал» будущего общества. Большинство общественных проблем следовало бы решать именно таким способом. А если принять во внимание, что решение проблем есть путь к истине, то получается, что нравственное совершенствование ведет нас именно таким путем. Не случайно И. Кант считал добром то, что является универсально истинным. Зло же не может заключать в себе всеобщую истинность.

Если бы голос совести удалось согласовать с голосом разума, то мы получили бы возможность обоснования самих моральных ценностей. К сожалению, эти ценности выходят за границы экономической рациональности, да, пожалуй, и любой другой. Убедить в моральности посредством обращения к разуму далеко не просто. В противном случае человек вообще мог бы обходиться только разумом по аналогии с тем, как поступает механическое устройство или робот. Обосновать мораль на взаимной выгоде есть одна из утопий либерального подхода, нацеленного на модификацию рыночных ценностей и отстаивание приоритетности личных свобод. Попытка совместить рациональный и нравственный выборы кажется

естественной в обществе, которое само находится в состоянии нравственной деградации. Быть честным экономически нерационально, и с этим придется примириться. Дж. Ролз справедливость понимает как честность, [194], в этом случае и справедливость, и моральные ценности становятся нерациональными.

Когда некто утверждает, что надлежит быть честным, потому что это выгодно, то это кажется понятным. Но если нам скажут, что честным надо быть всегда, даже если это невыгодно, то такая честность становится непонятной. А дело заключается в том, что мораль не обладает таким свойством, как рациональность. Моральные поступки далеко не всегда являются логически объяснимыми. Это наводит на мысль, что нравственные предписания идут от Бога. При этом атеисты оказываются обезоруженными. Но если за понятием Бога кроется сама Природа, дающая живым организмам правила поведения, то за этими правилами можно видеть «законы сохранения» живой материи, аналогичные законам сохранения в физике для неживой природы.

Особенность общества заключается в том, что оно способно накапливать информацию, благодаря разуму, и в результате со временем усложняется. Изменяются соответственно и «законы сохранения», т. е. нормы и правила нравственности. Однако эти изменения происходят крайне медленно. Быстрые изменения носят искусственный характер и могут расцениваться как процессы деградации. Инертность морали не исключает того, что нравственные требования могут некоторым образом различаться в разных национальных культурах.

Хотя история этических учений весьма длительна, в большинстве случаев люди не понимают, зачем в обществе нужна мораль. Этические понятия носят иррациональный характер. Правила морали присутствуют в сознании на уровне интуиции. Обычно человек не отдает себе отчет, почему нужно поступать так, а не иначе, когда дело касается нравственных установок. Для понимания мироустройства нам требуется разум и рациональное мышление. Для понимания человеческого поведения такого мышления недостаточно. Вспомним: изучение какого-то явления в науке предполагает застывшую картину, т. е. абстрагирование от изменчивости. Изменчивость остается за кадром. Мы можем вывести законы, траектории, изобразив их математическими формулами, но не умеем рационально осмыслить само изменение (движение). Неудивительно поэтому, что в области общественной жизни именно человеческое поведение остается за пределами рационального (формального) мышления. Здесь мы входим в сферу морали. Писатель Л. Вертель говорил, что ему «потребовался немалый кусок жизни, чтобы постичь простую и в то же время великую мудрость: мораль – это цемент, скрепляющий всю конструкцию человеческого миропорядка» [35]. Данный миропорядок есть следствие межчеловеческих взаимосвязей, от которых и зависит поведение каждой человеческой личности. Если бы природа могла осознавать существующие в ней взаимосвязи (а следовательно, взаимное изменение), то она тоже столкнулась бы с некими законами «нравственности».

К сожалению, синдром потребительского отношения к природе слишком глубоко проник в сознание большинства людей и поддерживается сложившимися принципами хозяйственной деятельности. Это находит отражение в законодательстве России. Лесной и Водный кодексы РФ подчинены предпринимательским интересам. Не удивительно поэтому, что леса вырубаются, а водоемы загрязняются. С упразднением института экологической экспертизы и снижением роли общественного контроля в вопросах охраны окружающей природной среды Россия оказывается перед лицом экологических угроз. Можно считать утраченными механизмы защиты почвенных ресурсов, как если бы российское правительство ориентировалось на нецелесообразность отечественного сельского хозяйства.

На пути охраны земельных участков стоят интересы строительного бизнеса. Это особенно касается городских и пригородных зон. Удивительно, что 4 июля 2007 г. Московская городская дума приняла Закон «О городских почвах». Будет ли аналогичный закон приниматься на уровне Московской области, пока не ясно. О других регионах вообще говорить преждевременно. Очень похоже, что российские власти предпочитают в первую очередь интересы бизнеса, пренебрегая экологическими интересами [98]. Более того, создается впечатление, что властные структуры в России вообще не нацелены на интенсивное развитие российской экономики, видимо, надеясь на сокращение численности населения России. Западные страны видят в России некий ресурсно-экологический резерв. И постольку экономика нам не нужна.

Все происходящие на Земле войны можно рассматривать как факты безнравственного поведения людей. Это относится, прежде всего, к зачинщикам военных действий, к тем, кто является их причиной. Классическим примером жестокости и садизма стали США в войне против Вьетнама, когда организаторы войны не остановились перед массовым применением «оранжевого газа» на территории страны. Этот газ, как известно, содержит один из наиболее сильных ядов — диоксин. В результате у половины жителей, проживавших в пораженных районах Вьетнама, были обнаружены патологические изменения. Женщины не могли рожать здоровых летей.

В мирное время не могут заслуживать никакого снисхождения виновники крупных экологических катастроф, связанных с большим числом жертв. Такими катастрофами следует считать аварии на химическом заводе в Бхопали (Индия), Чернобыльской АЭС (СССР) и некоторые другие, случившиеся в 1980-е гг. Город Бхопали вынуждены были покинуть более 200 тыс. жителей. Причем в результате аварии погибли 2,5 тыс. человек. Однако наиболее внушительной оказалась чернобыльская авария, когда радиоактивному заражению были подвергнуты районы 11 областей, где проживает 17 млн человек. Радиус зараженной территории составил более

2 тыс. км. Практически навсегда были выведены из строя 636 тыс. га лесных угодий и сельскохозяйственных земель.

Следует заметить, что научно-технический прогресс закономерным образом становится угрозой людей в безнравственном обществе. Иной раз эта угроза носит глубоко законспирированный характер, как, например, в случае с генной инженерией. Сама по себе пересадка генов не связана с особыми техническими трудностями, но существует плохо обозримое поле возможностей для аморальных поступков. К тому же внесение в пищевой рацион человека генетически модифицированных продуктов может в перспективе нанести вред человеческому здоровью, неконтролируемо повлиять на психическую деятельность людей. Нельзя забывать, что непререкаемым авторитетом в рыночной экономике является прибыль, и ради этой прибыли люди готовы идти на многие преступления, особенно в условиях, когда последствия человеческих действий наступают не сразу или же они покрыты пеленой неизвестности. В настоящее время (начало XXI в.) объем трансгенных продуктов в мире уже достиг величины 20 млрд долларов [42]. Искусственные ферменты (главные виновники аллергий и астмы) присутствуют ныне во множестве продуктов, включая мясо-молочную продукцию, алкогольные напитки и муку. Несколько лет нового века ознаменовались тем, что пищевые отравления выросли в 4 раза. На совести распространителей генетически модифицированных продуктов лежат также заболевания животных, включая птичий и, возможно, свиной грипп. Между тем экономическая выгода от запуска в торговый оборот трансгенных продуктов нередко служит причиной оправдания производства этих продуктов. Прибыль оказывается важнее, чем истина. Истина же заключается в том, что сегодня мы имеем полное право говорить о генетическом загрязнении природной среды, чреватом серьезными экологическими последствиями. Мир растений и животных, соседствующих с человеком, может стать неблагоприятным для жизни, не говоря уже об эволюционных осложнениях.

Можно с большой уверенностью сделать заключение, что научнотехнический прогресс в рамках современного нравственно несовершенного общества ведет в экологический тупик и может стать причиной апокалипсиса. Человеческий разум, лишенный необходимых нравственных оснований, вообще оказывается под вопросом [199]. Об этом же говорит факт алкоголизации и наркомании среди широких слоев населения. Сам этот факт можно рассматривать как указатель ошибочной стратегии общественного развития, как некий критерий качества сложившейся социальной системы. Есть основания полагать, что между загрязнением окружающей среды канцерогенами и случаями заболевания раком имеется тесная связь. Среди общего числа случаев таких заболеваний 60–90% обусловливается канцерогенными загрязнениями окружающей среды. Таково мнение, в частности, исполнительного директора Программы ООН по окружающей среде М. Толба [222]. Особенность шумовых загрязнений в том, что человеческий организм не обладает способностью к ним адаптироваться. От шума страдает щитовидная железа, кора надпочечников и нервная система человека. Нынешняя социальная система плоха и нуждается в кардинальной реконструкции. Искать ответ, как это иногда делают, в двойственной (биосоциальной) природе человека вряд ли целесообразно [1].

В литературе утвердилась уверенность, что человек может сознательно регулировать свои отношения с природой. Однако это не следует понимать как возможность опираться исключительно на свой разум, воплощенный в различных научных разработках. Отношения с природой не сводятся к области рационального знания. Гораздо более фундаментальными факторами являются этические принципы и законы, включая также эстетические требования. Если человек остается глухим к моральным понятиям, он будет глухим и к природе. Многие рационально мыслящие интеллигенты попросту не понимают значимость экологического императива. Их невозможно заставить применить свой разум к решению экологических проблем и задач. Такова поэтому и современная Россия, где люди стремятся к материальной выгоде и благополучному существованию, не брезгуя безнравственными способами и отодвигая заботы о природе на третий план. Безнравственный разум является воплощением зла, хотя и прикрывается для видимости светскими манерами и благонравным поведением. Безнравственный разум характеризует многих руководителей, которые вполне сознательно уходят из области экологической проблематики, не в силах понять всей ее значимости. Иными словами, безнравственный разум попросту слеп, поэтому опасен для общества. То, что мировое промышленное производство на протяжении XX в. увеличилось в своих объемах в 50 раз, нацелившись на рост потребления [97], свидетельствует о слепоте прогресса.

Между тем лишенная разума живая природа биосферы могла успешно эволюционировать, пока не появился человек. Еще Ж. Б. Ламарк (1744—1829) указывал на реальную возможность того, что «вершина эволюции» — человек сделает Земной шар необитаемым, доведя себя до самоуничтожения. Ныне использование человечеством биосферных ресурсов превысило допустимые пределы минимум на 20—40%. Главная роль в этом принадлежит США и Европе [33]. Международная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК) в очередном своем докладе 2007 г. привела неоспоримые свидетельства, что глобальные климатические изменения инспирированы человечеством и являются не только неоспоримыми, но и необратимыми. Впечатляет быстрый рост числа климатических катастроф в виде стихийных бедствий, от которых только в 2003—2004 гг. пострадало 262 млн человек (в среднем по 800 тыс. на каждую катастрофу). Пожалуй, не менее тревожной является позиция властей, крупного бизнеса и СМИ, которые дружно обвиняют экологов и «зеленых» в попытках затормозить экономический рост. Дело доходит до обвинений в экстремизме и даже в «экологическом терроризме».

Современная социальная система стала настолько сложной, что адекватное понимание происходящих в ней процессов просто обязано быть достоянием общественного сознания. Без такого понимания общество теряет шансы на выживание. Разумеется, в полной мере это относится и к пониманию отношений общества с природой. Человек XXI в. обязан иметь максимально полные знания об окружающей среде, получая их на протяжении всей своей сознательной жизни. Все, что изымается из природы во имя жизни общества, должно поступать в систему биосферных круговоротов во имя сохранения всей живой материи на планете. Человек не имеет морального права быть паразитом в планетарных экосистемах. В противном случае его разум превращается в источник зла.

Взаимодействие общества и природы является не просто мировоззренческой проблемой, но представляет собой острейшую проблему жизни общества и каждого человека. Не найдя адекватных способов решения этой проблемы, мы теряем возможность прогрессивного развития. Жесткое, паразитическое отношение к природе возможно лишь у безнравственного человека. Но такой человек в свою очередь становится ненужным природе, и она не замедлит найти бескомпромиссный и столь же жесткий ответ. Сегодня даже политики вынуждены делать горькое признание: «...Наука создала способность несколько раз самоуничтожить планету за несколько часов. Наибольшее противоречие нашей эпохи — это именно способность рода человеческого к самоуничтожению и его неспособность самоуправляться» [96]. Нынешний экологический кризис — это кризис самого человека, теряющего духовно-нравственные качества. Такой человек не имеет способности к совершенствованию производственной базы и правовых регуляторов жизнедеятельности. Благополучие на Земле невозможно без благополучия в человеческой душе.

Мы ошибаемся даже тогда, когда стараемся действовать осторожно и продуманно. Например, можно предположить, что верховые болота с дождевым питанием и заболоченные леса являются приоритетными экосистемами для поддержания поверхностного и подземного стоков на равнинных территориях. Человек в данной ситуации может как-то влиять на увеличение биопродуктивности там, где нужно, изменять альбедо поверхности Земли, искусственно перераспределяя осадки, осуществлять иные геоинженерные проекты, что становится модным в последние годы, особенно в связи с процессами изменения климата. Однако управлять регуляторными функциями экосистем, изменяя их структуру, мы еще толком не умеем. Есть риск непредсказуемых последствий, размеры которого не всегда, к сожалению, ясны. Например, речной сток способен даже снижаться в условиях лесопосадок из неподходящих пород деревьев для данного конкретного региона [261]. Замечено также, что попытки создания плантаций для производства биотоплива далеко не всегда оказываются удачными, так как эти плантации становятся (помимо всего прочего) источниками парниковых газов из почв. Так было в Южной Америке, Юго-Восточной Азии, США.

В целом же мы вынуждены признать, что наблюдаемые в природе деструктивные изменения под влиянием человеческой деятельности есть результат безнравственного разума. Масштабность этих изменений свидетельствует о том, что утрата этических ценностей человеком зашла довольно далеко. Разрушительный потенциал разума демонстрируют многие научные достижения, как правило, освобожденные от ответственности за последствия. Наука доказывает свою полезность обычно в узком круге задач, связанных с удовлетворением человеческих потребностей. В этом смысле разум оказывается эгоистичен, что и придает ему черты безнравственности. Природа становится лишь источником удовлетворения потребностей, что, собственно, мы и наблюдаем. Ухудшение окружающей природной среды предъявляет разуму требование блюсти моральные законы и правила. В этой связи говорят об экологическом императиве. Однако далеко не всегда отдают себе отчет в том, что данный императив имеет нравственное содержание. Масштабы разрушения природной среды прямо пропорциональны масштабам разрушения нравственности в современном обществе. Экология и этика настолько тесно связаны между собой, что задачу построения нравственного общества можно рассматривать как задачу экоразвития.

Приходится признать, что во все исторические периоды человек действовал весьма неосмотрительно по отношению к природе. Каждый современный человек, включившись в биосферные круговороты, в среднем ежегодно использует около 4 кВт мощности и 800 т воды, приводя в движение и перерабатывая более 50 т иных веществ. Следует заметить, что негативное воздействие Homo Sapiens на природу фиксируется уже на самых ранних стадиях. Например, результатом интенсивной охоты было ускоренное вымирание ряда крупных животных, таких как мамонт и гигантский олень. Негативным оказался с самого начала и опыт орошения сельскохозяйственных земель. В частности, никто не предполагал возможности вторичного засоления почв. К тому же ранние цивилизации, возникающие в зоне тропиков, столкнулись с множеством фактов неустойчивости тропических почв. История знает множество примеров, когда технические достижения становились опасными для окружающей природной среды. Например, совсем недавно вымер единственный в мире озерный вид дельфина, обитавший исключительно на территории КНР. Причина гибели – изменение гидрорежима р. Янцзы вследствие ее использования для нужд сельского хозяйства. Вымирает черноморская афалина (вид дельфинов). В целом человек оказался причиной нарушения сложившихся на Земле биохимических циклов. Ныне мы видим пагубную роль урбанизации. Человеческий разум, обусловивший рост информации в биосфере, оказался мало пригодным к соблюдению принципов экологической этики.

Начиная со времен Ф. Бэкона, провозгласившего свой знаменитый лозунг «знание – сила», наука была целиком поставлена на службу промышленной революции. В условиях противоестественной этики индивидуа-

лизма наука была освобождена от каких-либо моральных обязанностей, обслуживая частные интересы. Считалось, что союз науки и экономики — это все, что необходимо и достаточно для построения «рая на Земле». Окружающая человека среда была низведена до положения источника природных ресурсов. Вспомним слова Базарова из романа И. Тургенева «Отцы и дети»: «Природа — не храм, а мастерская, и человек в ней — работник». Идеология марксизма достигла расцвета в XX в., отбросив всякую мораль ввиду ее непрактичности и ненаучности. Дух того времени сохранился и поныне. Искусственное выступает против естественного, городские агломерации — против сельской отсталости. Обрел ненормальную популярность термин «инновация». Мы готовы воспевать «экономику знаний», преклоняем колени перед технопарками, при необходимости занося топор над естественными (природными) парками. Мы полагаем сегодня, что наука и техника в содружестве с экономикой может сделать все, особенно если погрузится в мир нанотехнологий.

Некоторые философы говорят даже о революционном характере происходящих ныне событий. В самом деле, происходит переход от вербальной системы информации («эпоха слова») к дигитальной, или цифровой, системе («эпоха числа») [123]. В сущности, речь идет об усилении значимости разума в деятельности человечества, что было подмечено еще Бэконом, Галилеем, Декартом. Это связано с глобальной задачей овладения такими стратегическими ресурсами, как вещество и энергия. Шло строительство техносферы, замещающей и выталкивающей естественную природу. Чтобы усилить возможности человеческого разума, на авансцену истории выходит третий стратегический ресурс – информация. Даже в науке происходит трансформация целей. Теперь нас интересует не столько истинная картина мира, сколько механизмы преобразования этого мира, которые мы желаем усовершенствовать. Потребность в наукоемких технологиях вытесняет потребности в духовно-нравственном развитии самого человека, что чревато обрушением цивилизации.

Нравственность выходит из моды, как и деревенский образ жизни. Мы не замечаем, что этика индивидуализма тоже есть противоестественное изобретение, в котором межличностные отношения заменены отношением «я и все остальные». К понятию «общество и природа» мы уже давно все привыкли, забыв о том, что общество — это тоже природный объект. Здесь перед нами явление социального эгоизма, аналогичное эгоизму личности. И даже популярная идея коэволюции общества и природы не сможет нам помочь.

Кризис природопользования обрел глобальный характер. Разработка стратегии выживания человечества является, быть может, самой фундаментальной проблемой за всю историю человечества [143]. В этой связи А. Петрухин предлагает заключение международного универсального договора о защите и развитии человечества [175]. Этот договор предназначается для упорядочения взаимоотношений между людьми. Стоит отметить,

впрочем, что накопление человечеством научно-технических знаний само по себе не решает проблему выживания, ибо условия и способы применения этих знаний могут как разрушать природную среду, так и способствовать ее развитию. Упорядочение взаимоотношений между людьми достигается не только и не столько знаниями, сколько совершенствованием нравственных норм поведения в обществе. Хозяйственные заботы должны быть подчинены моральным требованиям, перестав быть определяющей силой социального прогресса. Отказ от революций, представляющих собой искусственные катастрофы, и переход к эволюционному принципу развития, увы, еще не решают дело. Н. Моисеев возлагает надежды на образование и интеллигентное общество, которое может оказаться способным обеспечит цивилизационное развитие [143]. Такая надежда, к сожалению, остается тщетной, если в обществе разрушается духовно-нравственный потенциал. Образованные интеллигенты могут оказаться подлинными врагами природы и общества, если не пожелают подчинить себя нравственным законам, не будут справедливыми, совестливыми и порядочными, преодолев стремление к обогащению и власти, перестав быть эгоистами в своих делах и поступках.

Угроза будущему существует лишь постольку, поскольку экономика и рациональный стиль мышления захватили лидирующее положение в обществе. Нерациональная этика была отодвинута на второй план. Сфера разума (ноосфера), если она сохраняет сложившуюся ситуацию, столь же опасна, как и нынешняя техносфера – плод разума. К счастью (не будем об этом забывать), между людьми уже давно существует негласный универсальный договор по сохранению и развитию цивилизации, закрепленный в нравственных принципах. Важно только строго блюсти этот договор.

Кризис природопользования является индикатором кризисной ситуации в механизмах социального развития. Эволюция обычно характеризуется усложнением систем, но это усложнение не обязательно должно быть прогрессивным, что особенно хорошо видно на примере социальных систем. В ходе эволюции более простые формы оттесняются на второй план. Так было при замещении прокариотов, состоящих из безъядерных клеток, эукариотами с усложненной структурой клеток, содержащих ядра. Эволюция заключается в накоплении структурной информации, но при этом не возникает эффекта подчинения низших форм высшими. Между этими формами образуется, скорее, гармония, благодаря которой возможно сохранение сложных систем. Сформулированный Стругацкими принцип «Будущее создается тобой, но не для тебя» предполагает конфронтацию настоящего с прошлым, будущего с настоящим, которой в действительности нет и не должно быть. В противном случае, например, была бы невозможной гармония между человеком и природой, а лишь господство человека над остальной природой, бездумная эксплуатация природных ресурсов. В самом обществе урбанизация становится гибельной для села. И это свидетельствует об отсутствии прогресса в реальном обществе, подчи-

няющим сельский образ жизни усложняющимся городским системам. Не удивительно, что разрастающиеся городские агломерации загоняют в тупик человеческую цивилизацию. В этих условиях вера в человеческий разум превращается в анахронизм. Человеческая история медленно приближается к самоубийству.

Индикатором этого явления может служить реальный факт увеличения числа самоубийств в ходе цивилизационного процесса. К примеру, в Европе оно утроилось за период с 1821 по 1880 г. И это при том, что имеет место улучшение ситуации по некоторым другим демографическим показателям (рост продолжительности жизни, сокращение детской смертности и т. д.). Вплоть до начала XX в. 50-летнего рубежа достигали не более 2% населения. И все же нет никаких оснований полагать, что в ходе человеческой истории люди становились более счастливыми и удовлетворенными жизнью. Причина этого, скорее всего, в том, что в обществе не происходит духовно-нравственного совершенствования, улучшения моральных взаимоотношений.

С. Хайтун пытается усмотреть «смысл жизни» социума в интенсификации метаболизмов, стимулирующих последующую интенсификацию в возможно более продолжительной перспективе [235]. Причем рыночная система может рассматриваться как пример экономического метаболизма. Отсюда Хайтун делает поспешный вывод, что рынок направлен по вектору прогрессивной эволюции. Поэтому противиться рыночному фундаментализму это все равно, что противодействовать прогрессу. А противодействовать прогрессу было бы неправильно и неразумно – такова логика. Этические категории в данном случае становятся неуместными, полагает Хайтун [233]. К сожалению, здесь отсутствует понимание исключительной роли нравственности в развитии социальных систем.

Вряд ли мы можем сомневаться в том, что человеческое поведение регулируется требованиями сохранения человека в заданной окружающей среде, куда входит не только социальная, но и природная среда. Подобным образом регулируется поведение всякого живого организма, вступающего во взаимодействие с другими живыми существами. Правила поведения таковы, чтобы сохранить данный организм в условиях его взаимодействия с другими живыми организмами, а также в условиях природной среды его обитания. Эти правила закрепляются в генетической конструкции организма и передаются по наследству. Для высших животных эта передача происходит также в процессе обучения. Человек обладает разумом, и постольку правила поведения становятся осознанными, находя отражение в соответствующем понятийном аппарате. В этом случае мы говорим о моральных (нравственных) правилах. Обычно мораль характеризует взаимодействие человека с другими людьми и направлена на его сохранение в социальной среде (обществе). Если в природную среду включать только совокупность живых организмов на Земле (биосферу), то мы имеем биосферную этику. В случае взаимодействия человека с природной средой нашей планеты мы говорим об экологической этике. А если речь идет об остальной (неорганической) природе за пределами нашей планеты, то более уместно рассуждать об экологической этике в широком смысле слова. Если в природу выбрасывается искусственное вещество, не свойственное ей, то возникает опасность неблагоприятного изменения природной среды. Общество, которое является некоторым элементом биосферного организма, ведет себя в этом случае некотректно с точки зрения экологической (биосферной) этики. Загрязнение природы безнравственно. Включение в естественные экосистемы технических устройств и создание техносферы в целом ведет к ухудшению организованности биосферы изменяя нашу жизнь. Природа становится менее совершенной, подвергаясь человеческому воздействию. В рамках биосферного организма деятельность человека сродни действию патологических микроорганизмов. Человек — болезнетворный микроб по отношению к биосфере, ибо он ведет себя неподобающим образом. Так действует эгоист по отношению к обществу, в котором (и благодаря которому) он живет.

В ходе своей деятельности человечество обязано гармонично вписываться в систему биосферных круговоротов. Любые продукты этой деятельности должны перерабатываться, в конечном счете, микроорганизмами, а применяемые источники энергии должны быть экологически безопасными. Общим критерием деятельности человечества должно быть совершенствование организованности биосферы. Всякое упрощение биосферы является признаком этической несостоятельности человека и общества. Важно осознавать, понимать и учитывать глубокую связь органической и неорганической природы, подчинение общественного развития закону роста информации, справедливого для Вселенной в целом. Сбережение жизни на Земле имеет космическое значение. Человеческий разум, который пытается возвыситься над принципами нравственности, превращается из носителя организованности биосферы в ее разрушителя. Включение природных ресурсов в наше хозяйство призвано защищать и расширять ареал жизни на Земле. В этом главная целевая установка хозяйственной деятельности, а отнюдь не в денежной прибыли и росте личного богатства.

Восстановительные способности биосферы подошли к своему исчерпанию, что побуждает исследователей искать принципиальные изменения стратегии природопользования, поставив в центр внимания экологические ценности [168]. Новые стратегии действительно, нужны. Трудность заключается в том, что экоцентризм теснейшим образом связан с состоянием этических ценностей в обществе, о которых исследователи часто забывают. Это состояние закономерно ухудшается в условиях либерально-рыночной ориентации хозяйственных систем, когда на первый план выходят рыночные ценности. Нравственность в число таких ценностей не попадает. Если говорить о принципиальном изменении стратегии природопользования, то понадобятся меры, действительно, радикального порядка, предполагающие отказ от сложившихся принципов и методов хозяйственной деятельности и создание иных цивилизационных форм жизнеустройства. Специальные экологические исследования будут играть в этом случае подчиненную роль. В частности, они будут осуществлять функцию контроля за состоянием биосферы в региональном и глобальном аспектах. Само же природопользование будет всегда зависеть от особенностей возникших социальных систем и осуществляться в соответствии со сложившимися в обществе ценностными ориентациями.

Экологическая этика предполагает уважение ко всему живому и окружающей природной среде в целом, к таинственным глубинам Вселенной, с которой человеческий мозг связан функционально и организационно, будучи элементом космологической информационной системы. Организованность природы для человека выступает безусловной целью. Нравственность – это внутреннее отношение человека к самому себе, исходящее из требований внешних отношений человека к себе подобным и окружающей среде в целом. Отношения со всем нашим окружением (социальным и природным) являются источником нравственности и ориентированы на сохранение этого окружения. Нравственные истины начертаны в таинственных глубинах человеческой души и служат интересам вселенского порядка. Человеческий эгоизм есть неуважение человека к другим людям и природе. Эгоизм возникает как результат непризнания или забвения единства и солидарности человека со всеми природными созданиями. Безнравственный человек смешивает свободу с желанием, не отличает добра от зла, не признает долга и обязанностей, обращает знания во враждебную силу по отношению к другим людям и природе. Такой человек становится разрушителем организованности биосферы и общества. В самой науке и инновационной деятельности возникает синдром специализации, утраты единства знаний, усложняется задача целесообразного использования достижений науки и техники. Ценности универсализма отходят на второй план, а вместе с ними и ценности самого научного мышления. Знание частностей, вытесняющее знание общего, можно рассматривать как посредственное и недостаточное для обеспечения гармонии разума с природой. Возникает ситуация для господства экономических интересов в обществе, что и отражено в марксистской идеологии, поставившей экономические отношения на роль базиса в обществе. Ныне во главу угла ставится инновационная экономика, в которой видят главное условие общественного прогресса. Сфера научного знания и творчества приходят на службу практике, вытесняя контролирующую функцию нравственного долга [246].

В отсутствии нравственного прогресса рост научно-технического знания и вся практическая жизнь общества становятся источниками зла. Есть все основания утверждать, что экологическая этика представляет собой духовно-нравственные основы бытия человека и общества. Многие рассчитывают преодолеть кризисную ситуацию, опираясь на спасительные свойства научно-технического разума и соответствующую экономику. Предполагается, что в ближайшие 30 лет «мы перейдем от парадигмы ох-

раны природы к парадигме разумного пользования природой» [193]. Заметим, однако, что экономика во все времена была и будет впредь природопользованием, основанном на человеческом разуме. При этом разум стремится сделать производство экономичным, т. е. добиться минимальных затрат труда и природных ресурсов. Обязанность охранять природу стала пониматься не так давно, а именно, когда масштабы экономики и связанного с ней природопользования обрели внушительные размеры.

Некоторые экономисты, занимающиеся проблемами природопользования, готовы на использование метода условных оценок. Эти оценки получают из социологических опросов, когда респонденты высказывают свои интуитивные оценочные суждения (в рублях) по поводу утраты или сохранения того или иного природного ресурса, ландшафта, лесного участка и т. д. Отсюда видна лишь беспомощность экономистов, когда они сталкиваются с заведомо нерыночными феноменами, каковыми являются факторы окружающей среды и отношения человека с природой.

В настоящее время предприятиям дается (точнее, продается) право на выброс определенного количества загрязнителей. И если цена выброса оказывается высока, то предприятию целесообразнее приобретать очистное оборудование. Идя таким путем, можно расширить круг прав на загрязнение, принуждая предприятия внедрять экологически чистые технологии в случае высокого уровня загрязнений. Однако следует иметь в виду, что это означает вмешательство государства в экономические интересы производителей. Изъятие государством определенной доли прибыли предприятий не может не вызывать протест лиц, теряющих эту долю. В нравственно деградированном обществе интересы природы всегда будут менее значимы, чем экономические. Поэтому торговля правами на выброс будет, в конечном счете, отменена либо обретет видимость заботы об окружающей природной среде. Решение экологических проблем, по существу, станет исключительно трудным или даже невозможным делом.

Изобретение торговли правами на выбросы позволяет предприятиям осуществлять тактический маневр с учетом своих возможностей, но становится бесполезным в условиях недостаточно жесткого государственного контроля за выбросами. При отсутствии такого контроля покупателей прав на выбросы попросту не нашлось бы. Пользуясь этим, правительство, как показывает практика, может вступать в коррупционные связи с предприятиями, добиваться нужного их поведения на выборных компаниях. В подобных случаях помогает опора правительства на правовое принуждение, в частности на законы об ответственности. Причем сложность экологических споров в силу неопределенности ущерба делает нецелесообразным обращение предприятий в суд. Вместо споров более результативной мерой становятся договоренности, при которых обеспечивается некое распределение прибылей. Экономисты-рыночники полагают, что сделка, сопровождаемая взаимными уступками сторон (трансакция), становится более эффективным средством решения экологических проблем. Трансакция напо-

минает чем-то договоренность продавцов и покупателей на рынке. Однако страдающей стороной часто остается безгласная природа.

Налоги и платежи за природные ресурсы ныне не имеют целевого назначения, т. е. могут расходоваться на любые нужды, предусмотренные государственным бюджетом. Оправдание этому шагу находят в том, что организовать строгий контроль за целевыми расходами в данном случае было бы слишком сложно. Однако в любом случае налогообложение в сфере использования природных ресурсов должно быть достаточным, чтобы уменьшить действующее налоговое бремя на труд и капитал. Данные налоги уже действительно ничем не оправданы. Государственный бюджет должен формироваться за счет природопользования, особенно если оно имеет серьезные экологические последствия. Экологические расходы должны покрывать наносимый природе ущерб, чтобы обеспечить рациональное устойчивое природопользование [242]. Трудности исчисления ущерба в каждом конкретном случае не должны останавливать. Но общий уровень экологических налогов должен быть достаточным для того, чтобы остановить деградацию природной среды, особенно в районах интенсивного природопользования. Это необходимо, прежде всего, с точки зрения экологической этики, обязывающей нас сохранить мир живых систем (биосферу). Строго рациональное обоснование своих действий в области отношения с природой всегда было и останется слишком сложным или даже невозможным.

Реальность пока говорит о том, что наш разум несовершенен. И несовершенен именно потому, что не удовлетворяет духовно-нравственным критериям, не умеет подчинить себя требованиям экологической этики. Кажется поразительным также, что человек до сих пор не нашел экологически безопасных способов производства энергии. Развитие атомной энергетики наталкивается на отсутствие надежных мест захоронения радиоактивных отходов. Расщепить атомное ядро оказалось легче, чем справиться с последствиями этого расщепления. Во многих случаях последствия внедренных технологий оценить становится слишком сложно. Человеческий разум слаб, когда сталкивается с последствиями своей деятельности. Это касается развития информационных технологий, био- и нанотехнологий. Об их возможностях пишут много. О последствиях же их использования приходится только гадать. Технологический прогресс при всех его досточиствах попросту не может учитывать всех изменений в межчеловеческих отношениях, которые могут быть последствиями этого прогресса. И самый трудный момент заключается в том, что непредсказуемо изменяется этическая ситуация в обществе. Этика выходит за пределы рационального мышления. Она есть область иррационального. Абстрагируясь от этических факторов, разум обретает силу по части творения и слабость по части оценки последствий своих творений.

Современные информационные средства (телевизор, компьютер, мобильный телефон), как показывают многочисленные исследования, тем

или иным способом деформируют человеческую психику, погружая ее в виртуальный мир. В этой связи можно говорить о духовной наркомании, способной калечить души и здоровье человека. Человеческий разум совершенствует технологии зомбирования, превращая людей, начиная с детского возраста, в оторванных от реальной жизни роботов. Гасится стремление к добру, совершенствованию, возвышенной любви. Вооруженный новейшими достижениями разума человек теряет адекватное видение мира. Им овладевает страх перед жизнью, недоверие к другим людям, жестокость и агрессивность либо, наоборот, стремление уйти от общения, пассивность и нерешительность. Возможность гармоничного сосуществования с природой утрачивается. Новые поколения, обработанные должным образом СМИ, становятся менее жизнеспособными, зато более беспощадными и бездушными по отношению к природе. Выходит, что экологическая катастрофа готовится разумом. Он сохраняет способность совершенствовать электронные технологии, вникая в тонкости микромира, но теряет нравственные ценности, делаясь врагом макромира, который его окружает. Безнравственный разум становится воплощением зла, тем самым убивая общество и природу.

Всего несколько веков (по историческим меркам время мизерное) понадобилось для того, чтобы вызвать экологическую катастрофу на планете. И причина этого – ограниченность человеческого разума, тем не менее, взявшего на себя функцию определять параметры технологического прогресса. Ради этого прогресса разум вознес себя над миром нравственных отношений, поставив на первый план материальные потребности человека и отодвинув на второй план его духовно-нравственные потребности. В самой науке возобладал структурно-аналитический подход ко всем изучаемым объектам при практически полном игнорировании функциональноэкологической природы этих объектов. Выявление секретов существования объектов не было столь важно, как изыскание способов их использования. Цели исследования становились все более изощренными. Ныне дело дошло до модификации самого человека с помощью био- и нанотехнологий. По мере усложнения общества и техносферы предсказание последствий научных изысканий становится все более ненадежным и трудным, а сами последствия вносимых в общество изменений – все более масштабными и опасными для жизни на Земле. В литературе уже появились утверждения, что современная технологическая цивилизация вошла в фазу злокачественного перерождения [73]. Признаки этого налицо. Поступки человека диктуются потребительскими интересами, которые благодаря наличию разума могут быть какими угодно. Например, эти интересы (как и поступки) могут быть безнравственными. Создаваемая человеком «искусственная (вторая) природа» оказалась губительной для естественной природы. А, значит, деятельность человека явно неудовлетворительна с точки зрения экологической этики.

Есть основания говорить о безнравственности той формы человеческой цивилизации, которая возникла в ходе истории Homo sapiens, особенно в пе-

риод бурного научно-технического прогресса. По мере совершенствования технологических возможностей безнравственный характер потребительских интересов становился все более явным, что дало повод говорить о потребительской цивилизации и потребительском обществе. Общество оказалось в положении наркомана, потребности которого обрели форму патологии. Аналогичным образом жизнь общества оказалась под угрозой в силу патологической формы сложившихся в нем потребительских интересов.

Экологический кризис в обществе теснейшим образом связан с нару-

шением поведенческих стереотипов человека, отраженных в законах нравственности. И поэтому неудивительно, что в экологическом образовании и воспитании многие (в частности, известный эколог А. Л. Яншин) подчеркивали особую значимость и приоритетность этических аспектов. В этой связи можно говорить об экологичности морали [60]. Более того, моральные отношения в обществе определяют отношения общества с природой. Этические системы формировались стихийно в процессе адаптации социального организма к окружающей среде. Именно мораль выполняет функцию гармонизации общества с природой, обеспечивает устойчивость существования общества по отношению к природной среде [60]. На ранних стадиях развития общества это особенно хорошо видно. Доминирование разума над нравственностью можно рассматривать как дефект общественного устройства. Именно с этим обстоятельством тесно связана невысокая значимость экологических ценностей в процессе разрастания техносферы и усиления роли денег в обществе, устроенном на началах бездушного рационализма. Формирование протестантской этики явилось попыткой внести в естественные правила нравственности черты рациональной установки: нравственно то, что ведет к обогащению. И чтобы в это можно было поверить, нужна была ссылка на Бога. Что и было сделано. Так нравственность стала антиэкологичной.

Если принять, что стремление к господству над природой аморально в самой своей основе, то столь же аморально концентрировать внимание на правах человека, забывая о «правах природы», тем более что в природе заключены истоки всякой жизни, включая жизнь человека. Общество, и все что в нем творит человеческий разум, обязаны быть частью биосферы, органически входить в систему биосферных круговоротов, поддерживая эволюцию жизни. В обществе не должно быть потребностей, удовлетворение которых ведет к его самоубийству. Значит, за составом и изменением общественных потребностей нужно следить самым тщательным образом, как мы следим за потребностями своего организма, при необходимости устраивая соответствующую диету. Надлежит быть особенно бдительным к духовно-нравственному климату в обществе. Ухудшение этого климата является верным признаком ошибочной эволюции, включая идеологические и институциональные формы общественной жизни. В условиях безнравственного общества неизбежно становится злом и научно-технический прогресс.

Отдельные политики начинают осознавать все более расширяющуюся пропасть между научно-техническим и духовно-нравственным прогрессом. Не исключено, что это происходит, прежде всего, потому, что именно в области политики концентрируется много лжи, подлости, корысти и злонамеренности. Что касается обычных людей, то будущий апокалипсис их особенно не беспокоит в силу неизбежности собственной смерти. Экологическая этика представляется излишней, как кажется излишней забота о благополучии других людей. Любые действия, которые могут принести вред биосфере и другим людям, не выглядят предосудительными в потребительском обществе с ослабленным чувством ответственности. Молодые люди попросту уходят от действительности обычно с помощью алкоголя и наркотиков. Теперь этому способствует и компьютеризация. Разум погружает себя в искусственную среду, лишенную нравственности, столь же легко, как он это делает, конструируя техносферу и создавая бездушные мегаполисы, приспособленные не столько для людей, сколько для строительной индустрии и автомобилей. Разум бездушен по своему определению и особенно опасен, если становится предметом поклонения.

Сегодня необходима переориентация научной и технической политики с выработкой четких критериев экологической безопасности и целесообразности потребительских интересов. Энерго- и материалоемкие производства должны быть сокращены или даже ликвидированы. Стремление к комфорту несовместимо с требованиями экологической этики. С этой точки зрения, развитые страны Запада не могут быть для нас примером. Бытовое изобилие является скорее признаком бездуховности, корыстолюбия, эгоистических устремлений. Предоставление различного рода технических услуг индивидам должно идти, прежде всего, по линии государства. Таковыми должны стать, например, транспортные услуги при жестком, или даже полном, ограничении личного автомобильного транспорта. Следует принять как аксиому, что человеческий разум может обладать нравственной слепотой. Более того, это его типичная болезнь. Поэтому выдвигать в качестве идеала будущего общества сферу разума (ноосферу) попросту опасно. Идеалом будущего может быть только духовно-нравственная цивилизация.

Управление будущим предполагает не только и не столько разработку новейших производственных технологий, сколько планирование новых социальных и политических институтов, тех или иных черт жизнеустройства. «Мозговые центры» в обществе в настоящее время либо сильно ослаблены, либо нацелены на управление человеческой массой в нужном направлении ради обретения власти и богатства олигархическим кланом. Для этого нужны, в частности, разнообразные виды эффективного вооружения, способного поддерживать широкомасштабное насилие над людьми и государствами. Внедрение в общество необходимых психологических стандартов происходит с помощью СМИ. В конечном счете, задача управления будущим возлагается на безнравственный разум. Отсюда появляют-

ся модели Нового мирового порядка, концепция «золотого миллиарда», идеи организации мирового правительства, различные программы переустройства мира под эгидой «Римского клуба».

Еще совсем недавно Россия была готова взять на себя глобальную задачу переустройства общества на интернациональных принципах коммунизма, разработанных К. Марксом. Ныне же управление будущим все более уверенно берут на себя американцы, которым Россия безнадежно проигрывает [91]. Трудно спорить с тем, что генерация идей, экспертиза, создание образов будущего – стратегически важные вещи, что умение направлять события в нужное русло – ключевая технология всех развитых стран в XXI в. Однако, если все это окажется в руках безнравственного разума, катастрофа человечества станет неминуемой. К сожалению, многие признаки указывают на то, что мозговые центры современного мирового сообщества попросту игнорируют этические ценности. В обществе на первое место выходят отношения власти и подчинения, и главная задача этих центров сводится к построению механизмов сильной власти, причем на мировом уровне. На местах необходим соответствующий чиновничий аппарат и бюрократизация, чтобы человеческая масса была безвольной и бессильной. При этом нравственные регуляторы целесообразно повсеместно заменять правовыми механизмами.

Однако этика незаменима как основа всякой социальной системы. В безнравственном обществе, даже в условиях широкоохватного законодательства, люди оказываются незащищенными от различного рода невзгод. Желание обеспечить себя в старости обычно приводит к психологической установке иметь как можно большее потомство, особенно в ареалах бедности. В свою очередь бедность является итогом несовершенного жизнеустройства, когда нарушаются справедливость и нормы морали. Таким образом, быстрый демографический рост свидетельствует о неблагополучном климате в обществе. Расширение ареалов бедности во многом связано с агрессивным характером рыночной системы, порождающей тенденцию глобализации под эгидой западных стран. Агрессивность рынка явилась в свое время источником колониальных устремлений Европы, ныне трансформированных в феномен глобализации. В зону рыночной агрессии теперь попала и Россия, тем самым, став кандидатом на вхождение в ареал бедности. Справиться с этой бедностью вряд ли удастся, если не прибегнуть к насильственному сокращению населения. То, что рынок хорошо себя чувствует в безнравственном обществе и всячески это поощряет, замалчивается. Нравственное совершенствование общества рано или поздно обрушит рыночный диктат с его установками на неограниченный рост потребления, а демографический регулятор обретет естественный характер, не связанный с уничтожением «лишних» людей. Лишней окажется сама идеология глобализации, предполагающая нивелировку национальных культур и ценностей.

6.2. Ноосферная цивилизация и этика

Известно, что противоречия между природой и человеком уже давно вызывают беспокойство и даже мысль о необходимости торможения технического прогресса. В России так думали, например, славянофилы. И если ноосфере суждено состояться, то это произойдет лишь благодаря высоконравственному разуму, способному устранить извечное противостояние между биосферой и техносферой. Было бы более правильно говорить о духовно-нравственной цивилизации, в которой деяния разума полностью подчинены нравственному императиву. И лишь постольку может быть проведен в жизнь экологический императив, о котором так много говорилось и писалось. В отличие от представлений Тейяра де Шардена, который видел в ноосфере завершающий этап человеческой истории, духовнонравственная цивилизация является, скорее, ее началом, когда культ разума уступает место требованиям этики (в том числе, экологической). Представление о том, что человеческая мысль должна стать управляющим фактором по отношению к биосфере и даже неким стимулом ее развития, рождено культом разума в связи с успехами кибернетики и модой на компьютеризацию всего и вся. Человек обязан взять на себя ответственность за развитие общества в гармонии с окружающей природной средой. И надо понять, что эта гармония осуществляется в соответствии с законами этики. Вне этого соответствия никакая гармония не состоится. А значит, не состоится и вхождение в новую цивилизацию.

Формирование концепции устойчивого развития на Конференции ООН в Рио-де-Жанейро (1992 г.), несмотря на всю масштабность данного мероприятия, не привело к улучшению экологической ситуации, поскольку оказалось бессильным преодолеть скрытое рабство человеческого духа перед лицом материальных ценностей. Разум со всеми его технологиями не может спасти положение. Поиск стратегии, якобы способной обеспечить режим коэволюции природы и общества, на который иногда надеются [236], вряд ли имеет перспективу. За термином «коэволюция» фактически спрятан все тот же культ разума с той только разницей, что он теперь возводится в статус Коллективного разума. Перестройка «палитры» ценностей на этом пути ничего не дает кроме смутной надежды на интеллект информационного общества, которого мы ожидаем. Надеяться на то, что тенденция общественного развития сама направляет нас на модель «экологического социализма», мы не можем, поскольку социализм, как и капитализм, суть продукты социальной инженерии. Искусственный характер этих конструкций как раз и является причиной нарастающего экологического кризиса. Именно культ разума привел к конструкции рационально организованных социальных систем, обнаруживших свою духовнонравственную несостоятельность. Эти изобретения социальной инженерии поставили человека с его интеллектуальными возможностями в рабское положение, при котором знания не могут быть предметом общей собственности, как считает А. Хомякова [236]. Но она права в том, что современное общество явным образом демонстрирует свою интеллектуальную ущербность и нравственную несостоятельность. А происходит это потому, что имеет место соразвитие (коэволюция) рационально организованного общества и природы при полном игнорировании экологического и нравственного императивов.

Противостояние современного человечества природе, включая живые организмы биосферы, характеризует феномен так называемого планетарного мышления. Фактически мы имеем дело с противостоянием разума породившей его природе. И лишь постольку стала возможной вторая (искусственная) природа в виде техносферы. В то же время разум является интеграционной основой планетарного мышления, что выражается в единении человечества благодаря науке и научному знанию. Такое единение не может быть достигнуто в социокультурной сфере, включающей непреодолимые национальные, религиозные и иные особенности различных народов и государственных образований. Речь идет, в сущности, о многообразии духовно-нравственных культур различных народов, аналогичном генетическому многообразию различных биологических видов на Земле. Как видим, разум и нравственность определенным образом противостоят друг другу, хотя и обречены на сотрудничество в рамках человеческого сознания. Научно-технический прогресс втягивает человечество в единый исторический процесс, знаменующий формирование ноосферы. Эту тенденцию уловил В. И. Вернадский. В то же время ноосферизм не в силах отменить многообразие духовно-нравственных культур на Земле, как формирование биосферы не в силах отменить видовое многообразие. Более того, эволюция жизни на Земле происходила на фоне роста биоразнообразия. Этот рост – неотъемлемая черта эволюции.

Сегодня вхождение общества в сферу разума готовы приветствовать, игнорируя значимость социального «генотипа». Всякого рода этические оценки исторических событий представляются несущественными, ибо существует вера в разум, способный помирить всех и вся. Заблуждение это резко усиливается с принятием методологии ноосферизма, несмотря на осознание значимости этических аспектов общественного развития некоторыми авторами [162]. Возникает законный вопрос: не погибнет ли человечество от разума? Такой вопрос проникает даже в школьные учебные пособия [62]. По историческим меркам господство разума придает развитию взрывной характер. «Эволюционный взрыв» может выбросить человечество на просторы нашей Галактики. Однако при отсутствии духовнонравственных ценностей в обществе разум напоминает бомбу террористасмертника. Взрыв данной бомбы мы пока еще способны наблюдать. Однако нельзя поручиться, что это зрелище сильно затянется. Нельзя поэтому исключать того, что подозрительное «молчание» Вселенной, о котором говорил астрофизик И. Шкловский, связано с кратковременностью существования ноосферных феноменов. Известно, что немало видов животных и растений выпало из эволюционного процесса в связи с нарушениями нормальных отношений этих видов с окружающей природной средой. Homo Sapiens может быть одним из таких видов в силу гипертрофии рациональности и подавления нравственных начал разумной жизни.

Мы привыкли смотреть на экологию через призму человеческого разума, на который возлагаем надежду в сфере экологически чистых технологий. Мы полагаем, что наука (прежде всего, в лице биологии, экологии и других естественных наук) позволит нам создать такую модификацию биосферы, в рамках которой социум получит возможность гармонично вписаться в природную среду, обретя право именоваться ноосферной цивилизацией. Поразительно только то, что за рамками человеческого интереса, всецело управляемого разумом, остается грандиозная сфера этических ценностей и духовно-нравственных отношений. Эта сфера, к сожалению, часто воспринимается как производное социально-экономических отношений. Даже занимаясь напрямую проблемами этики, подавляющее большинство исследователей не усматривает в нравственности прямых связей с требованиями природы. Специалисты в области этики готовы фиксировать обобщенный характер моральных принципов. Но при этом утверждают, что «в силу обобщенности моральных принципов нравственность отражает глубинные слои социально-исторических условий бытия человека, выражает его сущностные потребности» [228, с. 387]. Иными словами, нравственность – исторический продукт общественного развития и социальных отношений. Ее экологические основы не усматриваются. Природа – всего лишь наш дом, местообитание.

Отчего же этот дом начал вдруг все более разрушаться? Нарастающий процесс разрушения природной среды — очевидный сигнал экологической катастрофы, итог дефектов нашей разумной деятельности. И если господство разума над нравственностью не закончится в ближайшие десятилетия, то помочь нам уже ничто не сможет. Хотелось бы думать, что гибель от собственного разума не является закономерной и неотвратимой. Преклонение перед материальными ценностями (золотым тельцом), стремление к богатству и популярности любой ценой не являются обязательными свойствами человеческой психики. Именно здесь мы имеем патологические изменения разума, в котором усматривается болезненная попытка использования этого свойства личности в целях обогащения, обретения популярности и власти.

Уже около половины продуктивных экосистем суши довольно сильно изменены. А это значит, что регуляторный механизм биосферы в существенной степени разрушен, и уже не может выполнять свои функции. В. И. Вернадский в свое время предсказывал превращение биосферы в ноосферу, полагая, что регуляторные функции экосистем перейдут в распоряжение человеческого разума. По В. И. Вернадскому, ноосфера представляет собой «такого рода состояние биосферы, в котором должны проявляться разум и направляемая им работа человека, как новая небывалая на планете геологическая сила» [34]. Основная мысль заключается в том,

что человеческий разум и природная среда способны образовать единую систему — ноосферу, подобно тому, как жизнь и косная материя, объединенные взаимным влиянием друг на друга, образуют единую систему — биосферу. К сожалению, разум не оправдывает этих надежд. Более того, он выступает как разрушитель, остановить который может лишь нравственный прогресс общества. Есть попытка употреблять иной термин для обозначения специфики новой геохронологической эпохи — «антропоцена», тем более что человек уже давно претендует на статус «царя природы», превратившись в геологическую силу, готовую все сметать на своем пути. Надлежит быть более скромными. Попытка управлять природными комплексами, даже если считать ее возможной, требует полного подчинения уже сложившимся механизмами регулирования, которые требуют внедрения в человеческую жизнь экологического и этического императивов. При этом разуму достается лишь функция осознания этих императивов, поиск подходящих технологических решений.

Освоение человеком биосферного пространства есть процесс формирования антропосферы, в которой разум и нравственность присутствуют в единстве. Более того, в рамках этого единства принципы этики составляют базовую часть. Поэтому было бы более правильно общество будущего определить не как ноосферу, а как духовно-нравственную цивилизацию. Компьютеризация общества, о которой сейчас много говорят, не столь значима, как кажется нам сегодня в эпоху культа разума. Можно быть уверенным, что этот культ идет к своему закату. Разумеется, наука остается средством осуществления прогресса, но цели и содержание этого прогресса всецело определяются нравственными устремлениями, в которых заключена человеческая мудрость. Еще Гераклит говорил: «Многознание не научает быть мудрым». И действительно, современные ученые в основной своей массе, даже в ранге академика, не отличаются мудростью. В России они безропотно принимают перестройку, ведущую в безнравственное общество, лишний раз доказывая несостоятельность идеи ноосферы как модели прогрессивного будущего.

Идея ноосферы предполагает увеличение значимости человека в развитии сферы жизни на Земле. В результате судьба биосферы оказывается во власти человеческого разума. Между тем разум, несмотря на обилие научных и технических достижений, способен применять их во зло человеку и природе. В литературе можно встретить довольно обоснованное утверждение о том, что становление ноосферы – возможность, но не действительность, поскольку человеческий разум отнюдь не гарантирует осуществление экологических идеалов. А. Горелов прав, когда пишет, что «концепция ноосферы напоминает натурфилософские построения и сциентистские утопии» [53]. Беда в том, что разумное существо может не только нарушать законы нравственности, но и находить способы оправдывать эти нарушения. Иными словами, разум, порождая сложные и тонкие технологии, может поступать безнравственно хотя бы в силу иррационального

характера моральных предписаний. Ноосфера может стать действительностью лишь в условиях нравственного совершенствования общества, в котором разум будет всецело подчинен нравственным законам.

Биосфера стала реальность лишь в условиях целесообразного поведения живых организмов. Нравственность появляется благодаря осознанию человеком этой целесообразности. Но это осознание отнюдь не означает, что разумное поведение может быть целесообразным. Напротив, оно дает возможность разрушения биосферы, что мы сейчас и наблюдаем. Нравственный разум, как часто мы видим на практике, вещь не обязательная. Ситуация становится воистину критическая. Безнравственный разум в последние столетия политической и экономической жизни не просто слеп, он берет на себя функции Люцифера, превращается в злую силу. В противном случае представление о демоне и демонических силах в христианской мифологии было бы невозможно. Разум, в отличие от нравственности, способен отрываться от природы и даже изображать из себя ее господина. Уследить за этой тенденцией далеко не просто. Поведение, если оно нарушает моральные нормы, вступает в конфликт с природой, что приводит к разрушению социума. Моральные нормы, в сущности, и являются требованиями природы, т. е. представляют собой преломленные в сознании человека экологические требования.

Разум, даже если он изощренный, не гарантирует нравственных действий. Но он многое может, и потому в безнравственном обществе особенно опасен. Современное общественное устройство с доминированием либерально-рыночных ценностей существенно отстает от требований сегодняшнего дня и не имеет морального права на развитие науки и техники. С. Девятова и В. Купцов справедливо пишут: «Никогда прежде люди не испытывали такой тревоги за свою жизнь и не чувствовали себя столь незащищенными, как теперь» [62, с. 180]. Это одна из причин появления антисциентистских настроений в обществе. С этими настроениями трудно спорить. Пытаться найти истину где-то посредине между сциентизмом и антисциентизмом тоже не выход. Дело заключается не в том, чтобы сбалансировать противоположности, а в том, чтобы показать моральную несостоятельность сложившегося общественного устройства, рождающего раскол в оценке науки и техники. Подобное общественное устройство наводит на мысль о его искусственности. Если искусственная природа (техносфера) кажется допустимой, то этого нельзя сказать об общественном устройстве, которое может быть детищем высоконравственных устремлений и не может быть плодом социальной инженерии. Это, в частности, означает, что изменение социальных систем не может осуществляться посредством реформаций и революций. Организационные структуры социума складываются и перестраиваются в ходе эволюционного процесса. И здесь нужна, прежде всего, мудрость, т. е. этические основания преобразовательной деятельности, тогда как рациональные критерии отходят на второй план. В истории России (и Европы) это, к сожалению, было не так.

Экологическая образованность и нравственная ответственность формируют философию и науку сохранения земной жизни и выживания человечества, которые можно было бы назвать биоэтикой, представляющей собой некий мост в будущее [237]. Биоэтика преодолевает социальнокультурную изоляцию людей, консолидируя их на совместное решение жизненных проблем с позиций экологического гуманизма. Вместо этого современная российская элита пытается построить новое общество, соединяя худшие черты капитализма и социализма. Биоэтика, как глубинный синтез разума и нравственности, позволяет взглянуть на будущее общество новыми глазами, преодолев неудачные деяния социальной инженерии прошлых эпох. Это преодоление прошлых заблуждений обязательно перед лицом той пропасти, которая простирается сегодня перед человечеством. Речь идет не просто о ноосфере, понимаемой как некая социальная модель культа разума, а о духовно-нравственной цивилизации, в рамках которой человек выступает полноправным собственником своих трудовых и интеллектуальных сил. До сих пор этого, к сожалению, не наблюдалось. А сам человек воспринимался как носитель трудового ресурса, и не более того.

В негативных последствиях научно-технического прогресса виноватыми выглядят те, кто не проявляет должной заботы о сохранении окружающей природной среды. Таких людей сеогдня достаточно много. И главная причина состоит в том, что используемая социально-экономическая модель изначально дефективна. Ее функционирование в обществе, подкрепляемое соответствующим законодательством, слишком чревато множеством нравственных изъянов. А самое главное, что общественная и политическая элита общества не замечает или не хочет замечать эти изъяны. Примером может служить спокойное отношение к сложившимся институтам собственности, подталкивающим людей к нравственным преступлениям.

В XXI в. именно экологический императив будет диктовать основные цивилизационные изменения. Соображения экологической безопасности заставят отказаться от ныне действующих механизмов хозяйственной деятельности, которые складывались задолго до осознания значимости отношений между обществом и природой. В 2008 г. Росгидрометом опубликован «Оценочный доклад об изменениях климата и их последствиях на территории Российской Федерации». Сегодня, когда заметно участились стихийные бедствия и происходят никому пока непонятные климатические изменения, приходится всерьез задумываться о перспективах социально-экономического развития.

6.3. На пути к новому обществу

Вышесказанное наводит на мысль, что перспективы духовно-нравственной цивилизации нельзя считать надежными в условиях культа разума, при

котором всячески возвышается роль знаний, а требования природы, отраженные в нравственных законах поведения, отодвигаются на второй план. Между тем все, что мы делаем в обществе, не может и не должно расходиться с базовыми ценностями, от которых зависит системная целостность общества и сам факт его сохранения как природно-биологического образования. Исходя из этого, важно привести основные параметры социальной системы в соответствие с базовыми ценностями. Одним из таких параметров являются отношения собственности в обществе. С них мы и начнем выявлять контуры будущей духовно-нравственной цивилизации.

Кажется удивительным, что на Руси издревле существовал духовнонравственный тип жизни в рамках общины духоборов. Они пропагандировали равенство людей перед Богом, фактически поклоняясь природе, и не признавали подчинение какой-либо политической власти в лице государства. Возможно, это явилось одной из важных причин того, что в начале XIX в. Александр I приказал духоборам России переселиться на пустынные тогда земли Крыма (Таврия), у берегов реки Молочной. Сами духоборы не противились такому решению, поскольку не желали смущать покой окружающего их в России православного населения. У духоборов существовала коллективная собственность на земли, скот, различные технические средства по ведению хозяйства. Это не мешало сохранить семью, которая проживала в отдельном доме и имела в своем распоряжении личное имущество. Работали же сообща, имея общую казну, поровну распределяя произведенные продукты. Старики, больные и одинокие члены общины проживали в так называемом «сиротском доме», получая все необходимое для жизни. Хотя духоборы Таврии проживали селами, существовал единый совет управления общиной, созданный представителями от сел. Во главе совета стоял авторитетный руководитель, признаваемый всей общиной [115].

Духоборы отличались от остального русского населения более высокой степенью развитости, полным отсутствием склонности к табаку и алкоголю, высокой работоспособностью. Их поселения находились в цветущем состоянии. Духоборы были исключительно миролюбивы и доброжелательны, исправно платили подати, но губернские начальники и церковь не оставляли их в покое, жаловались царю Александру I на то, что своим образом жизни духоборы подрывают основы православной церкви, готовы укрывать у себя беглых крестьян и дезертиров. И хотя община разрослась до 20 тыс. человек, в 1840 г. новый царь Николай I распорядился выслать общину в Джавахетию (горный район Грузии), расположенную на границе с Турцией. Оставляя свои дома, духоборы мыли полы и окна, накрывали стол, ставили хлеб, соль и воду для новых поселенцев, целовали и благодарили землю, которую покидали. Поразительно, что на новом месте, расположенном на высоте 2000 м над уровнем моря, обладавшим суровым климатом, духоборы сумели наладить свое хозяйство, проявили стойкость и смекалку, необычайное трудолюбие, способность выживать в условиях недоброжелательности со стороны другого населения.

Из-за опасности преследования часть общины духоборов (около 7500 человек) перебралась на целинные земли Канады. Однако коллективный образ жизни вызвал опасение и здесь. К тому же канадские фермеры оказались бессильными конкурировать с духоборами на рынке сельхозпродукции. Канадские власти потребовали заменить коллективное землевладение частным. Пытаясь сохранить свои идеалы, духоборы переселились на дальний запад Канады (Британская Колумбия), где снова организовали свое жизнеустройство на общинный лад в соответствие со своими идеалами. Сохранив основы своей русской культуры, духоборы вошли в Федерацию русских канадцев в качестве коллективного члена с 1967 г. Пропагандируя везде, где можно, идеалы коллективной жизни, духоборы даже создали Комиссию по будущности. Основная цель – борьба за духовность и нравственность человеческого общества, против зла и насилия. Центр «Духобории» расположен в Кордильерах на берегах рек Кутней и Колумбия, в районе живописных озер, где созданы уютные городки и поселки. Распространенный вид жилья – комфортабельные одноэтажные домики с огородами, окруженные стриженными лужайками. В домиках, на верандах и лужайках много цветов, которые составляют обязательную часть общего интерьера.

Исключительное трудолюбие и взаимопомощь сделали «Духоборию» райским уголком на Земле с великолепно налаженным хозяйством, использующим первоклассную сельскохозяйственную технику. Даже насильственное внедрение частной собственности не нарушило коллективного образа жизни, породив кооперативные формы хозяйства, сохранив традиции взаимопомощи и взаимной поддержки, высокие образцы русской культуры. Русских гостей, приезжающих к ним из других государств, включая Россию, встречают как родных, приглашая жить в своих семьях. Эти семьи отличаются крепостью, особым вниманием к детям и пожилым людям, под одной крышей могут дружно жить несколько поколений. Духоборы удивляют своей жизнерадостностью, приветливостью и общительностью. Деятельный характер и сила духа помогают им преодолевать сложности и трудности жизни. Они могли бы быть образцом жизнеустройства в России, которую рассматривают как родину предков. Именно здесь, в России, могла бы возникнуть духовно-нравственная цивилизация будущего.

Иногда говорят, что нравственный долг каждого человека творить добро другому в порядке сотрудничества и взаимопомощи являет собой важнейший принцип коммунистической этики [105]. С этим трудно не согласиться, но этот нравственный долг проистекает из общих принципов этики. Сотрудничество и взаимопомощь являются условиями выживания в ходе эволюционного процесса, протекающего в природе, и лишь при наличии человеческого сознания обнаруживают нравственный смысл. Моральное сознание, хотя и определяется общественными отношениями, которые сами люди строят и изменяют, но, тем не менее, оно является фундаментальным регулятором человеческой деятельности, а не просто ее

пассивным итогом. Поэтому говорить о новой парадигме этики в условиях коллективной (кооперативной) собственности было бы не совсем корректно. Скорее наоборот: строя различные парадигмы отношений собственности, человеческий разум оторвался от своих этических оснований, как он оторвался от самой природы и даже попытался стать ее господином. Подобным образом разум хотел бы господствовать над нравственностью, задавая ей те формы, которые он посчитает нужным. Такая установка выглядит нелепой. Гораздо более важно разглядеть в этике фундамент разумной деятельности.

Духовно-нравственное отношение к труду предполагает достижение разумного достатка, отказ от добывания денег любой ценой, исключение эксплуатации, ростовщичества. Труд нацелен на созидание, и в этом качестве выступает смыслом жизни. Производимые материальные блага хотя и имеют важное значение, но являются всего лишь средством, не смыслом жизни. Труд становится возможным благодаря разуму, но подчиняется законам нравственности. Разумная деятельность, нарушающая эти законы, делает труд самоубийственным, разрушительным фактором для общества и природы. К тому же разрушить всегда легче, чем создавать. Исторически сложившееся отношение к труду в силу естественных процессов, и, значит, с соблюдением нравственных требований, становится своеобразной базой для дальнейшего созидания. Постольку революционные перевороты и категорический отказ от своего исторического прошлого ведут общество в тупик, что мы и видим на примере России. Д. И. Менделеев писал: «Чтобы предстоящий путь был по возможности прогрессивным, он не должен отрицать прошлое. Разрушить исторически сложившееся легко, но не придется ли скоро жалеть о разрушенном?» [138, с. 183].

Современная православная церковь в России стремится к тому, чтобы в обществе утвердилась этика предпринимательства, основанная на заботе о благе своего народа и исключающая бесчестные действия [14]. Но при этом упускается из виду, что частная собственность исключает нравственность, а обогащение — основная цель предпринимательства. Либеральнорыночная экономика следует правилу: все эффективное морально, а все неэффективное — аморально. Такая этика неприемлема для подлинно нравственной экономики. Последняя носит созидательный, а не потребительский характер в точном соответствии со смыслом труда, способного избегнуть зло и разрушение. Общество процветания может быть создано лишь на духовно-нравственной основе, которая утрачивается в условиях частнособственнических отношений. Похоже, что христианская церковь забыла кооперативные принципы трудовой жизни, рожденные в ходе естественного развития общества.

Русская традиция придавала особую значимость праву собственности, определяющему весь гражданский порядок и составляющему точку опоры свободно действующего человека. С этой точки зрения, коммунизм с его беспрецедентными масштабами обобществления всего и вся представляет-

ся противоестественным. Русский философ И. Ильин подчеркивал искусственный, а следовательно, насильственный характер коммунизма в его марксистской трактовке, протестуя против отмены частной собственности [86]. Такая отмена в интересах исключительно государственной собственности означала массовое избиение людей: другого пути не было. Универсальность государственной власти и воли означала подавление духовного начала в человеке, покушение на те чувства и навыки поведения, которые стали принадлежностью человеческого инстинкта и которые по этой причине неискоренимы. И конечно же, духовная жизнь, включая Православие, вносила соответствующие коррективы во все экономические программы на различных этапах русской истории. В понятии собственности именно духовно-нравственные аспекты брали верх. При этом материальные ценности отступали на второй план, отдавая предпочтение идеям соборности, общинности, артельности, а позднее и кооперации с ее коллективнодолевой собственностью. Причем кооперативная собственность могла бы рассматриваться как особая форма коллективной (точнее, негосударственной) собственности, дающей простор личной инициативе. Неизбежность подобных особенностей русской истории объясняется тем, что «психология нравственности, социальной справедливости, истины и доброты всегда довлела над русскими душами» [250]. Напомним в этой связи: хотя быть частным собственником земли в дореволюционной России не запрещалось, крестьяне имели в своем распоряжении лишь около 6% земли (накануне столыпинской реформы). Итог земельной реформы Столыпина был тоже неутешительным: было выкуплено в частную собственность всего 4,3% посевных площадей [94]. Между тем численность крестьянского населения Российской империи составляла 83%. Земледельческая община являлась стержнем крестьянской жизни. Возможно, именно это обстоятельство помогло обнаружить вероятность социального развития вне западной модели права собственности с ее чрезмерной индивидуализацией [195].

Казалось бы, нет ничего плохого в том, что частный собственник готов брать на себя в добровольном порядке бремя обязанностей и ответственности перед Богом и обществом. Но не следует забывать и того, что этот вид собственности в силу объективных причин всегда будет подталкивать к несправедливым решениям, эгоистическим устремлениям, обману и корыстным наклонностям в ущерб нравственности. А поэтому замещение традиционной частной собственности коллективно-долевой собственностью, исключающей сам факт наемного труда, стало естественным и даже обязательным как только в России начала последовательно проводиться национальная политика во время царствования Александра III. Неприемлемость для России госкапитализма с его универсальной государственной собственностью вовсе не означает, что следовало любой ценой цепляться за идеологию частной собственности в ее классической европейской форме. В России был найден путь, пролегающий между Сциллой и Харибдой, между капитализмом и социализмом (коммунизмом), который гарантировал

нашей стране ускоренный рост и процветание. Отказ от национального пути развития оказался гибельным, и нам следовало бы уже давно это осознать.

В течение долгого времени мир является свидетелем коллизии между частной и государственной формами собственности. Сторонники частной собственности считали недопустимым государственно-административное регулирование доходов, полагая право частной собственности священным. Сторонники государственной собственности осуждали капиталистическую эксплуатацию труда, призывали к классовой борьбе и строительству нового общества под руководством партии и правительства. Россия, ставшая полигоном для такого строительства в 1917 г., уже через 70 с небольшим лет отказалась от доктрины государственного монополизма, вернувшись к прежней идеологеме свободного рынка и преклонения перед частной собственностью. Аморальность и преступность обогащения за счет приватизации госсобственности теперь уже не осуждалась. Бывшие партийные и комсомольские функционеры без особого труда освоили правила частного бизнеса, войдя в олигархические структуры «новой» России. Именно аморальность личности становится главным условием ее обогащения и процветания. Новоявленные частные собственники очень скоро (в 1993 г.) попали под защиту новой Конституции, объявившей о правах и свободах личности, многообразии форм собственности, не исключая приватизации природных объектов и ресурсов и не ограничивая в масштабах любую приватизацию.

Существует понятие «клептомания», которым определяют болезненное непреодолимое стремление к воровству. Распространение клептомании в современном обществе стало возможным как результат социальнопсихологической деформации общественного сознания в условиях частной собственности, культа наживы и эгоизма. Общественный организм, пораженный бациллами безнравственности, становится больным, несмотря на рост богатства и научно-технический прогресс. Нынешняя Россия, подражая Западу, пытается устроить роскошный пир во время чумы. Эта тенденция может закончиться печально для всего цивилизованного человечества.

К счастью, духовная прочность общества определяется не изобретениями человеческого разума, а историей культуры, прочно привязанной к нравственному императиву. Слепой разум может поколебать духовнонравственные устои социального развития, но разрушить их полностью не так-то просто. Неблагополучная социальная психология не обязательно должна трактоваться как признак обязательного летального исхода. Важно только осознать источники заболевания и произвести необходимые санитарные и профилактические работы. И первое, что нужно осознать: в современных условиях частная собственность дает широкие возможности для совершенствования технологий узаконенного воровства. И никакие законы нам не помогут.

После первоначального накопления капитала в частных руках начались процессы облагораживания и наведения внешнего лоска на искусст-

венную конструкцию возникшего социума. Начались разговоры, а затем и попытки практических шагов в части установления госконтроля над рентными доходами, регулирования трудовых отношений, модернизации налоговой системы. Нравственные дефекты в законодательстве пришлось компенсировать совершенствованием процессуальных норм, гибкостью правоприменительной системы, требованиями юридической этики. При этом произошло усложнение судопроизводства с одновременным снижением его эффективности.

Либеральная доктрина ставит свободу личности в прямую зависимость от развития частной собственности. Доступ к материально-денежным ресурсам полагается мерилом свободы. Такая точка зрения равносильна культу эгоизма, провозглашающего доминирование индивидуальных интересов над общественными. Решить проблему гармонизации этих интересов методом правового уравнивания всех форм собственности, как полагают некоторые исследователи [202], вряд ли возможно. Настала пора понять, что частная и государственная формы собственности предполагают существование в обществе наемного труда, который представляет собой хорошо замаскированную современную форму рабства, т. е. безусловную зависимость человека от интересов иных лиц (бизнесменов и чиновников). В России ситуация ухудшается сращиванием бизнеса и власти. Такую ситуацию никак нельзя считать морально оправданной. Новый XXI в. должен положить конец чересчур затянувшейся несправедливости.

В обществе, основанном на частной собственности, главной ценностью становятся деньги. Источник этих денег не имеет никакого значения. Поэтому борьба с воровством и коррупцией напоминает бой с ветряными мельницами. При помощи денег становится возможным разнузданное потребительство, развивается мания величия, чувство враждебности и одиночества. В обществе ослабевают нравственные скрепы, зато усиливается правовое насилие и принуждение. Общественная элита формируется людьми, способными попирать любые нравственные принципы ради благополучия. В обществе, основанном на коллективной (кооперативной) собственности, на первый план выходят справедливость, доброта, честность, любовь и долг, творческие устремления. При этом деньги теряют целевой статус, обретают подчиненное значение. Потребность в нравственных ценностях становится доминирующей над материальными потребностями. В этих условиях коррупция исчезает сама собой. Зато в нынешней России она принципиально неуничтожима. Все попытки борьбы с ней свидетельствуют лишь о том, что реальная глубина проблемы не осознается во властных структурах. Характерно для современной России, что люди стремятся найти работу, за которую хорошо платят. При этом интересы творчества и духовного удовлетворения отходят на второй план. Работа превращается в способ заработка, и не более того [55].

В отношениях собственности существенное значение имеет проблема выбора субъекта. От такого выбора зависит этическая оценка права собст-

венности. Следует заметить, что зависимость собственника от субъекта, которому эта собственность принадлежит, иногда даже может служить основанием для отказа рассматривать это понятие в системе юридических категорий [213]. Тем не менее понятия частной, государственной и иных форм собственности фигурируют как в Конституции РФ, так и в Федеральных законах. Поэтому обсуждение проблемы собственности в вышеупомянутом аспекте кажется излишним. Более существенным представляется то, что право собственности на практике содержит в себе множество оттенков, обуславливающих недостаточную четкость законодательных установлений и маскирующих нравственные дефекты. Например, можно говорить о праве собственности граждан и юридических лиц, не называя это правом частной собственности, которое очевидным образом нарушает принцип справедливости (статья 213 Гражданского кодекса РФ). Другой пример: на практике муниципальная собственность могла бы рассматриваться как региональный аспект государственной собственности. Тем более что некоторое время тому назад именно так и было, и ни о каком самоуправлении не могло быть речи.

Факторы развития правовых исследований в современной России теснейшим образом связаны с институтом частной собственности, которая нуждается в разнообразных средствах правового регулирования. В этой связи говорят о частном праве в противовес публичному праву. Более того, с частным правом сопряжены вопросы эффективности рыночной экономики и обязательность развития сферы публичного права, без которого и само частное право не может быть действенным [255]. Противостояние частного и публичного права является отражением противостояния институтов частной и государственной собственности. В области кооперативных систем, основанных на общей долевой собственности, указанное противостояние существенно ослабляется, поскольку кооперативные интересы во многом координируют с интересами членов кооперации. Кооперативная экономика, отменяющая частную и государственную собственность, делает нецелесообразным нынешнюю структуризацию права, приспособленную к либерально-рыночной модели хозяйства. При этом экологические интересы становятся интересами всех вместе и каждого в отдельности. Экологическое право в этом случае является выражением коллективного (общественного) права. Меняется содержание эколого-правовой ответственности, поскольку минимизация экологического вреда попадает в сферу интересов всех и каждого.

Определенные трудности возникают при рассмотрении природных ресурсов, в том числе земельных, ресурсов союзных республик, поскольку эти ресурсы по своему статусу носят характер общенародного достояния. Присваивать им статус государственной собственности не совсем корректно с этической точки зрения. В целом многоуровневый характер государственной собственности вряд ли облегчает процессы правового регулирования. Иерархическая организация права собственности, напротив, спо-

собна осложнить вопросы управления государственным имуществом, не говоря уже о том, что она плохо вяжется с принципами нравственности.

Введение частной собственности на землю в постперестроечной России 1990-х гг. противоречило нашим хозяйственным традициям и носило шоковый характер. Тем не менее российские власти и поныне не желают слышать голос народа. Земельный рынок продолжает существовать и укрепляться с помощью законодательных актов. Мелкие собственники постепенно замещаются более крупными. Появляется группа иностранных землевладельцев. Все это, безусловно, противоречит «земельной этике», согласно которой земля может быть лишь общественной собственностью, т. е. не может находиться в частном владении. Земельная рента должна расходоваться только в интересах общества, например в интересах кооперативных систем. Право же распоряжаться (но не владеть!) рентой допустимо передавать государству.

В настоящее время природная рента, присваиваемая природопользователями с очевидным нарушением принципа справедливости, по оценкам акад. Д. Львова, составляет 40–45 млрд долларов [128]. Такое присвоение не имеет никаких нравственных оправданий. Действующая налоговая система в сфере добывающих компаний включает платежи за добываемые полезные ископаемые (в размере 16,5–18%), отчисления от прибыли (в размере 24%), экспортные пошлины (в зависимости от мировых цен). В принципе все, что остается у добывающих компаний после покрытия затрат на добычу полезных ископаемых и получения так называемой нормальной прибыли, считается рентным доходом и подлежит отчислению в распоряжение государства. По смыслу дела, природная рента должна была бы стать общественным достоянием. Однако это не так. Более того, на практике всегда существует возможность занижать налогооблагаемую базу. Например, у нефтяных компаний это снижение составляет около 50%. В лесной промышленности широко распространены незаконные рубки, в рыбном хозяйстве – контрабанда выловленной рыбы.

Элементарное требование справедливости: рентный доход не может быть источником повышения зарплаты чиновников. Вместе с тем достаточно очевидно, что природная рента является основанием для бесплатного медицинского обслуживания и образовательных услуг (как это имеет место, например, в Швеции), повышения размеров пенсии, финансирования научных учреждений. Нормальная прибыль зависит от установленной нормативной рентабельности. Эта прибыль должна обеспечивать сохранение и развитие предприятий, целесообразность затрат, предназначенных для реконструкции и расширения предприятий.

Частная собственность на землю и другие природные ресурсы (статьи 9 и 36 Конституции РФ) противоестественна, противоречит основам нравственности, поскольку любые природные блага не являются результатом человеческого труда и должны принадлежать всем вместе и каждому в отдельности. Упомянутые статьи Конституции РФ способны нанести

ущерб национальным интересам России, которая рискует вообще потерять свои природные богатства в условиях, когда другие страны проявляют обостренный интерес к этим богатствам. Частная собственность на любые природные богатства и блага очевидным образом нарушает принцип справедливости. Природные ценности не могут быть предметом купли-продажи в силу их естественного происхождения. Точно также не могут быть предметом купли-продажи интеллектуально-трудовые ресурсы человека. А значит, не может быть наемного труда, при котором человеческий «капитал» становится рыночным товаром. Ценность человека как особого объекта природы делает особой ценностью и человеческое здоровье. Общество, обязанное проявлять заботу о состоянии природы, должно проявлять особую заботу и о человеческом здоровье. Заметим: медицинские услуги, если они ставятся в зависимость от денежных возможностей человека, являются столь же безнравственными, как существование рынка труда, и все, что связано с куплей-продажей природных ценностей.

Вопрос о том, что собственность на землю не может быть ни государственной, ни частной, уже ставился в литературе [220]. Земля может находиться только в многосубъектной общественной собственности в интересах как местного населения, так и общества в целом. В сочетании с кооперативной собственностью на средства труда и результаты производства это могло бы дать возможность успешного развития хозяйственной деятельности в рамках духовно-нравственной цивилизации. Между тем наши власти, как регионального, так и федерального уровня, ничуть не обеспокоены тем обстоятельством, что растет число хозяйств-банкротов, сокращаются объемы производства, площадь возделываемых земель, поголовье продуктивного скота. Очевидная связь всех этих явлений с твердой установкой на частную земельную собственность не замечается ни политиками, ни даже учеными. Средства массовой информации, сообщая с утра до вечера о множестве различных аварий и катастроф, обходят стороной общую катастрофу России, последствия которой могут быть плачевными также для всего мирового сообщества, как на Востоке, так и на Западе. Перераспределение национального дохода и природных ресурсов в интересах абсолютного меньшинства населения – признак нравственной деградации общества.

С. Глазьев прав, когда пишет о том, что «состояние экономики напрямую зависит от духовного, нравственного состояния личности» [47, с. 416]. Но в таком случае нам придется признать, что нынешняя модель хозяйства в России приходит в столкновение с российской историей, вырабатывающей в течение многих веков идеалы добра и справедливости, отзывчивости и нестяжательства, коллективизма и сотрудничества. В рамках конкурентно-рыночной экономики мотив максимизации прибыли неотвратим, поскольку лежит в ее основании. Идеология «золотой средины», заложенная в «Свод нравственных принципов и правил», сама является порочной, практически нереализуемой. Нужно ли удивляться тому, что, несмотря на

кажущуюся очевидность и даже банальность изложенных в «Своде» правил, «они повсеместно нарушаются в поведении российской деловой и политической элиты, а также игнорируются государственной социально-экономической политикой» [47, с. 417].

Тот факт, что частнокапиталистическое хозяйство в реформируемой России легализует аморальные и в значительной части преступные формы обогащения за счет присвоения чужого, ни у кого не вызывает сомнения. Либерально-рыночная доктрина, даже в условиях благополучного Запада, не может не быть вульгарной, поскольку является продуктом общества, пораженного вирусом протестантской этики. Специфическая особенность этой этики в том, что она соединяет принципиально несовместимые элементы, считая богатство и успех в любых их проявлениях и при любых способах достижения признаками богоизбранности. Попытка облагородить безнравственную доктрину методом «осреднения» добра и зла в «Своде нравственных принципов и правил» означает, что ее утопичность осознается не в полную меру не только богословами, но и учеными, призванными войти в общественную элиту. К большому сожалению, многие представители этой элиты пока не усматривают глубинных связей между правом собственности и нравственными ценностями.

Каким видит будущее России ее современное политическое руководство? На расширенном заседании Госсовета в докладе «О стратегии развития России до 2020 года» В. Путин говорил о необходимости концентрации усилий на создание равных возможностей для людей, инновации и радикальное повышение эффективности экономики, прежде всего, за счет роста производительности труда. К сожалению, все это носит характер пожеланий, так как сложившаяся в России социально-политическая система не имеет должных потенций и ясных перспектив в области совершенствования духовно-нравственной базы. И хотя руководство признает тупиковость энергосырьевого сценария развития страны, концепции переустройства общественного строя на основе традиционных национальных ценностей с отказом от нравственно ущербных институтов собственности не предлагается. Такая концепция нынешней политической и экономической олигархии попросту не нужна. Более того, значительная часть доходов бюджета отправляется за рубеж на кредитование государственных расходов стран НАТО, а еще около триллиона рублей было решено заморозить в иностранных ценных бумагах, к тому же весьма ненадежных [48]. И это в то время как отечественные отрасли обрабатывающей промышленности (включая высокотехнологичные) живут в условиях нехватки кредитных средств. Реально проводимая экономическая политика блокирует инновационный путь развития.

Самое печальное заключается в том, что Стратегия развития не принимает в расчет падение престижа частной собственности в глазах общества. Социологические опросы говорят о том, что положительное отношение к институту частной собственности существенно поколеблено. Если

в начале 1990 г. поклонников частной собственности было 71%, то в 2005 г. – только 43% [205]. Связывать институт частной собственности с возможностью преодоления экономических трудностей решаются лишь 19% опрошенных. Хуже того, обретенные собственниками «крупные состояния не рассматриваются большинством россиян как легитимные» [205, с. 104]. Мы привыкли рассматривать формы собственности с точки зрения эффективности производства, способности удовлетворять общественные потребности. Однако не менее важная их характеристика – соответствие нравственным принципам. С этой точки зрения частная и государственная формы собственности страдают дефектами, поскольку предполагают наемный труд, делающий из человека всего лишь источник трудовых услуг. Услуги этого рода не так уж далеко ушли, например, от сексуальных услуг. Последние мы готовы порой подвергнуть нравственному осуждению, но не осуждаем почему-то случаи наемного труда. Общественное сознание пока что не вполне готово к нравственным оценкам в этих случаях.

Высокоморальный образ жизни противопоказан представителям частнособственнической идеологии, поскольку он осложняет цель достижения богатства и процветания. Предпринимательство в обычном понимании этого слова предполагает личное обогащение за счет труда других людей, иными словами за счет наемного труда. В условиях государственной собственности создаются те или иные формы обогащения представителей правящей касты, и опять-таки благодаря наемному характеру труда. Ибо присваивать результаты чужого труда можно только в этом случае.

Хотя система этических ценностей изменяется и усложняется в ходе развития общества, факт отчуждения результатов труда от человекапроизводителя всегда будет оставаться безнравственным, представляя собой скрытую форму рабства. Распоряжаться чужим трудом всегда будет запрещено этикой. И следовательно, этика неизбежно входит в противоречие с частной и государственной собственностью, даже если мы говорим о социализме или, тем более, об идеалах свободы в условиях либеральнорыночной демократии. Нравственность имеет социально-экологический смысл, а это значит, что жизнь человека и его труд служат благу других людей, делая возможным сохранение и развитие общества как природного образования. Достижение общественного блага предполагает отказ от наемного характера труда. Собственность может быть лишь коллективной, и в этом смысле общественной, но никак не государственной или, тем более, частной.

У человека есть так называемые естественные права, которые ему должны быть представлены по факту рождения. Здесь имеется в виду, в частности, личная неприкосновенность, личная собственность, свобода иметь убеждения и т. д. Будучи элементом общества, человек имеет естественное право трудиться на благо общества, получая взамен право на образование, жилье, медицинское обслуживание, отдых и т. д. При этом

у человека имеется естественное право на собственный интеллектуальнотрудовой потенциал, на свои способности к труду. Это значит, что существование наемного труда в обществе, когда человеческий потенциал присваивается другими людьми или государством, нельзя признать естественным и справедливым. Наемный труд является признаком нарушения естественных прав человека, и по этой причине он должен рассматриваться как факт нарушения нравственного принципа. Именно естественные права являются источником свободы человека, тогда как наемный труд, ограничивая эти права, делает его несвободным. Пора признать, что наемный труд представляет собой хорошо замаскированную (скрытую) форму рабства. Ибо нельзя не согласиться с тем, что «люди свободны в той мере, в которой они реально могут осуществлять свои естественные права» [238, с. 291. Поскольку существует естественное право, постольку можно говорить о правовой свободе. В рамках позитивного права мы подобных утверждений делать не можем. Поэтому есть достаточно веские основания полагать, что «естественное право первично и определяющее по отношению к позитивному праву» [238, с. 33]. Если юридическая норма теряет связь со своими естественными основами, то, строго говоря, эту норму уже нельзя признать правовой. Она утрачивает свою легитимность.

Право собственности, являясь неотъемлемым правом каждого человека

Право сооственности, являясь неотъемлемым правом каждого человека на свой ресурсный потенциал, составляет базовую компоненту в правовой системе. Отсутствие этой компоненты недопустимо, если используемая в обществе правовая система претендует на справедливость и легитимность. В условиях наемного труда мы вынуждены опираться исключительно на силу государственного принуждения, полагая вполне достаточным основанием для такого принуждения решения законодательных органов власти, каковы бы ни были эти решения. Понятие «работодатель» ныне широко введено в обиход экономистов и хозяйственных работников. Это понятие означает, что в современном обществе работа не является естественным условием существования человека, проявлением его творческой активности. Работа сродни услуге, которую один человек может предоставить другому. Но в таком случае человек сам становится сродни механизму, который можно либо использовать, либо выбросить.

В сущности, мы сталкиваемся с безнравственной ситуацией, являю-

В сущности, мы сталкиваемся с безнравственной ситуацией, являющейся признаком безнравственного общества. Человек — элемент социокультурной системы, и в этой своей сущности является членом того или иного коллектива. Все, что делается в обществе, обнаруживается как результат коллективного действия. Благодаря этому человек может восприниматься как личность, обладающая определенным интеллектуальнотворческим потенциалом. Данный потенциал есть неотъемлемая собственность человека, которой он распоряжается в определенной институциональной среде. Такая среда должна существовать в каждом конкретном обществе. По сути дела, речь идет о кооперативных системах, в которых каждый индивид выступает собственником своих трудовых способностей.

Выполняя свою работу, он имеет право собственности также на конечный продукт кооперативной системы. В такой системе нет работодателей, а следовательно, нет наемного труда. В свое время кооперативная организация труда была подсказана особенностями сельского хозяйства. Однако она совершенно необходима во всех сферах хозяйственной деятельности.

В условиях рыночных идеалов частная собственность превращается в абсолютную ценность, а сопутствующие этому обстоятельству падение нравственности игнорируется. Мы не замечаем, что ценность самой человеческой жизни становится все менее значимой, а человеческие способности обретают характер рыночных ценностей. Можно согласиться с В. Жуковым в том, что «для этической сферы деятельности базовыми ценностями всегда были: благо, справедливость, свобода, равенство, любовь, доброта, счастье, благородство, мужество и т. д. » [72]. Однако наступает пора осознать, что перечень базовых ценностей следует начинать с человеческой жизни и ее интеллектуально-трудовых проявлений, являющихся неотъемлемой собственностью личности. Само право собственности на личный трудовой потенциал должно стать важнейшей ценностью. И лишь постольку могут стать подлинными ценностями созданные человеком государственные и правовые институты. В современной Конституции РФ право собственности, предполагающее существование наемного труда, приходит в противоречие с принципом справедливости. А это значит, что справедливость в рамках российской правовой системы не может рассматриваться в качестве основополагающей юридической ценности, как иногда полагают [5]. Право в его нынешнем виде закрепляет несправедливость в обществе. Об этом можно сожалеть. Но нам придется признать, что право вынуждено жить в мире с либерально-рыночной идеологией, обслуживая, прежде всего, интересы господствующей у нас экономической политики.

Надо признать, что право на труд ничем не гарантировано. Все, что может сделать государство, это предоставить право защиты от безработицы (статья 37 Конституции РФ). Человек может свободно торговать своими способностями к труду, но это вовсе не означает, что на рынке труда найдется покупатель. Иными словами, способность к труду есть обычный рыночный продукт. Человеку дозволено быть носителем этого продукта и распоряжаться им в условиях рыночного спроса. Однако когда продажа состоялась, человек уже не является собственником своих трудовых способностей. Такая ситуация кажется противоестественной. Аналогичным образом человек может торговать, например, своими сексуальными способностями. И если мы готовы выбрасывать на рынок человеческие способности, то это означает, что общество неблагополучно в нравственном отношении. В таком обществе мы вправе торговать чем угодно, в том числе наркотиками, если в них существует потребность. Тот факт, что они наносят вред здоровью, особенно не беспокоит, и даже выгоден, поскольку повышается спрос на труд. Те кто остается здоровым, избавляются от своих конкурентов на рынке труда. И нет ничего удивительного в том, что борьба с наркомафией обретает всего лишь видимость. Она длится в различных странах уже сотни лет без заметного успеха. Более того, начинают появляться признаки сращивания наркомафии с государственными учреждениями. В условиях рыночной цивилизации это представляется вполне нормальным явлением.

По мере внедрения в социально-экономическую жизнь различного рода научных новшеств и достижений в условиях частной и государственной собственности масштабы преступлений будут возрастать, а сами преступления становиться все более изощренными. Безнравственный разум будет получать в свое распоряжение все более тонкие технологии мошенничества, обмана, коррупции. Правовые системы в такой ситуации станут беспомощными. Их эффективность будет падать по мере все большего разрастания и усложнения. Противостояние людей в обществе обретет непреодолимые формы, превратившись в источник взаимной неприязни, подозрительности и недоверия. Человеческая жизнь станет мучительным процессом, не приносящим радости и удовлетворения.

Безнравственный характер наемного труда станет в полной мере очевидным. Виды собственности, предполагающие наемный труд, станут неприемлемы. Уже сегодня не вызывает сомнения, что новая общественная система не будет базироваться на наемном труде, используя кооперативные формы хозяйствования [42]. Общая долевая собственность в разнообразных своих проявлениях обретет универсальный характер, поскольку является безупречной с этической точки зрения. Важнейшая особенность кооперативной (общей долевой) собственности в том, что она исключает наемный труд, а человек становится собственником своего интеллектуально-трудового потенциала. Таким образом, человек станет, наконец, обладателем своей собственной сущности. Подчеркнем еще раз: кооперативная собственность, вытесняя частную и государственную, обретает черты универсальности. Властные структуры заменяются органами управления разных уровней. Эти органы будут входить в кооперативные системы для решения возникающих совместных задач.

Феномен власти как таковой вообще исчезает. Господствующее положение одних людей над другими, предполагающее цепочки «приказ – исполнение», делается ненужным. Властные отношения заменяются отношениями согласованного управления. Государство в обычном понимании этого слова исчезает, поскольку становится элементом кооперативных систем для решения определенного комплекса задач, и не более того. Все общество должно превратиться в сложную кооперативную систему. И что особенно существенно: в обществе ослабевает какая-либо необходимость в насилии, поскольку нравственная мотивация будет занимать доминирующее положение Мечта о свободе личности наконец-то станет явью. Вместе с исчезновением потребительского общества резко улучшится экологическая ситуация. Экоцентризм заменит антропоцентризм.

Духовно-нравственная цивилизация не исключает наличия социокультурных и психологических черт тех или иных народов, благодаря которым эти народы обретают целостность в форме национальной общности. Многообразие наций на Земле обусловлено всем ходом естественного исторического процесса. Не следует торопиться с отказом от понятия нации, как это делают некоторые ученые. Призыв «забыть о нации» выглядит неуместным, даже если попытаться обойтись такими словами-заменителями, как народ, культура, государство [221]. Национализм, как проявление любви к своей нации, несет определенную ценностную ориентацию людей, имеющую этическую окраску. Чувство приверженности к своей национальности само по себе выглядит вполне нравственно. Благодаря этому чувству сохраняется сама нация. В отличие от народности нация обладает способностью к самостоятельному образованию своего государства [41]. Можно говорить о духовно-нравственных особенностях той или иной национальной общности. Например, русским чужда идея индивидуализма, благодаря чему либерально-рыночная идеология в условиях России имеет явно насильственный характер. Суровые природно-климатические особенности России уже давно подталкивали людей к коллективным формам жизни. И, пожалуй, не случайно именно в России произошел в свое время (начало XX в.) всплеск кооперативного движения в сфере хозяйственной деятельности.

Может создаться впечатление, что интеллектуально-трудовой потенциал изначально является нашей естественной собственностью хотя бы потому, что мы являемся его носителями. И постольку ни о чем не следует беспокоиться. Это глубокое заблуждение, что, собственно, и было показано в данном параграфе.

Подводя итоги, скажем: если бы интеллектуально-трудовой потенциал был нашей атрибутивной собственностью, то, во-первых, рабство не было бы возможным в принципе, а, во-вторых, не могло бы быть такого явления как наемный труд. В-третьих, все, что мы производим, должно было бы находиться в нашей собственности. В-четвертых, получаемые нами блага должны были бы соответствовать нашим интеллектуально-трудовым возможностям. В-пятых, мы имели бы естественное право на присвоение некоторой доли природной ренты. И, наконец, было бы невозможным существование частной и государственной собственности, поскольку соответствующие субъекты собственности не могли бы выступать в роли работодателя. Именно по этой причине деньги теряют свою функцию сокровищ, позволяющую накапливать богатство и обретать власть. Фиктивность денежного богатства пока что проявляет себя в периоды экономических кризисов, денежных реформ, различных социальных потрясений. Собственность на личный интеллектуально-трудовой потенциал исключает возможность превращения денег в сокровище на все случаи жизни. Становятся невозможными ростовщичество и акции. Тайный механизм порабощения народов и уничтожения цивилизаций, о котором подчас пишут [117], перестает работать.

Общество будущего предполагает формирование духовно-нравственной цивилизации, в рамках которой человек осуществит наконец право собственности на свой интеллектуально-трудовой потенциал. Пока же он таким правом не обладает, попадая в зависимость от интересов других лиц, либо государства. В этом случае мы говорим о наемном труде, в котором человек теряет способность распоряжаться продуктами своего труда, становясь подневольной личностью. Духовно-нравственные запросы уходят на второй план, что во многих случаях ведет к фактической деградации личной и семейной жизни. Семья превращается в пустую формальность, ослабевают родственные связи и контакты с близкими по духу людьми.

Интеллектуально-трудовые ресурсы человека, которые не могут быть отчуждены от него ни при каких обстоятельствах, представляют собой главный фактор становления духовно-нравственной цивилизации. Данные ресурсы есть основной объект собственности человека. Если таковая собственность существует реально для всех граждан, то сами собой отпадают частная и государственная виды собственности, с которыми связан феномен наемного труда. Остаются исключительно коллективные формы собственности, предполагающие многообразие самых различных видов и типов кооперативных систем, в рамках которых государственные служащие становятся всего лишь сотрудниками этих систем, а государство в целом становится на службе общества. Нужна совершенно иная философия хозяйства, чем та, которой мы поклонялись в минувшие столетия. Об этом далее и пойдет речь.

6.4. Новая философия хозяйства

Хозяйственная деятельность, как мы теперь знаем, рациональна и являет собой некий продукт человеческого разума. Фундаментальная роль разума отражена в концепции ноосферизма, в которой многие видят контуры будущего [162]. К сожалению, в этой концепции интеллектуализация будущего занимает центральное место, подчиняя себе принципы нравственности. Это чувствуется по многим публикациям. Между тем мы уже имели возможность убедиться в том, что разум, не помещенный на прочный фундамент нравственности, способен превратиться в источник многих неприятностей и даже порождать искусственные социальные системы, угрожающие гибелью всего человечества. Настало время осознать, что, быть может, основное нравственное требование заключается в строгом соблюдении естественного права человека на свои интеллектуальнотрудовые возможности в рамках любых хозяйственных систем. Проще говоря, мы обязаны исключить, наконец, феномен наемного труда из сферы хозяйственной деятельности. Но это значит, что мы должны взять курс на постепенное сжатие сферы всех ставших нам привычными форм собственности (частная и государственная), вплоть до их полного исчезновения,

поскольку с этими формами собственности связано появление нравственно несовершенных общественных отношений.

Организационная структура общества во многом зависит от особенностей сложившейся в нем ценностной системы. В течение нескольких последних веков нас приучают к тому, что главная компонента в этой системе – материальные ценности. Именно отсюда вытекает мысль, что экономические отношения составляют базис общества. Все прочее – всего лишь надстроечные элементы. Вместе с тем в ходе исторического процесса обнаруживается неуклонный рост значимости экологии, проблемы которой мы не умеем решать в условиях приоритета материальных ценностей. Духовно-нравственные ценности спокойно отодвигаются в сторону. Среди них экологическая этика вообще оказывается на последнем месте. Возникает безнравственное общество, в котором люди противостоят друг другу, и все вместе противостоят природе. Дело дошло до того, что мы не видим аморальности тех форм собственности, в которых человек лишается права распоряжаться собственным интеллектуально-трудовым потенциалом. В рамках философии хозяйства, к которой нас приучили, нам представляется нормальным и естественным положение, когда человек не принадлежит сам себе, когда им распоряжаются владельцы хозяйственных структур и государственные чиновники. В рамках новой философии хозяйства, где человек сам себе хозяин, обретает особую значимость коллективная (кооперативная) собственность, при которой на переднем плане оказываются духовно-нравственные ценности.

Будущее связано с разнообразием кооперативных видов собственности, предполагающих гармоничное сочетание коллективной и личной собственности (общая долевая собственность). Возможное разнообразие таких сочетаний является источником построения огромного количества видов кооперативных систем и формирования кооперативной экономики, выходящей далеко за традиционные рамки сельхозкооперации. Без кардинального изменения всей структуры нынешних институтов собственности движение вперед по линии духовно-нравственного развития общества становится проблематичным или даже невозможным.

Новая философия хозяйства тесно связана с возобновлением кооперативного движения в современных условиях с учетом всех достижений в области самоорганизации и управления. Немаловажно иметь в виду, что кооперативная организации способна охватывать самые разнообразные виды деятельности: производство, переработка, сбыт промышленной и иной продукции, торговля, строительство, бытовое и иные виды обслуживания, добыча полезных ископаемых, других природных ресурсов, сбор и переработка вторичного сырья, проведение научно-исследовательских, проектно-конструкторских работ, а также деятельность по оказанию медициских, образовательных, правовых, маркетинговых и других, не запрещенных законами, видов услуг. Универсальность кооперативной организации хозяйства представляется несомненной. Все дело в коллективной

форме собственности на средства производства и услуги, а также результаты труда. Но особенно важно, на что следует обратить внимание: коллективная форма собственности вынуждает людей к развитию и совершенствованию нравственных отношений в обществе. Именно в этом обстоятельстве заключены перспективы духовно-нравственной (экологической) цивилизации, идущей на смену всему, что было до сих пор.

Но прежде вспомним историю. Появление первых кооперативов в России стало возможным после Реформы 1861 г. и было связано с развитием свободных экономических отношений. В 1866 г. было организовано Харьковское потребительское общество. Массовое кооперативное движение в России началось после 1898 г., когда вышел указ, разрешавший создание союзов потребительских обществ [71]. Интересна динамика секторов торговли в розничном товарообороте Сибирского края после Октябрьской революции. Если в частном секторе товарооборот снижался с 46,8% в 1923/24 г. до 22,1% в 1926/27 г., то в государственном в эти годы он, напротив, рос с 7,0 до 14,4%. Основная нагрузка приходилась на кооперативный сектор, рост в котором в эти годы был с 46,2 до 63,5%. Правда, после 1927 г. он начал падать, а год спустя, в 1928 г., составлял уже 61% [88]. Это было связано с новой революционной политикой. Уже в 1925 г. позиция партии большевиков обозначилась так: кооперативная собственность не может быть признана социалистической, и потому рано или поздно должна быть национализирована так же, как и частная собственность. Кооперативный аппарат должен быть преобразован в государственное ведомство по распределению и заготовке продовольствия под руководством партии. Во второй половине 1930-х гг. деятельность рабочей кооперации постепенно была прекращена. В 1935 г. собственность потребительской рабочей кооперации в городах перешла в распоряжение государства.

Оглядываясь в прошлое, мы видим, что дореволюционная Россия стояла у порога великих перемен. Поскольку капитализм в России конца XIX – начала XX в. был нежизнеспособен, то эволюция в сторону кооперативной экономики была бы естественной. Это отвечало бы российским традициям и менталитету русского народа. Формированию уникальной цивилизации помешала революция 1917 г., породившая этатизм в невиданных масштабах. Отбросив частную собственность (в том числе на землю), Россия, казалось бы, могла войти в русло своих исторических ценностей. Однако вместо этого общество стало объектом насилия марксистского мировоззрения. Идеалы общинности и коллективизма были использованы в модели колхозносовхозного движения, уничтожившей бурный рост кооперации в России.

В современном российском обществе происходит насильственный возврат в капитализм с его культом наживы, псевдодемократическими институтами и олигархической властью. Однако, как справедливо пишет М. Антонов, вряд ли такой поворот состоится [10].

Если говорить о будущем обществе, то кажется совершенно очевидным, что ни капитализм (с его частной собственностью), ни социализм

(с его государственной собственностью), ни их та или иная смесь не смогут освободить человечество от наемного труда. Данный труд представляет собой скрытую форму рабства и в своей основе является аморальным. Поворот России от социализма к капитализму существенно усугубляет многие пороки предыдущей системы, демонстрируя населению страны безусловную устарелость применяемых до сих пор институтов собственности. Внешняя респектабельность сферы обслуживания, не знающая меры и границ рекламная агрессия уже не могут прикрыть многочисленные огрехи сложившейся социально-экономической системы, падение научнопроизводственного потенциала, физическую и психологическую деградацию населения, духовную и нравственную депрессию в обществе. Возрождение кооперации в этих условиях было бы вполне уместно.

К тому же следует заметить, что в Европе и России растет сопротивление культу наживы и богатства, бездуховности и лживости, аморальности различных институтов власти, коррумпированности чиновников, законодательной защите интересов частной собственности. Поразительный факт: даже ставшая привычной инертность православия постепенно преодолевается. Свидетельством этого является написанный под эгидой Московской патриархии Российской православной церкви и одобренный Всемирным русским собором «Свод нравственных принципов и правил», приведенный в работе С. Глазьева [47]. К сожалению, уже первый пункт «Свода» фактически уравнивает материальные и духовные ценности, призывая не забывать о хлебе насущном и духовном смысле жизни. Ставший традиционным для русской культуры приоритет духовного над материальным заменяется призывом к некой гармонии, утопический характер которой уже давно проверен. В реальной жизни далеко не всегда можно применять правило «золотой середины», чтобы и волки были сыты и овцы целы. Срединная ситуация обладает свойством неустойчивости или даже чертами логической нелепости, как в случае «быть беременной наполовину». Следовало бы не искать мифической гармонии между стремлением есть хлеб насущный и стремлением жить духовной жизнью, а, вспомнив древнюю притчу, без обиняков заявить, что человек живет не для того, чтобы есть, а ест для того, чтобы жить. В этой простой фразе и заключен приоритет духовного над материальным. Давайте не будем забывать, что у тех кто не понимает этой простой вещи, богатство и власть – это и есть хлеб насущный, без которого они не могут обходиться. Владелец этих богатств, который попытается служить идеалам добра и справедливости, слишком рискует потерять свои богатства. Более того, нравственный человек вряд ли вообще может стать владельцем значительных богатств. Соответствие потребляемых благ трудовому вкладу исключает сам феномен предпринимательства и связанную с этим феноменом частную собственность. Предприниматель не может исходить в своих экономических решениях из принципа справедливости, если не хочет рисковать своими доходами.

Уже стало «очевидно, что новая общественная система не будет базироваться на наемном труде» [42, с. 114]. Будущее общество делает трудовой потенциал собственностью человека, без чего жизнеустройство не может называться нравственным. Соединение справедливости с экономической эффективностью возможно лишь в условиях кооперативного хозяйства. Хотя богатство или бедность человека сами по себе не говорят о его нравственности или аморальности, как справедливо замечает С. Глазьев [47], однако тенденция роста децильного коэффициента (отношение между доходами 10% самых богатых и 10% самых бедных групп населения) свидетельствует об ухудшении морального климата в обществе. А эта тенденция – характерная черта либерально-рыночной системы хозяйства. Если в экономике нужно сочетать принципы справедливости и эффективности (пункт III «Свода»), то следовало бы прямо сказать, что в обществе, основанном на наемном труде, это невозможно. Честная предпринимательская деятельность – область социальной утопии и пустых мечтаний. Лозунг «Честь превыше прибыли!» возможен лишь в рамках духовнонравственной цивилизации. Каста работодателей, присвоившая себе право «торговать работой», по своему определению не может быть носителем справедливости. Бесспорно, хозяйствование – это социально ответственный вид деятельности (пункт V «Свода»), но заботиться о достойной жизни тружеников должны объединенные в коллективные хозяйства сами эти труженики при поддержке государства, которое несет ответственность перед обществом и лишь постольку получает властные полномочия. Объем прав определяются масштабами ответственности. Причем ответственное участие в управлении на любом уровне обуславливается самой сущностью кооперативной системы хозяйства, исключающей наемный труд.

Авторы «Свода нравственных принципов и правил» прекрасно понимают, что «присваивая чужое имущество, пренебрегая имуществом общим, не воздавая работнику за труд, обманывая партнера, человек переступает нравственный закон, вредит обществу и себе» (пункт VIII). Но это только значит, что коллективно производимые вещи и услуги должны принадлежать членам этого коллектива, которые сами определяют качество и характер своего труда и своих доходов. Никаких так называемых воздаяний за труд в кооперативных хозяйствах нет. Переступить нравственный закон в этом случае становится не так-то просто, поскольку приходится переступать через самого себя. Стремление к успеху любой ценой, презрение к жизни и здоровью другого, становится не только преступным и порочным, но и явно нецелесообразным делом. Несправедливое распределение плодов труда между совладельцами-собственниками отпадает по определению.

В кооперативной экономике, где безнравственность становится нецелесообразной, приобретают, наконец, силу и значимость также принципы экологической этики. Беречь окружающую природную среду становится столь же важно, как и человеческие ресурсы. Затраты на поддержание ка-

чества природной среды обретают целесообразность, которую уже нельзя свести только к экономической целесообразности. Только теперь «человек для экономики» замещается тезисом «экономика для человека». Оплата за труд исчезает, поскольку меняет свою сущность. Теперь речь может идти лишь об экономических условиях сохранения и развития интеллектуальнотрудового потенциала человека.

В интеллектуально-трудовых способностях человека выражается качество личности. И это качество является естественной собственностью личности. К сожалению, данный вид собственности в современных хозяйственных системах отторгается от личности, и постольку появляется феномен наемного труда. Это тем более прискорбно, что в юридической литературе право имущественной собственности порой готовы рассматривать как выражение качества личности, своего рода продолжение человека в вещах [15]. Связь лица с вещью обеспечивается государственной регистрацией права собственности. Представления людей о собственности готовы считать проявлением сознания и психологии народа. И тем не менее никому не приходит в голову противоестественность и даже аморальность наемного труда, который несет признаки скрытого рабства. Формирование и развитие правовой личности немыслимо без права собственности человека на собственный трудовой ресурс.

К сожалению, в обществе распространена ошибочная точка зрения,

К сожалению, в обществе распространена ошибочная точка зрения, будто собственностью может быть только телесная вещь. Собственность является социально-правовой реальностью, а трудовой ресурс может рассматриваться как правовая вещь. Носителем этой вещи является человек, обладающий правосубъектностью (правоспособностью и дееспособностью). Трудовой ресурс — это биосоциальная реальность, с которой правовед обязан считаться. Это, разумеется, не значит, что человеку нужно приписывать кадастровый или регистрационный номер. Однако в XXI в. уже пора отвыкать от таких понятий, как наемный труд, работодатель и т. д. А это значит, что в обществе пора отказываться от частного и государственного права собственности.

Вещами, если они не являются личной собственностью, может распоряжаться только коллектив. Хозяйство должно быть представлено лишь форме личного или кооперативного хозяйства. Возможен переход вещей от одного собственника к другому. При этом собственником хозяйственной системы всегда выступает коллектив (кооператив), и смена юридических лиц здесь недопустима. Государство может выступать в качестве сособственника хозяйственной системы, на которого возлагаются определенные функции, но не более того.

Между субъектами права собственности не возникает взаимного отчуждения или вражды, как это происходит в условиях частной собственности. Корпоративный характер собственности, на котором настаивает С. Архипов [15], отнюдь не означает, что частные владельцы обнаруживают некоторое единство и согласованность своих позиций гармонично свя-

заны в своих интересах. Общая цель собственности в условиях частного интереса вряд ли может заключаться в «правовом освоении природы», как пишет С. Архипов. Частный интерес, усугубляемый наличием собственности, превращается в монстра, разрушающего социальный мир и входящего в конфликт с принципами нравственности. Ни о каком правовом союзе в данном случае не может быть и речи. Отказ от коллективных форм собственности неизбежно ведет к нравственному разложению общества.

Человек может иметь в собственности лишь те вещи и предметы, которые могут быть произведены личными трудовыми усилиями в соответствии с коэффициентами трудового участия (КТУ). Этот коэффициент надо уметь рассчитать по результатам труда. Как показывает известный опыт хозяйств М. Чартаева, данная задача по силам системам самоуправления [9]. Несомненно, по мере накопления опыта расчет КТУ можно совершенствовать. Самое главное заключается в том, что формирование общей долевой (кооперативной) собственности в полной мере отвечает принципу справедливости. Необходимость жить по нравственным законам – вот что отличает кооперативные виды собственности.

Когда же дело доходит до передачи в частную собственность даже природных ресурсов, то это можно рассматривать как признак нравственной деградации общества. Тот факт, что объектам частной собственности становятся земельные участки, представляется логически абсурдным и нравственно несостоятельным. Природные ресурсы имеют естественное происхождение и никому не могут принадлежать. Даже государственная собственность в этом случае кажется неуместной. И уж совсем нелепо выглядит захват земельных участков на особо охраняемых природных территориях в частную собственность, что, к сожалению, стало фактом в Российской Федерации.

Как известно, рыночная среда стимулирует рост конкуренции производителей. Среди последних имеет место борьба за существование, которая может принимать весьма жесткие (если не сказать, преступные) формы. Развитие общества в этих условиях незаметно переходит в стадию деградации. Вместе с тем, как отмечают некоторые экономисты, в процессе функционирования бизнеса может возрастать роль законов кооперации [191]. Кооперация все более определяет поведение бизнеса. Этот момент улавливался П. Кропоткиным [110], а также некоторыми другими исследователями социальных основ кооперации (например, М. Туган-Барановским). Производственные системы, организованные на принципах частной собственности, менее эффективны, более затратны и не отвечают естественным законам общественной эволюции. Самое главное, что они становятся неприемлемыми с этической точки зрения. Поразительно, что формирование нравственной экономики носит характер объективной закономерности.

Кооперативные формы хозяйствования не только получат широкое развитие, но станут единственно возможными. Кооперативную собственность можно рассматривать как синоним общественной собственности,

при которой навсегда исчезнет наемный характер труда. Если в настоящее время практически для всех стало безусловным требование права собственности на результаты интеллектуального труда, то в ближайшем будущем это станет единственной нравственной (и правовой) нормой по отношению к любому виду производства.

Кооперативная модель хозяйствования благодаря своим преимуществам пробивает себе дорогу даже в странах с развитыми формами частной собственности. В сферу кооперативных видов деятельности попадают более 10% мирового населения. Причем товарооборот кооперативных организаций в мировой экономике ежегодно растет на 10 и более процентов. Например, с 2007 по 2008 г. товарооборот вырос на 14%. Наиболее высокая активность кооперативных систем имеет место в Скандинавских странах. Наблюдается тенденция объединения кооперативных предприятий в союзы и федерации. В этой связи стоит отметить испанскую федерацию кооперативных предприятий «Мондрагон», объединяющую сотни фирм и супермаркетов, заводы, учебные заведения и научные центры. Известно, что сотрудники «Мондрагона» имеют самые высокие в стране заработки, которые начисляются в соответствии с трудовым вкладом каждого.

Во многих западноевропейских странах (Германия, Франция, Нидерланды и др.) финансовая сторона сельскохозяйственной деятельности поддерживается чаще всего небольшими кредитными кооперативами, имеющими тенденцию разрастаться до размеров кооперативных банков. Кооперативные принципы здесь особенно важны, поскольку таким способом легче достигается взаимное доверие, как между членами кооперативной организации, так и в отношениях с клиентами. Сельские кредитные кооперативы без особых усилий становятся основой создания и развития других форм кооперации в области переработки и сбыта сельхозпродукции.

Что касается России, то здесь преобладают пока кооперативы, занимающиеся розничной продажей продовольственных товаров (более 70%). В сельской местности кооперация охватывает, прежде всего, сферу бытовых услуг. Создаются также пункты по приему и переработке молока, сеть аптечных киосков, ветеринарных пунктов. Остановить этот процесс трудно и даже невозможно. Еще в Законе о потребительской кооперации в Российской Федерации (1997 г.) были заложены возможности и резервы для создания экономического интереса пайщиков к участию в кооперативах. Если в настоящее время потребительская кооперация обслуживает более 30 млн человек, то дальше эта цифра будет расти, а система иных форм кооперации начнет все более заметно вытеснять частные организации. В Нижегородской области система потребкооперации сегодня обслуживает примерно 30% населения области. Аналогичная ситуация и в других областях.

Помимо потребительской кооперации в России уже сегодня существуют также производственные, финансово-кредитные, страховые, посреднические, ипотечные, инновационно-внедренческие и даже управленческие кооперативы. В Российской Федерации сельские кредитные кооперативы

впервые появились в 1996 г., в частности, в Волгоградской и Ростовской областях. В 2006–2008 гг. таких кооперативов (в 34 регионах России) насчитывалось уже 1738. В рамках национального проекта «Развитие АПК» в Орловской области за указанный период было создано 79 сельскохозяйственных потребительских кооперативов, в том числе 10 кредитных [174].

Отметим некоторые законодательно закрепленные особенности кооперативов. Прежде всего, заметим, что положение об оплате труда разрабатывается самим кооперативом. Это положение распространяется и на наемных работников кооператива, если таковые имеются. Социальному и медицинскому страхованию подлежат лишь работающие члены кооператива, включая наемных работников. Аналогичная ситуация с различными социальными льготами. Положение о льготах утверждается общим собранием. Наемные работники трудятся в кооперативах на договорных началах. Общее число наемных работников не должно превышать 30% в среднем за отчетный период. На случай сезонных работ это положение не работает. Исключение из членов кооператива происходит по основаниям предусмотренным уставом и может быть обжаловано в суде.

Государство обязано поддерживать развитие кооперативов, снижая налоги и предоставляя им различные льготы. Они полностью равноправны с другими коммерческими организациями в вопросах приватизации. Кооперативы могут объединяться в союзы (ассоциации), когда это диктуется теми или иными общими интересами. Причем эти союзы уже не рассматриваются как коммерческие организации. Если же союз осуществляет совместную предпринимательскую деятельность, то он обычно преобразуется в хозяйственное товарищество или общество, сохраняя внутри себя исходные кооперативы в виде юридических лиц. Масштабы союзов (ассоциаций) ничем не ограничиваются.

Членами кооператива могут быть не только те, кто принимает личное трудовое участие в его деятельности, но и те, кто внес в кооператив паевой взнос. В частности, это могут быть люди пенсионного возраста, больные и т. д. Кроме того, кооператив может поддерживать свою деятельность с помощью иных лиц, внесших свой паевой взнос. При этом кооператив не вправе выпускать акции (статья 9, пункт 6 Закона «О производственных кооперативах»). Привлекать денежные средства таким способом не дозволяется. Закон позволяет распределять прибыль кооператива пропорционально размерам паевых взносов, но не всю, а только часть, не превышающую 50%.

В крупных кооперативах, численность которых превышает 50 человек, может быть создан наблюдательный совет для контроля за деятельностью кооператива. Решения, затрагивающие интересы всех членов кооператива, принимаются общим собранием, которое считается высшим органом управления. Правление кооператива во главе с председателем рассматривается как исполнительный орган кооператива. Совмещение должности члена правления и члена наблюдательного совета не допускается.

На общем собрании все имеют по одному голосу независимо от размера пая. Но если это решение затрагивает чьи-либо интересы, то несогласный член кооператива может обжаловать принятое решение в судебном порядке. При наличии наблюдательного совета председатель правления кооператива избирается общим собранием по представлению этого совета. Правление подотчетно не только общему собранию, но и наблюдательному совету. Судебное обжалование допускается лишь в случае, когда нарушаются законные интересы членов кооператива или его устава.

Таким образом, кооперативное движение в России возрождается. Но, несмотря на исключительную важность всех этих начинаний, развитие их тормозится сложившейся политикой государства. Преобладание частной собственности (более 83% от общего числа зарегистрированных предприятий и организаций) обрело явно патологические масштабы. Даже государственная собственность в России составляет всего 3%, муниципальная собственность — менее 6%. Число работающих на частных предприятиях — около 60%. В сфере массового обслуживания населения число работающих в различных кооперативах составляет всего 0,6%.

Между тем способность кооперативов работать и успешно выполнять свои функции даже в условиях экономической разрухи кажется удивительной, как и то, что Гражданский кодекс РФ (статьи 107–112, 116) фактически признает лишь производственные и потребительские кооперативы. Иные виды кооперативных организаций остаются за рамками правового поля. Самоорганизация на кооперативных началах почему-то не приветствуется, не поддерживается, всячески затрудняется, переводится в акционерные формы. Первичные кооперативы, лишенные финансово-экономической и информационно-методической помощи со стороны государства, не имеют сил для формирования региональных кооперативных союзов и иных вертикальных структур. Было бы неплохо существенно снизить налоговое бремя с кооперативных систем, стимулируя втягивание в эти системы перерабатывающих предприятий и сети магазинов.

Государство следовало бы рассматривать, прежде всего, как экономический механизм по поддержанию социальных интересов населения в масштабах страны. Ориентация на частную собственность равносильна благотворительности по отношению к узкому кругу лиц, что с самого начала выглядит как нарушение социальной справедливости. Государство концентрирует в своих руках источники наполнения бюджета, включая важнейший из них — ренту. Последняя образуется не только в сфере природопользования, но и в таких естественных монополиях как электроэнергетика и транспорт. Причем абсолютную ренту целесообразно передавать в распоряжение федерального бюджета, а дифференциальную — в распоряжение субъектов Российской Федерации [42]. А поскольку природные ресурсы имеют общественный характер, то собственником ренты является общество. Иными словами, каждый житель страны имеет право на некоторую долю рентного дохода. Необходимо подчеркнуть, что рентный доход

возникает не иначе как результат трудовых усилий. Право на рентный доход является естественным при условии отказа от наемного труда, т. е. в рамках кооперативной экономики. Формирование институтов кооперативной экономики можно рассматривать как главную заботу государства. Этой задаче должны быть подчинены и финансовые механизмы.

Как известно, государственное строительство широкого круга производственных объектов Правительство РФ готово осуществлять при поддержке частных (в том числе иностранных) инвесторов, оставляя за собой 51 и более процентов акций. Таким образом, мы готовы на расширение возможностей частных лиц, усиливая либеральную модель финансового рынка. Создаваемые объекты со временем могут утратить государственный статус и стать частными. Таким путем общество усугубит свои нравственные дефекты, усиливая антигуманные черты, сделает человека носителем трудового ресурса и не более того.

Однако участие государства в построении эффективной хозяйственной модели могло бы быть этически оправданным, если бы оно нашло способ встраивать в государственные производственные системы кооперативы, со временем все более расширяя их функции, вплоть до полного замещения государственной собственности кооперативными формами собственности. Подобный процесс поддержки мог бы значительно усилить феномен кооперативной экономики с ее коллективными ценностями. Это была бы помощь государства укреплению кооперативной модели хозяйства в России. Как показывает опыт, жизнеспособность кооперативов на первоначальных стадиях далеко не всегда бывает высокой и требует эффективной поддержки со стороны государства. Подобным образом могли бы быть созданы крупные кооперативные банки, занимающиеся кредитами, а также кооперативы в области освоения и эксплуатации природных ресурсов.

Будущее хозяйственной деятельности видится за кооперативно-

Будущее хозяйственной деятельности видится за кооперативнообщинными моделями экономики, в которых связаны воедино социальные и производственные объекты, являющиеся общей долевой собственностью кооператива, а точнее, кооперативных комплексов. В этом случае любой человек становится субъектом экономических и нравственных отношений. Сама же экономика встает на прочное основание. Основная ответственность за нравственное воспитание человека ложится на семью и коллектив (детский сад, школа, высшее учебное заведение, производство). Человек как субъект собственности обретает неотчуждаемые права на свои трудовые способности и результаты труда. Подчеркнем: нравственность в подлинном смысле этого слова наступает только тогда, когда человек становится полноправным хозяином результатов своего труда. Поэтому мы и говорим, что вместо частной и государственной форм собственности, где имеет место наемный труд, в качестве доминантной должна прийти кооперативная форма собственности. В реальной жизни последняя может распространяться на множество разнообразных производственных объектов, размещенных в пределах некоторой территории и образующих технологически связанный комплекс. При этом могут возникать новые формы поселений, что, собственно, и происходит в реальной действительности. В современном мире наблюдается тенденция образования поселений, основанных на принципах самоорганизации и закрепления экологического образа жизни. Самоорганизация нередко выливается в разнообразные формы кооперативов, а экологизация жизнеустойства задает системе расселения характер экопоселений. Ныне образована Всемирная сеть экопоселений, в которую входят региональные сети: Глобальная Сеть Экопоселений Европы (GEN – Global Ecovillage Network), Глобальная сеть экопоселений стран Океании и Азии, Глобальная сеть экопоселений Америки. В 2005 г. создана Российская сеть экопоселений (на базе экопоселков Гришино, Новоэковиль, Большой Камень), вошедшая в GEN в качестве ассоциативного члена. В рамках экопоселений существует тенденция формирования новых хозяйственных комплексов в виде единых территориально-производственных систем, основанных на кооперативных отношениях.

Территориально-производственные кооперативные комплексы (ТПКК) объединяют между собой людей не только по производственно-организационным, но и по социально-бытовым, морально-психологическим признакам. Люди объединяются между собой общими интересами и запросами. Поэтому в рамках кооперативных комплексов складываются, по сути дела, новые формы социальных отношений общинного типа, позволяющие людям чувствовать себя вполне комфортно и уверенно в самых различных жизненных ситуациях.

Все финансовые взаимоотношения между предприятиями кооперативного комплекса строятся на безналичной основе либо на вексельном обращении. В комплекс входят технологически связанные и торгово-сбытовые предприятия, а также предприятия социально-обслуживающей сферы, включая детские сады, медицинские учреждения, школы и т. д. ТПКК может иметь в своем распоряжении орган, осуществляющий инвестиционнокредитную деятельность, прежде всего, для внутренних потребителей, причем на беспроцентной основе. Кроме того, в состав комплекса может входить центр научно-технического и организационно-правового сопровождения, обеспечивающий всестороннее развитие комплекса. В рамках ТПКК создается и поддерживается дух солидарности (соборности), доброжелательности и взаимопомощи, формируется высокая культура делового партнерства, благоприятный духовно-нравственный климат, бережное отношение к окружающей природной среде. Поскольку члены ТПКК являются долевыми собственниками совместно используемого имущества, они приобретают пожизненное право трудиться на том или ином предприятии ТПКК. Заботу о вышедших на пенсию работниках и их семьях кооперативный комплекс берет на себя. Впрочем, реальная жизнь внесет в вышеописанную картину свои коррективы.

Замещение конкуренции кооперацией – требование самой жизни в условиях духовно-нравственного возрождения, предполагающего сотрудни-

чество и взаимопомощь в ходе усложнения социальной системы. Конкуренция все более ужесточается с ростом информационных связей в обществе, используя эти связи для лжи и обмана. Это хорошо видно на примере рекламных сайтов в Интернете.

Призывая к уважению института собственности, авторы вышеупомянутого «Свода» (пункт X) не принимают во внимание ту очевидную вещь, что собственность может иметь различные формы. История общества, к сожалению, пока не вышла на дорогу справедливости. Институт собственности все еще не отвечает нравственным принципам, и нуждается в радикальной перестройке. Общество не может быть стабильным в условиях наемного характера труда, а следовательно, должно будет отказаться от частной и государственной форм собственности, заменив их разнообразными видами кооперативной собственности. Кооперативно-общинная экономика (вместо конкурентно-рыночной) должна стать делом ближайшего будущего, если общество устремлено к построению нравственной модели хозяйства. В противном случае неизбежен хозяйственный и экологический коллапс. Не будем забывать, что нравственные начала в обществе диктуются самой природой, т. е. имеют экологические основания.

В будущем обществе само государство может быть преобразовано в элемент, обслуживающий кооперативную систему. Данное преобразование представляется весьма фундаментальным, разрушающим сложившиеся традиции государственного строительства. Как известно, государственная власть представлена группой лиц, деятельность которых должна быть направлена на сохранение общих ценностей, их рациональное использование и приумножение в интересах общества. Между тем ни частная, ни даже государственная собственность этому не способствуют. Было бы более справедливо, чтобы соответствующие министерства и службы входили в состав управленческих кооперативов. Руководящие лица в этом случае оказываются членами кооператива, который определяет их зарплату в зависимости от качества выполняемой работы. Собственность на земли, леса, водные и недренные ресурсы тоже в этом случае будет не государственной, а кооперативной. Причем кооперативы могут объединяться в союзы, имеющие соответствующий устав. Кооперативная собственность перерастает в этом случае в различные формы общественной (но не государственной!) собственности, поскольку гарантированно будет служить интересам общества. Государство наконец-то обретет смысл органа, подчиненного обществу, а не прихоти чиновников. С коррупцией в этом случае было бы покончено раз и навсегда, как, впрочем, и с зависимостью руководящих государственных лиц от воли различных мировых сил и международных структур типа Комитета 300. Формирование и закрепление культурно-национального разнообразия человечества столь же важно, как и многообразие биологических видов и экосистем в биосфере.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современное общество зашло в тупик, несмотря на обилие различных технических достижений. Да, мы создали техносферу, мечтаем о сфере разума (ноосфере), но при этом забыли о первоосновах человеческой жизни – духовно-нравственной сфере, только благодаря которой можно говорить о развитии общества. Именно здесь сосредоточены ориентиры цивилизационных перемен, позволяющие объединить внутреннее благополучие общественной жизни с гармонией отношений между обществом и природой. Мы вынуждены говорить, что современная этика оторвана от экологии, поскольку человек, к сожалению, мало задумывается о причинах существования нравственных законов и принципов. За редким исключением мы полагаем, что эти законы и принципы имеют божественное (религиозное) происхождение. Можно согласиться только с тем, что данные указания и предписания действительно идут «свыше». Приведенный выше обзор литературы вплотную подводит к мысли об экологических основаниях нравственности.

Мораль «придумана» природой для сохранения социальных систем, подобно тому, как были «придуманы» правила поведения живых организмов, в рамках коллективных систем ради сохранения последних. Мораль — это осознанные правила поведения на уровне разумных коллективных систем. По мере усложнения этих систем правила поведения тоже будут изменяться в сторону их усложнения. К сожалению, уже в течение ряда последних веков происходит замещение коллективных систем сообществами, в которых люди насильственно удерживаются друг подле друга системой производства материальных благ. Аналогичным образом привязаны друг к другу члены преступных сообществ. Теперь же само общество становится все более безнравственным, поскольку все чаще преступаются законы морали. Мы замечаем негативные изменения на уровне государства, которое делается все более коррумпированным. Рыба, как говорят, гниет с головы. Однако и в самом обществе далеко не все выглядит благополучно.

Удастся ли нам выжить? Существует представление, что если Россия хочет выжить, то она должна предлагать на мировом рынке конкуренто-способные товары. Представление это базируется на универсальном характере либерально-рыночной экономики, с которой обычно связывают идею глобализации. Игнорируется тот факт, что нынешняя мировая циви-

лизация с ее доминантой потребительских интересов уже вошла в противоречие с духовно-нравственной сущностью человеческого феномена и движется к своему разрушению. Российская политическая элита делает все возможное, чтобы как-то понравиться Западу, видимо, полагая, что от этого будет зависеть место России в рамках Нового мирового порядка. То, что данный порядок игнорирует многие человеческие ценности, заменяя нравственные скрепы общества силовыми структурами, нынешних правителей не особенно беспокоит. Близорукий расчет на ведущую роль бизнеса, в котором якобы сосредоточены лучшие интеллектуальные ресурсы, вряд ли оправдан. Построить таким образом суверенную демократию в качестве ориентира для самобытного развития России, как иногда полагают [249], мы не сможем, поскольку на этом пути сохраняются главные дефекты либерально-рыночной системы: экономический эгоизм, коррупция, культ денег, наемный труд, индивидуализм и потребительство. Если России суждено развиваться в соответствии с ее духовно-нравственными ценностями, культурой и традициями, то путь суверенной демократии далеко не лучший вариант, чреватый социальными и экологическими осложнениями. А инновационная экономика в условиях безнравственного общества лишь ускорит и усугубит катастрофу. Наука и техника никоим образом не может рассматриваться в качестве панацеи от всех бед. И даже суверенный характер демократии нас не спасет.

После многочисленных социально-экономических экспериментов в России, чреватых многочисленными бедами, пришла пора понять, что будущее жизнеустройство зарождается не в человеческих головах интеллектуальных особ, а в естественной человеческой истории. И разум нам нужен только для того, чтобы осмыслить основные требования этой истории. Развитие национальной культуры заключает в себе все, что необходимо для будущего. Отклонение от этой генеральной линии выглядит неуместным даже для изобретательного разума. Научная картина мира XXI в., в центр которой пытаются поместить синергетику с ее технологиями рождения порядка из хаоса, тем не менее, бессильна подсказать нам развитие событий в точке глобальной бифуркации, в которой оказалось современное общество. Экологический кризис является результатом доминирования рационального над иррациональным, разума над нравственностью. Ибо нравственность, как было показано в данном обзоре, имеет глубокие экологические корни и никогда не смирится с тем, чтобы переместиться на второстепенные роли.

В литературе можно встретить мнение, что будущее человечество пойдет по пути расширяющегося окультуривания природной среды [210]. Биосфера Земли превращается в совокупность искусственных экосистем, напоминающих городские парки и сады. Такой взгляд на итог цивилизационного развития представляется довольно странным даже для русских философов-космистов, включая В. И. Вернадского. Здесь мы имеем дело со сциентистским вариантом идеи господства над природой. Разум высту-

пает в качестве безусловного властелина природы, поддерживающего в ней надлежащую чистоту и порядок подобно тому, как мы поддерживаем их своем доме. Биосфера, как дом мирового человечества, обретает вид искусственной конструкции. Однако даже социальная система не желает мириться с подобными конструкциями. В этом мы убедились на примере капитализма и социализма. Примеры эти, к сожалению, негативные: социальные системы, в которые внедрялись эти модели, показали свою духовно-нравственную ущербность и примитивность. Это же, в еще более усиленном варианте, ждет нас и в рамках искусственной биосферы. Культ разума, увы, не учит нас ничему хорошему, показывая свою принципиальную ограниченность.

Чтобы выправить положение, необходимо создать условия для формирования коллективных систем на основе приоритета духовно-нравственных ценностей. В историческом прошлом такие системы формировались естественным путем в виде хозяйственных общин. Позднее столь же естественным путем возникли кооперативные системы. Как известно, особенно бурным кооперативное движение было в России начала XX в. Это движение было насильственно прервано революционными событиями 1917 г. В настоящее время явление кооперации должным образом не оценивается российским обществом.

В своей известной книге «Столкновение цивилизаций» С. Хантингтон трактует Россию как «расколовшуюся» цивилизацию, в которой одна часть населения с вожделением смотрит на Запад, а другая скорбит о советском прошлом. Такой раскол оказался возможным лишь потому, что Россия пережила две октябрьские революции 1917 и 1993 гг., навязанные ей вопреки исторически сложившимся социокультурным традициям. Данные традиции требовали иного развития событий. Это иное в полной мере обнаружило себя в формировании кооперативно-общинных систем хозяйствования, что в полной мере отвечало коллективному менталитету российского населения. Именно эти системы хозяйствования породили феномен русского экономического чуда в начале XX в. в России. С середины 80-х гг. XX в. подобные системы стихийно возникали в отдельных районах России (например, в Дагестане в виде системы М. Чартаева), поражая воображение наших экономистов своей эффективностью.

Кооперативно-общинные механизмы ведения хозяйства органически связаны с принципом коллективизма при организации жизнедеятельности, который позволяет строить новую цивилизацию на фундаменте духовно-нравственных ценностей, включая нравственный разум (новую науку). Естественно поэтому определять эту цивилизацию как духовно-нравственную. Данная человеческая общность естественным образом гармонирует с природой, которая сама подсказывает нам единственно возможный алгоритм развития — путь духовно-нравственного совершенствования. Приходит время осознать, что требуемое совмещение задач духовно-нравственного совершенствования и хозяйственных задач возможно лишь

на базе общей долевой собственности в рамках разнообразных кооперативных организаций. Ничего другого природа пока не придумала. Все, чем общество жило до сих пор, низводит человека до уровня винтика хозяйственной машины, в которой от него отчуждаются его интеллектуальнотрудовые способности. Здесь таится причина всех наших катаклизмов, включая нравственное разложение общества и экологический кризис. Выход из положения заключается в умении поддержать естественные процессы, протекающие в современном обществе в виде стихийного образования экопоселений и родовых поместий, выливающиеся в организацию кооперативно-общинных систем жизнеобеспечения. Позднее, по мере своего развития и совершенствования, данные системы способны захватить и городские поселения, включая всю их производственную часть и инфраструктуру.

ЛИТЕРАТУРА

- Абалкин, Л. И. Смена тысячелетий и социальные альтернативы // Вопр. экономики. 2000. № 12. С. 28.
- Абрамян, Е. Долго ли осталось нам жить? Судьба цивилизации. М., 2006. 536 с.
- 3. Агаджанян, Н. А. Экология культуры: интеллигенция и интеллигентность // Глобальные проблемы биосферы. М., 2001. Вып. 1. С. 146.
- Аксючиц, В. Научное разрушение человека // Природа и человек. XXI век. 2009. – № 9. – С. 46–47.
- 5. Алексеев, H. H. Основы философии права. СПб., 1999. C. 111–114.
- 6. Алексеев, С. С. Теория права. M., 1994. C. 57.
- 7. Амосов, Н. М. Мое мировоззрение // Вопр. филос. 1992. № 6. С. 50–74.
- 8. Анашкин, Г. 3. Справедливость назначения уголовного наказания // Государство и право. 1982. № 7. С. 60.
- Андреев, С. Набат. Не говорите потом, будто вы его не слышали! СПб., 2002. – С. 325–338.
- 10. Антонов, М. Дверь капитализму в России все еще... закрыта. Почему? // Природа и человек. (Свет). 2006. № 5. С. 9–11.
- Антонов, М. Ф. Не прибыль, а национальное спасение // Свет. Природа и человек. 1990. № 1. С. 41.
- 12. Араб-оглы, Э. А. Европейская цивилизация и общечеловеческие ценности // Вопр. философии. 1990. № 8. С. 11.
- 13. Аристотель. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1984. Т. 4. С. 123.
- 14. Архимандрит Марк (Головков). Христианские принципы экономики // Россия и рынок. 2001. № 1. С. 2–3.
- Архипов, С. И. Собственность как правовой институт // Рос. юрид. журн. 2009. – № 5. – С. 7–19.
- Ахундов, М. Д. Хаос, пространство, самоорганизация // Самоорганизация и наука. Опыт философского осмысления / М. Д. Ахундов, Л. Б. Баженов. – М., 1994. – С. 277.
- 17. Бакшутов, В. К. Философия чувств. Екатеринбург, 1996. С. 10–16.
- 18. Бентам, И. Избранные сочинения. СПб., 1867. T. I. С. 2.
- Бердяев, Н. А. Человек и машина. (Проблема социологии и метафизики техники) // Вопр. философии. 1985. № 2. С. 159.
- Бердяев, Ĥ. Смысл творчества. М., 1989. С. 275.
- Боголюбов, С. А. Право и этика в экологии // Диалог культур и партнерство цивилизаций: IX Междунар. Лихачев. науч. чтения 14–15 мая 2009 г. – СПб., 2009. – С. 381.
- Бологов, В. Революция на грядках // Природа и человек. XXI век. 2009. № 8. – С. 62.

- Борисенко, В. В. Наука и рыночные отношения в информационном обществе. Социально-философский анализ. – М., 2008. – 245 с.
- 24. Бородай, Ю. Третий путь // Наш современник. 1991. C. 141.
- Ботаника. Экология / П. Зитте, Э. В. Вайлер, Й. В. Кадерайт [и др.]. М., 2007. С. 110–111.
- 26. Бочкарева, Т. В. Экологический «джинн» урбанизации. М., 1988. С. 66–67.
- 27. Бошно, С. В. Доктринальные и другие нетрадиционные формы права // Журн. рос. права. 2003. № 1. С. 82–91.
- 28. Брентано, Ф. О происхождении нравственного познания. СПб., 2000. С. 71–72.
- Букреев, В. И. Этика права: от истоков этики и права к мировоззрению / В. И. Букреев, , И. Н. Римская. – М., 2000. – С. 300.
- Бутузова, Л. Куда подевались подмосковные леса и поля? // Зелен. мир. 2010. № 15–16. – С. 29.
- Валянский, С. И. Третий путь цивилизации или спасет ли Россия мир? / С. И. Валянский, Д. В. Калюжный. – М., 2002. – С. 181–184.
- 32. Василенко А.В. Современное российское государство (начало XXI в.): контуры идеологии // Государство и право. 2009. № 6. С. 12–19.
- 33. Вебер, А. Б. Человечество и экологический императив // Свобод. мысль. 2009. № 9 (1604). С. 80–89.
- 34. Вернадский, В. И. Размышления натуралиста. Кн. 2. Научная мысль как планетное явление. М., 1977. С. 67.
- Вертель, Л. Своевременные мысли // Природа и человек. XXI век. 2009. № 9. С. 2.
- Веселов. А. Сфера охраны окружающей среды в России // Зелен мир. 2009. № 5–6. – С. 2.
- 37. Винокуров, Ю. Участие общественности в процессе принятия экологически значимых решений / Ю. Винокуров, Е. Высторобец // Зелен. мир. 2010. № 9–12. С. 49.
- 38. Водохозяйственный комплекс России под контроль ВТО? / И. К. Комаров, М. Я. Лемешев, А. А. Максимов, Б. С. Маслов // Использование и охрана водных ресурсов в России: бюл. 2009. № 2 (104). С. 40–41.
- Волков, Ю. Г. Энциклопедический словарь. Человек / Ю. Г. Волков, В. С. Поликарпов. – М., 1999. – С. 362.
- Востров, И. С. Биологическое земледелие // Природа и человек. XXI век. 2010. – № 5. – С. 12.
- 41. Габрусенко, В. В. Краткий политический словарь. Новосибирск, 2006. C. 29–30.
- 42. Гаврилов, В. П. Общество и природная среда / В. П. Гаврилов, С. И. Ивановский . М., 2006. 210 с.
- 43. Гартман, Н. Этика. СПб., 2002. 708 с.
- 44. Гегель, Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. 524 с.
- Киляров, А. Человек и животные: этика отношений // Зелен. мир. 2010. № 4. С. 27–28.
- 46. Глазкова, Л. Как уничтожили проект, равный атомному // Российская Федерация сегодня. 2009. № 7. С. 43.
- 47. Глазьев, С. Нравственные начала в экономическом поведении и развитии важнейший ресурс возрождения России // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние: научные записки и очерки. М., 2008. С. 406—421.

- 48. Глазьев, С. О стратегии развития России до 2020 года // Свобод. мысль. 2008. № 5 (1588). С. 7.
- 49. Голдовская, Л. Ф. Химия окружающей среды. М., 2008. С. 89.
- Головенко, А. Капитуляция перед взяткой // Природа и человек. XXI век. 2010. – № 1. – С. 11.
- Головенко, А. Пчелы против меда // Природа и человек. XXI век. 2009. № 7. – С. 8–10.
- 52. Гордон, И. Производственные оптимумы страны богатейших ресурсов // Зелен. мир. 2009. № 17–20. С. 22.
- Горелов, А. А. Экология: курс лекций. М., 1998. С. 51.
- 54. Горохов, В. Г. Наноэтика: значение научной, технической и хозяйственной этики в современном обществе // Вопр. философии. 2008. № 10. С. 42.
- 55. Горшков, М. К. Российское общество в социологическом измерении // Социал. исслед. -2009. -№ 3. C. 23.
- Грешневиков, А. Когда лес только товар // Природа и человек. XXI век. 2010. – № 5. – С. 9.
- 57. Грин, P. 48 законов власти. M., 2001. 768 c.
- 58. Гурвич, В. Триллионы наличными. Десятая часть обналички идет на взятки // Полит. журн. 2007. № 25/26. С. 4.
- 59. Гусейнов, А. А. Великие моралисты. М., 1995. С. 28.
- 60. Данилов-Данильян, В. И. Экология и проблемы этики // Глобальные проблемы биосферы. М., 2001. Вып. 1. С. 30–39.
- 61. Дверь капитализму в России все еще... закрыта. Почему? : беседа А. Мешкова с М. Антоновым // Природа и человек. (Свет). 2006. № 5. С. 9.
- 62. Девятова, С. В. Не погибнет ли человечество от разума? / С. В. Девятова, В. И. Купцов // Человек и общество. Современный мир. М., 1994. С. 169–183.
- Делягин, М. Г. Что должен сказать России ее президент // Наш современник. 2010. – № 4. – С. 148–160.
- 64. Диалог культур и партнерство цивилизаций. IX Международные Лихачевские научные чтения 14–15 мая 2009 года: из выступления Н. Д. Никандрова. СПб., 2009. С. 367.
- Добровольский, Г. В. Тихий кризис планеты // Вестн. РАН. 1997. Т. 67, № 4. – С. 313.
- 66. Довбан, К. И. Зеленое удобрение в современном земледелии. Вопросы теории и практики. Минск, 2009. С. 374.
- 67. Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 25. С. 20.
- Дубинин, Н. П. Мутагенез и окружающая среда / Н. П. Дубинин, Ю. В. Пашин. – М., 1978. – 128 с.
- 69. Егоров, С. Ф. Нравственный императив диалога культур и российское образование нового времени // Диалог культур и партнерство цивилизаций : IX Междунар. Лихачев. науч. чтения 14–15 мая 2009 г. СПб., 2009. С. 339.
- 70. Емельяненко, В. Болезнь роста // Зелен. мир. 2010. № 9–12. С. 16.
- 71. Ефремова, Г. И. Потребительская кооперация как отражение социальноэкономических отношений в обществе / Г. И. Ефремова, А. В. Ефремов // Кооперация Сибири в XX в.: потребительские союзы и общества. – Новосибирск, 1998. – Вып. 3. – С. 97.
- 72. Жуков, В. Н. Введение в юридическую аксиологию (вопросы методологии) // Государство и право. 2009. № 6. С. 30.
- 73. Жутиков, М. А. Демонтаж цивилизации? // Наш современник. 2009. № 9. C. 212.

- 74. Заврзин, Г. А. Составляет ли эволюция смысл биологии // Вестн. РАН. 2006. Т. 76, № 6. С. 532.
- 75. Закон Новой Зеландии о благополучии животных // Гуманитарный экологический журнал. –2007. Вып. 2. С. 99–116.
- Залиханов, М. Роль и место российской науки в разработке и осуществлении государственной политики в сфере природопользования и охраны окружающей среды // Природно-ресурсные ведомости. – 2002. – № 4.
- 77. Залиханов, М. Ч. Естественные экосистемы важнейший природный ресурс человечества / М. Ч. Залиханов, К. С. Лосев, А. М. Шелехов // Вестн. РАН. 2006. Т. 76, № 7. С. 614.
- 78. Занько, Н. Г. Безопасность жизнедеятельности / Н. Г. Занько, К. Р. Малаян, О. Н. Русак. СПб.; М.; Краснодар, 2010. С. 303.
- 79. Зимина, Т. Климат Земли меняется независимо от желаний человека // Наука и жизнь. -2009. -№ 11. -ℂ. 8.
- 80. Злобин, С. В. Правовые проблемы экологического страхования // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2010. № 2. С. 71.
- 81. Золотухина-Аболина, Е. Власть и ценности: куда идет Россия? / Е. Золотухина-Аболина, В. Золотухин // Свобод. мысль. 2009. № 7. С. 186.
- 82. Зорькин, В. Право для человека // Рос. газ. 2008 г. 25 нояб. С. 12.
- Иванов, Ю. Н. Исследования плодовитости в связи с теориями биогенеза. Новосибирск, 2001. – 76 с.
- 84. Из доклада протоиерея В.Ципина на Международной научной конференции «Нравственные основы теории государства и права» // Государство и право. 2005. № 8. С. 100.
- Изменения климата и средняя атмосфера вопросов все больше / П. Н. Вагин, В. А. Юшков, С. М. Хайкин [и др.] // Вестн. РАН. – 2010. – Т. 80. – № 2. – С. 120.
- Ильин, И. А. О частной собственности / К. Исупов, И. Савкин // Русская философия собственности. – СПб., 1993. – С. 123.
- 87. Ильин, И. А. Сочинения в 2-х т. М., 1994. Т. 2. С. 317.
- 88. Исаев, В. И. Роль кооперации в снабжении городского населения Сибири в конце 1920-х первой половине 1930-х годов // Кооперация Сибири в XX в.: потребительские союзы и общества. Новосибирск, 1998. Вып. 3. С. 57.
- 89. Казанник, А. И. Проблемы формирования экологической культуры государственных служащих. Омск, 2000. С. 48–49.
- 90. Казинцев, А. И. Возвращение масс. Ч. IV. Россия, бедная Россия // Наш современник. 2009. № 8. С. 237–266.
- 91. Калашников, М. Управление будущим. Почему американцы часто нас переигрывают? // Зелен. мир. 2010. № 9–12. С. 14–15.
- 92. Кананыкина, Е. С. Правовая система Соединенных Штатов Америки // Сравнит. правоведение. 2009. № 1 (46). С. 43.
- 93. Кара-Мурза, С. Г. «Общество знания»: подавление этики // Соц.-гуманитар. знания. 2009. № 1. С. 39–55.
- 94. Кара-Мурза, С. Г. Продажа земли: кто найдет и кто потеряет? М., 1998. С. 25–27.
- 95. Карташова, Е. Р. Становление экофилософского мировоззрения, опирающегося на нравственные отношения ко всему живому, экологической биоэтики / Е. Р. Карташова, А. В. Олескин // Наука. Философия. Общество: V Рос. филос. конгр. Новосибирск, 2009. Т. II. С. 199.

- 96. Кастро, Ф. Безумство нашей эпохи // Сов. Россия. 2010. 29 апр., № 45. С. 7.
- 97. Кеннеди, П. Вступая в двадцать первый век. М., 1997. С. 66.
- 98. Керженцев, А. С. Другой земли у нас нет / А. С. Керженцев, Ю. А. Кузьменчук // Вестн. РАН. 2009. Т. 79, № 4. С. 312–319.
- 99. Кисель, М. А. Ценностей теория // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 763.
- 100. Китанович, Б. Планета и цивилизация в опасности. М., 1985. С. 118–119.
- 101. Кобликов. А. С. Юридическая этика. 2-е изд. М., 2004. 165 с.
- 102. Ковалев, Е. Мировой продовольственный кризис: эскалация проблем // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 4. С. 20.
- 103. Ковалев, Е. Мировой продовольственный кризис: эскалация проблем // Мировая экономика и междунар. отношения. 2010. № 4. С. 21.
- 104. Конституция это закон и для Государственной Думы / В. Н. Кудрявцев, Н. Ф. Кузнецова, В. С. Комиссаров, В. В. Лунев // Государство и право. 2007. № 5. С. 13.
- 105. Копытов, А. Д. Методология исследования образовательных систем: философия образования, инновационная практика и механизмы управления / А. Д. Копытов, В. Н. Турченко. Томск, 2008. С. 73.
- 106. Корниенко, А. Землю выбивают из-под ног крестьян...: ответы на вопросы кор. Г. Платовой // Сов. Россия. 2009. 19 мая. С. 2.
- 107. Косарева, Л. М. Этические идеалы и познание природы // Социокультурные факторы развития науки (по материалам историко-научных исследований). – М., 1987. – С. 11–91.
- 108. Кропоткин, П. А. Современная наука и анархия. М., 1990. С. 324–325.
- 109. Кропоткин, П. А. Этика. М., 1991. 492 с.
- 110. Кропоткин, П. Взаимопомощь как фактор эволюции // Анархия : сб. М., 2002. С. 46–114.
- 111. Кроткова, Н. В. Нравственные основы теории государства и права: тез. докл. на Междунар. науч. конф. // Государство и право. 2005. № 8. С. 107.
- 112. Крылова, Н. Е. Некоторые этико-правовые вопросы проведения биомедицинских исследований на человеке // Государство и право. 2007. № 4. С. 39.
- 113. Лапшин, В. Ф. Уголовно-правовая норма: парадокс законодательной техники, политическая мода или скрытая защита коррупционера? // Рос. юстиция. 2009. № 2. С. 43–44.
- 114. Лемешев, М. С родной земли умри, не сходи! // Наш современник. 2010. № 3. С. 183–189.
- 115. Лисициан, Т. Тернистый путь духоборов // Молодая гвардия. 1991. № 4. С. 69–73.
- Литвак, Н. В. Информационное общество: перманентная эволюция. М., 2008. С. 184.
- 117. Лобарев. П. И. Тайный механизм порабощения народов и уничтожения цивилизаций. Новосибирск, 2001. 31 с.
- 118. Лорд Чалфонт. Окончена ли «холодная война»? // Соврем. Европа. 2001. № 4. С. 6–13.
- 119. Лосев, К. С. Мифы и заблуждения в экологии. М., 2010. 223 с.
- 120. Лосев, К. С. Парадоксы борьбы с глобальным потеплением // Вестн. РАН. 2009. Т. 79. № 1. С. 36–40.

- 121. Лосев, К. С. Фундаментальные причины неустойчивого использования ресурсов / К. С. Лосев, И. И. Потапов, И. В. Чеснокова // Проблемы окружающей среды и природных ресурсов : обзор. информ. 2009. № 6. С. 3–12.
- 122. Лоскутов Ю.В. Бесконечность как этический аргумент (научная постановка вопроса) // Наука. Философия. Общество : V Рос. филос. конгр. Новосибирск, 2009. Т. II. С. 206.
- 123. Лукьянц, В. Девятый вал дигитализации. О плюсах и минусах цифрового общества // Природа и человек. XXI век. 2009. № 8. С. 16–17.
- 124. Луман, Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб., 2007. 643 с.
- 125. Лунев, В. В. Социальные последствия, жертвы и цена преступности // Государство и право. 2009. № 1. С. 38.
- 126. Лыгденова, В. В. Аксиологические основы российской организационной культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 2010. С. 8.
- Львов, Д. Богатство должно приносить прибыль // Независимая газ. 1998. 29 мая.
- 128. Львов, Д. Пора ходить с козырей // Рос. газ. 2003. 15 янв.
- 129. Лю Хунянь. Концепт и взгляды на природу в экологическом праве // Государство и право. -2010. -№ 3. C. 95.
- 130. Макхиджани, А. От глобального колониализма к экономической справедливости. Новосибирск, 2000. Гл. 2. С. 18–48.
- 131. Марков, Ю. Г. Закон роста информации и проблема устойчивого развития. Новосибирск, 2005. 44 с.
- 132. Марков, Ю. Г. Социальная экология: взаимодействие общества и природы. Новосибирск. 2004. – 544с.
- 133. Марков, $\dot{\Theta}$. Γ . Экология и информация: новые идеи. Новосибирск, 2008. 163 с
- 134. Мартынов, В. Человечество уходит в «автономку» // Природа и человек. XXI век. 2010. № 1. С. 4.
- 135. Мартышин, О. В. Нравственные основы государства и права // Государство и право. 2005. N 8. С. 91.
- 136. Мельников, А. Кризис пострашнее экономического // Природа и человек. XXI век. -2009. -№ 1. C. 2.
- 137. Мельников, Л. Катаклизмы рукотворное зло или месть природы? // Природа и человек. XXI век. 2009. № 1. С. 60–62.
- 138. Менделеев, Д. И. Заветные мысли. СПб., 1903–1904. С. 183.
- 139. Митрополит Кирилл. Православная церковь перед лицом мировой интеграции. (Проблема соотношения между традиционными и либеральными ценностями) // Соврем. Европа. 2001. № 4. С. 19.
- 140. Мобилизационный пакт для выживания нации (кризис: экономика, социум, власть) : круглый стол журнала «Москва» : из выступления Ю. Солозобова. М., 2009. № 5. С. 135–147.
- 141. Моисеев, А. А. Экономика и право в глобальном мире // Диалог культур и партнерство цивилизаций : IX Междунар. Лихачев. науч. чтения 14–15 мая 2009 г. СПб., 2009. С. 401.
- 142. Моисеев, Н. Н. Алгоритмы развития. М., 1987. 304 с.
- 143. Моисеев, Н. Н. Быть или не быть... человечеству? М., 1999. 288 с.
- 144. Моисеев, Н. Н. Гуманизм заслон против надвигающегося средневековья // Здравый смысл. 1997. № 5. С. 18.
- 145. Моисеев, Н. Н. Человек. Среда. Общество. М., 1982. С. 107.

- 146. Мончиньска, Э. Факторы созидания и разрушения в переходной экономике // Мир перемен. 2008. № 1. С. 12–13.
- 147. Моргун, Ф. Т. Прощание с плугом // Разумное земледелие. 2000. № 2. С. 5.
- 148. Мореев, С. Идеи, идеалы и «ценности» // Свобод. мысль. 2010. № 2 (1609). С. 182.
- 149. Мусаелян, М. Ф. Экстремизм как угроза национальной безопасности Российской Федерации // Журн. рос. права. 2009. № 3. С. 18–27.
- 150. Мяготин, А. В. Общественная нравственность и моральный облик государственного служащего // Соц.-гуманитар. знания. 2009. № 1. С. 180.
- 151. Надточий, И. О. О парадоксальности философской этики // Соц.-гуманитар. знания. 2010. № 2. С. 104.
- 152. Назаретян, А. П. Идеология versus цивилизация? // Диалог культур и партнерство цивилизаций: IX Междунар. Лихачев. науч. чтения 14–15 мая 2009 г. СПб., 2009. С. 269–272.
- 153. Назаров, В. И. Современная наука за новую теорию эволюции живого // Вестн. РАН. -2007. -№ 4. -C. 316.
- 154. Назаров, М. В. Тайна России. Историософия XX века. M., 1999. C. 194–195.
- 155. Накануне «ювенальной» катастрофы // Наш современник. 2010. № 4. С. 287–288.
- 156. Наше общее будущее : доклад Междунар. комис. По окружающей среде и развитию (МКОСР). М., 1989. 374 с.
- 157. Неклесса, А. Трансфинитная экономика // Эконом. стратегии. 2010. № 3 (77). С. 24.
- 158. Нерсесянц, В. С. Юридическая аксиология // Политико-правовые ценности: история и современность. М., 2000. С. 25–26.
- 159. Никифоров, Е. К. Так велит совесть // Свет. Природа и человек. 1990. № 1. С. 35.
- 160. Новак, Е. Истощение природы // Природа и человек. XXI век. 2010. № 10. С. 3.
- Новгородцев, П. И. О своеобразных элементах русской философии права. М., 1995. – С. 368.
- 162. Ноосферизм: арктический взгляд на устойчивое развитие России и человечества в XXI веке: материалы первого Междунар. Ноосферного Северного форума (г. Санкт-Петербург, 20–24 окт. 2007 г.). СПб., 2007. Кн. 1, 2. 1020 с.
- 163. Нуреев, Р. М. Человеческий капитал и его развитие в современной России // Обществ. науки и современность. 2009. № 4. С. 5.
- 164. Оболонский, А. В. Этика публичной сферы // Обществ. науки и современность. 2008. № 2. С. 52.
- 165. Орлик, И. Россия и Центрально-Восточная Европа: геополитические факторы взаимоотношений в XXI веке // Мир перемен. 2008. № 1. С. 34.
- 166. Охотский, Е. В. Коррупция: сущность, меры противодействия // Соц. исслед. (Социс). 2009. № 9. С. 26.
- 167. Очерк истории этики. М., 1969. С. 287.
- 168. Павлов, Д. С. Экологоцентрическая концепция природопользования / Д. С. Павлов, Б. Р. Стриганова, Е. Н. Букварева // Вестн. РАН. 2010. Т. 80, № 2. С. 131–140.
- 169. Панарин, А. С. Двухполушарная система мира: переосмысление дихотомии «Восток-Запад». // Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме). СПб., 2000. С. 159.

- 170. Паничев, М. Лес, жизнь, Россия // Природа и человек. (Свет). 2006. № 5. С. 3.
- 171. Панов, Е. Н. Поведение животных и этологическая структура популяций. М., $2010.-423~\mathrm{c}.$
- 172. Парфенов, В. Ф. Роль российского леса в обеспечении устойчивого развития // Природа и человек. XXI век. 2010. № 5. С. 29–31.
- 173. Петров, В. В. Экологическое право России. М., 1996. С. 45.
- 174. Петрова, А. Н. Кредитная кооперация на селе // Аспирант и соискатель. 2010. № 1. С. 21.
- 175. Петрухин, А. И. Угрозы человечеству и учение Н. Н. Моисеева // Свобод. мысль. 2008. № 11 (1594). С. 180.
- 176. Печчеи, А. Человеческие качества. М., 1985. С. 203.
- 177. Платонов, Г. В. Духовность русского народа и наши реформы / Г. В. Платонов, Е. Ю. Новикова // Соц.-гуманитар. знания. 2008. № 6. С. 290.
- 178. Полухина, Ю. Абрамович, Шохин и K⁰ взяли в аренду лесные массивы... // Зелен. мир. 2009. № 1–2. С. 37.
- 179. Поляков, А. В. Власть и право / А. В. Поляков, И. Ю. Козмихин // Из истории русской правовой мысли. Л., 199. С. 5.
- 180. Попкова, Н. В. Философия техносферы. М., 2008. 344 с.
- 181. Поппер, К. Открытое общество и его враги // Международный фонд «Культурная инициатива». М., 1992. Т. 1. С. 126.
- 182. Преображение морали в современном обществе : круглый стол // Вестн. аналитики. 2009. № 2 (36). С. 139–140.
- 183. Пригожин, И. Познание сложного // И. Пригожин, Г. Николис. Изд. 3-е, доп. М., 2008. С. 48.
- 184. Пригожин, И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. М., 1986. 432 с.
- 185. Причины мирового кризиса // Природа и человек. XXI век. 2009. № 7. С. 12–15.
- 186. Проблемы судебной этики / под ред. М. С. Строговича. М., 1974. С. 28.
- 187. Проект Россия. Третье тысячелетие. 3-я книга. М., 2009. 448 с.
- 188. Прудон. П. Ж. Что такое собственность? М., 1998. С. 23.
- 189. Путилов, С. Девиз масонов: «Власть! Ничего, кроме власти!» // Молодая гвардия. 1994. № 2. С. 144–154.
- 190. Распутин, В. Сумерки людей // Свет. Природа и человек. 1990. № 1. С. 5–10.
- 191. Рахаев, Б., Ра Ха Ев. Витальные ресурсы, ментальная среда и организационные циклы бизнеса // О-во и экономика. -2010. N = 1. C.37.
- 192. Родоман, Б. Гуманизм, экология и рыночные отношения // Зелен. мир. 2010. № 3–4. С. 29–30.
- 193. Розмирович, С. Через тридцать лет: беседа с С. Переслегиным // Эксперт. 2009. № 37 (674). С. 44.
- 194. Ролз, Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995. 535 с.
- 195. Рубаник, В. Е. О своеобразии и уникальности русской традиции права собственности // История государства и права. 2009. № 12. С. 20.
- 196. Рубаник, В. Е. О своеобразии и уникальности русской традиции права собственности // История государства и права. 2009. № 12. С. 21.
- 197. Рядова, М. Я. Parasitos. Простые истины // Сов. Рос. 2010. 24 июля. С. 1–2.
- 198. Самохвалова, В. И. Культура как измерение фактора власти // Философия и о-во. 2010. № 1. С. 60.

- 199. Самсонов, А. Л. Разумно ли человечество? // Экология и жизнь. 2000. № 2. С. 10–13.
- 200. Симчера, В. Почему лауреаты нобелевской премии по экономике являются главными виновниками современного экономического кризиса // Эконом. стратегии. 2010. № 3 (77). С. 16.
- 201. Синельникова, К. Американский физик английского происхождения... // Зелен. мир. -2010. -№ 15–16. C. 23.
- 202. Славин, Б. Ф. Россия в поисках идеологии // Свобод. мысль. 2008. № 5 (1588). С. 32.
- Словарь по этике / под ред. А. А. Гусейнова, И. С. Кона. 6-е изд. М., 1989. С. 321–323.
- 204. Смирнов, Е. Паралич / Е. Смирнов, А. Мешков // Природа и человек. (Свет). 2006. № 5. C. 6—8.
- 205. Собственность в жизни россиян: домыслы и реальность : аналит. докл. М., 2005. $384\ c.$
- 206. Совесть: бесполезное свойство души? : круглый стол по проблемам нравственности и духовности (30–31 янв. 2009 г.). СПб., 2009.
- 207. Соловьев, В. С. Право и нравственность. Минск-Москва, 2001. 191 с.
- 208. Спенсер, Г. Научные основания нравственности. Данные науки о нравственности. М., 2008. С. 153.
- 209. Спенсер, Г. Основания этики // Сочинения. СПб., 1889. Т. V, ч. 1. 206 с.
- 210. Степин, В. С. Взаимодействие культур и поиск новых стратегий цивилизационного развития // Диалог культур и партнерство цивилизаций: IX Междунар. Лихачев. научн. чтения 14–15 мая 2009 г. СПб., 2009. С. 137.
- 211. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Раздел VI // Рос. газета. 2009. 19 мая. С. 16.
- 212. Супатаев, М. А. Свобода и справедливость в российском праве (цивилизационный аспект) // Государство и право. 2010. № 4. С. 9.
- 213. Cyxaнов, E. A. Гражданское право. 3-е изд. M., 2005. T. II. C. 22–24.
- 214. Суховольский, В. Г. Оптимизационные модели межпопуляционных взаимодействий / В. Г. Суховольский, Т. Р. Исхаков, О. В. Тарасова. – Новосибирск, 2008. – 161 с.
- 215. Тавокин, Е. П. «Антикризисное управление». Что это такое? // Вестн. РАН. 2010. Т. 80, № 2. С. 141–146.
- 216. Тамбовцев, В. Л. Собственность и эффективность // Обществ. науки и современность. -2002. -№ 4. C. 34–36.
- 217. Тарасов, А. Н. Россия: «второе издание капитализма» // Свобод. мысль. 2009. № 1 (1596). С. 36.
- 218. Таунсенд, А. Решение глобальной проблемы азота / А. Таунсенд, Р. Хауарт // В мире науки. 2010. № 4. С. 65.
- 219. Тернер, Дж. Структура социологической теории. М., 1985. С. 273–274.
- 220. Тихонов, В. Будущее человеческой цивилизации и России // Закономерности развития человеческого общества. М., 1996. С. 35.
- 221. Тишков, В. А. Забыть о нации. (Пост-националистическое понимание национализма) // Вопр. философии. 1998. № 9. С. 26.
- 222. Толба, М. К. Человек и окружающая среда: причины и следствия // Здоровье мира. 1978. Август. С. 3.
- 223. Толстых, В. И. О морали, совести в современном мире // Свобод. мысль. 2009. № 9 (1604). С. 101.

- 224. Трудовая этика как проблема отечественной культуры: современные аспекты: материалы «круглого стола» // Вопр. философии. 1992. № 1. С. 3–29.
- 225. Труды чтений, посвященных разработке научного наследия и развитию идей К. Э. Циолковского. М., 1978. С. 37.
- 226. Турчин, А. В. Проблема стабильного развития и перспективы глобальных катастроф // Обществ. науки и современность. 2010. № 1. С. 158–159.
- 227. Федорова, О. А. Экономические и экологические аспекты строительства Крапивинского гидроузла / О. А. Федорова, Т. В. Пискунова // Глобальные проблемы и устойчивое развитие : материалы XXXVII Междунар. науч. студ. конф. Новосибирск, 1999 С. 70–71.
- 228. Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 387.
- 229. Фоминский, Л. П. Сверхединичные теплогенераторы против Римского клуба. Черкассы, 2003. 424 с.
- 230. Фомичев, А. Н. О научных обоснованиях концепций экологического развития // Обществ. науки и современность. 2008. № 3. С. 148–150.
- 231. Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее. М., 2008. С. 308.
- 232. Хайруллин, В. И. Справедливость как комплексная ценность // Государство и право. 2010. № 3. С. 101.
- 233. Хайтун С.Д. Социум против человека. Законы социальной эволюции. М., 2006. С. 223.
- 234. Хайтун, С. Д. Социальная эволюция, энтропия и рынок // Обществ. науки и современность. 2000. № 6. С. 107–108.
- 235. Хайтун, С. Д. Социум против человека. Законы социальной эволюции. М., 2006. 333 с.
- 236. Хомякова, А. Н. Генезис и современное содержание учения о ноосфере // Актуальные проблемы современной науки. 2009. № 3. С. 62–71.
- 237. Хрусталев, Ю. М. О сопряжении биоэтики с экологией // Вестн. Рос. филос. о-ва. 2010. № 1 (53). С. 96.
- 238. Черненко, А. К. Методология познания права и государства. Новосибирск, 2005. 117 с.
- 239. Черненко, А. К. Теоретико-методологические проблемы формирования правовой системы общества. Новосибирск, 2004. С. 108.
- 240. Четвернин, В. А. Демократическое конституционное государство: введение в теорию. М., 1993. С. 24.
- 241. Чиркин, В. Е. Россия, Конституция, достойная жизнь: анализ взаимосвязей // Государство и право. 2006. № 5. С. 11.
- 242. Шапарев, Н. Я. Рациональное устойчивое природопользование // Вестн. РАН. 2009. № 12. С. 1093–1099.
- 243. Шаповалов, А. Тайна зеленого ВВП // Коммерсант-Власть : аналит. еженедельник. – 2010. – № 16 (870). – С. 46–48.
- 244. Шварцев, С. Л. С чего началась глобальная эволюция? //Вестн. РАН. 2010. № 3. С. 235–244.
- 245. Шевченко, А. А. Моральные и политические контексты справедливости. Новосибирск, 2007. 210 с.
- 246. Шипунов, Ф. Я. Биосферная этика // Экономическая альтернатива. М., 1990. С. 452.
- 247. Шишков, Ю. В. Многослойный глобальный кризис // Обществ. науки и современность. -2009. -№ 4. C. 139–147.
- 248. Шмальгаузен, И. И. Проблемы дарвинизма. М., 1946.

- 249. Шульце, П. Суверенная демократия: лозунг или ориентир для самобытного развития России? // Мир перемен. 2007. № 1. С. 76–91.
- 250. Шухов, Н. С. О духовной сущности русской философии собственности / Н. С. Шухов, В. Н. Щербаков // Собственность в XX столетии. – М., 2001. – С. 142.
- 251. Щукин, А. Город для инвесторов и автомобилей // Эксперт. 2010. 19– 25 апр. № 15 (701). С. 62–65.
- 252. Эйнгорн, Н. К. Культура: этическая, моральная, нравственная // Наука. Философия. Общество: V Рос. филос. конгр. Новосибирск, 2009. Т. II. С. 224.
- 253. Экология человека / Ю. П. Пивоваров, Н. В. Полунина, О. И. Янушанец, А. А. Аль Сабунчи. М., 2008. 744 с.
- 254. Энциклопедия новейших афоризмов. ХХ век. Минск, 1999. С. 361.
- 255. Яковлев, В. Ф. О взаимодействии публичного и частного права // Публичное и частное право: проблемы развития и взаимодействия, законодательного выражения и юридической техники : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 1999. С. 3.
- Янчилин, В. Л. Логика квантового мира и возникновение жизни на Земле. М., 2004. – С. 117–147.
- 257. Янчилин, В. Л. Неопределенность. Гравитация. Космос. М., 2003. С. 100–101
- 258. Ясперс, К. Истоки истории и ее цель // Смысл и назначение истории. М., 1991. – С. 162.
- Ясперс, К. Современная техника // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. – С. 119–146.
- 260. Baldocchi, D. «Breathing» of the terrestrial biosphere: lessons learned from a global network of carbon dioxide flux measurement system // Australian J. Botany. 2008. Vol. 56. P. 1–26.
- 261. Global consequences of land use / J. A. Foley, R. De Fries, G. P. Asner [et al.] // Science. 2005. –Vol. 309. P. 570–574.
- 262. Homans, G. Social behavior. Its elementary form. N. Y., 1961. 404 p.
- 263. Newman, P. A. Polar ozone: past and present / A. P. Newman, M. Rex // Scientific Assessment of Ozone Depletion: 2006. Geneva, 2007. Chap. 4. P. 4.1–4.48.
- 264. Roszak, T. Where the Wasteland Ends. N. Y., 1973. P. 158.
- 265. World Faces Massive Ecological Debt. Earth on Course for Eco «Crunch». 29.10.2008. [Electronic resource]. URL: http://enwl.bellona.ru/pipermail/enwl/2008-October/000389.html

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Марков Юрий Геннадиевич – доктор философских наук, профессор, действительный член Петровской академии наук и искусств, тел. (383) 330-89-26

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. HOMO SAPIENS ПРОТИВ ПРИРОДЫ	
1.1. Дисгармония экологических отношений: глобальные черты	8
1.2. Угрожающее состояние почвенных ресурсов	
1.3. Сумеем ли сохранить леса?	22
1.4. Истощение водных ресурсов	26
1.5. Деградация городской среды	30
Глава 2. ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ НРАВСТВЕННОСТИ	36
2.1. Развитие как вселенский процесс	
2.2. Факторы устойчивости экосистем	
2.3. Экология и нравственность	50
2.4. Необходимость экологической этики	
2.5. Нравственное загрязнение социальной среды	62
Глава 3. ЭТИКА И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ	
3.1. Этические ценности в обществе	
3.2. Опасности социальной инженерии	
3.3. Базовый характер нравственных отношений	92
Глава 4. КОЛЛИЗИЯ МАТЕРИАЛЬНЫХ И ЭТИЧЕСКИХ	
ЦЕННОСТЕЙ	
4.1. Приоритет материальных ценностей	
4.2. Агрессия разума	
4.3. Экономический рационализм	
4.4. Коллизия ценностных ориентаций в России	
Глава 5. ЭТИКА ПРАВА	
5.1. Мораль и право как социальные регуляторы	
5.2. Этико-правовые аспекты общественной безопасности	
5.3. Правовая защита человека и природы	176
Глава 6. ПЕРСПЕКТИВЫ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ	
(ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ) ЦИВИЛИЗАЦИИ	
6.1. Безнравственный разум как угроза природе	187
6.2. Ноосферная цивилизация и этика	
6.3. На пути к новому обществу	210
6.4. Новая философия хозяйства	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	
ЛИТЕРАТУРА	
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ	254

Марков Юрий Геннадиевич

ЭКОЛОГИЯ И ЭТИКА: ОРИЕНТИРЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПЕРЕМЕН

Аналитический обзор

Компьютерная верстка выполнена Л. Б. Шевченко

Лицензия ИД № 04108 от 27.02.01

Подписано в печать 20.05.2011. Формат 60x84/16. Бумага писчая. Гарнитура Times. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,3. Уч.-изд. л. 18,3. Тираж 130 экз. Заказ № 168.

ГПНТБ СО РАН. Новосибирск, ул. Восход, 15, комн. 407, ЛИСА. Полиграфический участок ГПНТБ СО РАН. 630200, Новосибирск, ул. Восход, 15.